

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

Scan Kreyder - 23.10.2017 - STERLITAMAK

Γ.ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том десятый

Следопыт

Перст Божий

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

**ББК 84.4 Фр
Э 54**

**Составитель М. Секей
Художник Е. Сапожкова
Оформление И. Галкиной**

**Редактирование текста и подготовка оригинал-макета
осуществлены МП ТОО «Астра».**

Э $\frac{4703010100-110}{А30(03)-93}$ Подписное

ISBN 5-85255-350-6 (т. 10)

ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

Следопыт

ГЛАВА I

*В которой автор доказывает, что случай —
это проявление промысла Божьего*

Полуостров Южная Калифорния простирается от залива Тодос-Сантос до мыса Сан-Лукас, занимающая в ширину пространство местами в пятьдесят, местами в сто тридцать километров. Довольно высокая, изобилующая вулканами Кордильера делит этот полуостров по длине на две равные части. С юго-восточной стороны его омывает Тихий океан, а с западной — Калифорнийский залив.

Хотя местами здесь и наблюдается самая роскошная растительность, но в общем эта страна скорее бесплодная, бедная и малонаселенная. В то время, когда начинается наш рассказ, она была еще мало известна и не имела никаких торговых сношений ни с одной из соседних стран. Население ее, за очень небольшим исключением, состояло из бродячих, то есть кочевых племен индейцев, совершенно независимых от мексиканского правительства, не признававших ни мексиканских законов, ни мексиканских нравов и обычаев.

В эпоху своего владычества испанцы имели большие виды на эту прекрасную страну: они основали здесь несколько городов весьма значительных, мало того, ко времени начала войны за независимость, испанцы успели провести прекрасную широкую дорогу через весь Калифорнийский полуостров, предполагая соединить ее впоследствии с Верхней Калифорнией и Новой Мексикой.

Девятнадцатого июня 1833 года, перед закатом солнца, то есть часов около шести вечера, из-за поворота той самой

большой дороги, о которой мы упомянули выше, выехал всадник. Он только что спустился с крутых и далеко не безопасных гор Кордильер, немного повыше Ностра-Сеньора-де-Гваделупа, и, по-видимому, направлялся в Санто-Диего-дель-Рио, первый, то есть ближайший, большой город Верхней Калифорнии, лежащий по ту сторону залива Тодос-Сантос.

Дорога на всем протяжении, насколько мог видеть глаз, была совершенно бесплодна. Как видно, путник проскакал уже порядочно: богатая одежда его была так густо покрыта тонкой, белой пылью, что становилось трудно распознать настоящий ее цвет. Конь его — великолепнейший степной мустанг, выносливое, сильное животное на тонких, точно выточенных, ногах, с красивой нервной головой и умными глазами, казался измученным, он как-то неохотно переступал, часто приостанавливаясь, несмотря на ободрения и ласковые понукания своего господина. Господин этот был красивый молодой человек лет двадцати семи, не более, стройный, статный, с европейским типом лица, без малейших признаков примеси другой крови. Тонкие, правильные черты, большие умные глаза, красивый, немного надменный, но отнюдь не злой рот и открытый взгляд дышали прямотушием и недюжинной энергией. Ростом выше среднего, он был сложен удивительно пропорционально и обладал необычайной гибкостью и грацией; его движения были мягки и плавны, и все в нем было как-то особенно изящно. Но, несмотря на его, быть может, немного женственную мягкость манер, с первого взгляда становилось ясно, что под этим изяществом и аристократической небрежностью таится сила, необычайная ловкость и проворство. Густые пряди черных с синеватым отливом вьющихся колец волос красиво обрамляли матово-бледное лицо; крутой волной ложились на плечи из-под широкополой поярковой шляпы. Изящно подкрученные усы, не скрывающие даже верхней губы, придавали ему какую-то своеобразную привлекательность, невольно останавливающую на нем внимание каждого, кто его видел.

Несмотря на явное утомление, молодой человек держался прямо и твердо в седле, и смелый открытый взгляд его беззаботно блуждал по сторонам. Доехав до того места, где против поворота на узенькую лесную тропинку возвышался у самой дороги на высоком каменном пьедестале крест, мо-

лодой человек с минуту призадумался, затем смело свернул в сторону с большой дороги и поехал по тропинке, бежавшей между апельсинными, лимонными и кокосовыми деревьями. Спускаясь по едва приметному скату, этот лесок принимал с каждым шагом характер дремучего девственного леса. Путник начинал ощущать некоторое беспокойство, тем более что вот уже несколько времени, как до его слуха стал доноситься какой-то странный шум, заметно усиливавшийся по мере того, как он подвигался вперед.

Вдруг лес широко расступился на обе стороны, и то, что представилось удивленным глазам молодого путника, невольно вызвало у него крик восторга и удивления. Разом осадив коня, он невольно залюбовался открывшимся перед ним дивным видом.

Он очутился на половине ската довольно высокой горы, отлого спускавшейся к песчаному побережью, за которым широко раскинулось во все стороны необъятное синее море. Яркий, искрящийся на солнце золотистый песок простирался на сотни метров, широкой каймой обрамляя с трех сторон беспокойное, волнующееся море. Беспорядочные косматые волны, увенчанные, точно сединой, серебристо-белой пеной, с шумом и ревом разбивались о прибрежные скалы или же с глухим ропотом набегали на берег и журча рассыпались мелкими струйками и брызгами по плоским камушкам отмели.

Глубоко врезавшееся в сушу море образовало здесь естественную гавань, доступ в которую был, однако, весьма затруднителен. При самом входе в залив лежал небольшой поросший лесом островок, оставляющий по обе стороны по весьма узкому проливу, где могли проходить суда лишь с очень незначительной вместимостью — не более трехсот тонн. По обе стороны бухты, точно вырастая из моря, торчали на самом краю берега громадные, темные скалы, точно сторожевые великаны, преграждающие путь неугомонным волнам. На берегу толпилось множество народа — мужчин, женщин и детей; все спешили с громкими криками, целым градом ругательств и бранных слов, пущенных на ветер, укрыть в надежное место свои лодки и челны — единственное достояние этого бедного люда. Там, в уголку, на берегу залива приютились, прячась от любопытных взглядов за громадными скалами побережья и последними группами развесистых деревьев леса, из которого только что выехал

молодой путник, раскинувшиеся в живописном беспорядке жалкие хижинки рыбацкого селения. Сейчас все эти хижинки были пусты, потому что обитатели их, от мала до велика, хлопотали на берегу около своих лодок и челнов.

Весь этот пейзаж, залитый последними лучами заходящего солнца, был поистине художествен, полон жизни и красок, — и молодой человек невольно залюбовался им. Несмотря на усталость, на крупный дождь и резкий ветер, хлеставший ему в лицо, он, вероятно, долго простоял бы так, предавшись созерцанию, если бы его не вывел из задумчивости быстрый галоп лошади, чуть не наскочившей на круп его коня. Он оглянулся, но здесь на опушке леса было уже темно и различить что-либо было очень трудно.

— Кто здесь? — окликнул он.

— Господи, Боже мой! Это вы, дон Торрибио? — весело отозвался чей-то голос.

— А-а, Пепе Ортис! — проговорил молодой человек. — Поздно же ты приехал!

— Лучше поздно, чем никогда, брат! Поверите ли, с той самой минуты, как мы расстались, я не останавливался ни на минуту!

— Убил ли ты хоть одного из этих ягуаров?

— Полно! Они ведь не так просты, чтобы поддаться сразу! Но это не беда! Я шел все время по их следу, с самого полудня, и теперь знаю, где их найти. На этот раз уж больно ловки будут они, если уйдут из моих рук!

— Хм! — усмехнулся дон Торрибио. — Вот уже трое суток, как они водят нас за нос!

— Ну, это вина ваша, брат!

— Моя?

— А как же! Вы вздумали и путешествовать, и охотиться в одно и то же время! А это возможно?

— Но сами ягуары внушили мне эту мысль: они следовали все время как раз по тому направлению.

— Оно как будто и так, а стоит только им довериться, так они, пожалуй, приведут нас в Орегон.

— Ну, в таком случае, желаю им приятного пути: уж я, конечно, не последую туда за ними.

— О, мы еще увидим их! Ведь эти ягуары всегда любили возвращаться на те места, где были раньше!

— Прекрасно, но что мы будем делать теперь? Погода портится, все предвещает бурю, — и оставаться здесь нет никакой возможности!

— Здесь не более мили до форта Сан-Мигель! Стоит только подняться опять в гору и ехать по большой дороге, с которой мы свернули сюда.

— Наши кони сильно утомлены; ведь эти черти, ягуары, трое суток гоняют их!

— Да, это правда! В таком случае спустимся вниз: там, на берегу, на расстоянии нескольких ружейных выстрелов, должна быть рыбацкая деревенька.

— Знаю, я ее видел за несколько минут до заката солнца, когда ночь не успела еще окутать весь берег. Но я теперь не помню, в каком именно направлении находится это пуэбло¹.

— Я тоже ничего не знаю об этом, — сказал Пепе Ортис, — а потому самое разумное будет, если мы вернемся в чащу леса и там построим хакаль².

— Хм! Эта мысль мне совсем не нравится! — с усмешкой сказал дон Торрибио.

— Эх, черт возьми, брат! Ведь уж в лесу, конечно, не то, что дома на печи! Но однако ночь не целый век; и не увидишь, как пройдет!

— Что делать! — сказал молодой человек, по-видимому, весьма недовольный перспективой провести ночь в лесу в такую непогоду. — Проклятые ягуары! — пробормотал он и уже повернул коня, когда к ним неожиданно подскочил третий всадник.

Остановившись подле них, он взгляделся в их лица при свете своей сигары, затем почтительно раскланялся с доном Торрибио и сказал:

— Сеньор, *мі ато*³, зачем вам трудиться строить хакаль, который не в состоянии укрыть вас от непогоды, когда всего в нескольких шагах отсюда есть пуэбло, где в каждой хижине, начиная с моей, вы найдете и теплый ужин, и надежный кров?! Смотрите, с этой погодой шутить нельзя! Верьте слову Педро Гутьерреса, — так зовут меня, — это не простая буря, а настоящий ураган; уж я не ошибусь, не бойтесь!

¹ Пуэбло — деревня.

² Хакаль — хижина, крытая пальмовыми листьями.

³ Мой господин (исп.).

— Я нимало не сомневаюсь в том, что вы правы, сеньор Педро Гутьеррес! — отвечал дон Торрибио. — Но до пуэбло еще далеко, а наши кони совсем устали!

— Далеко?! — воскликнул с удивлением вновь прибывший. — Да здесь не больше десяти минут езды!

— Неужели?! Разве это так близко?

— Да, и если вашей милости будет угодно, я провожу вас туда!

— К черту этот хакаль, вперед!

Гутьеррес не обманул; действительно, менее десяти минут спустя наши путники въезжали в селение и как раз вовремя успели укрыться от непогоды в хижине гостеприимного человека, которого послала им судьба.

Немногочисленное население этой забытой и заброшенной деревеньки занималось исключительно рыболовством, или, если сказать правду, то главным образом контрабандой. Это столь незаметное и жалкое местечко вело таким путем торговлю с Францией, Англией и Соединенными штатами на громадные суммы. Все обороты производились здесь через посредство береговых судов вместимостью от ста до двухсот тонн. Только такие суда могут без особого риска подходить к этому берегу, далеко небезопасному вследствие многочисленных мелей, рифов и сыпучих песков, преграждающих путь судам и гонимых различными течениями то в ту, то в другую сторону. Случалось, что иногда и бриги с немалым риском приставали к этому берегу, но чаще их против воли прибывало сюда ветрами или сильным морским течением.

Семья Педро Гутьерреса радушно приняла дона Торрибио и его спутника. Обсушившись и поужинав отварной рыбой и тортильями — лепешками из маиса, — и запив все это пульке и мескалем¹, молодой человек плотно завернулся в свой сарапе² и, протянув ноги к огню, заснул крепким сном, убаюканный воем и свистом ветра, свирепствовавшего с неистовой силой на дворе и потрясавшего до основания убогую хижину Гутьерреса.

¹ Пульке — слабоалкогольный напиток из сока агавы. Мескаль — крепкий алкогольный напиток, вырабатываемый из сока агавы.

² Сарапе — шерстяной плащ ярких цветов, мексиканская национальная одежда.

С восходом солнца он был внезапно пробужден ужасными криками, раздававшимися как будто над самым его ухом. Проворно вскочив на ноги, он огляделся; но в хижине, кроме него, не было никого; тогда он торопливо вышел за порог и очутился на обширной площади взморья.

Взорам его представилось прекрасное, величественное и вместе душераздирающее зрелище. Небо было сплошь цвета индиго, ослепительно яркое солнце разливало кругом свои лучи, и в то же время страшнейший ураган вырывал с корнем деревья и мчал их с такой быстротой, как будто это были жалкие соломинки; по пути он вздымал целые тучи песка и мелких камешков и крутил их в воздухе с каким-то злоеющим свистом.

Жители деревеньки то с громкими воплями метались по берегу, то, распростершись на земле, рыдали и молили Бога смилостивиться. Обезумевший от страха скот в загонах так же тревожно метался из стороны в сторону, из угла в угол, отыскивая выход и издавая жалобные крики.

Море представляло собой страшную картину хаоса: взбаламученная стихия, точно голодный зверь, разверзала свою пасть, готовая ежеминутно поглотить все, что попадет. Громадные волны, увенчанные сверкающей белой пеной, с ревом набегали на берег и с глухим раскатом, подобным отдаленному грому, разбивались о прибрежные скалы или дробились на песке, увлекая за собой, кружа, как песчинку, и менее чем в минуту превращая в мелкие щепки злополучную лодку или челн, оставленную на берегу.

А там, всего на расстоянии выстрела от берега, погибал большой, прекрасный бриг, выброшенный на скалу, носившую название *Монах*. Несчастное судно засело в расщелине, и волны беспощадно раскачивали его из стороны в сторону, грозя ему ежеминутной гибелью. Были минуты, когда громадный вал приподымал судно на невероятную высоту и затем с треском бросало ту же грозную скалу, между тем как налетевшая вслед волна на мгновение совершенно поглощала его, а затем, перескочив через палубу, продолжала катиться дальше, все с той же неугомонною поспешностью и злобой.

С берега можно было ясно различать фигуры мужчин, женщин и детей, с отчаянием простиравших руки, моля о помощи, которую никакая человеческая сила не могла оказать им. По временам крики и вопли этих несчастных доносились

вместе со свистом ветра и наполняли души молящихся скорбью и бесплодным сожалением.

У хижины, из которой только что вышел дон Торрибио, собралось человек пятнадцать рыбаков. Все это были старые, опытные моряки, бывшие матросы, лоцманы, отважные контрабандисты, исколесившие все океаны, жизнь которых прошла в постоянной борьбе с бурной стихией. Они угрюмо и печально следили за гибелью судна, твершавшейся на их глазах. Отдельные части брига одна за другой отрывались свирепыми ударами разбушевавшихся волн и уносились в даль или тотчас же превращались в щепки; с минуты на минуту надо было ожидать, что и самое судно, разбитое и совершенно беспомощное, пойдет ко дну и будет поглощено алчной бездной, раскрывшей под ним свою ненасытную пасть и с ревом призывавшей свою жертву. По мере того, как солнце подымалось выше, ветер стихал; буря, достигшая своего крайнего предела, по-видимому, собиралась мало-помалу стихнуть; но тем не менее ураган все еще продолжал свирепствовать, и на море волнение было страшное.

Дон Торрибио подошел к группе рыбаков и, обращаясь к Педро Гутьерресу, сказал:

— Что же?

— Да что?! Вы сами видите, ваша милость! — ответил он, указывая на бриг, который беспощадно било и заливало волнами.

— Да, я вижу, что человек двадцать наших братьев погибают у нас на глазах. Там есть и женщины, и дети! Неужели мы ничего не сделаем для их спасения, не шевельнем и пальцем, чтобы избавить их от страшной смерти?

Рыбаки посмотрели на молодого человека с самым простосердечным выражением не то удивления, не то недоумения.

— Посмотрите только, что делается на море, ваша милость! — сказал старший из группы. — Вы видите, они должны погибнуть, для них спасения нет: не пройдет часа, как от этого брига не останется ни одной доски!

— За час можно многое сделать! — горячо возразил дон Торрибио. — Отчего не попытаться спасти этих несчастных?

— Но это значило бы искушать Господа Бога! — убежденно ответил старый рыбак.

— Нет! — воскликнул молодой человек. — Нет, сеньоры, Господь, Который есть высшее милосердие и благодать, радуется, когда видит, что люди жертвуют собой для других!

Пытаясь спасти этих несчастных, мы будем бороться против злого духа, вызвавшего эту ужаснейшую бурю, — и Бог поможет нам в добром деле!

— Прекрасно сказано! Это — слово истинного христианина! — сказал священник деревеньки, незаметно приблизившись к группе. — Слова Писания гласят: «Кто сам трудится, тому и Бог помогает!» Но, — увы! — добавил он, вздыхая, — море действительно ужасно бурное!

— Потому-то эта попытка и может быть названа добрым делом, самоотверженным поступком, иначе это было бы дело обыкновенное! — воскликнул с большим воодушевлением молодой человек.

— Аминь! — вымолвил священник, осеняя себя крестом.

Это был совсем еще молодой человек из хорошей, богатой семьи, каких, к сожалению, очень мало в мексиканском духовенстве; он принял сан священника по призванию и мог бы без труда получить один из богатейших приходов, но, из смирения и любви к ближним, сам избрал это забытое селение, в глухом углу, вдали от людных, шумных центров.

Пожав руку священнику, дон Торрибио заглянул под навес, где была убрана прекраснейшая китобойная шлюпка со всеми необходимыми принадлежностями промысла, и, обращаясь к рыбакам, спросил:

— Чья эта лодка?

— Моя, ваша милость! — отозвался Педро Гутьеррес. — Как видите, она совершенна готова и может быть спущена на воду в любой момент! Вот если бы только погода была более благоприятная...

— Благоприятная или неблагоприятная — все равно, эта шлюпка сейчас выйдет в море! — решительно и громко проговорил молодой человек. — Вытащите ее из-под навеса, я даю вам за нее пятьсот пиастров.

С этими словами он достал из кармана брюк длинный вязанный кошелек с червонцами.

— Пятьсот пиастров! — с недоумением воскликнул Гутьеррес. — Она не стоит и половины этих денег!

— Мне дела нет до того, сколько она стоит! Я предлагаю эту цену; надо только, не тратя даром времени, вытащить ее на берег и спустить на воду!

— Я — человек семейный и бедный! Как же могу отказаться от такой суммы, раз вы сами добровольно предлагаете мне?! И, хотя я боюсь греха...

— Греха тут нет! — прервал его дон Торрибио. — Скорее готовьте шлюпку, я хочу испробовать ее сейчас же.

— Не делайте этого, ваша милость! Видите сами, что там делается! Зачем идти на верную смерть, когда от этого никому пользы не будет?!

— Я убежден в противном! — горячо возразил дон Торрибио, вручая Педро Гутьерресу тридцать три золотых унции. — Я убежден, что Бог, внушивший мне мысль сделать что можно для спасения этих несчастных, не даст мне погибнуть. Ну, торопитесь же, друзья, я попытаюсь достигнуть судна, хотя бы мне пришлось отправиться одному!

— Нас будет двое, ваша милость, — сказал Пепе Ортис, — неужели вы думали, что я вас отпускаю одного?!

— Если позволите, сеньор, я также отправлюсь с вами, — произнес молодой священник.

Тут вдруг произошло нечто совсем невероятное: рыбаки, так упорно отказывавшиеся сопровождать отважного молодого человека и считавшие непозволительным безумием эту попытку, теперь наперебой спешили изъявить желание ехать с ним, лишь бы только не допустить возлюбленного пастыря подвергать опасности свою жизнь.

— Хорошо, друзья мои! — говорил со слезами на глазах растроганный священник. — Но ведь все вы отцы, мужья, у каждого из вас есть семья, а я — человек совершенно одинокий и никому не нужный! Отпустите же вы меня туда, куда призывает мой долг!

— Нет, нет, падре! — восставали все в один голос. — Не ездите с ними, мы не допустим этого! Что будет с нами, если мы вдруг лишимся вас?! Кто станет учить и наставлять наших ребят, ухаживать за нашими больными, лечить их, кто будет утешать наших жен и вдов? Нет, падре, лучше пусть гибнет кто-нибудь из нас, только не вы!

Между тем старый рыбак, Педро Гутьеррес и несколько других проворно готовили шлюпку; так как все было в полном порядке, то задержки не было ни в чем.

— Сеньор падре, вы нам необходимы здесь, чтобы организовать надлежащим образом дело спасения! — сказал дон Торрибио. — Мы попытаемся установить непрерывное сообщение между гибнущим судном и деревней. Оставшись на берегу, вы сумеете поддержать здесь порядок.

— Хорошо! — согласился священник. — Я останусь здесь и постараюсь делать все, что могу.

— Благодарю, я очень рассчитываю на ваше содействие, сеньор падре, — сказал дон Торрибио, пожимая его руку.

Затем молодой человек вскочил вслед за Пепе Ортисом, Гутьерресом, Тио Перрико (так звали старого моряка) и двумя другими рыбаками в шлюпку, ожидавшую первого большого вала, который поднял бы ее и вынес в открытое море.

Ожидать пришлось недолго: набежавшая сбоку громадная волна, ударившись о камни шагах в десяти позади шлюпки, подхватила ее и со стремительной быстротой помчала в море.

— Господи благослови! — воскликнул дон Торрибио.

— Да хранит вас Бог, чада мои! — сказал священник, стоя на самом краю берега и рискуя ежеминутно быть унесенным волной. — Да хранит вас Бог, — повторил он и, набожно сложив руки и возведя глаза к небу, произнес громким звучным голосом: — Боже! Спаси и сохрани их!

То были последние слова, донесшиеся до слуха отважных мореходов.

Несколько мгновений шлюпка металась в ужасном хаосе, которому нет ни имени, ни названия: гигантские волны, как разъяренные звери, с диким ревом вздымались со всех сторон, мчались навстречу и обступали злополучную шлюпку, грозя ежеминутно залить и поглотить ее или разбить в щепки.

Кругом не было видно ничего, кроме грозного бушующего моря, злобно и упорно трудившегося над погибелью этой горсти отважных смельчаков. Дон Торрибио с большим трудом управлялся с рулевым веслом, стараясь направлять лодку таким образом, чтобы она лишь вскользь касалась волн, которые, нагоняя друг друга, высоко громоздились стеной и беспрерывно преграждали ей путь. Но экипаж маленькой шлюпки был опытный, смелый и отважный: все эти люди издавна привыкли к трудной борьбе с разъяренной стихией, и потому ничто не утешало и не смущало их. Садясь в шлюпку, все они заранее просто и наивно жертвовали собой и были готовы расстаться жизнью во всякий данный момент без ропота и малодушных сожалений. После тяжелой, многочасовой борьбы со злобной стихией, шлюпка наконец, выбилась из водоворота ревущих волн прибоя и очутилась достаточно далеко от берега, где была в сравнительной безопасности. У каждого из рыбаков вырвался вздох облегче-

ния; шлюпка приблизилась к гибнущему судну. По расчету дон Торрибио, они должны были не позже, как через каких-нибудь полчаса, быть достаточно близко к бригу, чтобы вступить в переговоры с экипажем, хотя подойти к нему вплотную из-за бесчисленных рифов и подводных камней, между которыми он засел, не было никакой возможности.

С брига также заметили шлюпку: призывные крики и мольбы о помощи стали раздаваться с удвоенной силой. Ветер продолжал слабеть; буря стихала, но море все еще сильно волновалось, и, по-видимому, должно было пройти еще немало времени, прежде чем страшные волны улягутся, и стихия успокоится... Дон Торрибио и все рыбаки прекрасно понимали это, но делать было нечего.

— Эй! Китобойная шлюпка! — раздался с брига оклик на французском языке.

— *Hola!*¹ — отозвался со шлюпки дон Торрибио на том же языке. — Какое это судно?

— «Лафайет» из Бордо, капитан Пеллегрин, идет теперь от северо-западных берегов. Вы не можете подойти к нам: мы засели на риф!

— Я знаю, — отвечал дон Торрибио, — но мы можем установить сообщение.

— Имеете вы при себе канат?

— Да, и конец его укреплен на берегу!

— Я прикажу выкинуть вам буйки!

— Нет, погодите, лучше я попытаюсь достигнуть судна вплавь!

— Не делайте этого! В такой шторм это невыносимо!

— С Божьей помощью все возможно! — ответил молодой человек.

Вдруг он почувствовал, что шлюпка получила легкий толчок; он обернулся и увидел, что один из его людей кинулся в море и поплыл по направлению к судну. Это был Пепе Ортис. Пока дон Торрибио переговаривался с командиром брига, этот славный парень проворно разделся и, обмотав вокруг себя конец каната, кинулся в море, желая избавиться

¹ Эй! (исп.)

своего господина от необходимости подвергать свою жизнь опасности.

Дон Торрибио горестно вскрикнул, но тотчас же овладел собой, произнес спокойным, решительным тоном:

— Вдвоем-то нам, конечно, удастся добраться до брига! — И, не теряя ни минуты, он передал рулевое весло Тيو Перрико, который принял его без слова и, сбросив с себя в один момент лишнее платье, в свою очередь кинулся в море.

Едва только молодой человек очутился среди волн, как понял, насколько необходимо было ему кинуться вслед за верным слугой. Жертвуя собой ради своего господина, Пепе Ортис, конечно, спас ему этим жизнь, так как в одиночку дон Торрибио, при всей своей силе и замечательном искусстве плавать, не мог бы доплыть до брига.

Канат, обмотанный вокруг тела великодушного Пепе Ортиса, до того стеснял его движения, что он с большим трудом продвигался вперед. В тот момент, когда молодой господин поравнялся с ним, он уже едва переводил дух: намокший канат стал до того тяжел, что камнем тянул его ко дну.

— Ухватись руками за мои плечи и повисни на мне, пусть только одна голова у тебя остается над водой, отдохни! — крикнул дон Торрибио. Но добрый парень не соглашался.

— Ну хорошо же, — сказал дон Торрибио, — если так, то умрем вместе, и ты будешь виновником моей смерти!

Тогда напуганный Пепе Ортис повиновался. Дон Торрибио плыл в продолжении нескольких минут с Пепе Ортисом за спиной; когда силы Пепе вернулись, он снова принялся плыть, а дон Торрибио помогал тащить канат, который они мало-помалу разматывали и спускали на шлюпку.

Так продолжалось около получаса, показавшегося целой вечностью для измученных пловцов, изнемогавших под тяжестью каната. Наконец они подплыли к самому бригу.

— Эй! — крикнул капитан.

— Hola! — отозвался дон Торрибио.

— Вот причал!

— Погодите! — отвечал молодой человек и, обратившись к Пепе Ортису, спросил: — Можешь ты всего пять минут продержаться один этот канат?

— Да, но только поторапливайтесь, брат!

Действительно, несмотря на всю свою силу, он едва мог держаться на воде. Господин его не терял ни минуты.

— Давайте! — крикнул он. — Нас двое, и мы тащим канат!

— Знаем! — ответил командир. — Принимайте!

С этими словами он сам бросил им причал так ловко, что дон Торрибио поймал его почти на лету. На конце причала было двойное сиденье.

Молодой человек поспешил посадить Пепе Ортиса, который положительно изнемогал; промешкай он еще одну минуту, бедный парень пошел бы ко дну. Он не желал сесть первым, но дон Торрибио не слушал его возражений. Лишь только ему удалось надежно привязать Пепе Ортиса к одному сиденью, а на другом уместиться самому, как Бог помог, он весело крикнул: «Ташите!»

Минуту спустя отважные пловцы были уже на бриге.

Первой заботой капитана после того, как он горячо обнял и расцеловал вновь прибывших, было освободить бедного Пепе Ортиса от страшной тяжести обмотанного вокруг его тела каната и затем налить каждому пловцу по большой чарке старой французской водки, которую выпили залпом.

Это давно испытанное средство сразу вернуло им силы и совершенно оживило и подбодрило их.

Пассажиры и пассажирки, дети и матросы толпились около своих спасителей, призывая на них благословение неба, что немало удивляло обоих мексиканцев, которые считали свое поведение весьма естественным.

— Вы лоцман? — осведомился командир.

— Да, — не задумываясь отвечал дон Торрибио, — каково ваше положение в данную минуту? — спросил он в свою очередь.

— Как видите, положение наше отчаянное, но корпус остался невредим! Если бы мне удалось выбраться отсюда и хотя бы сесть на мель, то судно бы, без сомнения, погибло, но мне удалось бы спасти не только всех людей, но и мой груз, который представляет собой большую ценность.

— Как вы засели? Каким местом?

— Только кормовой частью, на последнем рифе; надежный причал, прочно укрепленный на берегу, пожалуй, мог бы спасти меня.

— Отлично! Мы стащим вас отсюда! — сказал молодой человек. — Представьте только все дело мне.

— Сделайте одолжение, я буду очень рад, приказывайте; с этой минуты вы один полновластный хозяин здесь.

— Так решено! Слушайте же меня внимательно: этот канат, который я привез вам, идет не из шлюпки, он укреплен на берегу.

— В самом деле?! — радостно воскликнул командир брига.

— К чему мне лгать?!

— Действительно! Простите ради Бога!

— Вы должны укрепить за канат надежный кабельтов и постепенно спустить его в море! Поняли вы меня?

— Понял ли я? Конечно! Вот вы увидите. — И капитан тотчас же принялся за работу вместе с матросами.

С берега следили за каждым движением на бриге: как только дон Торрибио подал сигнал, там стали тянуть канат; менее чем через час к немалой радости всех присутствующих канат натянулся, как струна. Между тем командир брига распорядился облегчить кормовую часть судна от груза и снести его на нос; благодаря этому, а также с помощью прибора, бриг стал приподниматься; тогда весь экипаж бросился поворачивать брашпиль, и вот почувствовалось едва заметное движение вперед. Бриг подался и вслед за тем плавно пошел, слегка покачиваясь на волнах, оставив за собой страшные рифы.

Однако на все эти сложные маневры потребовалось немало времени; прошло уже более семи часов с того момента, как смельчаки расстались с берегом. За то время буря заметно стала стихать, ветер, дувший с моря, не внушал уже серьезных опасений; даже волнение на море немного улеглось. Тио Перрико со своими товарищами подошел к бригу, и все четверо рыбаков взошли на судно.

— Ну, теперь следует позаботиться о том, чтобы спасти не только людей и груз, но также и самый бриг! — сказал дон Торрибио командиру.

— Хм! — печально отозвался он. — Это, к несчастью, невозможно.

— Нет, если корпус не поврежден и притом прочен, то это вовсе не так трудно!

— Как я уже говорил вам, корпус несколько не пострадал!

— Прекрасно! В таком случае, ставьте четырехугольные паруса и пользуйтесь благоприятным для вас ветром! Ваша большая шлюпка и моя пирога будут буксировать вас; я берусь довести вас до хорошего якорного места.

— Если вы это сделаете, — со слезами на глазах воскликнул капитан, — вы спасете мне честь!

— В таком случае, ваша честь в надежных руках, за это я вам ручаюсь, только не мешкайте и делайте, что я вам говорю!

— Сейчас, сейчас! — воскликнул капитан, пожимая руки дона Торрибио.

Он в точности исполнил все данные ему молодым мексиканцем наставления, и часа за два до заката спасенное от верной гибели судно плавно покачивалось на двух якорях в прекрасно защищенной бухточке.

В тот же вечер пассажиры брига сошли на берег и поместились в церковном доме, где гостеприимный молодой священник предложил им временный приют.

Когда бриг очутился в полной безопасности, командир прежде всего пожелал отблагодарить и вознаградить человека, оказавшего ему такую громадную услугу, но дон Торрибио не захотел принять вознаграждения и удовольствовался одной словесной благодарностью, что весьма огорчило капитана. Однако сам дон Торрибио попытался расправиться с Гутьерресом и рыбаками, которые участвовали в экспедиции.

— Возьмите, ваша милость, эти деньги, — сказал рыбак, возвращая дону Торрибио полученные им за шлюпку тридцать три унции, — моя пирога нисколько не пострадала; следовательно, я никакого убытка не потерпел. Вам она теперь больше не нужна, так пусть же она опять останется за мной, как если бы и не переставала принадлежать мне. Что же касается наших трудов, за которые вы хотите заплатить нам, ваша милость, то ни я, ни мои товарищи денег за это не возьмем, — за деньги в такую адскую погоду никто из нас не поехал бы с вами! Бог нас помиловал, и мы уже достаточно вознаграждены тем, что видим вас живым и здоровым!

Дон Торрибио был очень тронут словами рыбака и попытался было настаивать, но это ему не удалось.

Покончив наконец с этим вопросом, молодой человек отправился в церковный дом, как обещал священнику.

Повинуясь какому-то необъяснимому побуждению, дон Торрибио решил пробыть в этом публо несколько дней. Зачем и для чего — он сам не мог сказать. Эта мысль явилась у него внезапно, при виде пассажиров брига, отправлявшихся в церковный дом, еще взволнованными и едва оправившимися после всех ужасов грозившей им опасности. Судя по

всему, это были люди богатые и, надо полагать, принадлежавшие к высшему кругу мексиканского общества.

Из скромности ли, из ложного ли стыда, или по какой либо другой причине, дон Торрибио желал до поры до времени сохранить свое инкогнито перед этими людьми. В виду этого он просил священника представить его своим гостям в качестве капитана мелкого судна или старшины лоцманов, не более того. Священник охотно согласился на это, тем более, что сам ничего не знал о личности и общественном положении молодого человека; он только мог предполагать, что дон Торрибио, вероятно, богат, так как готов был сыпать деньгами направо и налево, нисколько не задумываясь.

Что же касается гостей священника, то следует прежде всего сказать, что все семеро принадлежали к одной семье. Из них четверо — господа и трое — слуги. Начнем описывать их по порядку. Глава семьи, человек лет пятидесяти, чрезвычайно изящной наружности, высокого роста, статный и красиво сложенный, мог бы назваться красавцем в строгом смысле этого слова, если бы не его глаза, обладавшие, как глаза хищника, способностью то суживаться, то расширяться, и отсвечивавшие при том каким-то странным фосфорическим блеском. Острый, пронизывающий взгляд его, ни на чем не останавливавшийся, тревожный, бегающий, скользил по лицам и предметам — неуловимый и загадочный, блестящий из-под полуопущенных век, он производил какое-то жуткое, неприятное впечатление.

Жена этого господина была значительно моложе его годами, — ей можно было дать не более двадцати пяти лет. Это была поразительная красавица, казавшаяся еще более привлекательной из-за матовой бледности и грустного, не то задумчивого, не то покорно кроткого выражения прелестного лица.

Молодая девушка лет семнадцати — очевидно, дочь старика от первого брака. Ее наружность едва ли могла бы поддаться описанию, если бы свыше вдохновленный Рафаэль не создал божественные образы своих несравненных Мадонн и тем самым не познакомил нас с этой необычайной, высокой красотой.

Младшим отпрыском этой семьи являлся прелестный мальчуган лет девяти, бойкий черноглазый ребенок, с целой шапкой густых, темных кудрей, прекрасно обрамлявших

детски шаловливое личико этого маленького херувима, — любимца и баловня отца.

Из слуг достоин некоторого внимания мажордом, самбо¹ лет пятидесяти с лишним, ужасно долговязый и худой, как щепка, с резкими, неправильными чертами и мрачной угрюмой физиономией.

Глава семьи заставлял называть себя просто доном Мануэлем, жену его звали доньей Франсиской, дочь — доньей Сантой, и это имя как нельзя более шло к ней; мальчика звали Хуаном, но чаще называли уменьшительным именем Хуанито.

Угрюмый самбо отзывался на странную кличку или, вернее, прозвище Наранха, то есть апельсин, которым он, вероятно, был обязан зеленовато-желтому цвету своей кожи.

И вот, вместо того, чтобы по утрам распрощаться с гостеприимной рыбацкой деревенькой, дон Торрибио продолжал проживать день за днем в убогой хижинке Педро Гутьерреса. Дело в том, что молодой человек с первого взгляда безумно полюбил донью Санту; едва только их взгляды встретились, как он почувствовал, что какой-то доселе незнакомый ему трепет прошел по его членам. Невольно схватился он рукой за сердце: оно билось так сильно и так часто, будто хотело вырваться из своей тесной тюрьмы и лететь навстречу этой прелестной девушке.

Дон Торрибио в первый раз в жизни любил глубоко и серьезно. Любовь эта вдруг сразу овладела его душой, и в ней одной он видел для себя счастье целой жизни. Вместо того, чтобы противиться ему, бороться с этим, так внезапно нахлынувшим на него чувством, не обещавшим желанного исхода в будущем, он с упоением предавался ему, с жадностью упивался этими первыми сердечными порывами. Чувствуя себя счастливым в настоящем, он не думал и не хотел думать о будущем.

Вот почему наш герой целыми днями не покидал приходского дома, где он всегда был желанным гостем для хозяина, а также для всех, за исключением, быть может, одного дона Мануэля, который относился к нему довольно холодно и смотрел как-то недоверчиво на безотлучное его присутствие. Впрочем, дон Торрибио был ведь в его глазах не более,

¹ С а м б о — дети от смешанных браков индейцев и негров.

как искусный лоцман, человек, не имеющий никакого значения в сравнении с ним и стоящий неизмеримо ниже его. К счастью, мнение надменного старика нисколько не интересовало молодого человека; он упивался чарующим певучим голосом и ласковым взглядом доньи Санты. Кроме нее, он никого и ничего не видел, не слышал и не замечал. С самонадеянностью, свойственной почти всем влюбленным, молодой человек решил, что и обожаемая им девушка тоже не совсем равнодушна к нему. Вывел он это заключение из того, что каждый раз при его появлении донья Санта приветствовала его самой очаровательной улыбкой, которая точно луч солнца озаряла все ее лицо.

Так прошло дней десять, если не больше.

ГЛАВА II

В которой читатель ближе знакомится с доном Торрибио

своим любопытным труде о нравах, обычаях и характерных типах жителей *banda orientale*¹, дон Доминго Франсиско Сармьенто выставляет на первый план, как наиболее любопытный, своеобразный и совершенно необычайный тип растреадора.

Надо прожить долгое время в беспредельных пампасах, раскинувшихся на всем громадном пространстве от Буэнос-Айреса и до Мендосы, чтобы вполне усвоить себе значение этого слова, то редкое, ни с чем несравнимое качество, которое оно обозначает.

Все *гаучо*, то есть простолюдины и вольные охотники американских лесов, и все без исключения краснокожие — в большей или меньшей степени растреадоры, иначе говоря, искусные и опытные следопыты. Это, в сущности, целая наука, добытая путем многолетнего опыта, исследований, наблюдений и изучения различных особенностей следа и долговременной привычкой к своеобразному характеру степей. Но в строгом смысле слова растреадор — нечто совсем особенное. Этот сорт людей существует на самом деле только в Аргентинской республике. Растреадор, собственно говоря,

¹ *Восточная полоса*, как называют в Южной Америке Уругвай. — Примеч. автора.

почти официально должностное лицо, его слова считаются несомненными доказательствами перед судом, потому что он никогда не ошибается: все, что он утверждает, может быть без труда доказано во всякое время.

Нет такой почвы, на которой растреадор не мог бы производить своих исследований; он с одинаковой легкостью отыскивает след среди многолюдного города, как и в безлюдной степи; ничто не смущает и не вводит его в заблуждение; он входит и выходит, уходит и приходит, смотрит, приглядывается, ищет и всегда достигает цели своих поисков или исследований, как бы хитер и ловок ни был тот, который желает укрыться от него.

Так, например, Сармьенто рассказывает в своем сочинении, о котором мы упоминали выше, как некий растреадор был приглашен в Буэнос-Айрес и введен в дом, в котором ночью совершено было убийство. Преступник не оставил никаких улик, за исключением наполовину стертого уже следа ноги. Внимательно взглядевшись в этот след, растреадор твердым, уверенным шагом выходит из дома и, даже не глядя на почву, идет по следам преступника, взглядывая только время от времени на мостовую или тротуар, как если бы глаза его обладали способностью видеть рельефное изображение следа на этих плитах, на которых никто из сопровождавших не мог различить ровно ничего. Не останавливаясь, не задумываясь, он проходит несколько улиц, пересекает площади, проходит сады, потом вдруг совершенно неожиданно сворачивает в сторону, делает крюк, останавливается пред каким-то домом и, указывая на находящегося там человека, произнес: «Это он, берите его!» И что же? Оказывается, что это, правда, преступник: он даже не стал отрицать своей виновности.

— Не очевидно ли, что человек, который может делать нечто подобное, должен быть одарен редкой, необычайной способностью — чем-то вроде чутья?

Из бесчисленного множества различных более или менее необычайных рассказов, передаваемых Сармьенто, мы приводим один — о знаменитом растреадоре Калибаре, рассказ почти невероятный.

Однажды Калибар отправился в Буэнос-Айрес; в его отсутствие у него выкрали его любимого коня. Жена накрыла след поленом. Два месяца спустя растреадор вернулся домой и нашел уже совершенно изгладившийся след, не заметный

для другого человека, но совершенно ясный для него. Увидав этот след, он даже не сказал никому ни слова об этом деле. Полтора года спустя Калибар шел, опустив голову вдоль улицы одного из предместий Буэнос-Айреса; вдруг он останавливается перед одним домом, идет прямо в конюшню и находит там своего коня, уже заезженного и не пригодного к службе: он отыскал след похитителя два года спустя после похищения!

Какой тайной обладают эти растреадоры, в чем заключается секрет их ремесла? Какой особенной силой и пронизательностью отличается зрение этих людей от зрения других? — Все это такие вопросы, на которые нет ответа, нет разъяснения, это какая-то загадка!

Лет за семнадцать до начала нашего рассказа, в светлый майский вечер, часу в десятом, по узкой лесной тропинке, проложенной дикими зверями в густой и темной чаще громадного леса, в нескольких милях от Росарио, ехал шагом на превосходном степном коне всадник, в котором с первого же взгляда легко было признать гаучо, то есть степного жителя.

Это был человек лет пятидесяти, высокого роста и крепкого сложения; он казался в полном расцвете сил. Его приятное энергичное лицо носило отпечаток необычайной кротости и ясного духа, а ласковый взгляд больших черных глаз, смотревших прямо и открыто, говорил о честности и прямоте души.

Не то мечтательное, не то задумчивое выражение его лица носило легкий оттенок грусти. Он ехал медленно, задумавшись, машинально покуривая сигару, голубоватый дым которой, клубясь вокруг него, окружал его голову точно бледным сиянием.

Проехав некоторое время звериной тропой, путник выехал на распутье. Вдруг он сдержал коня: взгляд его остановился на звериной шкуре, брошенной у подножья громадного дерева. Казалось, будто под этой шкурой что-то спрятано или что-то прикрыто ею.

Наш путник бросил сигару, соскочил с коня и, закинув поводья за луку седла, подошел к этому дереву.

Невольный крик удивления вырвался у него из груди: под шкурой лежал ребенок лет шести-семи, белокурый, кудрявый, как херувим; он лежал, съежившись, чтобы защитить себя от холода, и спал, сжав кулачки, так сладко и так крепко, как спят лишь в этом возрасте.

— Что это значит? — прошептал про себя гаучо. — Бедняжка, — как он спит! — Затем, простояв несколько времени в раздумье, продолжал: — Каким образом очутился здесь этот ребенок? В такую пору, в этом глухом лесу, населенном множеством диких зверей? Тут кроется какая-нибудь тайна! — добавил он, задумчиво качая головой.

Нагнувшись к земле, он несколько минут внимательно разглядывал почву кругом того места, где спало дитя, как бы желая прочесть тайну, которая, очевидно, скрывалась здесь. Наконец, пробормотав несколько непонятных слов, подошел к ребенку и осторожно потряс его за плечико, стараясь разбудить.

Мальчуган широко раскрыл большие, умные, прекрасные глаза и взглянул прямо в лицо человека, так неожиданно прервавшего его сон.

— Что ты тут делаешь, дитя мое? — ласково спросил его спутник, стараясь насколько можно смягчить свой голос, чтобы не запугать ребенка.

— Я спал, сеньор! — улыбаясь, ответил он.

— Кто же привел тебя сюда?

— Человек с длинной бородой.

— Ты, вероятно, знаешь его, этого человека; знаешь, как его зовут?

— Нет, я его совсем не знаю! Я играл там на набережной, где так много высоких, красивых домов!

— А, в Буэнос-Айресе?

— Не знаю, может быть...

— И что же он сделал, этот человек?

— Он подъехал ко мне и спросил, не хочу ли я сесть вместе с ним на его лошадь, а другой человек поднял меня и посадил на седло впереди того человека, у которого была такая длинная борода.

— А человека, который тебя посадил на седло, ты знаешь?

— Нет!

— Человек с длинной бородой привез тебя сюда?

— О, не сейчас, не скоро; я пробыл с ним три дня!

— Ты его боялся?

— Нет! Он был добрый, шутил, смеялся, давал мне сладости, а там, на корабле, все меня били!

Собеседник ребенка немного призадумался, а затем продолжал:

— А долго ли ты был на корабле?

— Да, очень долго.

— Как тебя зовут?

— Не знаю, сеньор!

— Но как же тебя называли на корабле?

— Рубио.

Путник с досадой поморщился.

— Давно уже ты здесь?

— Да, очень давно! Человек с длинной бородой снял меня с лошади, накормил и затем сказал: «Спи, пока я пойду напоить лошадь». Затем он крепко поцеловал меня, и я увидел, что он плачет. «О чем ты плачешь?» — спросил я его; а он сказал: «Бедняжка, ты это скоро сам узнаешь; я принужден повиноваться, спи же, будь умница, Бог не покинет тебя!» Он пошел к лошади, а я крикнул ему: «Ты скоро вернешься?» — «Да, да!» — закричал он и ускакал. — Сведите меня к нему, пожалуйста!

— Это невозможно, дитя мое! — с волнением в голосе отвечал растроганный гаучо. — Но оставаться здесь тебе нельзя, тут тебя могут съесть дикие звери. Хочешь ехать со мной?

— С радостью! Вы — добрый человек, ведь вы не сделаете мне ничего дурного?

— Я? Упаси меня Бог! Напротив, я буду очень любить тебя! — И, схватив мальчика на руки, он принялся целовать его так крепко, что чуть не задушил.

— Как это приятно, когда ласкают и любят! — сказал мальчик. — Ведь если мы их встретим, тех, вы не позволите им бить меня, как они это всегда делали?!

— Не бойся, я никому не дам тебя в обиду!

— Правда?

— Да, я тебе обещаю, что никто не посмеет теперь тронуть тебя!

— Ах! — радостно воскликнул мальчик, обхватив шею своего нового друга обеими ручонками. — Как я буду любить вас за это!

Тем временем наш путник успел уже вскочить в седло, поместив перед собой ребенка; после чего продолжал свой путь, на этот раз не шагом, а полной рысью: он спешил домой.

Во все время пути ребенок не переставал болтать, а его новый друг и покровитель охотно отвечал ему, шутил с ним и смеялся. Не прошло и четверти часа, как этот рослый,

сильный человек и бледный, слабенький ребенок стали лучшими друзьями в свете. Можно было подумать, видя их вместе, что они издавна знакомы: так хорошо они понимали друг друга и так глубоко сочувствовали одному и тому же.

Между тем наши путешественники успели уже выехать из леса и скакали по берегу прекрасной речки, притоку Параны.

Вдруг невдалеке блеснул приветный огонек, точно свет маяка в темной ночи. Путники наши быстро проскакали небольшое пространство, отделявшее их от огонька, и остановились у ворот ранчо¹, который, насколько можно было судить в темноте, был не из второстепенных.

Три или четыре огромных собаки уже давно успели возвестить громким лаем о прибытии путников и теперь с радостным визгом прыгали вокруг лошади.

Вышедший навстречу приезжим пеон² взял лошадь под узды и повел ее в конюшню, между тем как гаучо с немалым затруднением пролезал в двери ранчо с ребенком на руках.

Мальчуган не только не пугался шумных ласк и громкого лая собак, прыгавших вокруг своего господина и приветствовавших его возвращение, а смеялся и играл вместе с ними.

В первой комнате ранчо находилось несколько человек мужчин и женщин. Хозяйка дома, женщина лет тридцати пяти, но все еще очень красивая, с кротким приветливым лицом, сразу располагавшим в ее пользу, увидев входившего мужа, встретила его с распростертыми объятиями. Все остальные собравшиеся здесь люди были работники и работницы.

— На, возьми, Хуанита! — сказал гаучо, передавая ей с рук на руки ребенка. — Господь послал мне на дороге это бедное, брошенное людьми создание.

— Он будет братом нашему Пепе! — сказала женщина, нежно целуя мальчика, который тотчас же обхватил ее шею руками.

— Ну, и слава Богу, — весело сказал гаучо. — Выходит, что вместо одного ребенка у нас их будет двое!

¹ Ранчо — небольшая ферма.

² Пеон — слуга, наемный рабочий.

— Да, — отозвалась его жена, продолжая целовать ласкавшегося к ней мальчика, — если Господь послал нам его, значит, Он хочет, чтобы я стала ему матерью!

— Да будет воля Божия! — с чувством произнес ее муж.

С этого момента несчастный покинутый ребенок обрел нежную любящую мать и семью.

Два дня спустя, предоставив обоим мальчуганам играть и кататься по траве с собаками под надзором матери, гаучо вскочил на коня и поехал в Буэнос-Айрес.

Дон Хуан Мигель Кабальеро, так звали этого гаучо, был родом из Диамантины, но в очень юном возрасте покинул семью, чтобы скитаться по пампасам, где по прошествии нескольких лет стал одним из наиболее известных гаучо и, вместе с тем, знаменитейшим растреадором. От самого Буэнос-Айреса и до Мендосы Хуан Мигель Кабальеро пользовался такой репутацией, перед которой всякий преклонялся с глубоким уважением.

Растреадоры, все без исключения, признавали его превосходство и с гордостью именовали его своим главой.

О нем ходили самые странные, самые невероятные слухи: ему приписывали сверхъестественные познания и невероятное чутье, нечто в роде дара ясновидения.

Несмотря на то, что знаменитый растреадор вовсе не гнался ни за каким вознаграждением, все те, кому он имел случай оказать какую-нибудь услугу, спешили, по мере сил и возможности, отблагодарить его, вследствие чего он, совершенно помимо своей воли, стал богатым человеком. Конечно, настолько богатым, насколько это возможно в пампасах для человека честного. Впрочем, даже и во всяком другом месте он мог бы назваться если не богачом, то во всяком случае человеком состоятельным. Но каково бы ни было его состояние, он вполне довольствовался им и чувствовал себя счастливым в своей семье, подле жены и обожаемого им сына Пепе, в кругу нескольких близких друзей, на которых всегда мог рассчитывать в случае нужды. Чего еще желать? — Он обладал железным здоровьем и пользовался ничем не запятнанной репутацией и громкой известностью, которой всякий другой на его месте ужасно бы гордился.

Пепе не было тогда еще и пяти лет; следовательно, он был немного моложе своего названного братишки. Хуан Мигель назвал найденыша Торрибио. Пепе тоже был курчавый, только не белокурый, а смуглый и черноволосый. Оба маль-

чугана с доверчивостью, свойственной этому возрасту, быстро сдружились и сроднились, как если бы были на самом деле родные братья.

Отсутствие растреадора продолжалось на этот раз долее, чем он сам предполагал; он вернулся в ранчо лишь по прошествии трех недель и казался грустным, озабоченным. Крепко расцеловалобоих мальчуганов, бросившихся к нему с громким радостным криком: «Tatita! Queriedo tatita!¹» — как только они завидели его еще издалека. Поздоровавшись с детьми, Хуан Мигель сделал знак жене, чтобы она следовала за ним в другую комнату, где они заперлись и долго о чем-то беседовали.

Что именно было предметом их беседы, никто не знал, но несомненно, что говорили о чем-то невеселом, потому что донья Хуанита казалась после того расстроенной и опечаленной, да и сам растреадор был не такой, как всегда.

— Вон, посмотри, — сказал он, указывая жене на весело игравших детей: они возились, поминутно прерывая свои речи громким смехом, — разве они не счастливы?

— Теперь, конечно, да, дай только Бог, чтобы они всегда были так счастливы! — со вздохом сказала Хуанита.

— Да что! Никто как Бог, люди кидают своих детей, — продолжал гаучо, — но Господь хранит их: Он никогда не забывает своих созданий и всегда печется о них!

Шло время; год за годом детишки подрастали. Хуан Мигель давно уже перестал видеть в Торрибио приемыша, а Хуанита и с самого начала не делала между детьми никакой разницы. Торрибио минуло уже семнадцать, а Пепе — шестнадцать лет; как тот, так и другой прекрасно выросли и развились на славу на свежем, чистом воздухе благоухающей пампы. Это были крупные, рослые, сильные, здоровые юноши, с той лишь разницей, что Торрибиобыл более изящного сложения и отличался особенной изысканностью манер. Пепе с виду казался сильнее; сложение у него было более грубое, лицо не столь нежное и манеры немного угловатые. Во всем остальном оба они были добросердечные, прямодушные, честные и любящие юноши. Оба стали от-

¹ Папочка, дорогой папочка! (исп.)

менными солдатами и всем известными гаучо, ловкими удалцами во всех телесных упражнениях. Никто, как они, не мог так быстро укротить самого ретивого коня так ловко закинуть лассо и bolas¹, а также так искусно владеть всяким оружием, шпагой, саблей, охотничьим ножом, ружьем и пистолетом, как эти выросшие на воле юноши. Ловкость их во всем этом была поистине необычайна; что же касается Торрибио, то он положительно не имел соперников.

Недалеко от ранчо дона Хуана Мигеля стояла превосходнейшая образцовая ферма, основанная отставным французским полковником, который в числе многих других французов после беспорядков 1815 года покинул родину и искал убежище в Америке. Растреадору не раз приходилось оказывать соседу немаловажные услуги, которые нельзя было вознаградить никакими деньгами, но француз, человек находчивый, бывший ученик парижской Политехнической школы, нашел чем отблагодарить соседа. Он решил поделиться с его мальчуганами кое-чем из своих обширных знаний. Зазвав детей к себе на ферму, он серьезно занялся их образованием. Вначале, пока мальчики усваивали первоначальные знания и понятия о различных вещах и науках, оба ученика одинаково успешно подвигались вперед, но вскоре между ними проявилась большая разница: Торрибио во многом опередил своего названного брата. Впрочем Пепе это нимало не огорчало: сам он приобрел все, что находил нужным и полезным для себя, а до остального не имел никакой охоты. Пепе прекрасно читал и писал как по-испански, так и по-французски, знал арифметику, немного из географии и истории, — и этого, по его мнению, было совершенно достаточно. Его неудержимо влекло в простор лесов и необъятных саванн; мало-помалу он стал пренебрегать своими уроками и, наконец, совершенно отказался от занятий. Торрибио же, в противоположность Пепе, занимался с величайшим усердием, и чем больше приобретал разных сведений, тем сильнее разгоралась в нем жажда знаний. Чрезвычайно быстрое соображение помогало ему схватывать многое налету и разрешать верно и быстро самые трудные задачи. Его успехи и способности приводили в восхищение его препода-

¹ Шары на ремнях, которые, раскачав в воздухе, бросают: ремни обвиваются вокруг добычи и буквально связываются. — *Примеч. перев.*

вателя. В течение десяти лет молодой человек приобрел все те знания, на которые обыкновенно молодежь употребляла не менее пятнадцати. В один прекрасный день ученый француз объявил, что никаких других знаний он не может передать ему, так как уже рассказал своему ученику все, что сам знал.

Почтенный Хуан Мигель от души радовался всем приобретенным молодым человеком знаниям и премудрости, хотя сам не был сведущ в науках; радовался тем более, что все эти познания не помешали юноше стать самым искусным и ловким охотником пампы, а кроме того еще и выдающимся растреадором, обещавшим со временем превзойти его самого.

Действительно, первой заботой Хуана Мигеля, как только его мальчуганы стали кое-что понимать, было приучать их к познанию следов и исподволь готовить из них растреадоров, которые со временем, когда он сам состарится, могли бы с честью заменить его.

Достаточно было нескольких вступительных уроков, нескольких случайных прогулок, чтобы убедить опытного растреадора в том, что его родной сын Пепе, хотя и может сделаться со временем хорошим следопытом и даже недюжинным искателем следов, но никогда не станет равным ему, старику, в этом деле. У Торрибио же он не мог отрицать той врожденной способности, той загадочной силы и проницательности зрения, той необычайной чувствительности глаза, какие отличают от остальных людей выдающихся растреадоров. Мальчик, конечно, и не подозревал в себе этих способностей и крайне удивился и обрадовался открытию своего названного отца.

В несколько лет, благодаря усердному упражнению и основательному изучению следов под руководством опытного растреадора, врожденная способность Торрибио развилась с такой удивительной быстротой и так сильно, что Хуан Мигель несколько раз позволял юноше заменить себя, причем Торрибио ни разу не сделал ни малейшего промаха. Старый растреадор внутренне гордился своим воспитанником и чувствовал себя счастливым при мысли о том, что по смерти своей он оставил после себя достойного преемника, который, без сомнения, не только не уступит ему, но вскоре даже превзойдет его самого.

Что касается Пепе, то и он был юноша не без достоинств, и будь он один, он, вероятно, пользовался бы заслуженным уважением, но сравнение с Торрибио окончательно губило его. Превосходство брата во всем делало Пепе совершенно незаметным. Но этот прекрасный и благородный молодой человек не только не чувствовал себя обиженным и не завидовал счастливчику, а, напротив, гордился им, с особым удовольствием расхваливал его повсюду, радовался его успехам и удачам и с каждым днем все более и более привязывался к брату.

Впрочем, между ними существовала еще одна никому неизвестная связь, в силу которой дружеская привязанность Пепе к брату превратилась в безграничное обожание. Дело в том, что Торрибио два раза спас ему жизнь: однажды он вытащил его из Параны, когда Пепе купался и из-за судороги чуть не пошел ко дну, а Торрибио, подоспев к нему на помощь, вытащил его из воды и на руках вынес на берег. В другой раз он спас его чудесным образом из когтей тигра *себадо*, то есть испробовавшего человеческой крови. Мы кстати здесь заметим, что когда американский тигр, или ягуар, одолел человека и сожрал его, то вследствие того, что это мясо кажется ему несравненно вкуснее мяса разных животных, которыми он до тех пор питался, он уже начинал умышленно охотиться именно на людей. Такого ягуара здесь иначе и не называют, как *себадо*, — и он становится чрезвычайно опасным и кровожадным. С таким хищником пришлось Пепе иметь дело; Пепе был охотник, каких мало, его пуля не знала промаха; после довольно продолжительного преследования ему наконец удалось загнать *себадо* в его жилище: здесь ягуар обернулся к нему выжидая удобного момента сцепиться с врагом. Пепе хладнокровно вскинул ружье, прицелился и спустил курок: но вместо выстрела, ружье взорвалось и охотник упал навзничь.

Ему грозила неминуемая гибель; не оставалось никакой — даже малейшей — надежды на спасение; он приподнялся наполовину с земли, осенил себя крестным знамением и стал шептать последнюю молитву; *себадо* издал торжествующий рев, прилег к земле, затем присел на задние лапы, с резким, пронзительным рычанием готовился сделать прыжок — но в этот момент раздался выстрел, — и ягуар грузной массой опрокинулся назад и остался недвижим, убитый наповал

меткой пулей, прострелившей ему правый глаз и засевшей в черепе.

Точно облако застлало глаза бедного Пепе; он почувствовал, что силы его покидают и упал без чувств.

Когда к нему вернулось сознание, он увидел себя на руках брата.

— Ты! Это ты опять! — воскликнул Пепе, обхватив шею брата обеими руками в порыве безграничной признательности.

— Не говори только ничего об этом нашей матери! — сказал Торрибио отвечая сердечной лаской на ласку брата. — Она, бедняжка, будет очень мучиться этим! Ты знаешь, ведь, какая она впечатлительная!

Они не сказали дома ни слова об этом случае. Но старый растреадор знал все; он оба раза невидимо присутствовал при спасении Пепе и от всей души благодарил Всевышнего, пославшего ему такого второго сына.

Однажды (тогда Торрибио исполнилось уже двадцать лет, а Пепе девятнадцать) старый растреадор был неожиданно вытребован в Буэнос-Айрес. Председатель судебной палаты по части уголовных дел прислал за ним, прося его не медлить ни минуты. Дон Хуан Мигель тотчас же оседлал лошадь и ускорил.

Вот дело, по которому его вытребовали в Буэнос-Айрес так неожиданно, заключалось вот в чем. В продолжении почти целого года шайка бандитов бесчинствовала в ближайших окрестностях города. Ежедневно приходилось слышать о каком-нибудь новом преступлении; пригородные фермы и усадьбы были разграблены; многие фермеры и их семьи убиты; самые фермы поджигали, скот уводили, караваны, отправлявшиеся в Мендосу через пампасы, останавливали и грабили, путешественников убивали и обирали; при всем том не было никакой возможности разыскать виновников всех этих преступлений. Тщетно поднимали на ноги почти всех известнейших растреадоров, — ловкие разбойники умели провести их и сбить с толку. Люди эти были так предусмотрительны, так ловко умели хоронить концы в воду, что не оставляли по себе нигде ни малейшей улики. Никто не мог указать ни на какие приметы или следы их присутствия. Никто не мог сказать ни кто они, ни где они скрываются, и никто никогда не видел их.

Спустя некоторое время эти неуловимые разбойники — потому ли, что уже не находили никакой подходящей для себя поживы в опустошенных и разоренных ими окрестностях города, или же ободренные своей безнаказанностью — проникли в самый город. Вскоре только и стало слышно, что об убийствах, ловко задуманных и выполненных, о грабежах, воровстве, о смелых и дерзких погромах, всякий раз приведенных в исполнение с такой дьявольской хитростью и ловкостью, что столичная полиция, несмотря на свои старания и бдительность, принуждена была сознаться в полной своей несостоятельности.

Город охватила паника. Жители не осмеливались высунуть носа на улицу; все сидели, запершись по своим домам, и охраняли все входы и выходы. Ничто не помогало; число убийств и грабежей возрастало с каждым днем, несмотря на сторожевые патрули, объезжавшие и днем, и ночью все улицы Буэнос-Айреса. Лавки и магазины взламывали, грабили, торговцев убивали тут же, товар уносили; все это происходило одновременно в нескольких частях города. Очевидно, разбойники поделили весь город на участки и действовали вполне систематически, почти наверняка.

Нужно было во чтобы то ни стало покончить с этим, и глава судебной власти решил обратиться за содействием к дону Хуану Мигелю Кабальеро, знаменитнейшему растреадору, за которым тотчас же и отправил гонца.

Как нам уже известно, Хуан Мигель, не теряя времени, отправился в Буэнос-Айрес и тотчас по прибытии в город был препровожден к главе судебной власти республики, с которым просидел несколько часов с глаза на глаз, запершись в его кабинете.

Глава судебной власти подробно рассказал обо всем растреадору, входя в малейшие подробности ежедневно совершаемых преступлений и способа действий этих неуловимых злодеев. Хуан Мигель слушал с величайшим вниманием его бесконечный рассказ о возмутительных злодеяниях, не прерывая и не спрашивая ни о чем. Когда же собеседник кончил и обратил к нему испытующий взгляд, Хуан Мигель произнес:

— Да, дело это нелегкое, но с Божией помощью я, надеюсь, сумею что-нибудь сделать.

— Вы надеетесь, что это вам удастся! — с нескрываемым радостным возбуждением воскликнул глава судебной власти.

— Я даже вполне уверен в этом, но только для успеха необходимо, чтобы никто не знал о моем пребывании в городе. Я выжду здесь в вашем доме какого-нибудь нового преступления этих злодеев и тогда немедленно примусь за дело.

— Прекрасно, я рассчитываю на вас, дон Хуан Мигель Кабальеро! Если вы избавите нас от этих негодяев, то окажите этим огромную услугу городу, — и благодарность моя...

— Не говорите мне ни о признательности, ни о вознаграждении! — с живостью перебил его растрeadор. — Господь, наделив меня этой драгоценной способностью, тем самым повелел мне употребить ее ко благу честных и добрых людей. Следовательно, я исполню свой долг перед Богом, избавив город от этих бандитов, которые и так уж слишком долго бесчинствовали здесь. Поверьте, я найду в своем сердце ту награду, о которой вы изволите заботиться для меня!

На этом собеседники расстались, крепко пожав друг другу руки.

В следующую за сим ночь был ограблен дом богатого французского негодянина. Так как хозяин вздумал сопротивляться, то его убили, а также жену его и двух детей, еще малолетних, и двух слуг. Все эти убийства были совершены варварски бесчеловечно. При первой вести о новых злодеяниях сам начальник полиции во главе своих подчиненных явился на место преступления, но было уже поздно: разбойники успели скрыться, не оставив по себе никакого следа.

Хуан Мигель тотчас же распорядился оцепить кругом дом, в который вошел сам в сопровождении одного лишь начальника полиции. Здесь растрeadор немедленно принялся за дело.

Розыски длились долго. Растрeadор тщательно осматривал и оглядывал каждый предмет, каждый квадрат на полу; он шагал взад и вперед по комнате, то вдруг останавливался на каком-нибудь месте, оглядывал его со всех сторон, не оставляя ни малейшего места без внимания, прилежно изучая — шаг за шагом, дюйм за дюймом — пол, ковры, паркет, плиты, время от времени останавливаясь и нагибаясь до самой земли, вдруг вскакивал на ноги и упорно вглядывался в самые темные и отдаленные углы комнаты.

Начальник полиции, неподвижно стоя у порога, не смел шевельнуться и следил тревожным, смешанным с любопытством взглядом за растреадором, не решаясь спросить его и, вместе с тем, сгорая от любопытства узнать результаты его наблюдений и розысков.

Таким порядком были тщательно осмотрены магазин и все комнаты дома. Хуан Мигель раздумчиво покачивал головой: очевидно, он не находил никаких указаний. Тем не менее он настойчиво продолжал свои розыски: чем больше трудностей представляло принятое им на себя дело, тем упорнее становился он в своем желании достичь цели. Он уже раз десять принимался все снова и снова обыскивать каждую комнату, каждый уголок, не находя ничего такого, что могло бы направить его, дать ему руководящую нить.

Дом был одноэтажный и оканчивался большой итальянской террасой, уставленной кадками с редкими растениями и деревьями и представлявшей из себя род воздушного сада с гамаками, беседками и прочим. Кроме большой парадной лестницы, богатый негоциант приказал поставить еще маленькую потайную лесенку, лично для себя, ведущую из магазина прямо в его спальню и оттуда на террасу.

Хуан Мигель уже несколько раз подымался и спускался по этой лесенке, вдруг он остановился, встал на колени на одной из ступенек и несколько минут оставался совершенно неподвижен в этой позе, уставив глаза в одну точку. Наконец он поднялся на ноги, взошел по лестнице на террасу, где принялся все рассматривать и разглядывать с еще большим вниманием.

Вдруг довольная улыбка осветило его лицо; он выпрямился, вздохнул с облегчением и утер пот со лба. Затем обратился к начальнику полиции, стоявшему на верхней ступеньке лестницы.

— Ну, наконец-то!

— Что? Вы нашли что-нибудь?

— Да, идите сюда, — только идите вы один.

С этими словами он пошел к противоположному концу террасы, здесь соскочил на террасу соседнего дома, — оттуда на следующую и так вплоть до четвертой. Дойдя до конца этой последней, растреадор перегнулся через перила и в продолжении нескольких минут смотрел вниз.

— Ну, так и есть! — пробормотал растрeadор. — Разбойники взобрались здесь, — сказал он, обращаясь к начальнику полиции, — теперь вернемся, все остальное уже не важно.

— Вы напали на след?

— Сагау!¹ Конечно! А то что же?

— Я решительно ничего не видал. А вы видели что-нибудь? Что именно?

— Первый след, который помог мне разыскать все остальное. О, это ловкий народ, они дело свое отлично знают, этого отрицать нельзя; они решительно ничем не пренебрегают, и потому всякого другого, кроме меня, они сумели бы отлично провести.

— Но что же навело вас на след?

— Сущий пустяк, несколько песчинок, — и больше ничего!

— Это непостижимо!

— Нет, нисколько; это все очень просто. На одной из ступенек потайной лесенки я заметил несколько песчинок желтого песка, подобного тому, которым усыпана терраса. Правда, они могли быть занесены сюда самим хозяином дома, — это было даже весьма вероятно, — но я решил удостовериться. Пройдя в спальню, я взглянул на сапоги убитого, оказалось, что подошвы его сапог совершенно гладки и сухи; это обстоятельство дало известное направление моим подозрениям. Я поднялся наверх на террасу и принялся осматривать ее в десятый раз. Оказывается, что убийцы не только бежали через террасу, но и проникли в дом этим путем.

— Вы уверены в этом?

— Вполне уверен; они прошли по крышам всего квартала, чтобы добраться сюда, и уходя опытные злодеи позаботились замести следы своими плащами. Это я увидел сразу. Но, как видно, они должны были спешить, к тому же теперь и ночи темные, и хотя они тщательно заматали, но, очевидно, поторопились, — и вот в углу, за кадкой, уцелел один след, который не стерт плащом окончательно. Этого следа было для меня достаточно, чтобы дать мне возможность распознать их следы и на других террасах. Вот и все!

¹ Черт побери! (исп.)

— Нет, как хотите, это что-то необычайное, непостижимое, — я нигде никаких следов не вижу, — а вы их видите или, вернее, угадываете!

— Мне кажется, что это очень просто; но не станем терять времени, созовите ваших людей и идите за мной!

Два часа спустя все бандиты были арестованы в одном из домов предместья, схвачены и засажены в тюрьму. Последовавшие за сим розыски обнаружили массу награбленного товара, всяких ценных предметов, денег и различного имущества. Шайка эта состояла из десяти человек; к величайшему удивлению всего населения столицы, оказалось, что злодеи все до единого принадлежали к числу знатнейших и богатейших фамилий Буэнос-Айреса.

Главой и предводителем этой ужасной шайки являлся молодой человек лет двадцати шести по имени Сантьяго Лопеседе Убарра, единственный сын и наследник богатейшего домовладельца в городе. В самом непродолжительном времени этот молодой человек должен был стать мужем дочери генеральского консула Соединенных Штатов Америки, прелестной молодой девушки лет семнадцати лет, необычайной красоты, в которую он, как говорят, был безумно влюблен.

Было сделано множество попыток вырвать преступников из рук правосудия; предлагали огромные суммы тем, кто пожелает способствовать их бегству. Но все оказывалось напрасно. Суд не поддавался ни запугиванию, ни подкупу, не смягчался перед мольбами родственников подсудимых.

Преступления, совершенные этой шайкой, были так многочисленны и так ужасны, что о пощаде и милосердии не могло быть и речи. Необходимо было примерное наказание, в урок на будущие времена. Четверо из злодеев, которых по суду признали менее виновными, были присуждены к каторжным работам на двадцать лет, двое других — к пожизненной каторге, а предводитель шайки и его главный помощник и сообщник были приговорены к смертной казни и заключены в острог, где должны были просидеть трое суток и затем уже подвергнуться всенародной казни в присутствии всех своих соучастников.

На другой день после того, как приговоренные к смертной казни преступники были заключены в тюрьму, несмотря на самый бдительный надзор, одному из них удалось бежать; предлагали бежать и другому, но тот отказался:

— Зачем бежать? — отвечал он, пожимая плечами на просьбы и увещевания своих друзей. — Ведь Хуан Мигель все равно разыщет меня! Так уж лучше смиренно сидеть на месте.

Растреадор не успел еще покинуть Буэнос-Айреса, и ему тотчас же сообщили о бегстве одного из преступников; он, не тратя ни минуты, бросился по его следу.

Началось поистине редкое состязание в силе, ловкости, хитрости и изворотливости. Беглец знал, какая серьезная погоня была за ним, знал, с кем имел дело, и потому принимал все возможные предосторожности, изощрялся в хитростях, лукавил и прилагал все старания, чтобы сбить своего преследователя со следа, прибегая ко всей своей опытности и изобретательности, чтобы уйти от ожидавшей его позорной смерти.

Но его усилия были тщетны и, быть может, послужили даже ему же во вред, потому что растреадор, видя, на карту поставлена его репутация и не желая дать такому страшному преступнику уйти от заслуженного наказания, пустил в ход все свои способности. То была настоящая охота, охота на человека.

Беглец ловко пользовался каждым случившимся на пути укрытием, каждой кочкой, пригорком, где он мог проскочить, не оставив следа; он бежал целые кварталы на кончиках пальцев, перескакивал через низкие стены, пробегал и, пятась, возвращался назад. Хуан Мигель, однако, не терял его следа; если случалось, что он сбивался на одно мгновение, то уже в следующее спохватывался и снова шел по следу беглеца, восклицая:

— Посмотрим, куда-то ты теперь меня заведешь?

Через несколько часов погоня достигла канала в одном из пригородов столицы, которым воспользовался преступник, бросившись вплавь по течению, чтобы заставить растреадора потерять след. Но и эта предосторожность оказалась бесполезной: Хуан Мигель спокойно, нимало не смущаясь, шел берегом. Наконец он остановился, стал приглядываться к траве и сказал:

— Здесь он вышел на берег! Следов нет, — это правда, но вот капли воды на траве, а вокруг все сухо!

По пути Сантьяго Лопес укрылся в винограднике; Хуан Мигель, осмотрев глиняные стены, служившие оградой, и указав на виноградник, сказал:

— Он здесь и не успел еще уйти.

Виноградник тотчас же обыскали, и беглец был найден и под строгим конвоем доставлен в тюрьму.

— Я в этом был заранее уверен! — сказал его товарищ, увидев вновь своего сообщника. — Видишь, я не ошибся!

На другой день оба разбойника были казнены на площади, при громадном стечении народа.

ГЛАВА III

Как и почему дон Торрибио покинул свою родину

Несколько дней спустя после этих казней дон Хуан Мигель Кабальеро покинул Буэнос-Айрес и возвращался домой. Растрепан был невесел. Дело в том, что эта двойная казнь произвела на него тяжелое впечатление. Несмотря на то, что оба бандита вполне заслужили свою участь, он все же раскаивался — не в том, что предал их в руки правосудия, но в том, что был косвенной причиной их позорной смерти.

От Буэнос-Айреса до Росарионе близко, и у Хуана Мигеля было время поразмыслить. И вот мало-помалу мысли его стали принимать другое направление; по мере приближения к дому, к излюбленным местам, окружавшим его жилище, думы его становились более отрадными: о жене, о детях, с которыми он мечтал не расставаться более. Эта последняя поездка в Буэнос-Айрес окончательно отвратила его от ремесла преследователя. Он был уже немолод, ему теперь за шестьдесят, настало время и ему отдохнуть; пора уступить место другим, более молодым и проворным.

Рассуждая таким образом, Хуан Мигель быстро и незаметно приближался к своему ранчо; семья его была предупреждена о том, что он должен вернуться сегодня, и, вероятно, с часа на час ожидала его. Дети, конечно, не спустили глаз с дороги и едва только завидят его вдаль, как тотчас же со всех ног поспешат к нему навстречу, как они всегда это делают.

И вот, едва он только въехал в небольшую рощицу высоких молодых деревьев, через которую ему следовало проезжать, чтобы добраться до своего ранчо, как вдруг с узкой тропинки, пересекающей под прямым углом дорогу, выскочил ему навстречу всадник, лицо которого скрывалось под

черной маской. Осадив на полном скаку коня, незнакомец проворно вскинул ружье и спустил курок.

Растрепан, не ожидавший ничего подобного, захваченный врасплох, не успел воспротивиться этому неожиданно-му нападению, — пуля пробила ему грудь, — широко раскинув руки, опрокинулся он навзничь и грузно рухнул на землю. Убийца поспешно соскочил с коня, набросился на свою жертву и, вонзив в грудь кинжал, произнес глухим голосом:

— Помни Сантьяго Лопеса де Убарра! Кровь за кровь! — И, не прибавив ни слова более, вскочил на лошадь и свернул в самую чащу леса, где почти мгновенно скрылся из вида.

Однако дон Хуан Мигель не был мертв, мало того, он даже не потерял сознания; не трогаясь с места, он старался, насколько мог, стянуть свои раны, чтобы задержать кровь, и затем, не шевелясь, стал ждать, чтобы Господь послал ему кого-нибудь на помощь.

Так прошел час — ужасный час мучительного ожидания, тревоги и беспокойства. Старик несколько не боялся смерти, — он слишком часто в своей жизни стоял с ней лицом к лицу, — но боялся умереть один, не успев исполнить всего того, что ему еще оставалось исполнить на земле. И вот он ждал, ждал, напрягая слух и жадно ловя малейший звук в лесу. Наконец он уловил еще совсем неразличимый для менее привычного и опытного слуха конский топот.

— Ну, слава Богу! — прошептал он. — Это они!

Шум понемногу приближался, — и вскоре на дороге появились два всадника; то были Торрибио и Пепе.

Каково же было их горе при виде отца, лежавшего на земле без движения и чуть живого!

Понятно, что первой заботой Торрибио было осмотреть раны и перевязать их как можно лучше.

— Ну, что? — спросил старик твердым голосом. — Раны мои смертельны, не правда ли?

— Да, отец, — отозвался Торрибио, подавляя душившее его рыдание.

— Сколько часов мне остается жить?

— Сутки, быть может, двое суток, не долее!

— Прекрасно, постройте, дети, здесь для меня шалаш, я предпочту умереть под открытым небом чем в четырех стенах, к тому же мне надо поговорить с тобой, Торрибио, сказать тебе нечто очень важное.

— Лучше было бы, если бы вы заснули хоть немного, отец мой!

— Ты не обманешь меня, дитя мое? — спросил старик, пытливо вглядываясь в лицо Торрибио. — Я не умру раньше назначенного тобой срока?

— Жизнь наша в руках Господа, отец, — отвечал молодой человек, — но, насколько позволяют судить мне познания в медицине, я смею утверждать, что смерть ваша еще не так близка, особенно если вы согласитесь поддержать свои силы несколькими часами спокойного сна.

— Пусть так, я тебе верю, сын мой, и постараюсь заснуть.

Молодые люди тотчас же принялись строить хакаль, который менее чем в полчаса был готов, после чего они бережно перенесли туда больного и уложили его на мягкой постели из душистых трав, накрытых шкурами. Затем Торрибио достал из своих переметных сумок походную аптечку, с которой никогда не расставался, и приготовил какое-то питье.

— Выпейте это, отец мой, — сказал он, — это подкрепит вас и поможет уснуть!

Сыновья осторожно помогли отцу приподняться, и он покорно выпил предложенное ему лекарство. Пять минут спустя больной уже спал крепким сном.

— Побудь с отцом, Пепе, и не отходи от него ни на шаг, — сказал Торрибио, — а я пойду отомщу за него!

— Иди, брат, с Богом! — воскликнул Пепе, рыдая.

Торрибио вскочил на своего коня и во весь опор помчался по следу убийцы.

Вместо того, чтобы вести по дороге к Буэнос-Айресу, след этот, который Торрибио тотчас же разыскал и внимательно изучил, после множества изворотов и поворотов вел в Росарио. В три часа по полудню Торрибио прибыл в город и тотчас же направился к *Juez de letras* (уголовному судье).

— Сеньор, — объявил он, входя, — отец мой, дон Хуан Мигель Кабальеро, на обратном пути из Буэнос-Айреса, где он способствовал задержанию всей шайки бандитов, бесчинствовавших в столице и ее окрестностях, убит два часа тому назад изменническим образом одним из соучастников этой шайки, которую справедливо покарало правосудие.

— Я знаю это дело, — отвечал следователь. — Отец ваш вел себя прекрасно и оказал громадную услугу обществу, городу и всей стране. Где было совершено нападение на вашего отца?

— В лесу Себадо.

— Я сейчас прибуду туда!

— В этом нет никакой надобности, сеньор: брат мой остался с умирающим отцом, тогда как я иду по следу убийцы.

— Разве вы знаете, где он находится?

— Да, сеньор! Он находится в Росарио, и если вы не откажетесь сопровождать меня, то не далее, как через четверть часа, он будет уже в руках правосудия!

Следователь немедленно распорядился созвать человек десять альгвазилов (полицейских), и когда те явились, сказал:

— Пойдемте, не следует давать этому негодяю время уйти!

Все вышли на улицу. Торрибио вернулся к тому месту, где он покинул след, и не задумываясь пошел вперед. Пройдя несколько улиц, они оказались на большой площади и остановились перед домом самого внушительного вида.

— Здесь! — сказал Торрибио. — Он еще не вышел отсюда!

— Не может быть! — воскликнул следователь. — Это дом богатейшего и всеми уважаемого банкира, честность которого известна всем и каждому! Нет, вы ошибаетесь, молодой человек!

— Нет, сеньор, я не ошибаюсь! — спокойно и уверенно ответил Торрибио. — Убийца здесь; разве вам неизвестно, что вся та шайка состояла из молодых людей лучших и богатейших семейств Буэнос-Айреса?

— Да, это правда! — со вздохом согласился его собеседник. — Ну, что же делать, войдемте, если это нужно!

Он отдал приказание своим подчиненным оцепить дом и не допускать в него толпы, начинавшей уже стекаться со всех сторон. Торрибио и следователь вошли в дом и сказали встретившему их пеону, что они желают видеть дона Салюстиано Эчеверри, как звали всеми уважаемого банкира.

Введя гостей в приемную, пеон побежал докладывать о них своему господину.

Банкир не заставил себя долго ждать и вышел к ним тотчас же, хотя, по-видимому, был весьма удивлен приходом следователя. Последний очень затруднялся объяснить причину своего присутствия, но Торрибио принял это объяснение на себя.

Дон Салюстиано Эчеверри был седовласый старик чрезвычайно внушительной и, вместе с тем, симпатичной наружности, располагающей в его пользу.

— Извините меня, сеньор, — сказал Торрибио, — если я причину вам большое горе! Бог свидетель, как я глубоко сожалею, что вынужден нанести вам этот страшный удар. Дело касается моего отца, которого предательски убили часа два тому назад, и убийца его скрывается здесь, в вашем доме!

— Убийца! В моем доме! — с горестным удивлением воскликнул банкир. — Говорите! Говорите скорее, сеньор. Кто он? Где он? И кто бы он ни был, я выдам его!

Тогда обнадеженный этим великодушным заявлением следователь объяснил наконец со всей возможной деликатностью, в чем дело. Удар, нанесенный старику этим страшным обвинением, был ужасен: несчастный банкир побледнел, как мертвец, и пошатнулся, готовый упасть. Следователь и Торрибио бросился поддержать его; но тот, оправившись почти в ту же минуту, тихонько отстранил их.

— Мне показалось, что я сейчас умру! — прошептал несчастный старик. — Но все прошло. Теперь я опять чувствую себя сильным. Что делать! Это должно было так кончиться! — добавил он вполголоса. — Если только обвинение ваше справедливо, господа, клянусь честью, он получит законное возмездие! Следуйте за мной!

С этими словами старик пошел вперед твердой, уверенной поступью, высоко неся голову, выпрямясь во весь рост, как гордый дуб, на мгновение склонившийся под грозой. Пройдя несколько комнат, он наконец остановился перед одной из дверей и отворил ее настежь. Глазам присутствующих представился молодой человек, красивые черты которого искажал отпечаток бурной тревожной жизни и ночных кутежей; он полулежал на мягких подушках восточного дивана и лениво расстегивал свои *palenas* (род ноговиц или сапог).

— Ты ездил верхом сегодня, дон Панчо? — спросил его отец голосом, не выдававшим ни малейшего волнения.

— Да, я только что вернулся, отец, и, как видите, не успел еще даже переодеться! — ответил молодой человек, весьма удивленный присутствием двух совершенно незнакомых ему личностей, неподвижно стоявших у порога.

— Было бы лучше, если бы вы сегодня не выезжали из дома!

— Почему же, отец?

— Потому, дон Панчо, что тогда вас не обвинили бы в предательском убийстве дона Хуана Мигеля Кабальеро в лесу Себадо! — сказал старик ледяным тоном.

— Я?! — воскликнул молодой человек, привскочив на диван и побледнев. — Кто смел обвинять меня в этом ужасном злодеянии? — добавил он дрожащим голосом.

— Я! — отозвался дон Торрибио. — Я сын вашей несчастной жертвы, а вот и доказательства справедливости моего обвинения! — добавил он, делая несколько шагов вперед и взяв со стола черный шелковый головной чехол, в котором были проделаны отверстия для глаз, рта, носа и ушей, который дон Панчо не успел еще припрятать. — Видите эту маску, к которой прибегают только бандиты, а вот и нож, — он еще весь в крови, даже ножны сырые! Убийца, кровь моего отца у тебя на лице!

Дон Панчо бессознательно провел рукой по лбу. Вдруг он кинулся к ногам отца и громко зарыдал.

— Да, да, я это сделал! — душераздирающим голосом воскликнул он. — Я убийца! Но пощади меня, отец, пощади своего сына! Я раскаюсь, пощади, отец!

— Я — не отец убийцы! — мрачно произнес старик, стараясь не глядеть на сына. — Смой с себя этот позор, которым ты осквернил себя, — и тогда — только тогда я прощу тебя! Даю тебе пять минут срока.

Молодой человек поднялся на ноги; красивое лицо его дышало ужасной решимостью.

— Благодарю отец, — сказал он, — приказание ваше будет исполнено. Что касается вас сеньоры, — продолжал он, обращаясь к двум безмолвно стоявшим мужчинам, — то я прошу вас дать мне пять минут срока. Даю вам слово, что не убегу! Неужели вы откажете мне в этих пяти минутах?

— Нет! — ответил Торрибио, отвернувшись в сторону. — Я вам верю.

Все трое вышли из комнаты. Дон Салюстиано вышел последним и запер за собой дверь, к которой затем прислонился спиной и замер.

Холодный пот выступил на лбу старика; по временам он весь вздрагивал и крепко прижимал руки к сердцу. Следователь и Торрибио, бледные как смерть, глядели на него и души их наполнялись ужасом и скорбью. Но кроме жалости, дон Салюстиано внушал им чувство беспредельного удивления: поразительно было мужество этого старого человека,

переживавшего сейчас такие страшные минуты. Вдруг дон Салюстиано выпрямился, поднял голову и сказал:

— Пять минут прошло, сеньоры, пойдемте!

Он отворил дверь комнаты сына и вошел; оба мужчины следовали за ним в некотором расстоянии. Дон Панчо откинулся в подушки и лежал неподвижно с улыбкой на лице: казалось, он спал.

— Подойдите! — глухо произнес старик.

Они сделали несколько шагов, — и крик ужаса вырвался у них из уст: дон Панчо был уже мертв; он вонзил себе в сердце нож по самую рукоятку.

— Возмездие совершилось! — произнес дон Салюстиано, и надломленный страшным горем, упал без чувств на бездыханное тело сына.

Следователь и Торрибио, как обезумевшие, выбежали из дома, гонимые безотчетным ужасом, как будто их преследовала сама Немезида. Торрибио, не сказал ни слова, вскочил на своего коня и во весь опор помчался вон из города.

Вскоре после заката солнца Хуан Мигель проснулся.

— Дети, вы здесь? — спросил он.

— Да, отец, мы все подле тебя!

— Отлично, я не хочу, чтобы вы отходили от меня. — Затем, как бы про себя, он тихо добавил: — Увы! Неужели же придется умереть без моей бедной Хуаниты?

— Я здесь, Хуан Мигель! — сказала бедная женщина, захлебываясь в рыданиях, которые она тщетно старалась подавить, и, опустясь на колени подле лежа умирающего мужа, сжала его руки в своих, обливая их горькими слезами.

— Добрая и святая женщина, верная подруга моей жизни, ты здесь, подле меня! — растроганным голосом произнес умирающий. — Боже! Благодарю тебя, что ты привел мне умереть окруженным всеми моими дорогими и близкими!..

— Ты не умрешь! Нет, нет, ты не умрешь! — рыдая, воскликнула Хуанита.

Слабая улыбка скользнула по лицу больного.

— Будь мужественна, дорогая Хуана, для меня смерть нисколько не страшна; ведь рано или поздно этот час должен был настать, но мы свидимся с тобой там, где нет ни смерти, ни разлуки! Покорись воле Божией и прими ее покорно! Бог все делает ко благу нашему: теперь Он призывает меня к себе, и я должен безропотно и покорно повиноваться Ему.

— Боже мой! Боже мой! — воскликнула несчастная женщина.

— Да, призывай Его святое имя! — продолжал умирающий. — Он даст тебе силу мужественно перенести горе! Бог милосерд и справедлив. Он мне позволил умереть, не прошившись со всеми вами — одинокому, в диком лесу.

Наступило короткое молчание, прерываемое лишь подавленными рыданиями жены и сыновей больного.

Затем Торрибио осторожно приподнял раненого и сказал Хуаните, вручив ей стакан с каким-то питьем:

— Дорогая мама, дайте отцу выпить это лекарство!

— Ах, да, да! — радостно воскликнула бедная женщина, — Мы спасем его! Не правда ли, сын мой? Ты спасешь его?

Молодой человек молча опустил голову, подавляя тяжелый вздох. Раненый выпил предложенное ему питье; легкий румянец залил на мгновение его лицо; глаза разгорелись; он вдруг почувствовал себя сильнее и бодрее.

— Пепе, — сказал он, — отведи мать немного в сторону, туда к сторожевому костру!

— Ты удаляешь меня от себя? — испуганно прошептала бедная женщина. — Дорогой мой, прошу тебя, позволь мне остаться, я не пророню ни слова и постараюсь не плакать!

— Скоро я снова позову тебя, дорогая моя, а теперь иди, мне надо сказать Торрибио нечто такое, что один он должен слышать!

Донья Хуана приникла долгим нежным поцелуем к руке мужа и послушно вышла из шалаша, опираясь на плечо сына.

— Мы теперь одни? Никто нас не услышит? — проговорил раненый, обращаясь к дону Торрибио.

— Никто!

— Хорошо! Теперь скажи мне правду, мне необходимо знать, сколько часов мне еще остается жить?

— Отец, если Бог не захочет сделать чуда, о котором я молю Его, то с восходом солнца... — молодой человек не договорил и зарыдал, закрыв лицо руками.

— Полно, Торрибио, будь мужчиной: надо мириться с неизбежным! До восхода солнца времени еще много, Бог по неизреченному милосердию Своему дал мне гораздо больше времени приготовиться к смерти, чем я полагал: я успею сказать тебе все, что ты должен узнать!

— Что вы хотите сказать мне, отец мой?

— Сядь здесь подле меня и слушай: то, что я имею сказать тебе, несравненно важнее, чем ты полагаешь; я хочу сказать тебе о твоей семье.

— У меня нет другой семьи, кроме вас, матери и брата Пепе! — воскликнул молодой человек, — Какое мне дело до той семьи, которая отвергла меня, пыталась извести меня, бросив на съедение хищным зверям?! Не говорите мне об этом, я не хочу ничего знать!

— Нет, сын мой, я должен сказать тебе все; этого требует от меня мой долг и моя совесть. Выслушав меня, ты волен поступать, как хочешь, но ты должен узнать все, что мне о том известно; ты должен выслушать меня до конца. Я этого хочу, слышишь ли ты?

— Да, отец, если вы того требуете, — говорите, я буду слушать с величайшим вниманием. Но только знайте, что у меня никогда не будет другой семьи, кроме нашей.

— Пусть так, я не ставлю тебе никаких условий и ничего не требую от тебя! — С минуту старик как будто собирался с мыслями, затем начал:

— Ты помнишь, сын мой, как я нашел тебя под деревом в темном лесу, где тебе грозила неизбежная смерть?

— Я помню, отец мой, и не проходит дня, чтобы я не благословлял вас от всего сердца!

— Не в благодарности дело, Господь сторицей воздал мне за ту милость, которую Он помог мне сделать для тебя, тем, что дал мне в тебе такого сына: я счастлив и горжусь тобой. Но слушай дальше.

— Слушаю, отец!

— Я тщательно изучил и удержал в памяти след того человека, который покинул тебя в лесу. На другой день после того, как я привез тебя к себе домой и отдал в руки моей дорогой Хуаны, я пошел по следу того человека. Он, конечно, не подозревал об этом и потому не принимал никаких предосторожностей, чтобы уничтожить свой след. Итак, я без малейшего затруднения прибыл в Буэнос-Айрес и отправился прямо к следователю, которому изложил все, что мне было известно о тебе. Следователь обещал мне свое содействие; я пошел в гавань и там сразу увидел того человека, которого искал. Сведя с ним дружбу за стаканом вина, я узнал от него все, что мне было надо. Сам он был доброй души парень, служивший бессознательным орудием другого лица. Убедившись в этом, я составил определенный план

действий, согласно которому час спустя благодаря содействию следователя этого человека арестовали. Он тут же признался во всем, причем сказал, что действовал по приказанию своего командира, дона Санчо д'Авила, командовавшего испанским трехмачтовым судном «Сан-Хуан-де-Диос». По словам матроса выходило, что капитан очень желал отделаться от тебя, потому что в течение года, пока ты находился на его судне, он уже раза три пытался оставлять тебя в тех портах, где имел случайные стоянки, или куда ему приходилось заходить по пути. Матрос был временно посажен в тюрьму, а затем, так как нельзя было терять времени, сделаны были все необходимые распоряжения для воспрещения судну «Сан-Хуан-де-Диос» выхода из порта и ареста командира.

В то время Буэнос-Айрес принадлежал еще Испании: все распоряжения были немедленно приведены в исполнение, и два часа спустя дон Санчо д'Авила стоял уже на допросе перед следователем. Капитан этот, о котором я с первого же взгляда составил точное представление, был из числа алчных моряков, мало разборчивых на средства к обогащению. При первых же словах следователя, этот человек совершенно растерялся, побледнел и потерял весь свой апломб, который сначала напустил было на себя. Вот что он рассказал об этом деле. Однажды буря, застигшая его у берегов Новой Испании, заставила его искать убежище в каком-то незначительном порту, название которого он не знал или притворялся, будто не знает; он говорил только, что это было в Тихом океане. Встав на якорь в этом местечке, населенном почти исключительно рыбаками, он сошел на берег. Тут к нему подошел совершенно незнакомый ему человек в богатой одежде и сделал ему следующего рода предложение: «Согласитесь взять на себя обязательство увезти ребенка куда бы то ни было, только как можно дальше от берегов Новой Испании, чтобы он никогда не мог вернуться в эти места! Вы будете щедро вознаграждены». Капитан, как говорит, сначала не соглашался, но незнакомец продолжал настаивать. Тогда капитан стал расспрашивать о ребенке и его родителях. Незнакомец не желал ничего говорить, но в конце концов вынужден был сообщить следующее. Ребенок принадлежит к одной из знатнейших фамилий этой страны; необходимо во что бы то ни стало, чтобы он исчез бесследно, но отнюдь не был убит; достаточно, чтобы он никогда более

не появлялся здесь, и чтобы о нем не было никаких слухов. Ребенку всего пять лет; и скоро он забудет все, даже и свое имя; следовательно, он не может причинить вам никаких беспокойств, и бояться разоблачений с его стороны нечего. Надо только увезти его с родины, чтобы он никогда не мог вернуться. В той стране, где его высажат на берег, следует вручить сумму в двадцать пять тысяч пиастров тому лицу, которое примет на себя воспитание ребенка, а капитан за хлопоты получит вознаграждение: тридцать тысяч пиастров. При этом ставилось в условие, что капитан обязуется доставить, по прошествии года, вице-королю Новой Испании законный документ за подписью местного испанского консула, удостоверявший, что ребенок жив и что врученная капитану на его воспитание сумма в двадцать пять тысяч пиастров действительно выдана лицу, принявшему к себе ребенка, при обозначении полных имен, звания, профессии и национальности того лица, которому поручено воспитание ребенка. Письмо, заключающее в себе этот важный документ, должно было быть адресовано в Новую Испанию, до востребования — на литеры *L. V. Z.*

В таком виде сделанное капитану предложение утрачивало значительную долю той гнусности, которую, собственно говоря, оно имело по существу. Поломавшись еще немного для вида, капитан наконец согласился, и — условие было заключено.

Два дня спустя погода изменилась к лучшему, капитан встал под паруса и ушел в море, увозя с собой ребенка и сумму в пятьдесят пять тысяч пиастров, из коих тридцать тысяч были его собственностью... Дай мне пить, Торрибио, я чувствую, что силы изменяют мне!

Молодой человек поспешил исполнить желание больного.

— Но почему же, в таком случае, этот человек так предательски бросил меня в лесу на съедение диким зверям, если ничто его к тому не принуждало? — спросил Торрибио.

— Именно это спросил тогда у капитана и следовательно, дитя мое! — сказал старый растрeadор, испив немного предложенного ему питья и отдохнув с минуту, — капитан смутился, забормотал что-то непонятное, стал путаться в своих словах и только под угрозой страшного наказания наконец решился сказать правду. Все, что он говорил раньше, была ложь. Дело обстояло так: следовало просто увезти ребенка, убить его, забросить в какой-нибудь дальней стране, одним

словом, сделать с ним что угодно, лишь бы только его не стало, и за это получить полностью без всяких оговорок сумму в шестьдесят тысяч пиастров, — вот и все! По суду капитан был разжалован и принужден выплатить всю эту сумму сполна. Деньги эти поместили на мое и твое имя у одного надежного банкира, чтобы проценты с них накоплялись до твоего совершеннолетия. Итак, сын мой, ты человек богатый, так как сумма, положенная на твое имя, на имя Торрибио де Ньебласа, теперь удвоилась. Ты совершеннолетний и можешь располагать ею, как знаешь, а если хочешь, можешь разыскать свою семью!

— Моя семья здесь! Мне не зачем никого искать, отец мой! У меня нет и не было другой семьи, кроме нашей!

— Дитя мое, я должен сообщить тебе еще одну подробность, быть может, весьма важную: не знаю, заметил ли ты, что у тебя на каждой руке немножко ниже плеча имеется очень отчетливое изображение креста? Как знать, быть может, эти знаки будут иметь значение в твоей жизни?!

— Пустьяки! Что мне за дело до них?! Признаюсь, до сей минуты я почему-то никогда не замечал их...

— Ну, слава Богу, дитя мое, теперь тебе известно все! Поди же, позови сюда мать и брата; они, наверное, уже беспокоятся: мы беседуем с тобой так долго.

Прошла ночь прощания, а на заре старик стал заметно ослабевать и, как предвидел Торрибио, с восходом солнца угас. Он испустил последний вздох со счастливой улыбкой на устах, ласково сжимая в одной своей руке обе руки жены, в другой руки сыновей, заливавшихся горькими слезами.

Едва только тело знаменитого растреадора опустили в могилу, как донья Хуана, простирая над ней руку, обратилась к своим сыновьям и сказала глухим, но торжественным голосом:

— Дети, надо отомстить за него!

— Отец наш отомщен, — ответил Торрибио, — его убийца уже умер!

— Кто это сделал? — спросила она с заискрившимся взором.

— Я! — просто отозвался Торрибио и в нескольких словах рассказал, что было в Росарио.

Донья Хуана, не прерывая, выслушала его рассказ, не сводя глаз с прекрасного юноши и опершись рукой на его плечо:

— Ты хорошо сделал, сын мой! — сказала она, когда он кончил.

После того донья Хуана набожно опустилась на колени перед свежей могилой, сыновья последовали ее примеру, — и все трое молились долго и усердно.

— Мир праху его! — сказала донья Хуана, поднимаясь с колен, — Кровь за кровь, теперь нам здесь больше делать нечего. Пойдемте!

Уходя, она обернулась и еще раз взглянула на могилу. «До скорого свидания!» — прошептала она и медленно направилась к дому.

Вернувшись в ранчо, она слегла и уже больше не вставала. Она не жаловалась ни на что, но с каждым днем заметно угасала. Однажды вечером она призвала сыновей:

— Дети, — сказала донья Хуана слабым, но явственным голосом, — сегодня ровно месяц, как скончался ваш отец! Я знаю, что мне остается прожить всего лишь несколько часов!

— Мама! Дорогая мама! Что ты говоришь?! — горестно воскликнули оба.

— Смерть пришла, я это чувствую! — продолжала она. — Господь так милостив, что призывает меня к Себе, чтобы соединить с моим возлюбленным супругом! Мне было слишком тяжело в разлуке с ним, с дорогим моим Хуаном Мигелем! Я счастлива теперь, что иду к нему, не плачьте обо мне!

Она умолкла на минуту, затем продолжала как-то отрывисто:

— Бедные дети, вы остаетесь одни, но я и отец, мы невидимо всегда будем с вами! Любите же друг друга со всей братской нежностью и никогда не расставайтесь; храните в сердцах ваших воспоминание о тех, которые так горячо любили вас; Торрибио, я поручаю тебе брата, береги его и никогда не покидай!

— Клянусь вам, дорогая мама! — воскликнул молодой человек, подавляя рыдание.

— Благодарю тебя, сын мой! Когда меня не станет, опустите тело мое в одну могилу с вашим отцом. Мы с ним были соединены в жизни, соединимся и в могиле. Силы мои слабеют, я хочу вас благословить!

Оба молодых человека опустились на колени друг подле друга и склонили головы.

— Да благословит вас Бог, дети мои, будьте добрыми, честными людьми, и вы будете счастливы! — тихим голосом

произнесла донья Хуана, опустив руку на головы сыновей; те рыдали, закрыв лица руками, тогда как умирающая тихо милаясь, обратив глаза к небу.

В это время послышался тихий звук колокольчика.

— Ну, дети, встаньте и поцелуйте меня! — сказала больная. — Ах, дети, дети! — прошептала она в ответ на их нежные ласки. — Вы могли бы заставить меня пожалеть о жизни, если бы я не знала, что через несколько минут соединюсь на век с вашим отцом! Не плачьте, дайте мне приготовиться, чтоб я могла достойно предстать перед своим Творцом!

В комнату умирающей вошел священник со Святыми Дарами. Больная причастилась. А когда священник удалился, молодые люди снова вернулись к ее изголовью и больше уже не отходили от нее.

Прошло еще несколько часов. Донья Хуана ослабевала все более и более; лишь время от времени уста ее произносили одно какое-нибудь слово, а под утро глаза ее вдруг широко раскрылись, легкий румянец залил лицо; она поднялась и обхватила руками головы своих сыновей.

— Благословляю! Любите друг друга! Торрибио, поручаю тебе брата! — произнесла она ослабевшим голосом, затем поцеловала поочередно обоих молодых людей, обезумевших от горя; взгляд ее принял какое-то неземное блаженное выражение, и она радостно воскликнула: «Боже, прими мою душу!»

Руки ее опустились и повисли; слабое дыхание вылетело из уст, — и она тихо упала на подушки. Ее не стало, но лицо ее сохранило все то же выражение счастья и радости, какое было на нем в последние минуты ее жизни.

Гореобоих молодых людей не поддавалось никакому описанию: в течение одного месяца они лишились всего, что у них было дорогого в жизни, и остались одинокими, осиротелыми, без близких и родных, без семьи и опоры.

Спустя пятнадцать дней после похорон доньи Хуаны, молодые люди, устроив свои дела, отплыли из Буэнос-Айреса простыми матросами на английском трехмачтовом судне «Сандерленд». Торрибио хотел пройти корабельную школу и изучить на практике все, что ему уже было прекрасно известно в теории. В течение шести месяцев он успел стать отличным моряком, которому уж не оставалось ничему более учиться, а потому, проплавав четырнадцать месяцев на

«Сандерленде», оба брата распрощались со своим судном в Нью-Йорке.

— Ну, брат! — сказал Торрибио, как только они сошли на берег. — Теперь мы будем плавать самостоятельно. Я решил поступить в качестве матроса на «Сандерленд» только для того, чтобы дать тебе возможность привыкнуть и приглядеться к этому делу. Теперь ты стал прекрасным моряком; могу вполне положиться на тебя; и вот, я задумал купить судно.

— Ты хочешь купить судно! — воскликнул Пепе. — Разве ты так богат?

— У меня есть своих сто тридцать пять тысяч пиастров, а у тебя наследство от отца и матери в сорок две тысячи семьсот пятьдесят пиастров, что составляет довольно внушительную сумму, как видишь. Но мы с тобой молоды и должны трудиться, в наше время одни деньги дают вес и значение человеку в свете, и я хочу нажить большие деньги!

— Ты прав, но как ты это сделаешь?

— Как видишь, я хочу купить судно и стать в то же время и его капитаном, и арматором¹, а ты будешь моим старшим помощником.

— Нет, брат, в помощники я не гожусь!

— Как? Почему?

— Послушай! Я себя знаю; я в сущности не более как простой гаучо, то есть человек честный, прямодушный, но простой деревенский парень. Дай мне жить так, как мне хочется, по своей воле, без тревоги и забот! Я тебе не ровня ни по уму, ни по образованию и не могу стоять на одной доске с тобой; я только буду стеснять тебя, буду мешать тебе, а я этого не хочу.

— Что ты говоришь, брат?

— Правду, сущую правду! Я знаю, ты меня любишь и, конечно, хочешь, чтоб я стал счастлив, — не так ли?

— Разумеется!

— Ну, так оставь свои хлопоты, позволь мне жить, как мне хочется. Я знаю, тебе нужен верный, надежный человек, на которого ты мог бы вполне положиться, ну, одним словом, преданный слуга, — и этим-то я и хочу быть для

¹ Арматор — частное лицо, снаряжающее суда за свой счет.

тебя. С глазу на глаз, между собой, мы будем по-прежнему братья, а при людях, для света, ты будешь мой господин, а я — твой слуга! Это то же, что и всякая другая сделка. Итак, для начала я буду твоим подшкипером — решено?

— Нет, брат, на это я никогда не смогу согласиться!

— Так, значит, ты меня не любишь!

— Я не люблю тебя? Ах, Пепе! — укоризненно произнес дон Торрибио.

— Но раз ты хочешь меня принудить жить так, как мне не нравится!

— Что ж, если для тебя это настолько серьезно, — делай, как хочешь! Знай только, что когда тебе надоест эта нелепая комедия, приди и скажи мне! Обещай!

— Ну, обещаю; значит, решено?!

— Если ты непременно этого хочешь, упрямец! — сказал дон Торрибио, заключая брата в свои объятия.

— Благодарю! Благодарю тебя, брат! — радостно воскликнул молодой человек. — Одно еще, — не забывай, что с сегодняшнего дня я зовусь не Пепе Кабальеро, а...

— А как же прикажите вас величать?

— Пепе Ортис.

— Ну, пусть будет Пепе Ортис! — сказал смеясь Торрибио.

— Благодарю вас, сеньор дон Торрибио де Ньеблас! — ответил Пепе с комической важностью.

Так было заключено между братьями это странное условие, которое в недалеком будущем должно было иметь для них самые удивительные последствия.

Несколько дней спустя после этого разговора дон Торрибио приобрел за девятнадцать тысяч пиастров прекраснейшее судно, которое назвал «Надежда». Это был превосходный трехмачтовый корабль, легкий и ходкий, вместимостью в шестьсот тонн, обшитый медью, признанный всеми моряками завидным приобретением. Оно было построено в Нью-Йорке всего год назад и сделало только два рейса: в Бразилию, затем в Индию.

Капитан дон Торрибио де Ньеблас не теряя времени поручил Пепе набрать надежный экипаж для его судна, что тот исполнил очень умело и удачно. Спустя недели две «Надежда», нагруженная по самую палубу товаром, выгодно приобрела

ретенным молодым владельцем, снялась с якоря и вышла в море, взяв курс на Кантон¹.

В продолжение целых восьми лет дон Торрибио и Пепе исходили все моря и океаны, посетили все страны света, побывали повсюду, на севере и на юге, на востоке и на западе. При неизменном счастье и редкостной удаче всех предпринятых ими торговых оборотов, богатство обоих братьев возрастало с быстротой, превосходившей самые смелые ожидания.

За год или полтора до начала нашего рассказа «Надежда», стоявшая уже около шести недель на якоря в Кадисе, готовилась к отплытию с грузом в Нью-Йорк. И вот последний тук уже спущен в трюм, экипаж в сборе, — все готово; на утро судно должно стать под паруса и уйти в море.

Время клонилось к вечеру; капитан дон Торрибио де Ньеблас, сидя в одной из комнат гостиницы «Трех Волхвов», где он квартировал, оканчивал некоторые деловые письма и счета, когда вошел прислуживавший ему юнга и доложил, что какой-то пожилой человек непременно желает видеть капитана, уверяя, будто имеет сообщить ему нечто очень важное.

— Пусть войдет! — сказал капитан.

Вошедший был человек лет пятидесяти, высокого роста, крепкого сложения, с грустным, мрачным лицом. В нем сразу можно было признать старого солдата. Одет он был очень бедно, но чрезвычайно опрятно и с достоинством носил свои лохмотья или, как говорит испанская пословица, «умел находить способ драпироваться в бечевку».

Незнакомец почтительно поклонился капитану и остался стоять со шляпой в руках.

Дон Торрибио, оглядев его с любопытством, предложил сесть и, закулив сигару, спросил, что он имеет ему сказать.

— Сеньор! — отвечал незнакомец. — Зовут меня Лукас Мендес; я родом из Соноры, одной из провинций Мексиканской республики. Если позволите, в нескольких словах расскажу вам всю мою повесть!

— Говорите, сеньор, я слушаю.

— Лет двадцать тому назад, во время войны за независимость, меня насильно увезли с родины, — начал Лукас Мен-

¹ Кантон (ныне Гуанчжоу) — порт в Южном Китае.

дес, — и привезли в Испанию в качестве военнопленного или, вернее, инсургента, так как я был схвачен в ряду бунтовщиков с оружием в руках. Я не стану рассказывать вам, что я за это время выстрадал и перетерпел, — это было бы слишком долго, да и едва ли интересно. Скажу одно: выносил и терпел я, не жалуясь. Но теперь священный долг и данная мною умирающему клятва призывают меня на родину. К несчастью, я не имею ни гроша, даже на пропитание, и потому пришел просить о милости: разрешите мне сопровождать вас. Я буду служить вам, как верный пес, — быть может, даже сумею быть полезным, когда мы будем в Мексике, потому что, несмотря на долгое отсутствие мое, я хорошо знаю и помню свою родину. Если вы захотите уважить мою просьбу, вы этим сделаете поистине доброе дело, спасете человека от отчаяния и дадите возможность сдержать данную клятву.

— Но я иду в Нью-Йорк, а не в Мексику, сеньор! — сказал дон Торрибио, внимательно вглядываясь в своего посетителя.

— Да, я знаю, капитан, но мне также известно, что из Нью-Йорка вы намереваетесь идти в Веракрус.

— Это справедливо, вы не ошиблись, но, скажите, кто прислал вас ко мне?

— Сегодня в полдень, находясь случайно на набережной, я видел вас, сеньор. Ваше лицо мне показалось ужасно знакомо, оно живо напоминает мне человека, которого я некогда близко знал, и которому я сам закрыл глаза. И вот что-то толкнуло меня идти на «Надежду»; самое название судна было уже добрым для меня предзнаменованием! — добавил он, улыбаясь. — На палубе первым попался мне ваш подшкипер; не помню, что я ему говорил, но только он отнесся ко мне участливо и поручил мне передать вам записку и обратиться к вам лично с просьбой. Я так и сделал.

— А где у вас эта записка?

— Здесь, капитан, вот она!

Дон Торрибио взял записку и пробежал ее глазами, затем, написал на ней несколько слов, снова запечатал и вручил Лукасу Мендесу.

— Я согласен и принимаю вас к себе на службу, Лукас Мендес! — сказал капитан. — Вернитесь немедленно на судно, там мой подшкипер предоставит вам все необходи-

мое; мы уходим завтра с рассветом. Идите же с Богом, друг мой!

— Благодарю вас, ваша милость! — прошептал старик тихим, растроганным голосом. — Благодарю, но позвольте мне добавить еще только одно слово!

— Говорите!

— Я уже говорил вашей милости, — нерешительно продолжал он, — что дал клятву, которую считаю ненарушимой даже и по отношению к вам, спасителю моему, но я хочу предупредить вашу милость, что, когда мы прибудем в Мексику, то, быть может, мне придется отлучиться несколько раз, не объясняя вам причины.

Молодой человек улыбнулся.

— У вас могут быть частные дела, как и у меня! — сказал он. — Когда мы будем там, я представлю вам полную свободу. Что же касается вашей тайны, то я буду ждать до тех пор, пока вы сами не пожелаете открыть ее мне, так что можете быть покойны! Идите, Лукас Мендес, со временем мы будем иметь случай узнать друг друга ближе!

Старик раскланялся и вышел.

Вот как случилось, что у дона Торрибио оказались два преданных ему по гроб и безгранично привязанных к нему слуги, на которых он во всем мог положиться, как на себя.

На следующее утро в назначенное время «Надежда» ушла из Кадиса и пошла в Веракрус.

Теперь мы будем продолжать наш рассказ с того места, где остановились в конце первой главы. Впоследствии, когда это будет нужно, мы не забудем сообщить нашему читателю, как и почему, полтора года спустя по выходе «Надежды» из Кадиса, дон Торрибио приютился в глухой, забытой деревеньке нижней Калифорнии, путешествуя на коне, как какой-нибудь местный ранчero¹, после того как он объездил чуть ли не всю Мексику.

¹ Ранчero — владелец ранчо.

Какова была благодарность дон Мануэля

он Торрибио знал из разговоров, что дон Мануэль со своей семьей намеревался отправиться в Сан-Диего-дель-Рио, где он рассчитывал найти возможность сесть на другое судно, которое согласилось бы доставить его в Акапулько, откуда он думал добраться до Мехико. Прodelать все это путешествие на «Лафайете» нечего было и думать: капитан объявил, что его бриг не может уйти в море ранее чем по прошествии месяца или даже двух. Поэтому дон Мануэль просил выгрузить свои вещи и багаж и щедро расплатился с капитаном.

В Сан-Диего-дель-Рио был отправлен нарочный, чтобы узнать, стоят ли там суда. Несколько дней спустя, посланный возвратился и объявил, что Сан-Диего-дель-Рио — незначительное местечко, в которое заходят исключительно контрабандисты, и что там сесть на судно нет никакой возможности. Известие это, по-видимому, очень опечалило дон Мануэля. Положение становилось затруднительным, не мог же он, в самом деле, засесть безвыходно на столь продолжительное время в этой глухой деревушке?!

Дон Торрибио посоветовал ему отправиться сухим путем в Сонору и сесть на корабль в Гуаймасе; это значило сделать сто с небольшим миль; не спеша, это путешествие можно было совершить без особых затруднений и при сравнительно благоприятных условиях. После кое-каких возражений, сделанных просто для формы, дон Мануэль решил последовать совету молодого человека и, не теряя времени, отдал приказание купить мулов, нагонять *arrieros* (погонщиков для мулов) и разыскивать надежного проводника.

Однажды утром, придя в церковный дом, дон Торрибио заметил необычайный беспорядок, а дон Мануэль объявил ему, что на следующий день он уезжает.

Это известие, сообщенное ему так просто и естественно, как нечто такое, что для него должно было быть совершенно безразлично, так поразило молодого человека, что он насилу удержался на ногах, прислонившись к стене, бледный, как полотно. Боль, причиненная ему этим известием, была так нестерпима, что одно мгновение он думал, что должен умереть.

Несчастный молодой человек, как безумный, выбежал в сад. В маленькой рощице зонтичных пальм он опустился на скамью, закрыл лицо руками и дал волю слезам. Сколько времени он так плакал — никто не мог сказать. Быть может, несколько минут, а может, несколько часов; время идет так медленно, когда на душе тяжело, а у дон Торрибио было очень тяжело на душе. Вдруг он почувствовал, что чья-то нежная рука тихо и осторожно опустилась на его плечо; он вздрогнул и поднял голову.

Перед ним стояла донья Санта, прекрасная как всегда, но бледная, взволнованная, с полными слез глазами.

Вероятно, лицо молодого человека в эту минуту выражало страшную муку, потому что при взгляде на него она даже отступила назад, и горестное удивление отразилось в ее чертах.

— Бедный, бедный дон Торрибио! — прошептала она голосом жалостным и нежным, как пение.

— Как! Вам известно мое имя?! — воскликнул он.

— Я знаю все, — сказала она тихо, — и, быть может, знаю это не одна, — прибавила она со вздохом. — Я угадала вас прежде даже, чем я узнала, кто вы. Я расспросила о вас Педро Гутьерреса, а он, не имея причины скрывать, сказал мне все.

— Можете вы простить меня? — грустно спросил молодой человек.

— Простить что? — сказала она с очаровательной улыбкой, несмотря на то, что слезы все еще стояли у нее в глазах. — Простить за то, что вы спасли нам жизнь, и жизнь всех дорогих и близких мне людей, рискуя вашей собственной жизнью?! Мало того, я от всей души простила вам это ваше инкогнито, причины которого для меня понятны, но, кроме того, я еще благодарна вам... быть может, даже больше, чем бы мне следовало! — добавила она чуть слышно.

— О! — воскликнул он с неизъяснимым волнением. — За это слово...

— Ш-ш! — поспешно сказала она. — Я могу пробить здесь с вами всего одну минуту: за мной следят, подсматривают. Может быть, меня и теперь уже разыскивают. Но когда я увидела ваше отчаяние, мне сделалось так больно, так тяжело, что я решилась повидать вас в последний раз и сказать вам: не унывайте, надейтесь, дон Торрибио! Тех, кого люди разлучают, Бог может соединить; верьте, надейтесь, буду-

щее наше... Ваше, хотела я сказать, — поправилась она, вся покраснев. Чтобы скрыть свое замешательство, она поспешно стала снимать с шеи золотую цепочку с привешенной к ней голубой бархатной, шитой золотом ладанкой и, вложив ее в руку молодого человека, прошептала:

— Это последний подарок моей покойной матери; я дала клятву никогда не расставаться с этой ладанкой; но возьмите ее и храните в память обо мне; может быть, вы когда-нибудь вернете мне ее. Прощайте, дон Торрибио!

— Нет, нет! — воскликнул молодой человек, покрывая ее руки поцелуями. — Не говорите мне «прощайте», а — «до свидания»!

— Ну, до свидания! — и она упорхнула, как птичка.

На следующее утро дон Мануэль с семейством пустился в путь к Гуаймасу.

Дон Торрибио предложил дону Мануэлю сопровождать его день или два и, получив согласие, вновь почувствовал себя вполне счастливым, ибо мог еще некоторое время не расставаться с любимой; молча, степенно он ехал подле ее отца.

Кроме управляющихся с мулами *arrieros*, дон Мануэль сопровождал проводник, хорошо знающий местность, и двадцать специально нанятых для охраны дюжих парней. Таким образом, путникам нечего было опасаться нападения пограничных бродяг и бандитов, какими кишат все саванны Соноры.

Первые два дня пути прошли без особенных приключений. Дон Торрибио за эти два дня не раз сумел найти случай перекинуться наедине несколькими словами с доньей Сантой. Ладанку ее он с благоговением носил на груди и был счастлив, потому что теперь в нем жила надежда.

Однажды молодая девушка успела шепнуть ему:

— Не ищите меня в Мехико! Очень возможно, что мы совсем не поедем туда; мы поселимся в Соноре, но только я не знаю, где именно!

Дон Торрибио не знал еще, как он сможет воспользоваться этими сведениями. Каждая минута рядом с любимой была так драгоценна, а грядущая разлука так страшна, что он старался не думать о будущем.

Проводник был старый, опытный охотник, прошедший большую часть жизни в лесах Соноры и знавший лучше, чем кто-либо, жизнь прерии.

По-видимому, дон Мануэль относился к нему с большим уважением. Но когда пришло время искать местодля ночлега, он, не слушая возражений проводника, приказал располагаться в довольно глубоком овраге близ светлого широкого и быстрого ручья.

Избранное доном Мануэлем место показалось небезопасным и дону Торрибио. Он заметил среди бесчисленных следов, запечатлевшихся в мягком береговом песке, свежий след, показавшийся ему весьма подозрительным. Как видно, здесь был водопой хищников, обитателей этих лесов. Он тотчас же сообщил свои наблюдения проводнику, а тот, основательно исследовав почву, признал опасения молодого человека справедливым и снова попытался убедить дона Мануэля уйти из ложбины. Но тот лишь высмеял их страхи, которые ему казались очень забавными, и кончил заявлением, что теперь уже поздно искать другого места для ночлега; что караван достаточно многочислен и при том прекрасно вооружен, и звери, если только таковые существуют здесь на самом деле, а не в одном воображении проводника, конечно, почуют присутствие людей и не посмеют приблизиться к лагерю, а отправятся искать счастья в другом месте.

Вообще, дон Мануэль был одарен изрядной долей упорства и уверял, что знает пампасы не хуже всякого природного охотника, если только не лучше, а раз он решил что-либо, то не было никакой возможности заставить его изменить решение: ни доказательства, ни просьбы, ни увещания на него не действовали. Видя это, проводник, волей неволей принужден был отступить.

— Я исполнил свой долг и предупредил сеньора, — сказал он, — а там, да будет воля Божия!

Единственное исключение допустил дон Мануэль для дам: для них приказано было разбить палатку на значительном расстоянии от общего бивуака, так что они оказались совершенно обособленными в густой чаще деревьев.

Такое странное распоряжение было верхом безумия со стороны дона Мануэля, если только не глупым и печальным фанфаронством.

Дело могло окончиться катастрофой. Дон Торрибио, помнивший об ягуарах, за которыми он так долго гнался до встречи своей с Гутьерресом и знакомства с доньей Сантой, решил не ложиться в эту ночь и усердно караулить у палатки, где спала любимая девушка.

Поужинали; затем поговорили немного о событиях дня и о предположениях на завтра, после чего дон Мануэль проводил своих дам и сына до их ставки; весело пожелав им покойной ночи, он вернулся к общему бивуаку и тотчас же улегся спать в особом шалаше, нарочно приготовленном для него, предоставив проводнику и страже заботиться об общей безопасности.

Тогда дон Торрибио встал со своего места и, не возбуждая ничьего подозрения, заявил, что он хочет сделать небольшой обход окрестности, после чего удалился от костра в сопровождении верного Пепе Ортиса, который, угадав его мысль, прошел за ним следом.

Идя рядом, братья тихо разговаривали, обсуждая предстоящий план действий, и незаметно углубились в самую чащу леса. Минут десять спустя, оба уже сидели в засаде немного впереди палатки, в густой чаще деревьев, которые их совершенно скрывали от глаз.

Ночь была великолепная: все небо искрилось алмазными звездами, легкий, едва заметный ветерок пробегал по верхушкам деревьев, таинственно перешептывавшихся между собой. Кругом царили торжественная тишина и спокойствие ночи, привычный слух охотников ловил временами лишь слабый, шелест или хруст сухой ветки где-то вдали. То были тревожные предзнаменования: они предупреждали о том, что звери уже покинули свои логовища в глубине лесов и вышли искать добычи.

Прошло несколько часов, но до сих пор ничто еще не нарушало спокойствия охотников. Издали видели они огни костров главного бивуака, постепенно затухавшие, так как их уже не старались поддерживать.

Близилось утро. Дон Торрибио начинал уже думать, что все обойдется благополучно. Братья собирались вернуться на бивуак и поспать час — другой, как вдруг невдалеке послышалось глухое, протяжное рычание, на которое тотчас же отозвалось другое такое же — немного подальше. Спустя несколько мгновений из чащи появился великолепный ягуар; еще один вышел и стал подле него, а следом большими прыжками выскочили из кустов двое других, значительно меньше первых. Таким образом, охотникам предстояло сразиться с целой семьей ягуаров. Дело было нешуточное.

Два больших ягуара казались встревоженными; они с шумом втягивали в себя воздух, очевидно, чуя что-то непри-

вычное. Недоверчиво уставившись на двойную палатку, но не осмеливаясь, однако, еще приблизиться к ней, они стояли неподвижно. Так продолжалось две или три минуты; затем они медленно прилегли к земле, заложив назад уши, оскалив зубы и напряженно постукивая хвостами по земле. Очевидно, они готовились напасть на палатку.

В этот момент дон Торрибио заметил, что фрессада¹, закрывавшая вход в палатку, тихонько приподнялась, и с ужасом увидел донью Санту, испуганно оглядывающуюся по сторонам: молодая девушка, пробужденная от сна протяжным ревом хищников, встала и захотела своими глазами убедиться, на сколько велика была грозившая всем опасность.

При виде доньи Санты, ягуары громко зарычали, так что рев их, точно гром, раскатился по лесу, и, присев на задние лапы, приготовились к прыжку.

Расстояние, отделявшее их от девушки, было незначительным — в три прыжка ягуары схватили бы ее. Обезумев от ужаса, донья Санта упала на колени. Нельзя было медлить ни минуты.

— На мою долю — самец, на твою — самка! — крикнул дон Торрибио брату.

При звуке человеческого голоса оба зверя вздрогнули, испустили громкий рев, еще страшнее первого, — и горящие зрачки их, точно раскаленные угли, обратились на охотников с выражением безграничной злобы и ярости.

В тот же момент прогремели два выстрела; дон Торрибио и Пепе Ортис, выскочив из своей засады, накинулись на ягуаров со своими большими охотничьими ножами. Но им уже ничего не оставалось делать: ягуары были мертвы. Оставалось только покончить с двумя молодыми зверями, что уже не представляло особой трудности.

Управившись с детенышами, дон Торрибио поспешил к донье Санте. Заливаясь слезами, она упала в его объятия.

— Успокойтесь, сеньорита! — сказал он мягким, ласковым голосом. — Вы спасены; теперь вам ничто не грозит!

— Спасена!.. Да! — прошептала она. — Все благодаря вам, дон Торрибио! — И вдруг, выпрямившись во весь рост, взглянула на своего спасителя с выражением странной ре-

¹ Фрессада — занавеска.

шимости в лице и произнесла таким голосом, который невольно поразил молодого человека: — Эта жизнь, которую вы мне спасли дважды, вдвойне принадлежит вам, дон Торрибио! Клянусь вам, что, если я не смогу стать вашей, то не стану ничьей! — И лишилась чувств.

Молодой человек внес ее в палатку, где ее мачеха и маленький братишка, обезумев от страха, громко рыдали, ломая руки.

В следующий момент охотники, то есть охранная стража, проводник и дон Мануэль, вбежали в палатку, не помня себя от тревоги. Дон Мануэль, казалось, был в ужасном отчаянии: он упрекал себя во всем случившемся.

Дон Торрибио подошел к нему и сказал:

— Успокойтесь, сеньор, все обошлось благополучно! Никто не ранен, ваши дамы не пострадали: ягуары убиты.

Дон Мануэль с минуту стоял, окаменев, не в силах произнести ни слова, затем воскликнул:

— Лоцман, как мне отблагодарить вас! — Он весь дрожал от волнения. — Помните одно, что бы ни случилось, я навсегда останусь вашим должником и вашим другом! — И он несколько раз крепко пожал руку молодого человека.

После этого события нечего было и думать продолжать с рассветом путь: дамы, едва оправившись от ужасного потрясения, были еще так слабы и взволнованы, что не могли пуститься в дорогу. Им необходим был полнейший отдых, по крайней мере в течение нескольких часов. Для безопасности бивуак был перенесен на другое место. Обращение дон Мануэля к молодому человеку сразу заметно изменилось; холодный, сдержанный, порой даже надменный, он сделался теперь ласков, предупредителен и относился к нему, как к равному.

Тотчас после завтрака дон Мануэль предложил сигару дону Торрибио и, закулив сам, посоветовал дамам пойти отдохнуть, а молодого человека пригласил проехаться немного по лесу и кстати поохотиться, чем Бог пошлет.

В сопровождении Пепе Ортиса и одного из людей, конвоировавших караван, наши охотники выехали верхами из лагеря и углубились в чашу леса. Охота началась почти с первых шагов; дичи было так много, что к полудню, когда нестерпимый зной принудил охотников остановиться их сумки были уже полны.

Охотники спешили на прелестной прогалинке у светлого ручья; наемный провожатый был отослан с битой дичью в лагерь, только Пепо Ортис остался при охотниках, чтобы стеречь лошадей и охранять сон господ, если бы им вздумалось предаться сиесте¹.

Дон Мануэль уселся на траву и жестом пригласил дону Торрибио последовать его примеру.

С минуты их отъезда из лагеря они говорили лишь об охоте. Теперь же, оказавшись с глазу на глаз (Пепо Ортис растянулся на траве в некотором отдалении, чтобы не стеснять их своим присутствием), они могли разговаривать свободно.

Раскурив сигару, дон Торрибио передал дону Мануэлю свою зажигалку *мачеро*, чтобы и он закурил. Мачеро этот был из чистого золота, замечательной художественной работы: дон Торрибио заплатил за него громадные деньги в Париже. Раскурив сигару, дон Мануэль принялся внимательно рассматривать эту прелестную вещицу и затем, возвращая ее молодому человеку, сказал:

— Этот мачеро — редкая и ценная вещица и должен стоить очень дорого! Тут одного золота больше чем на пять унций. А какая тонкая работа! Теперь уже не делают таких вещей здесь в Мексике.

— Да, эта вещь не здешней работы: она куплена в Париже у знаменитого мастера и стоила десять унций — то есть восемьсот пятьдесят франков на французские деньги.

— Эге! — усмехнулся дон Мануэль. — Видно, лоцманство здесь, у берегов Калифорнии, дело прибыльное, если вы можете себе позволять такие дорогие прихоти.

— Я, право, не знаю, сеньор, насколько прибыльно лоцманское дело здесь, у берегов Калифорнии, или в каком-либо другом месте!

— Как же так, когда вы сами лоцман?

— Я?! — воскликнул, смеясь, молодой человек. — Нет, я никогда им не был! Единственное судно, которое я проводил в качестве лоцмана, было то, на котором находились вы в качестве пассажира!

¹ Сиеста — знойное время дня в Америке, когда все предаются ленивому ничегонеделанию. В Америке слово *сиеста* равносильно итальянскому *dolce far niente*, «приятное ничегонеделание». — *Примеч. автора.*

— В таком случае, примите мои поздравления. Для первого раза вы прекрасно справились со своей задачей: без вас мы непременно все погибли бы!

— Не знаю, сеньор. Во всяком случае, я очень счастлив, что случай помог мне оказать вам услугу.

— Скажите прямо, спасти нам жизнь, сеньор! — любезно поправил его дон Мануэль. — Но вы говорите о случае, — разве вы не житель этой деревушки?

— Я? — беспечно и весело отвечал дон Торрибио. — Нет! Я такой же чужой человек в этой стране и такой же путешественник, как и вы! Гроза загнала меня тогда в тот публо всего за несколько часов до прихода туда вашего судна!

Некоторое время длилось молчание: дон Мануэль размышлял о чем-то.

Дон Торрибио с легкостью перенес этот вопрос: ему нечего было скрывать. После всего, что случилось, инкогнито мешало ему завязать с доном Мануэлем близкие отношения.

Между тем, после минутного молчания, дон Мануэль, как бы угадав мысли молодого человека, покачивая головой, с видом полнейшего добродушия, которое даже тронуло дона Торрибио, продолжал:

— Да, да, это бывает! Человек молод, характер слегка экзальтированный, жаждущий приключений. Начитавшись, быть может, французских романов, он пожелал осуществить прочитанное, стать героем окутав тайной свое имя. Но события идут своим порядком, осложняются, — и вот настает день и час, когда спохватываешься, что действительная жизнь предъявляет кое-какие требования, которых мы раньше не предвидели. Тогда-то это необдуманно принятое инкогнито начинает тяготить: мы почти сожалеем, что навязали его себе, и рады были бы от него отделаться при случае.

Дон Торрибио весело расхохотался.

— А! — сказал его собеседник с легкой улыбкой. — Значит, я угадал?!

— Почти! — весело отозвался молодой человек. — Но должен вам признаться откровенно, кабальеро, что во всем этом не было ничего предумышленного с моей стороны. Первая наша встреча, как вы, вероятно, помните, состоялась при столь необычных обстоятельствах, что я предпочел сохранить инкогнито в ваших глазах, будучи в полной уверен-

ности, что вы сейчас же покинете ту деревушку, и что наше знакомство тут же прекратится!

— Да, но вышло иначе. Вы продолжали свою мистификацию. Несколько раз я принимался расспрашивать о вас уважаемого священника, который приютил нас. Но, вероятно, подученный вами, он хранил упорное молчание и я ничего не смог от него добиться.

— Да, это правда, сеньор. Вы меня простите, я действительно просил его не говорить ничего обо мне; да, в сущности, даже если бы он и захотел, то не мог бы ничего сказать вам: ведь он и сам совсем не знает меня!

— Ага! Ну, теперь я понимаю! Конечно, все заставляло предполагать, что случайная наша встреча не будет иметь последствий, и вы имели полное право поступить так, как вы поступили, но вышло иначе. Знакомство наше продолжалось, мало того, оно вдруг стало близким, интимным. Я и остальные члены моей семьи, мы обязаны вам безграничной признательностью, которую, быть может, никогда не будем иметь случая доказать вам. Право, можно сказать, что сам Господь послал вас на нашем пути, чтобы дважды спасти нас от ужасной смерти. Такого рода услуги порождают, однако, известного рода обязательства как с той, так и с другой стороны. Итак, мы теперь не только вправе, но даже должны знать, кто тот человек, которому мы столь многим обязаны.

— Вы правы, кабальеро, мое инкогнито не имело никаких иных побудительных причин, кроме той, которая уже известна вам. Я не имею основания скрывать ни свое имя, ни свое общественное положение. Скажите слово, и это инкогнито, на которое вы жалуетесь, сейчас же исчезнет.

— Поверьте мне, сеньор, — отвечал дон Мануэль, — что если я желаю знать вас, то вовсе не из праздного любопытства! Нет! — продолжал он задумчиво. — Мои причины гораздо серьезнее, чем вы полагаете! С первого момента, когда я увидел вас, меня поразило ваше лицо, мне показалось, что в ваших чертах я нахожу сходство с лицом, грустное воспоминание о котором не покидает меня никогда. И, наконец, как знать, быть может для нашего взаимного благополучия весьма важно, чтобы всякого рода недоразумения прекратились, и чтобы я знал, кто вы такой, точно так же, как вы узнаете, кто я. Судя по всему, мне кажется, что вы человек богатый и принадлежите к одной из лучших фамилий вашей страны. Итак — говорите, прошу вас.

При последних словах своего собеседника молодой человек слегка вздрогнул, у него вдруг родилось предчувствие неминуемой страшной беды, готовой разразиться над его головой. То было какое-то наитие, какое-то откровение свыше; оно поразило его, как громом, но прошла минута, — он совершенно оправился: с улыбкой и прекрасно сыгранной беспечностью он отвечал:

— Пусть так, кабальеро! Я все расскажу вам в двух словах: состояние у меня громадное, а семьи у меня нет никакой!

— Вы сирота?

— Да, с ранних дней моего детства!

— Прекрасно! — добродушно улыбнулся дон Мануэль. — Отвечено коротко и ясно — именно так, как должен говорить настоящий кабальеро!

— Благодарю вас за это доброе мнение, сеньор! — сказал молодой человек.

— Да, но хотя вы сирота, — все так же добродушно улыбаясь, продолжал дон Мануэль, — все же у вас есть имя, — его-то я желал бы знать!

— Зовут меня дон Торрибио де Ньеблас.

— Торрибио де Ньеблас! Я не знаю ни одной семьи этого имени в Мексике, сеньор; неужели вы иностранец?

— Нет, я полагаю, что мексиканец!

— Как так — вы полагаете? Разве вам неизвестно, какого вы происхождения? — спросил старик, сдвинув брови.

— Действительно, мне это неизвестно, сеньор, но все заставляет меня предполагать, что я принадлежу к одной из самых знатных фамилий Мексики. К сожалению моему, — это одни догадки и предложения, и по сие время я один в свете.

При этих последних, в сущности столь простых, словах дон Мануэль заметно вздрогнул; конвульсивная дрожь пробежала по всем его членам; мертвенная бледность покрыла его лицо, и он спросил, но настолько глухим голосом, что его едва можно было понять:

— А имя этой семьи, конечно, известно вам?

— Нет, кабальеро, я не знаю его!

Дон Мануэль бросил на него странный, испытующий взгляд, от которого молодому человеку стало даже жутко; слабая, блуждающая улыбка скривила губы старика.

— Подкинутое дитя, с целью скрыть грех! — презрительно прошептал дон Мануэль.

— Нет, вы ошибаетесь, сеньор! Дитя, покинутое вдали от своей родины с целью овладеть подло и низко его богатством! — холодно поправил своего собеседника дон Торрибио.

— Хм! Что вы говорите, сеньор? Это слова не шуточные! Берегитесь, они могут найти отголосок, который будет для вас ужасен! — с угрозой воскликнул старик.

— Они, надеюсь, не имеют ничего обидного для вас, сеньор?

— Конечно, ко мне они нисколько не относятся! — с лживой улыбкой и стараясь казаться спокойным сказал дон Мануэль.

— Я это именно и говорю, сеньор! А то, что я сказал, сущая правда; я это знаю, мало того, даже имею несомненные доказательства. Кто бы ни был мой отец, он, конечно, не виновен в ограблении, которого я стал жертвой, ни даже в еще большем преступлении, которое пытались совершить надо мной. Бог хранил меня, — и все эти отвратительные махинации постыдно рухнули.

В настоящее время я богат, очень богат, свободен и силен. Если бы я только захотел мстить, — для меня не было бы ничего легче; но я презираю месть, которая может дать только бесплодное, жестокое удовлетворение.

Я один и останусь один! Но Господь, спасший мне жизнь, Сам сумеет поразить и наказать виновных, как бы они ни считали себя хорошо огражденными. От Бога никто и ничто не может укрыться, и если Он медлит наказанием, то, я уверен, тем ужаснее будет это возмездие, — эта Господня!

Дон Мануэль вздрогнул и побледнел еще сильнее.

— Прекрасно, сеньор кабальеро! — продолжал он после минутного молчания, снова приняв свой обычный спокойный и надменный тон. — Вы сейчас говорили прекрасно! Проклят тот сын, который позволяет оскорблять своего отца! Простите, я виноват перед вами!

— Мне нечего прощать вам, сеньор! Вы не знаете моего отца, как не знаю его я. Следовательно, вы не могли оскорбить его.

— Итак, вы совершенно отказываетесь предпринять что либо для того, чтобы разыскать вашу семью?

— Да, решительно отказываюсь, сеньор!

— Быть может, потому что сами сознаете невозможность разыскать ее когда-либо?

— Напротив! Если бы я только захотел, то успех несомненно увенчал бы мои старания!

— После стольких лет? — недоверчиво покачав головой, заметил старик.

— Время не имеет для меня ни малейшего значения, кабальеро! У меня в руках такие данные, с которыми, повторяю вам, успех в этом деле заранее обеспечен.

— Но в таком случае, почему же не попытаться заявить о своих правах и вернуть себе имя, которое принадлежит вам по праву?

— Для чего, сеньор? Чтобы вернуть состояние? Но я вам говорю, что я богат, страшно богат. Чтобы вернуть имя моих предков? Но я, благодарение Богу, составил себе имя сам, и оно мое; я сумел окружить его таким ореолом почета и уважения, что оно стоит наравне с самыми славными именами нашей страны. Остается месть, — но мести я не хочу, потому что никогда нельзя знать, куда она может привести человека. Есть еще ненависть, чувство низкое, подлое, презренное, которого я не понимаю и не хочу понимать; я рожден для любви, а не для ненависти; у меня, слава Богу, нет врагов, — и я не желаю, чтобы они у меня были! Моим девизом всегда было: «жить в мире с самим собой и с другими и, по возможности, делать добро». Карать может один Господь, а мы, люди, карая виноватого, часто можем покарать одновременно и невинных!

— Вы добродетельны и великодушны, сеньор! Однако, позвольте мне сказать вам, что бывают случаи, когда месть является почти необходимостью, даже долгом!

— Очень возможно, сеньор! Но я не знаю таких случаев. Пусть те, невинной жертвой которых сделался я, живут спокойно и наслаждаются жизнью, если их совесть не мешает им чувствовать себя счастливыми! Во всяком случае, я не нарушу их покоя и счастья до тех пор, пока они не станут мне поперек дороги. До тех пор я не вспомню о них, не шевельну пальцем для их гибели! Но горе им, если они осмелятся пойти против меня: помешать мне в моих планах или вмешаться в мою жизнь!

Последние слова были произнесены таким голосом, что дон Мануэль невольно вздрогнул.

— Однако, извините меня, сеньор, — продолжал дон Торрибио, улыбаясь, — я увлекся, как школьник! Вернемся к нашему разговору: теперь вы знаете обо мне почти столько

же, сколько знаю я сам, — тогда как слово «дон Мануэль» решительно ничего не говорит мне. Позвольте же и мне, в свою очередь, попросить вас сказать, с кем я имею удовольствие говорить.

— Зачем?! — презрительно уронил старик. — После тех признаний, какие вы сейчас сделали мне, всякого рода отношения между нами становятся невозможны.

— Как? Почему? Что вы хотите этим сказать, сеньор? Я вас не понимаю! — с удивлением воскликнул молодой человек.

— Я хочу сказать, — проговорил дон Мануэль, глаза которого горели теперь мрачным огнем, — хочу сказать, что между нами лежит пропасть! Между нами нет ничего общего! — продолжал он отрывистым и глухим голосом. — Я никогда не буду другом... — Но тут, как бы спохватившись, он прервал себя на полуслове и затем продолжал ледяным тоном, — поезжайте своей дорогой, дон Торрибио, и не мешайте мне идти моей, — а пуще всего берегитесь, чтобы вам вновь не повстречаться со мной! — И прежде чем молодой человек успел обратиться к нему с каким-нибудь последним вопросом, он вскочил на коня и, дав ему шпоры, умчался во весь опор, крикнув пронзительным голосом:

— Прощай, дитя мое! Будь счастлив! У меня не хватит больше сил ненавидеть тебя!

Несколько секунд спустя старик исчез из глаз пораженного молодого человека. И тут дон Торрибио вдруг отчаянно вскрикнул, в глазах у него помутилось, кровь хлынула ручьем из горла, он потерял сознание и без всяких признаков жизни упал навзничь.

ГЛАВА V

В которой говорится о миссии дона Торрибио

Когда дон Торрибио пришел в сознание, он увидел себя на постели в роскошно убранной комнате, которую тщетно старался узнать или припомнить. Подле него находились Пепе и Лукас Мендес, бледные, встревоженные, следящие за каждым его движением.

Еще два незнакомца стояли в ногах у его постели и так же, по-видимому, с большим вниманием следили за больным.

Это были хозяин дома, владелец асиенды¹, где теперь находился дон Торрибио, и француз доктор, человек с резкими, энергичными чертами, но с выражением чрезвычайного добродушия в лице, — звали его дон Пабло Мартино, ему приписывали необычайную ученость, и на целые пятьдесят миль в окружности он пользовался громкой славой и известностью. На вид это был парижанин с головы до пят, то есть скептик, остряк, насмешник, но в душе человек добрый, простодушный и чистосердечный.

Асиендадо² был мужчина высокого роста, пожилой, насколько вообще можно судить о возрасте индейца, переступившего границу пятидесяти лет, сухой и прямой, как копье. Его низкий и узкий лоб, маленькие глаза под густыми, нависшими бровями черные, блестящие, живые, с умным и проницательным выражением, придавали какую-то особенность его лицу; тонкий орлиный нос с подвижными ноздрями, довольно большой рот с толстыми, мясистыми губами и двойным рядом крупных белых зубов, острых и блестящих, как зубы грызунов, имели нечто хищное, а лицо его совершенно безусое и безбородое, с выдающимися скулами и широким, немного плоским подбородком дышало удивительной энергией и смелостью. Густые пряди совершенно прямых, лоснящихся, иссиня-черных волос обрамляли это своеобразное медно-красное лицо, сразу поражавшее того, кто его видел в первый раз, выражением кротости, сильной воли и какой-то мечтательной задумчивости. Вопреки его уже немолодому возрасту, горячность темперамента ясно проглядывала сквозь сдержанность его обычного обращения. С первого взгляда было видно, что этот человек еще не утратил молодой силы, ловкости, гибкости и проворства движений. Общее впечатление, производимое наружностью этого человека, было скорее симпатичное и располагающее в его пользу. Звали его дон Порфирио Сандос.

Обведя несколько раз вокруг себя блуждающим взглядом, больной прошептал едва внятно:

— Пить!

— Он спасен! — воскликнул доктор, поспешив подать ему питье.

¹ Асиенда — поместье, ферма.

² Асиендадо — владелец асиенды.

— Ну, слава Богу! — прошептал асиендадо.

Пепе и Лукас Мендес опустились на колени у постели больного и воздали горячую благодарность Богу.

Сделав несколько глотков, дон Торрибио опять закрыл глаза и почти тотчас же заснул. Когда он опять пробудился, то почувствовал себя как будто посвежевшим, более спокойным и не столь утомленным, но до крайности слабым.

Была ночь; у его изголовья сидели двое его верных слуг; он узнал их и, улыбаясь, протянул им руку, чтобы выразить свою.

— Кажется, я был сильно болен? — спросил он у Пепе Ортиса.

— Вы чуть не умерли, *mi amo!* — с грустью ответил молодой человек.

— О, что ты говоришь, брат?! Неужели я был так близок к смерти?

— Да, пятьдесят один день вы находились в самом ужаснейшем бреду, в горячке, припадки которой были порой так сильны, что мы с Лукасом Мендесом с трудом удерживали вас, чтобы вы не разбили себе голову о стену!

Но этот благородный молодой человек не рассказал брату, с какой самоотверженностью и преданностью он ухаживал за ним, скольких, почти нечеловеческих усилий, мужества и терпения ему стоило перенести и доставить одному, без всякой посторонней помощи, из самой чащи дремучего, девственного леса до асиенды дель-Пальмар своего умирающего брата. Ведь потребовалось пройти около ста миль. Без всяких перевязочных средств, один, ухаживая за больным, как умел и как мог, охотясь, чтобы доставить себе пропитание, не останавливаясь ни перед каким препятствием, прорубая дорогу топором в этих дебрях, доступных только диким зверям, — он заботился о жизни брата. За два дня до прибытия на асиенду дель-Пальмар к нему на помощь подоспел Лукас Мендес. Это было спасением: Пепе чувствовал, что силы ему начинают изменять. Он был уже двадцать два дня в дороге, не зная отдыха ни днем, ни ночью, в постоянной тревоге за брата.

— Где мы находимся, Пепе? — спросил дон Торрибио.

— Между Хопори и Тубаком, почти у подножия Сьерры-де-Пахаррос!

— Неужели так далеко? — прошептал больной.

— Не оставаться же нам было на том месте?!

— Да, да, конечно... я сам не знаю, что говорю! Как называется эта местность, где мы теперь находимся?

— Это асиенда дель-Пальмар, одна из самых значительных во всей Соноре.

— А давно мы здесь?

— Да уже тридцать три дня!

— Уж так давно! Что же должен обо мне думать почтенный владелец этой асиенды, так радушно открывший нам двери своего дома?..

— Он рад, что нам удалось спасти вас! Доктор Марино считает ваше выздоровление чудом; он несколько раз говорил нам, что, если бы не кровь, так сильно хлынувшая у вас тогда, вы могли умереть.

— А кто этот доктор Марино?

— Это здешняя знаменитость, врач француз, ухаживавший за вами, как за родным сыном!

— О, я должен его отблагодарить!

— Вы скоро увидите и его и владельца асиенды. Он удивительный человек — так нежен, заботлив и предусмотрителен!

— Какой же я неблагодарный! Я даже не спросил его имени!

— Зовут его дон Порфирио Сандос.

— Что? Дон Порфирио Сандос?! — воскликнул молодой человек. — Неужели?!

— Да!

— О, в таком случае я хочу!..

В этот момент дверь комнаты тихонько отворилась, и на пороге показался сам дон Порфирио с приветливой, ласковой улыбкой.

— Замолчите! — сказал он, прикладывая палец к губам. — Вы слишком много говорите для больного, дорогой гость мой; довольно того, что вы теперь знаете, что сам Господь привел вас сюда, а когда вы совсем поправитесь, и силы вернутся к вам, тогда мы поговорим, сколько вам будет угодно. До тех пор потерпите немного, а, главное, берегите себя, не утомляйтесь, не говорите много; доктор Марино предписывает полный покой!

— Благодарю вас, кабальеро! Я постараюсь быть послушным! — отозвался больной с многозначительной улыбкой.

Однако, выздоровление дон Торрибио затянулось на целых два месяца, — так трудно ему было оправиться от страшного потрясения.

Во все это время дон Порфирио Сандос и доктор Марино постоянно старались развлекать больного, разговаривая с ним о всяких пустяках, но тщательно избегая серьезного разговора.

Но вот настало время, когда юноша совершенно поправился; силы вернулись, и он чувствовал себя превосходно. Теперь уже дон Порфирио не имел предлога откладывать объяснения. И вот однажды по утру он вошел в комнату молодого человека — как раз в тот момент, когда дон Торрибио оканчивал свой туалет и отдавал приказание седлать коня.

— Вы хотите ехать, сеньор? — спросил асиендадо.

— Да, дорогой хозяин, хочу немного проехаться, — я чувствую потребность в свежем воздухе и думаю, что час-другой в седле не повредит мне.

— Конечно, прогулка верхом — это замечательно, тем более до завтрака! — смеясь, заметил дон Порфирио. — Вы хотите ехать один?

— Да, за неимением компании!

— Ах, вот как! Ну, а что, если бы я поехал с вами? Что вы на это скажете?

— Вы? О, это было бы прекрасно!

— Так вы согласны?

— Конечно! Пепе, скорее, друг мой, коней дону Порфирио и мне! Вот мы с вами теперь и поговорим! — сказал он, обращаясь к асиендадо. — Я имею столько сказать вам!

— Ну, не так много, как вы думаете, сеньор! — с улыбкой возразил его собеседник.

— Что вы хотите этим сказать?

— Пойдемте, лошади ждут нас! — оборвал разговор асиендадо.

Они вышли, сели на коней и вскоре очутились в открытом поле.

Некоторое время они ехали рядом, перекидываясь ничего не значащими словами; наконец въехали в густой лес, и асиенда совершенно скрылась у них из вида.

— Куда же вы хотите заставить меня ехать? — вдруг спросил дон Торрибио. — Вы, как я вижу, имеете какую-то определенную цель.

— Да, совершенно верно, вы не ошиблись, молодой человек! — ответил, улыбаясь, дон Порфирио. — Вы изволили выразить желание поговорить со мной, и я, сознаюсь, сгораю от нетерпения побеседовать с вами!

— Так в чем же дело? Мне кажется, что здесь, нам ничто не мешает объясниться.

— Мы, индейцы, люди предусмотрительные, молодой человек, и осторожные свыше всякой меры! Мы держимся того мнения, что две предосторожности лучше одной. А так как то, что мы имеем сказать друг другу, весьма важно и не должно быть услышано никем, то я, если позволите, приму в данном случае еще и третью предосторожность.

— Какую же, дорогой сеньор?

— Позвольте мне попросить вас доехать со мной до Серро-Пеладо — это всего в одной миле отсюда! С его вершины мы будем видеть всю местность на десять миль, так что никто не сможет приблизиться к нам без того, чтобы мы его не заметили. Вы сами знаете, что стены имеют уши, а деревья имеют не только уши, но и глаза; на высотах же нас слышит только один Бог, как говорят мудрые индейцы. Что на это скажете?

— Скажу, что они правы! — смеясь, отозвался молодой человек.

— Итак, прибавим рыси, и через четверть часа мы уже будем на вершине горы!

Действительно, менее чем за четверть часа наши всадники прибыли к горе. Стреножив лошадей подле большой копны душистого сена, они пешком поднялись на самую вершину. Здесь нашим героям нечего было опасаться, что их подслушают.

Серро-Пеладо — гора искусственная, создание рук человеческих, род *теокали*, то есть древнего храма, какие в Мексике можно встретить повсеместно. Внушительные памятники древности, оставленные, быть может, еще доисторическими племенами, среди степей и равнин этой страны, самое предание о которых не сохранилось до наших дней, — это таинственные грани и пределы их странствований, неизвестных нам. Мексиканцы, то есть коренные обитатели Мексики, воспользовались многими из них, построив на их вершинах храмы своим божествам. Эти храмы в эпоху завоевания Мексики были разрушены ретивыми католиками, и вместо них воздвигнуты часовни в честь Богоматери.

Быть может, и Серро-Пеладо таил в себе какой-нибудь подземный дворец или же целый ряд пещер, нагроможденных одна на другую. Но благодаря своему исключительному положению среди недоступного девственного леса до сих пор он был спасен от кирки и лопаты археологов и искателей сокровищ инков. И эта искусственная гора уцелела в том самом виде, в каком она вышла из рук своих таинственных строителей.

Тщательно осмотрев вершину во всех направлениях и удостоверившись, что нигде нет шпиона, который мог бы подслушать их, дон Порфирио Сандос уселся на обломок скалы, поросшей мхом, и, закулив маисовую пахитосу, обратился к дону Торрибио:

— Здесь, дорогой мой гость, одни орлы да грифы могут слышать нас! Мы можем говорить без опаски, но только нам следует, по возможности, быть краткими, потому что слишком продолжительное отсутствие наше на асиенде может возбудить подозрение!

— Носкажите, к чему всеэти предосторожности и оговорки, сеньор? Я что-то не совсем понимаю! — спросил дон Торрибио, раскуривая сигару.

— Вы поймете, когда убедитесь на опыте, что мы со всех сторон окружены шпионами и соглядатаями! Вы полагаете, что здесь, в глуши, в стране почти безлюдной, где жители большей частью кочевники, за нами не следят, — и ошибаетесь: все, что делается у меня на асиенде, известно. Счастье ваше, что вы попали ко мне случайно, что ваша продолжительная болезнь на время заставила замолкнуть всякие подозрения, но это затишье пред бурей. Знайте, что с того самого момента, как вы покинули Мексику, за вами следили; только вы ловко сумели сбить их с толку; они не могут допустить, чтобы человек, на которого возложена такая серьезная миссия, мог быть так весел и беспечен: бродить, как случится, по лесам и полям, охотясь и восхищаясь дикой природой, не стараясь даже сблизиться с людьми, среди которых находит временный приют. Все это, конечно, прекрасно, но теперь настало время приступить к делу, и потому нам следует держаться как можно дружнее и теплее.

— Я готов действовать! Как вам известно, я имею самые широкие полномочия от правительства. Все предоставлено на мое усмотрение. Итак, вы видите, что мы с вами можем действовать, как угодно, лишь бы дело это удалось нам!

— Оно должно удаться: глядя на вас, я не сомневаюсь в успехе.

— О-о! Это уж чрезмерная похвала, сеньор! — смеясь, заметил молодой человек.

— Нет-нет, я располагаю сведениями, подтверждающими ваши выдающиеся способности. О ваших высоких достоинствах пишет сам министр юстиции — его передал мне Пепе Ортис. Я весь к вашим услугам, располагайте мной, как вы найдете нужным. Если все растреадоры Аргентинской республики походят на вас, то негодяем всякого рода там плохое житье!

— О, есть несравненно более опытные и искусные, чем я! — сказал дон Торрибио, улыбаясь. — Ведь, в сущности, я не профессиональный растреадор...

— Простите, но мне кажется очень странным, почему вы, будучи так богаты, приняли на себя дело, в котором сто раз на дню рискуете своей жизнью?

— Я и сам затрудняюсь объяснить это — даже самому себе. Мне почему-то сразу показалось, что это дело — мое личное даже в большей мере, чем дело всей этой страны.

— Однако, насколько я знаю, вы ведь вовсе не гонитесь за наградой!

— Конечно, в случае успеха я не приму никакого вознаграждения!

— Странно, — прошептал асиендадо. — Вы, конечно, — продолжал он, обращаясь к своему собеседнику, — выработали известный план, сделали кое-какие заметки во время вашего продолжительного путешествия по стране?

— Да, разумеется, но прежде, чем я сообщу вам этот план и мои предположения, я хотел бы получить от вас некоторые сведения о неприятеле, против которого мы должны бороться. Мне говорили, что никто их так хорошо не знает как вы!

— Это правда, кабальеро! Вот уже двадцать лет, как я веду против них глухую борьбу, которая день ото дня становится все более серьезной, и говорю вам, что я их выведу на чистую воду или погибну!

— Хм! Видно, в вас говорит самая искренняя ненависть!

— Нет, более того, сеньор! У меня нет слов, чтобы выразить вам то чувство, которое мне внушают эти негодяи! Чего бы мне ни стоило, а я изобличу вождей этого опасного общества и отомщу им или же сам погибну, как я уже сказал вам.

— А, это месть!

— Да, месть, самая ужасная, самая беспощадная! — мрачно подтвердил асиендадо. — Быть может, когда-нибудь открою вам мою тайну.

— Я весь к вашим услугам, вы вполне можете рассчитывать на меня! Клянусь вам в этом!

— Благодарю вас, кабальеро! Быть может, придет такая минута, когда мне придется напомнить вам ваши слова.

— В этом не будет надобности, я готов помочь вам в любую минуту. Ну, а теперь расскажите поподробнее об этом обществе, так как министр юстиции мог дать мне лишь очень смутное представление о настоящем положении дел, предложив обратиться со всеми расспросами к вам.

— Так слушайте. Провинции Аризона, Сонора и Синалоа в силу своего отдаления от правительственных центров и своего положения на индейской границе а также и благодаря своим минеральным богатствам издавна являлись излюбленным местопребыванием всякого рода отщепенцев человеческого общества, воров, разбойников, грабителей и мерзавцев всякого рода. Но надо сказать, что преступники собираются в небольшие разрозненные шайки, почти всегда враждующие между собой и всегда немногочисленные, действующие без всякой определенной системы, не имеющие ни вожakov, ни какой бы то ни было организации, постоянно разбиваемые и постоянно возрождающиеся. Раньше мало вредили стране. Жители были всегда настороже — и жизнь шла своим чередом. Но вот возникла война за независимость Мексики. Война эта породила героев, но лучшие из них погибли — кто в бою, кто преданный и проданный врагу и беспощадно расстрелянный или замученный бесчеловечной пыткой. Был момент, когда инсургенты — совершенно дезорганизованные, без оружия и почти без вождей, способных руководить ими, — были преследуемы, точно дикие звери в лесах и горах, и принуждены искать убежища в самых потайных углах родной страны. Деморализация и упадок духа были общие; казалось, Испания одержит верх. Только еще несколько горстей герильяс¹ держались кое-где, предпочитая смерть на поле брани постыдной покорности ненавистному игу испанцев. К несчастью, эти мужественные и доблестные герильяс, терпевшие повсюду поражения, лишь с большим

¹ Герильяс — повстанцы.

трудом находили себе пропитание и боевые припасы. Всякая дисциплина исчезла, — и солдаты, побуждаемые голодом и крайней нуждой, превратились в разбойников. И вот тогда-то вдруг образовалось это ужасное общество платeadос. Это — таинственная шайка, которая за пятнадцать лет успела опутать своей сетью всю Мексику. Платeadос первоначально объявились в Соноре и оттуда уже распространили свою невидимую власть на всю республику. Их присутствие чувствуется во всех провинциях, но никто их не видит, никто не знает их вождей и не может указать на них. Это отнюдь не простые разбойники; нет, они распространены во всех классах общества: на каждой ступени общественного положения у них есть приверженцы и участники. Вы можете увидеть их во всяком платье, к ним принадлежат люди самых разных национальностей; они в совершенстве исполняют любую роль и клянутся, вступая в шайку, никогда не покушаться на воровство на сумму ниже десяти тысяч пиастров. Все они, то есть, конечно, вожаки и предводители, отличаются необычайной роскошью в одежде и конской сбруе, которая у них почти сплошь покрыта серебром. Отсюда, кстати, и название — платeadос¹.

— Но в таком случае сам внешний вид уже выдает их, — заметил молодой человек.

На это асиендадо лукаво усмехнулся.

— Нет, сеньор, это не так легко, как вы думаете! Вы еще не знаете этой страны, не знаете как запуганы местные жители! Мексика ни в чем не походит ни на одну из других стран; здесь люди делятся на два класса: бедных и богатых, вечно враждующих между собой; здесь не существует никаких общественных различий: сегодняшний *лeпepo*, то есть нищий, плебей, может завтра стать сенатором; точно также и богач, став внезапно *лeпepo*, безропотно мирится со своей долей и относится совершенно равнодушно к своему падению, как бы ужасно оно ни было: он знает, что не сегодня — завтра он снова всплывет на поверхность и вернет себе все утраченное. Такие понятия, как честь, родной край, преданность другу или своему делу — для трех четвертей населения не имеют решительно никакого значения. Понятие

¹ Plateados в дословном переводе означает *посеребрённые*. — Примеч. автора.

«это твое, а это — мое», им совершенно неизвестно. Кто посильнее да половчее, тот и прав; здесь, как и в Соединенных Штатах, знают только один рычаг, одну цель и одного бога — деньги! Тот, у кого они есть — владыка; чтобы добыть эту власть, эту силу — все средства хороши, даже и самые низкие, самые постыдные. Наши враги, предупреждая вас, баснословно богаты и всюду имеют своих ставленников: они, полные господа в Соноре и Аризоне, в Верхней и Нижней Калифорнии, в Орегоне и Синалоа. Они могут, если захотят, в любой момент поднять все население этих стран на нас; их шпионы и соглядатаи везде и повсюду, — одним словом, мы с вами находимся в громадной сети, петли которой ежеминутно могут опутать нас и задушить, помните это!

— Прекрасно, я вижу, что борьба будет трудная, но этого я и ожидал с самого начала!

— К тому же, не следует забывать, что мы с вами одни!

— Как так одни? Что вы хотите этим сказать?

— А то, что в этом деле мы не можем положиться даже на наших ближайших друзей и родственников и уж ни в коем случае не можем рассчитывать на их содействие! Даже агенты правительственной власти подкуплены ими, все должностные лица на их стороне и, не задумываясь, предадут нас при малейшем неосторожном или необдуманном слове, которое мы пророним при них.

— Хм! Дело серьезнее, чем мне казалось! Ну, что же, это будет борьба хитрости, ловкости и проворства, словом, индейская война! Пусть так! С помощью Божией все может удался. Хотя нас только четверо против всего этого множества, но четверо людей решительных, смелых, а главное, дружных и единомышленных могут многое сделать!

— Четверо, сказали вы? Я знаю двоих — вас и себя.

— Вы забываете моих верных слуг!

— Ба-а! — недоверчиво покачал головой асисендадо. — Рассчитывать на слуг? Их всегда можно подкупить!

— Ошибаетесь, сеньор, мои слуги не выдадут и не предадут меня. Пепе Ортис — это Хосе Кабальеро, сын знаменитого растреадора, следопыта, который был моим приемным отцом; половина моего состояния принадлежит ему. Он сам пожелал быть в глазах света моим слугой, а с глазу на глаз он мой друг и брат. Эта странная комбинация, придуманная им, являлась постоянно главной силой всех наших удач до настоящего момента.

— Неужели это действительно так?

— Спросите у него самого!

— Извините, я вам, конечно, верю, и теперь нет сомнения, что он является для нас могущественным союзником и пособником. Но тот другой, этот Лукас Мендес?! Признаюсь, я ему не совсем доверяю: он такой мрачный, скрытый, молчаливый; затем, — весьма возможно, конечно, что я и ошибаюсь, но, мне кажется, я уже его видел когда-то в этой стране; когда — не помню, но я почти уверен, что знал его!

— Это весьма возможно, сеньор! Лукас Мендес явился ко мне в Кадисе, умирающим с голода, но сам он — уроженец этой страны и был увезен отсюда насильственно в качестве военнопленного во время войны за независимость Мексики. Если не ошибаюсь, он дал клятву какому-то умирающему отомстить за него, и вот для того, чтобы исполнить эту клятву, он упросил меня взять его с собой на мое судно.

В чем заключается его клятва? Кто его враги, которым он хочет мстить? Все это мне неизвестно. Лукас Мендес ничего не сказал мне об этом, а я ничего не спросил у него. Имя его, вероятно, не настоящее, но до всего этого нам нет никакого дела; я знаю, что человек этот предан мне всей душой, — и этого достаточно. Пообещав ему содействие в деле его мести, мы найдем в нем товарища, готового пойти за нас на верную смерть!

— Да, пожалуй, вы правы. Но все же я разузнаю эту тайну, узнаю, кто он сам, и каковы его намерения.

— Как вам будет угодно! Итак, нас четверо. Тайна останется между нами, а наши пособники должны быть сильными орудиями нашей воли. Это вернейший залог успеха; не зная ничего о наших целях, планах и намерениях, они не могут выдать или продать нас, даже если бы захотели.

— Да, это правда!

— Мы никогда не будем ничего писать, — бумага всегда может потеряться, — не следует подвергать себя риску. Теперь позвольте вас спросить, не говорите ли вы на каком-нибудь иностранном языке, на котором бы здесь никто не говорил?

— Я говорю немного по-французски и по-английски.

— Нет, не годится: эти два языка слишком распространены в этой стране; здесь очень многие владеют ими не хуже, чем мы с вами!

— Да, это правда, в Соноре много французов и англичан... Ах, вот! — воскликнул дон Порфирио, ударив себя по лбу, — да нет, это немыслимо!

— Почему же нет? Скажите на всякий случай!

— Я вспомнил, что владею еще одним языком не хуже, чем испанским, но...

— Но что же? Этого языка здесь никто не знает?

— О, за это я готов поручиться! Но беда в том, что и вы его не знаете.

— Как знать? Я очень много путешествовал, и весьма возможно, что и этот язык мне знаком; скажите только.

— Право, дорогой дон Торрибио, вы такой необычайный человек, что от вас можно всего ожидать. Не знаю, известно ли вам, что мой отец был командиром большого контрабандистского судна, — в то время контрабанда приносила громадные барыши.

Мать моя, которую отец боготворил, постоянно сопровождала его во всех его плаваниях, — и вот, будучи уже беременна мной, она тем не менее настояла, что и на этот раз поедет с мужем. Когда судно отца после довольно продолжительного плавания бросило якорь у островов Формозы, мать моя почувствовала себя дурно и вскоре разрешилась от бремени. К несчастью, вероятно, вследствие крайнего утомления от пути, роды были весьма тяжелые, — и она сделалась так слаба, что не могла кормить меня сама грудью. Тогда отец мой взял ко мне в качестве кормилицы женщину с Формозы. Эта добрая женщина больше уже не расставалась с нами и умерла всего лет десять тому назад, так и не научившись испанскому языку, к которому она питала какое — то непреодолимое отвращение.

— Так что, — весело прервал его дон Торрибио на китайском языке, — ваша кормилица, не имея с кем говорить на своем родном языке, постоянно говорила на нем с вами, — да?

— Именно так! — воскликнул асиендадо на том же языке. — Значит, вы свободно говорите по-китайски, дорогой гость мой?

— Как видите, и в этом нет ничего удивительного; я тоже долгое время командовал судном и вел торговлю с Китаем. Пепе Ортис также говорит на этом языке, хотя, быть может, не столь бегло, как я, но понимает его не хуже, чем испанский. Итак, когда нам надо будет сообщить друг другу что-

либо, чего другие не должны знать, мы будем говорить по-китайски.

— Прекрасно! Теперь скажите мне, какого рода меры вы приняли за это время?

— Слушайте! Перед тем, как отправиться в Мексику, я продал в Нью-Йорке свое судно, и так как мне спешить было некуда, то я употребил четыре месяца на путешествие вглубь Соединенных Штатов. Я вырос в пампасах Буэнос-Айреса и люблю дикую природу саванны и леса почти так же, как люблю океан, — эту еще более обширную и величественную пустыню. Я подвигался не спеша, охотясь, как в былое время. Таким путем я незаметно перешел границу Соединенных Штатов и очутился на территории краснокожих. Здесь, гоняясь по лесам за всякого рода зверьем, я сдружился со многими охотниками и лесными бродягами. Нам жаль было разлучиться. Когда же я сказал, что отправляюсь в Мексику и намерен поселиться в Соноре, то мой приятель Бобер воскликнул: «Если так, то мы еще увидимся: я и человек десять—двенадцать из моих товарищей также намерены направиться в прерию у Рио-Хилы, которая, как нас уверяли, изобилует бизонами. Если это действительно так, то мы пробудем там два или три месяца. Мы рассчитываем расположиться на Рио-Хиле при слиянии этой реки с ее притоками Рио-Пуэрко и Рио-Салинас.

— Как, при слиянии Рио-Хилы?! — воскликнул дон Порфирио.

— Да, именно там мой приятель Бобер и его товарищи будут ожидать меня. Они меня уверили, что местность эта находится на расстоянии трех или четырех дней пути от Тубака, и что там поблизости имеются весьма любопытные рудники.

— Странно!

— Что вам кажется странным? — осведомился молодой человек.

— Простите, впоследствии я объясню вам это, а теперь мне бы не хотелось прерывать ваш рассказ! Продолжайте, пожалуйста.

— Знакомо вам это место?

— Как же, даже очень знакомо!

— Возьметесь вы проводить меня туда?

— Да, но зачем?

— Зачем? — Затем, дорогой мой дон Порфирио, что я после того, как покинул Мексику, завербовал человек сорок разночинцев, на содействие которых рассчитываю тем более, что им совершенно неизвестно, для какой цели они будут нужны мне. Эти господа направлены мной к низовьям Рио-Хилы, где я назначил им место для встречи. Там же я рассчитываю встретить и моего приятеля Бобра с его товарищами, так что предполагаю в несколько дней сформировать прекрасный отряд который я могу рассеять повсеместно, чтобы в нужный момент без труда подрезать крылья «посеребренным». Поняли вы меня теперь? Я поручил Бобру продолжать набирать людей. Кто знает, сколько уж он успел набрать за это время? Что вы на это скажите?

— Скажу, что это превосходно!

— Так когда же мы отправимся на свидание с охотниками?

— Когда вы пожелаете! Впрочем, если вы хотите послушать моего совета, то мы отправимся туда инкогнито.

— Почему?

— У меня есть на то свои причины!

— Вы не можете сообщить мне их?

— Нет, не в данный момент.

— Но они серьезны?

— Даже очень!

— Когда же я узнаю их?

— Когда мы будем в лагере охотников.

— Пусть будет по-вашему! Когда же мы туда отправимся?

— Дня через три: я должен еще сделать кое-какие приготовления.

— Возьмете вы кого-нибудь с собой?

— Нет, я не доверяю своим людям, — ваших слуг будет вполне достаточно!

— Мне кажется, поездка в степи не должна беспокоить наших врагов.

— Даже гораздо более, чем вы полагаете, сеньор, вскоре вы сами увидите, почему.

— Возможно.

— Но что мы предпримем, вернувшись на асиенду дель-Пальмар?

— Пока еще ничего.

— Как это ничего?

— Очень просто, надо быть осторожными! Впрочем, ведь вам известно, что я намерен теперь поселиться в Соноре.

— Да, вы уже не раз говорили мне об этом.

— Ну, так из этого следует, что я желаю купить здесь асиенду. У вас их, кажется, две или три?

— Нет, у меня их пять.

— Все расположены довольно далеко друг от друга?

— Да.

— Значит, все обстоит как нельзя лучше. Видите ли, я желаю купить одну из ваших асиенд!

— Которую?

— Я еще сам не знаю: я ведь не видел ни одной из них. Вы понимаете, что купить асиенду, протяжение которой часто равняется целому департаменту Франции, дело не шуточное. Надо ведь выложить немало денег, а вы, сеньор асиендадо, отлично знаете толк в этих делах и ничего не продаете иначе, как на чистые деньги.

— Действительно, у нас одно только на уме — деньги; больше нам ничего не надо, а потому мы часто не прочь нагреть руки на неопытных или неосмотрительных покупателях. Но вы, сеньор, человек деловой, вы не согласитесь купить, не выдав асиенды и не сделав обдуманного выбора, а для этого вам необходимо осмотреть одну за другой все мои асиенды, да, кроме того, и асиенды всех тех землевладельцев, которые не прочь продать свои и, вероятно, предложат вам войти с ними в переговоры.

— Ну да, конечно, вы меня отлично поняли, кабальеро, а между тем мои охотники все будут гоняться за бизонами и, вместе с тем, незаметно объединятся, чтобы в нужный момент нанести решительный удар нашим противникам!

— В самом деле, слушая вас, я начинаю думать, что мы преуспеем в нашем деле.

— Я никогда в этом не сомневался. Теперь мне остается только сообщить вам об одном моем приключении в Нижней Калифорнии, приключении, которое началось для меня очень счастливо, но окончилось той страшной болезнью, от которой я теперь только оправился.

— О-о... такие серьезные последствия — это не шутка.

— Да, но я должен предупредить, что это дело совершенно личное, касающееся меня одного!

— Как знать?! — задумчиво заметил асиендадо.

— Да, нет же, я в этом уверен! — сказал молодой человек. — Это любовная история, и больше ничего! — чуть слышно добавил он.

— Вы были влюблены? — удивленно воскликнул дон Порфирио.

— Да, влюблен, как безумный!

— Вы? Да возможно ли это?

— Я и теперь еще не излечился от этой любви...

— Влюбиться здесь, в этой глуши! Да к тому же вы ведь первый раз в этой стране, вы никого еще не знаете!

— Да, но ведь я уж сказал вам, что это случайное приключение. — И дон Торрибио подробно изложил всю свою историю встречи, знакомства и, наконец, странного, непонятного разрыва с этой семьей.

Дон Порфирио Сандос слушал с величайшим вниманием.

— Как звали кабальеро? — спросил он, когда дон Торрибио замолчал.

— Не знаю, он приказывал называть себя просто дон Мануэль.

— А девушку как звали?

— Донья Санта! — прошептал он.

— Неужели это в самом деле так? — задумчиво прошептал дон Порфирио, затем вдруг добавил: — Скажите, сеньор, у этого кабальеро были, конечно, один или два доверенных слуги?

— Да, с ним был один слуга, что-то вроде мажордома, человек мрачного, скрытного, с лукавым, злобным взглядом, — я полагаю, самбо по происхождению, — он носил прозвище Наранха.

— О, я как предчувствовал это! — воскликнул асиендадо, и глаза его заматали молнии. — Это он! Я так и знал, что это он!

— Он? Что вы хотите этим сказать? — спросил удивленный до крайности молодой человек.

— Я хочу сказать, дорогой сеньор, что вы любите воспитанницу того человека, против которого нам предстоит бороться. Я охотно пояснил бы вам все это сейчас же, но теперь некогда: нам надо торопиться обратно на асиенду. Пока же я скажу вам, что этот человек — наш самый непримиримый враг, которого нам более всего следует опасаться!

— Боже мой! — воскликнул молодой человек, побледнев.

— И он вас узнал или, вернее, угадал? — продолжал дон Порфирио.

— Боже мой! Боже мой! — горестно прошептал дон Торрибио, закрыв лицо руками.

Наступило молчание. Молодой человек сидел неподвижно, точно громом пораженный, а асиендадо глядел на него с сочувствием.

— Ободритесь! Не унывайте и простите мне то горе, которое я причинил вам...

— Да, вы причинили мне страшную боль! — прошептал дон Торрибио. — Почему бы мне и не сознаться вам в этом, — любовь эта была моя жизнь, моя надежда, моя радость, а теперь...

— Что же изменилось теперь? — многозначительно спросил асиендадо. — Ровно ничего! Вы любите и любимы взаимно; ненависть наша вам чужда: откажитесь от этого дела, ведь еще не поздно!

При этих словах дон Торрибио резко выпрямился: бледный, с сдвинутыми бровями и дрожащими губами, он строго, почти грозно смотрел на своего собеседника.

— Ни слова более, кабальеро! — воскликнул он. — Это слово было бы для меня неизгладимым оскорблением! Чего бы мне ни стоило, я исполню свой долг!

— Преклоняюсь! Вы — благородный и доблестный молодой человек, простите мне мои слова, я ошибался в вас! — проговорил асиендадо. — Не отчаивайтесь, быть может, не все еще потеряно!

— Смотрите, сеньор! Не обнадеживайте меня после того, как сами постарались отнять у меня всякую надежду!

— Я ничего вам не сулю, а только говорю: не унывайте. Подождите, позже я расскажу вам, что мне известно; тогда вы сами увидите, следует ли вам отчаиваться или надеяться.

— Да, но когда вы скажите мне все это?

— Сегодня же вечером!

— Благодарю, я буду ждать. Пойдемте!

Оба собеседника спустились с вершины и сели на коней. Три четверти часа спустя они уже въезжали в ворота асиенды дель-Пальмар, не встретив никого на своем пути.

Однако если бы при въезде в лес они вгляделись в кусты, росшие почти на самом краю дороги, то, вероятно, увидели бы пару блестящих глаз, провожавших их с выражением злодательства и непримиримой ненависти.

Проезжая мимо этих кустов, лошадь под доном Торрибио вдруг шарахнулась в сторону, но молодой человек, погру-

женный в свои невеселые думы, машинально подтянул повод, не оглянувшись. Однако, подбирая поводья, губы всадника сложились в какую-то страшную усмешку, и брови на мгновение сдвинулись от досады.

ГЛАВА VI

Каким образом встретились донья Санта и дон Торрибио

 автрак на асиенде дель-Пальмар прошел на этот раз молчаливо и невесело. По окончании его дон Торрибио снова оседлал коня и в сопровождении одного только Пепе Ортиса выехал со двора, шепотом обменявшись с доном Порфирио несколькими словами, которые, по-видимому, очень взволновали собеседников.

Братья поехали рядом беседуя на своем особом языке, только для них двоих понятном.

Отъехав некоторое расстояние от асиенды, братья расстались. Дон Торрибио свернул направо, а Пепе поехал влево; вскоре они потеряли друг друга из вида. Затем оба с разных концов углубились в лес.

Дон Торрибио ехал очень осторожно, прислушиваясь к малейшему шороху или хрусту ветвей, зорко осматривая каждый куст. Когда он достиг места, где несколько часов тому назад сидел в засаде какой-то человек, дон Торрибио слез с седла, поставил своего коня в густые заросли лиан и, привязав его к дереву, опустил ружье на землю, подле себя, а сам принялся внимательно изучать следы: отпечатки ног и колен, оставленные в самой чаще кустарника тем человеком, который был здесь поутру.

Окончив свои исследования, он осмотрелся кругом, убедился, что никто не подглядывает за ним, и затем уверенно пошел по следу.

Несомненно было, что человек, оставивший этот след, питал отвращение ко всякого рода дорожкам, дорогам и тропам: он все время шел напрямик и при том делал массу изворотов; такого рода странствование было не только весьма утомительным и затруднительным, но и весьма скучным,

потому что отнимало массу времени. Час спустя дон Торрибио вдруг остановился и притаился за стволом громадной старой махагуа. Он очутился на опушке широкой, светлой прогалины, от которой его теперь отделял только один ряд деревьев, растущих чрезвычайно тесно и густо оплетенных между собой терновником и цветущими выюнами. Молодой человек стал ловко пробираться между терновником. Вскоре он замер: у подножья громадного обломка скалы расположились трое мужчин, курившие индейские трубки; остатки фруктов, кости и разные объедки свидетельствовали о том, что эти господа только что позавтракали; на земле подле каждого лежали ружья. Дон Торрибио отлично все видел, но не мог слышать их разговора, так как они были слишком далеко от него.

Вдруг молодой человек вздрогнул: один троих обернулся к нему лицом, — и он тотчас же узнал его.

— Я так и знал! — прошептал он. — Какие темные замыслы привели этих людей сюда? Неужели его господин так близко от меня? Что бы значила эта засада сегодня поутру и это таинственное совещание, при котором я сейчас присутствую? Надо узнать во что бы то ни стало: здесь кроется какой-нибудь черный замысел!

Размышляя таким образом, молодой человек отступил на несколько шагов назад и ползком, по-индейски, без малейшего шума пробрался до той группы скал, у которой приютились собеседники. Однако и теперь его отделяло от них еще весьма значительное расстояние. Тогда закинув свой лассо на одну из нижних могучих ветвей громадной махагуа, он ловко вскарабкался по веревке на дерево и затем, перебегая с ветки на ветку, со скалы на скалу, в несколько минут очутился в пяти-шести шагах от беседующих и залег в кустах, росших на скале над самыми их головами.

На этот раз дон Торрибио мог слышать каждое слово, а также сколько угодно разглядывать незнакомцев. Оба они были люди в полном соку, роста среднего, коренастые, настоящие атлеты, с красивыми, энергичными лицами, но общее впечатление было совершенно испорчено мрачным, лукавым и тревожным выражением глаз, вечнобегающих по сторонам, сардонической улыбкой, почти не сходявшей у них с губ, мясистых и сладострастных. Платье их было богато и роскошно; если люди эти были мерзавцы и воры, то уж, конечно, не простые заурядные воры. Мы не станем говорить

здесь о третьем их собеседнике, которого дон Торрибио узнал с первого же взгляда, — читатель и так скоро узнает, кто он был. Тут же неподалеку, стояли три лошади в богатой сбруе.

В тот момент, когда дон Торрибио растянулся в кустах, собеседники слушали с величайшим вниманием того третьего, о котором мы пока умолчали.

— Итак, кабальеро, — говорил он, — мне нет надобности повторять еще раз, что вам следует делать!

— Мы прекрасно поняли вас, сеньор Наранха, но почему наши вожди принимают столько всяких предосторожностей и выступают с такой грозной ратью против одного человека?!

— Вы спрашиваете об этом и удивляетесь, так как не знаете человека, с которым нам теперь приходится иметь дело, сеньор дон Кристоаль, — сказал самбо (это действительно был он), — и вы, дон Бальдомеро, также не имеете о нем понятия, но я знаю его, я видел его в деле и уверяю вас: с ним нелегко сладить!

— Как бы ни было трудно сладить с этим господином, все же он не стоит десятерых! — сказал дон Бальдомеро, подергивая свои усы.

— Не только десятерых, но даже и пятерых, я полагаю! — подхватил дон Кристоаль, — а нас ведь тысячи против него.

— Я не подсчитывал, стоит ли пятерых или десятерых, но только это страшный противник! Главное, надо избегать во что бы то ни стало открытой борьбы, потому что все оказались бы тогда на его стороне; наша сила заключается, главным образом, в том ореоле таинственности, которым мы сумели с самого начала окружить себя, — не забывайте этого, кабальеро. Вы говорите, что нас тысяча! — да, но мы рассеяны по всем провинциям, а потому не можем при необходимости собраться и образовать сплоченную массу, грозную силу, способную сокрушить все перед собой; следовательно, можем рассчитывать только на наши силы, не более!

— Но, ведь, в одной Соноре нас более пятисот человек, — заметил дон Кристоаль.

— Не спорю, — сухо возразил Наранха, — но как вы полагаете, этот человек станет считаться с мелкой сошкой? Конечно, нет! Он станет нападать только на вожakov, так как отлично понимает, что раз он разоблачит наших вождей и предаст их в руки правосудия, то наша песенка спета. На

что мы способны, без вожаков?! Наши враги теперь молчат, все они боятся нас, стоит нам завтра потерпеть поражение — и весь наш престиж разом рухнет! Все, кто льстит нам и тайно содействует, пойдут против нас, как только перестанут бояться. Мало того, они станут опаснейшими врагами, потому что им удалось узнать кое-что из наших тайн, и мы окажемся в их руках.

— Хм! Да... — протянул дон Кристобаль. — Дела-то серьезнее, чем я полагал.

— Все же, — небрежно заметил дон Бальдомеро, скручивая папиросу, — этот человек один, а наши главари в таком надежном убежище...

— Вы ошибаетесь, он вовсе не настолько одинок, как вы полагаете. В настоящее время находится в доме дона Порфирио Сандос, влияние которого в Соноре очень велико, а об его чувствах к нам, мне кажется, нет надобности говорить вам, сеньоры: сами знаете, что у нас нет злейшего врага, чем он. Кроме того, говорят, что этот демон, дон Торрибио способен отыскивать самые недоступные притоны, угадывать самые сокровенные замыслы!

— Сагау, — весело воскликнул дон Кристобаль, — знаете ли, любезнейший сеньор Наранха, ваши речи звучат весьма странно!

— Между тем, я говорю правду!

— В таком случае, надо убить его!

— Что ж вы думаете, мы не пытались?! — пожимая плечами сказал самбо.

— Так что нам с ним делать?

— Только исполнять в точности то, что я вам сейчас передал, и беспрекословно повиноваться нашим начальникам! Нам надо убивать, чтобы не быть убитыми, а главное, не следует терять ни минуты. Всего важнее опередить врага, застать его врасплох!

— Положитесь на нас: с закатом солнца, приказания ваши будут исполнены! — сказал дон Бальдомеро.

— Ну, в таком случае, прощайте, мы увидимся, когда настанет время действовать!

Оба бандита поднялись на ноги, пожали руку самбо и скрылись из виду на своих быстрых конях.

Но Наранха еще остался на месте.

— Да, — пробормотал он, — мы рассчитываем на вас, в ваши расчеты входит оставаться верным нам. Но еще более

мы рассчитываем на самих себя! Впрочем, через несколько часов мы будем знать, что о вас думать. И если нам удастся, о, тогда!..

Он не закончил своей фразы: какая-то неопределенная улыбка скривила его уста; он подошел к коню, взнуздal его, вскочил в седло и ускакал галопом.

Тогда и дон Торрибио покинул свой пост, спустился на то место, где происходило на полянке совещание трех платeadос, внимательно изучил почву там, где сидели эти трое и где стояли их лошади.

Час или полтора спустя он шагом выезжал из леса, когда увидел, что какой-то всадник во весь опор мчится к нему навстречу. То был Пепе Ортис. Дон Торрибио остановился и стал поджидать его.

— Ну, что? — спросил он.

— Все именно так, как ты предполагал! — ответил Пепе, — Дон Мануэль и его семья уже более месяца живут в двух милях от асиенды дель-Пальмар, на довольно большом ранчо, превосходно скрытом в глубоком овраге, в совершенно уединенном месте, густо заросшем зеленью, кустами и деревьями. Никто, кроме нас с тобой, не мог бы доискаться этого ловко избранного убежища. Но главное — я видел донью Санту и она просила передать тебе, что сегодня в восемь часов будет одна у лагуны дель-Лагарито в гроте.

— Ты ее видел! — воскликнул дон Торрибио с сильно бьющимся сердцем.

— Да, видел; она любит тебя не меньше, чем ты ее!

— Благодарю тебя, брат мой! Благодарю! — произнес растроганный дон Торрибио.

— Не понимаю, за что ты благодаришь; я сделал только то, что должен был сделать! Но больше ни слова об этом: вот мы уже приехали на асиенду. А тебе удалось?

— Да, лучше, чем я ожидал!

— Так, значит, ты доволен? А вот дон Порфирио... Будь же мужчиной: нельзя так волноваться!

— Не мешай мне, Пепе, я так счастлив, дорогой мой!

Пепе ласково улыбнулся брату, искренне радуясь за него.

Дон Порфирио вышел к воротам встретить своего гостя. Дон Торрибио успел уже совладать с собой, и лицо его не выдавало теперь бушевавших душу чувств.

Оставшись наедине с доном Порфирио, молодой человек передал ему все, что видел и слышал, но о том, что сделал

Пепе, не сказал ему ни слова. Он даже раскаивался теперь в том, что признался ему в своей любви к донье Санте.

— Ну, и что же вы обо всем этом думаете? — спросил дон Порфирио.

— Да то же, что и вы! Я полагаю, что неприятель почувал беду и готовится напасть, надеясь захватить врасплох и без труда справиться с нами!

— Ну да, — но как вы полагаете, посмеют ли они сделать нападение на асиенду?

— Нет, они не решатся действовать явно, сбросив маску, тем более, что если бы они потерпели неудачу, что весьма возможно, то слишком скомпрометировали бы себя. Я думаю, что они попытаются вас или меня захватить в плен, похитить тайком.

— Хм! Мы, кажется, не из тех, кого легко поймать врасплох.

— Конечно, но во всяком случае надо быть начеку. Скажите, можете вы положиться на своих пеонов?

— Не на всех. Но надеюсь, что надежные сумеют удержать в должном порядке ненадежных. Что меня более всего интересует, так это то, каким образом вы ухитрились выследить этого дьявола Наранху.

— Да очень просто! Вы, вероятно, заметили, что в тот момент, когда мы с вами сегодня поутру выезжали из леса, конь подо мной вдруг шарахнулся в сторону без всякой видимой причины?

— Да, как же! Я еще полубовался, с каким невозмутимым спокойствием вы выбрали поводья.

— Ну, так вот! Подбирая поводья, я окинул взглядом местность, желая знать, что испугало моего коня, и сделал это так незаметно, что даже вы не уловили моего движения. Однако я успел заметить в кустах, вправо от нас, пару горящих злобных глаз. Я не сказал вам ничего, так как не был вполне уверен: не хотел тревожить вас напрасно и решил сам удостовериться. Понятно, что шпион исчез, но следы его остались; остальное вы уже знаете. А теперь позвольте мне предупредить вас, любезный мой хозяин, что я сегодня обедать с вами не буду, приду только к ужину!

— Как? Неужели вы опять хотите ехать?

— Да, я должен довершить то, что начал.

— Как! Вы хотите продолжать разведку? Что если и мне отправиться с вами?

— Ах, нет! — воскликнул дон Торрибио. — Вы должны остаться, чтобы охранять асиенду.

— Да, это правда; я совершенно упустил это из виду. Когда вы отправитесь?

— Часов в семь, когда стемнеет.

— Ах, берегитесь, дон Торрибио! Быть может, как только стемнеет, асиенду со всех сторон обложат сетью засад.

— Очень возможно! Но то, что я намерен сделать сегодня вечером, так важно, что, даже рискуя быть убитым, я все же решаюсь на этот шаг!

— Верю, что у вас должны быть весьма важные основания действовать так, как вы говорите, но, признаюсь, дрожу при мысли о тех опасностях, каким вы подвергаете себя.

— Ба-а! Неужели жизнь на самом деле такой драгоценный дар, что люди так старательно оберегают ее?! — с горькой улыбкой заметил дон Торрибио. — Впрочем, — добавил он уже другим тоном, — я буду не один: со мной поедут оба моих слуги; к тому же, мы будем вооружены с головы до пят!

— Ну, это немного успокаивает меня! Но так как осторожность никогда не помешает, то вот возьмите ключ от потайной калитки асиенды, которую я вам укажу сам: о ее существовании никто здесь не знает. Лошади будут ждать вас в темной чаще деревьев, в двух шагах от калитки, так что никто здесь не заметит вашего отсутствия. Предоставьте только это дело мне, и, я надеюсь, все будет благополучно!

— Благодарю друг мой!

— Когда вы вернетесь?

— Сегодня, но точного часа определить не могу, это будет зависеть не столько от того, что мне надо сделать, сколько от тех препятствий, какие могут встретиться на пути.

— Значит, вы предвидите нападение?

— Нет, но весьма возможно, что я наскочу на какую-нибудь засаду. А это может задержать меня дольше, чем я бы желал! — добавил он, весело смеясь.

— Милый юноша, вы слишком любите таинственность! Но Бог с вами: делайте как знаете! У меня какое-то предчувствие, что вы вернетесь целы и невредимы из этой экспедиции; только не забывайте, что я буду ужасно беспокоиться о вас!

— Благодарю! Конечно, я не забуду этого и постараюсь вернуться как можно скорее!

Часов около семи, когда на дворе уже не было видно ни зги, дон Торрибио, плотно завернувшись в свой сарапе, спустился в сад асиенды: роскошный и громадный парк, затейливо распланированный искусным мастером. Пройдя быстрым решительным шагом несколько аллей, он очутился перед строением, напоминавшим французскую хижину. Возле нее стояли двое мужчин, держа под уздцы трех оседланных лошадей.

— Вперед! — произнес дон Торрибио, не останавливаясь — и те молча последовали за ним, ведя лошадей. Прошло еще несколько минут; они продолжали подвигаться вперед.

— Что это значит? — вдруг обратился к своим спутникам дон Торрибио. — Я не слышу звука копыт!

— Я обернул ноги лошадей войлоком, ваша милость!

— А, ты всегда обо всем подумаешь, Пепе, благодарю тебя, мой милый! — весело сказал молодой человек.

— Такова моя обязанность, ваша милость, — отвечал Пепе, — но эту идею подал Лукас.

— Ну, в таком случае, благодарю вас обоих, друзья! А теперь тише!.. Вот и калитка; ты, Пепе, пройдешь первый и посмотришь, нет ли чего сомнительного поблизости, но, ради Бога, осторожней!

— Не беспокойтесь, ваша милость, я парень ловкий! — сказал шепотом Пепе.

Тогда дон Торрибио осторожно отпер калитку и приотворил ее. Пепе скользнул в узкую щель и словно растаял в темноте. Дон Торрибио и Лукас стояли наготове: с заряженными пистолетами в руках. Пепе долго не возвращался; наконец его фигура вынырнула из мрака.

— Нигде ничего! — прошептал он.

— Так живо на коней! — И в следующий момент, закрыв за собой калитку, наши три всадника помчались во мгле, подобно призрачным теням или героям немецкой баллады.

Более часа они неслись, не изменяя аллюра, не останавливаясь ни на минуту. Пепе Ортис с непогрешимой верностью глаза, присущей только людям, проводившим половину своей жизни в лесу, вел за собой спутников, невзирая на полнейший мрак.

Между тем на небе начали уже появляться звездочки, и ночь, мало-помалу, становилась почти прозрачной. В воздухе, напоенном сладким ароматом цветов, кружились мириады светляков и блестящих мушек; слабый ветер пробежал

по верхушкам деревьев, едва слышно шелестя листьями, отчего по лесу носился какой-то таинственный шепот и тихие вздохи. Там и сям в глухой чаще леса мелькали неясные очертания спугнутых диких зверей, еще полусонных. Наконец впереди показались зеленоватые воды лагуны.

— Лагуна дель-Лагарто! — шепнул на ухо дону Торрибио Пепе.

Вслед за тем они сдержали коней и спешили. Лукас Мендес взял повод и отвел лошадей в темную глубь чащи, а Пепе пошел вперед, сделав брату знак следовать за ним. Когда они отошли немного, Пепе сказал:

— Смотри сюда! Видишь — там, направо, среди маленькой апельсиновой рощицы, прячется ранчо? Здесь и живет дон Мануэль с семейством.

— Ты уверен, что хозяина нет дома?

— Не только он сам, но и Наранха, и все слуги, кроме одного, выехали отсюда перед закатом и поскакали во всю прыть к Тубаку.

— Почему ты это можешь знать?

— Я сам видел их! Теперь остались в ранчо только старый слуга, донья Франсиска и мальчуган, да еще женская прислуга.

— А донья Санта?

— Она, должно быть, ушла несколько минут тому назад, чтобы отправиться к тому месту, где будет ожидать тебя, то есть в грот, который всего в нескольких шагах отсюда.

— Ах, Пепе, скорее, где этот грот!

— *Saray!* Как ты нетерпелив, голубчик! — улыбнулся Пепе. — Иди прямо вдоль берега лагуны, пока не дойдешь до двух громадных камней; между ними и находится вход в грот. Ну, с Богом, брат! Я здесь покараулю и, если что-нибудь случится, предупрежу.

Дон Торрибио, даже не дослушав, побежал к гроту. Пепе несколько мгновений следил за братом, затем вернулся к Лукасу Мендесу, и оба они засели неподалеку от ранчо, чтобы на всякий случай быть настороже.

Тем временем дон Торрибио очутился уже у входа в грот, но здесь принужден был остановиться и, прислонясь к стволу, попытался унять бешено колотившееся сердце. Почти в ту же минуту стройная женская фигура, вся в белом, появилась перед ним, точно небесное видение, — и тихий мелодичный голос прошептал:

— Торрибио, это вы?

— Санта! — воскликнул он, опускаясь на колени перед девушкой.

— О, дорогая! Дайте мне молиться на вас, как молятся на Пресвятую Деву! Наконец-то я вижу вас, Санта, возлюбленная моя, жизнь моя, радость моя!

— И я, Торрибио, не переставала думать о вас и любить вас!

— А я ведь думал, что навсегда утратил вас: вы знаете, я чуть не умер!

— Знаю, дорогой мой!

— Вы это знали?! Какими судьбами?

— Я знаю все! — прошептала она со вздохом.

Молодые люди подошли к самому гроту и сели на дерновую скамью у входа.

— Скажите мне, *querida mia*¹, как объяснить, что вам известно все обо мне, тогда как я решительно ничего о вас не знаю?! — спросил молодой человек.

— Увы, дорогой мой, мы здесь окружены со всех сторон врагами, которые...

— Я — может быть! Новы, Санта, — нет, это невозможно! — горячо воскликнул он.

— Все возможно, друг мой! — сказала она, покачав головой.

— Не знаю, за что, но ваш отец ненавидит меня...

— Не называйте этого человека моим отцом! — воскликнула девушка.

— Как? Разве дон Мануэль вам не отец.

— Нет, он только мой опекун! Я — дочь его близкого друга; отец мой умер, когда я была еще ребенком, и, умирая, поручил меня дону Мануэлю; другого родства у меня с ним, благодарение Богу, нет!

— О, как я счастлив! — воскликнул молодой человек. — Я чувствую, что луч надежды снова проникает мне в душу. Мы еще можем быть счастливы, Санта!

Девушка безнадежно покачала головой.

— Счастливы?! Нет, дорогой мой! — прошептала она. — Я не могу быть счастлива на земле, — здесь все разлучает нас!

¹ Дорогая моя (*исп.*).

— Что вы хотите этим сказать? Объяснитесь, прошу вас, Бога ради, и сделайте это скорее, не то я, право, умру у ваших ног!

— Увы, дорогой мой, все это очень просто! Я богата, и это состояние дон Мануэль желает присвоить себе. Конечно, это было бы небольшим для меня бедой, если бы он только согласился дать мне свободу и позволить располагать собой, как я хочу. Но, увы! Подле него есть человек — не человек, а демон! — который имеет над ним необходимую власть. Этот человек любит меня или, вернее, хочет обладать мной. Настанет день, когда он выскажется, — мой дорогой, возлюбленный мой, это будет последний день моей жизни, так как или он, убьет меня, чтобы отомстить за мое презрение, или я сама наложу на себя руки, чтобы избежать его омерзительных ласк.

— Тьфу, черт! — воскликнул молодой человек; губы его дрожали, а глаза метали молнии. — Скажите мне имя этого человека, Санта! Имя того, кто осмеливается смотреть на вас такими глазами! Я хочу, я должен знать, кто он такой!

— Вы знаете этого человека, друг мой, и ваше сердце должно подсказать вам его имя!

— Наранха!

— Да, он! — прошептала донья Санта, низко склонив голову, чтобы скрыть слезы отчаяния.

— Я убью его, убью, как собаку!

— Ах, берегись, друг мой! Это человек очень опасный, настоящий дьявол. Он ненавидит вас так, как только он один может ненавидеть! Он возбуждает против вас дону Мануэля, — я случайно слышала их разговор и таким образом узнала отчасти их злостные, коварные намерения по отношению к вам, дорогой мой! Я прошу вас, будьте осторожны, берегитесь их!

— Санта! — воскликнул молодой человек с таким достоинством и решимостью, что молодая девушка была поражена его словами. — Бог свидетель, что я никого не люблю, кроме вас одной! Вы для меня и жизнь, и счастье, и все святое на земле!

Будьте верны мне так, как я вам буду верен всю жизнь, и какие бы ни были препятствия на нашем пути, верьте мне: я все преодолею, и вы, Санта, вы будете моей, что бы ни делали наши враги! Вы говорите, что эти враги сильны и опасны? Тем лучше! Значит, борьба с ними будет труднее и

это будет достойная борьба! Верьте мне, Санта, я брошу их к своим ногам, и если надо будет пройти по их телам, чтобы дойти до вас, я пройду по ним! Не плачьте, Санта, верьте в Бога и в мою любовь! Что бы ни случилось, рано или поздно мы соединимся навеки!

— О, возлюбленный мой! — воскликнула она, пряча голову на его груди. — Я только женщина, я понимаю, верю вам, но боюсь и дрожу невольно за себя и за вас! Какое-то предчувствие упорно твердит мне, что счастье — не мой удел. Любите меня, Торрибио: ведь если я потеряю вас, мне останется только умереть!

— Не говорите так, дорогая моя! Господь поможет нам. Подумайте, ведь, уж и то одно — почти чудо, что мы свиделись с вами здесь, после столь продолжительной разлуки!

— Увы, друг мой, это чудо явилось результатом ненависти к вам дона Мануэля и Наранхи. Они решились поселиться в этом ранчо лишь потому, что знали, что вы находитесь на асиенде дель-Пальмар, у дона Порфирио Сандоса. Отсюда они могут следить за вами, как тигры из засады за намеченной жертвой.

— Неужели это причина пребывания дона Мануэля в этом жалком ранчо?

— Да!

— А его отсутствие тоже скрывает какой-нибудь злой умысел?

— Да, я в этом уверена! Вот почему я так хотела, чтобы вы были в эту ночь здесь, со мной: здесь вам ничто не грозит.

— А-а! Теперь я все понимаю! — воскликнул вдруг молодой человек, ударяя себя по лбу. — Да, теперь я понимаю...

— Я была так рада, увидав вашего слугу! Благое Провидение само помогло на этот раз спасти вас!

— Да, но зато другие могут стать сегодня жертвой этих негодяев! — воскликнул дон Торрибио. — А этого не должно быть!

— Что вы хотите сказать, друг мой?

— То, что я должен сейчас покинуть вас, мой светлый ангел!

— Уже! — горестно воскликнула она. — О, Торрибио, вы уже спешите уйти?!

— Не удерживайте меня, *querida mia*: друзья мои в опасности; человек, которому я почти обязан жизнью, теперь, быть может, отбивается один от этих бандитов!

— Ах, друг мой! Это я, это моя любовь является причиной такого несчастья. Мне следовало с самого начала сказать вам все, что я знаю, и предупредить о намерениях этих людей. Я так и хотела сделать, но простите меня, увидев вас, я все забыла, а думала только о нашей любви! Простите, простите меня!

— Итак, они действительно хотят совершить нападение на асиенду? — прерывающимся от волнения голосом спросил Торрибио.

— Да, они рассчитывают пробраться туда тайком!

— Ах, Боже мой! А я здесь! До свидания, Санта, клянусь вам, мы скоро увидимся, а сейчас не удерживайте меня!

— Куда вы, Торрибио? Куда вы? Не уходите от меня: они вас убьют! — воскликнула она, кидаясь ему на шею.

— Я должен спешить туда: там мое место, а не здесь! — говорил он, целуя ее в лоб и нежно высвобождаясь из ее объятий.

— Куда вы? Что вы делаете?

— Дитя! Я иду спасти своих друзей и помочь им в беде или умереть вместе с ними. Прощайте! — И он бросился поспешил к тому месту, где оставил своих спутников.

— Торрибио! Вернись, вернись! Я люблю тебя! — обезумев от горя и отчаяния, воскликнула бедняжка вдруг, точно подкошенная, упала на землю, потеряв сознание.

Но дон Торрибио не слышал этого нежного молящего голоса.

— На коней! — крикнул он к Пепе и Лукасу Мендесу.

— Что случилось? — спросил Пепе Ортис.

— Случилось, что пока мы здесь, эти мерзавцы атакуют дона Порфирио! — прерывающим голосом ответил дон Торрибио.

— Господи Боже! Надо спешить! — И все трое, дав шпоры лошадям, помчались к асиенде.

*Почему дон Порфирио гулял по саду, и
что случилось во время его прогулки*

Неполная откровенность дона Торрибио, его частые отговорки и умолчания сильно встревожили дона Порфирио Сандоса. Надо сказать, что дон Порфирио был человеком, не робкого десятка: он уже не раз имел случай выказать в этой упорной и глухой борьбе, которую он вел с могущественной шайкой вот уже более двадцати лет. Человек этот всегда оказывался на одном уровне со своим противниками и даже нередко превосходил их в хитрости, ловкости, изворотливости и смелости, не раз причиняя бандитам серьезные неприятности.

Но теперь дон Порфирио сознавал, что время тайной, молчаливой борьбы подходит к концу; на этот раз враги понимают, как серьезна грозящая им опасность, и потому пустят в ход все свои ресурсы, все хитрости и уловки, всю громадную силу и влияние, какими они располагают.

Платеадос, имевшие повсюду своих шпионов, лазутчиков и приверженцев, конечно, знали о мерах, принятых мексиканским правительством против их преступного общества. Однако эти строгие меры, как ни казались грозны на первый взгляд, были вовсе не так страшны для них, если только им удастся заручиться, если не деятельным соучастием, то хотя бы нейтралитетом властей Соноры.

Ведь столица — далеко, и тамошние распоряжения исполнялись плохо, если только они вообще исполнялись, так как местные служащие и должностные лица получали от правительства весьма скудное вознаграждение, а зачастую и вовсе ничего не получали. Это обстоятельство постоянно возбуждая неудовольствие чиновников, заставляло их почти враждебно относиться к правительству. Не мудрено, что всем им был прямой расчет смотреть сквозь пальцы на возмутительные злодеяния платеадос, могущество которых было неоспоримо, а щедрость — неизменна.

Никто, быть может, не знал так хорошо этого положения дел, как дон Порфирио Сандос, а потому опасения его были основательны и серьезны. К тому же единственный его союзник, на которого он мог вполне рассчитывать, дон Торрибио, неожиданно решил испытать счастье в каком-то предприятии — и это в такой момент, когда его присутствие было

столь необходимо на асиенде, когда в тревожно сгустившемся воздухе явственно ощущалась близкая опасность.

Между тем ночь заметно надвигалась; с ней возрастала и тревога асиендадо.

Приняв всевозможные меры предосторожности, дон Порфирио тоскливо бродил по длинной галерее, пытаясь найти средство, которое дало бы ему возможность разрушить коварные планы врагов. Час проходил за часом; измученный тревогой и ожиданием асиендадо ничего не мог придумать. К тому же дон Торрибио, которому давно пора было вернуться, все еще не было.

Вдруг в глубине сада трижды прокричал филин. Дон Порфирио вздрогнул и остановился, как вкопанный, посреди галереи.

— Хм! Что-то уж больно рано для этой птицы! — задумчиво пробормотал он.

Вскоре тот же крик повторился снова, но уже ближе.

Дон Порфирио выпрямился во весь рост, лицо его, до сих пор столь озабоченное, просветлело.

— Боже мой! Неужели это он, когда я уже потерял надежду дождаться? — воскликнул дон Порфирио.

С минуту он оставался неподвижен и, затаив дыхание, жадно прислушивался, наконец, сделав решительное движение, прошептал:

— Нет, без сомнения, это именно он. Иду! И пусть Господь хранит меня!

Он твердым шагом прошел несколько длинных стеклянных галерей, залитых белесоватым светом луны, и очутился в просторном сагуане¹, под навесом дома. Отопнувшись двухстворчатую деревянную дверь, выходящую на широкое мраморное крыльцо, с которого несколько ступеней вели в громадный сад позади дома, дон Порфирио вышел и, тщательно замкнув за собой дверь, спустился в сад.

Здесь было тихо. Оглянувшись кругом, скорее по привычке, чем с какой-то определенной целью, асиендадо спокойным, мерным шагом миновал цветник с обширными лужайками и клумбами цветов, газонами и фонтанами, и смело углубился под сень громадных тенистых деревьев, где

¹ Сагуан — прихожая, сени.

было так темно, что в двух шагах нельзя было отличить человека от ствола.

Шел второй час полуночи. Ночь была тиха и прозрачна, слабый лунный свет предавал растениям и предметам фантастические очертания. Дону Порфирио, однако, некогда было любоваться красотами ночного сада: поглощенный своей тревогой и внезапно нахлынувшей надеждой, он смело и уверенно двигался вперед, не задумываясь ни на минуту над выбором направления среди этого лабиринта темных аллей, дорожек и тропинок.

Так он шел более получаса, затем, остановившись, стал как к чему-то прислушиваться.

Он находился у выхода на большую лужайку, с журчавшим на ней светлым, быстрым ручьем, через который был перекинут затейливый мост. По ту сторону моста, за ручьем, раскинулось несколько разбросанных групп кустов и затем огромная роща, примыкавшая к большому лесу, заканчивающему собой луговину, по которой бежал ручей.

Простояв с минуту в нерешительности и видя, дон Порфирио быстро перешел луговину и мост и, ступив на тот берег ручья, издал звук, удивительно искусно подражающий нежному и тоскливому стону сизаря.

В ответ послышался тот же тоскливый крик из рощи. Тогда дон Порфирио радостно ускорил шаг.

Чья-то рука ласково опустилась на его плечо и чуть слышный голос прошептал: «Молчите! Ни звука!»

Вслед затем дон Порфирио почувствовал, что его увлекают его в глубь чащи, он поддался этому движению и в тот же момент бесследно потонул в море темной зелени.

Едва успел он скрыться в густой листве, как ясно увидел в нескольких шагах от своего тенистого убежища, на светлой луговине тень человеческой фигуры, которая мелькнула и скрылась с быстротой молнии.

Нагнувшись вперед, дон Порфирио тщетно силился разглядеть или расслышать что-либо из того, что происходило вокруг него.

Прошло, быть может, минут десять; но каждая минута казалась вечностью для бедного асиендадо; он смутно чувствовал, что здесь, в нескольких шагах от него, происходит что-то серьезное, что-то важное и решающее — но для кого и кто побеждает?

Несомненно, что и сам он причастен к этому делу, но в какой мере? Почему эти люди не напали на него, когда он шел сюда через весь парк?

Вероятно, за ним следили от самого крыльца; но как могли они знать, что он выйдет ночью в сад, когда и сам дон Порфирио этого не знал? Неужели платeadос подстроили ему ловушку?

Все эти вопросы без ответов кружились в голове дона Порфирио, еще более усиливая его тревогу.

— Ну, пора! — громко крикнул чей-то голос, показавшийся знакомым дону Порфирио.

И вот во мраке рощи послышался топот, подавленные проклятья, удары, борьба, — все это несомненно свидетельствовало об отчаянной схватке.

— Готово! Покончено! — произнес чей-то запыхавшийся голос.

— Сколько? — спросил кто-то так близко от дона Порфирио, что тот невольно вздрогнул.

— Семь!

— Хорошо! Это все, зажгите факелы!

Блеснула искра, — и красноватый свет озарил рощу. Несмотря на удивительное самообладание, дон Порфирио чуть было не вскрикнул от ужаса и удивления при виде того, что теперь предстало его глазам: человек двадцать, из которых семь было крепко связаны, лежали на земле. Остальные стояли, и среди них дон Порфирио сразу же узнал того, что был к нему ближе всех.

То был мужчина высокого роста, прекрасно сложенный, с гордой, величественной осанкой, лицом красивым и добрым.

— А, дон Родольфо де Могуэр! — радостно воскликнул асиендадо. — Спаситель мой!

— Нет, дон Порфирио: Твердая Рука, ваш старый друг! — поправил незнакомец, обнимая старого приятеля.

— Так это вы! Наконец-то я вас дождался! — воскликнул дон Порфирио.

— А разве вы ожидали меня?

— Я должен был ожидать вас, так как мне грозят новые опасности, но мне не приходило в голову, что вы явитесь таким необычайным образом.

— Действительно! — отозвался, улыбаясь, Твердая Рука. — Но, поверьте, во всем происшедшем я ничуть не виноват: я хотел войти незаметно. А так как я все еще имею при себе

ключ от потайной калитки, который вы когда-то дали мне, то и решил воспользоваться ею.

— Прекрасно, но к чему все эти предосторожности? Разве вы не хозяин здесь, в этом скромном жилище?

— Ваше расположение мне давно известно, добрейший дон Порфирио. Но вот вам доказательство того, что эти предосторожности были не лишние! — сказал он, указывая на связанных пленников.

— Да, это правда! Но только я ничего не понимаю! Что им было нужно, этим людям?

— Этого я не знаю! Приблизительно милях в двух отсюда я неожиданно напал на след нескольких всадников. Верный своим индейским привычкам и не опасаясь быть обнаруженным, я решил следовать по их следу тем более, что он вел меня именно в этом направлении. Что-то навело меня на мысль, что вам грозит опасность.

Судя по следу, эти несколько всадников как будто выехали на охоту, но вскоре к ним присоединились другие, — и в конце концов я понял, что к вам движутся не менее тридцати конников.

Мне стало ясно, что это какая-то экспедиция, направленная на асиенду. А поскольку ваши дела мне известны почти так же, как мои собственные, то я понял, что на вас собираются напасть. Со мною было пятнадцать воинов, из числа храбрейших в моем племени, и в нескольких словах я объяснил им суть дела. На расстоянии пистолетного выстрела от асиенды люди, по следу которых мы шли, спешили и стали совещаться. Я воспользовался эти и, сделав небольшой крюк, пробрался на асиенду вместе со своими подчиненными. Мы решили притаиться где-нибудь в тени сада и предупредить вас условным сигналом о необходимости наблюдать за внешними врагами и быть настороже. Не успел я со своими воинами укрыться в этой роще, как семеро человек, очевидно, из числа тех тридцати, прокрались каким-то путем в сад. Надо было захватить их во что бы то ни стало раньше, чем они успели бы выполнить свое злостное намерение. И вот, чтобы смутить этих мерзавцев и встревожить их, я и предупредил вас сигналом.

— Я его слышал и, как видите, поспешил явиться!

— Я и рассчитывал на это. Но и негодяи, были смущены моим сигналом. Не зная, что он должен означать, они с минуту колебались, затем, видя что вы сами сюда идете,

изменили свое первоначальное намерение, пожелав, очевидно, узнать причину вашего выхода в сад или надеясь выведать какую-нибудь тайну, которой они могут воспользоваться для своих целей. Разбойники пошли за вами следом, а я тем временем постарался завлечь их в эту густую темную рощу, — и вот результаты моих комбинаций! — закончил Твердая Рука, указывая на своих пленников. — Ну, а теперь, когда уже все известно вам, я допрошу этих людей относительно их намерений.

— Простите! — сказал дон Порфирио. — Может быть, было бы лучше, если бы я сам допросил этих негодяев, ведь, по местным нашим законам, как вам известно, я — судья на своей земле. Эти люди забрались ко мне с целью обокрасть, ограбить, а, быть может, и того хуже; следовательно, мне одному и принадлежит право судить их!

— Да, действительно, это по закону! Так делайте с ними, что знаете!

Сев на скамью, стоявшую неподалеку, дон Порфирио усадил подле себя Твердую Руку и приказал привести пленников, что и было немедленно исполнено краснокожими, пришедшими с Твердой Рукой.

В продолжение нескольких минут асиендадо внимательно разглядывал стоявших перед ним людей. Первые шесть человек ничем особенным не отличались: это были заурядные пограничные бродяги самого низшего разбора, просто дикие животные, готовые на любые преступления за деньги: грубые орудия чужого злого умысла. Их нечего было допрашивать, так как, вероятно, сами они не знали о намерениях своих вождей. Совершенно иного рода был седьмой пленник. То был индеец, — но не чистой крови, а метис самбо со свирепым лицом, угрюмом взглядом, с подлым, лукавым выражением неправильных, грубых черт. Это, очевидно, был глава и предводитель шайки.

— Уверены вы в ваших воинах, друг мой? — шепотом спросил дон Порфирио своего приятеля.

— Как в самом себе! Все они преданы мне.

— Прекрасно!

Дон Порфирио так пристально взглянул на стоявшего перед ним разбойника, что тот невольно должен был отвернуться.

— Я — владелец этой асиенды и, как вам должно быть известно, алькальд¹ на своей земле! Предлагаю вам отвечать на мои вопросы! — проговорил он, обращаясь к пленникам.

— Мне нечего отвечать! — с грубым смехом, пожимая плечами, отозвался бандит.

— Ну, это мы увидим! С какой целью прокрались вы ночью с оружием в руках на мою асиенду?

— Напрасно спрашиваете: все равно вы ничего не узнаете, даже моего имени!

— В самом деле?

— Я в этом уверен; я в первый раз в этой стране, и здесь меня никто не знает! Меня вы никогда раньше не видели и даже не знаете, откуда я явился!

— Лжете! — спокойно возразил дон Порфирио. — Я знаю, что вы живете в этой стране, сеньор Наранха!

— Эге! Какое имя вы произнесли! — удивленно воскликнул Наранха, так как это был, действительно, он.

— Ваше прозвище, под которым вы скрываете ваше настоящее имя, сеньор Эуфемиио Каброн! — иронически ответил асиендадо.

Негодяй смутился и потерял всю свою нахальную самоуверенность: бледное лицо его исказили конвульсивные подергивания, холодный пот выступил на лбу.

— Он знает мое имя! Он его знает! — с ужасом прошептал Наранха.

— Мало того, я еще знаю многое! — насмешливо продолжал дон Порфирио. — С самого момента, как вы покинули столицу, я не терял вас из виду. Каково вам теперь живется в этом жалком ранчо дель-Лагарто?

— А, за мной следили! — воскликнул он, не подумав даже о том, что говорит.

— Да, шаг за шагом! Вы полагаете, что можете считать себя неуязвимыми, но я говорю вам, что все знаю, даже таинственное совещание сегодня утром в лесу с вашими достойными сообщниками, знаю, и зачем вы явились сюда.

— Ну, этому позвольте не поверить! — насмешливо уронил Наранха, пожимая плечами.

— Вы собирались предательски убить меня и дона Торрибио де Ньебласа.

¹ Алькальд — городской голова.

— Нет, его я должен был пощадить: таково строжайшее предписание.

— Правда ли это?

— Клянусь Гваделупской Божией Матерью: если он умрет, умрет и она, а мой господин не хочет этого!

— Прекрасно! Но скажите, кто приказал вам убить меня?

— Раз вам все известно, — иронически заметил бандит, — вы должны знать и это.

— Вы утверждаете, что не знаете меня. Как же вы можете меня ненавидеть?

— Я ненавижу вас за то, что вы враг... Впрочем, я ничего не скажу вам; не хочу отвечать — и все!

— Ваши ответы, в сущности, мне безразличны: вряд ли вы могли бы сообщить мне что-нибудь новое.

Самбо презрительно улыбнулся.

— Не знаю, какими путями вам удалось узнать все то, что вы мне сказали, но что касается последнего вопроса, то, если только сам черт не сообщил вам этого, вы не можете знать!

— Глупец! Вы так уверены в этом потому, что вы с господином заперлись в комнате, когда он отдавал вам шепотом приказание.

— Да, может быть, и потому, а может быть, и по какой-либо другой причине...

На этот раз дон Порфирио пожал плечами.

— Знайте, сеньор Наранха, что и мои агенты не хуже агентов общества платeadос, что они видят и слышат сквозь стены, и несмотря на все предосторожности, принимаемые сеньором доном Хуаном Мануэлем Андраде де Линарес-и-Гуайтимотцином, им известно все.

— О! Имя моего господина! Они и это знают! — воскликнул, бледнея, бандит.

— Вы видите, мне все известно!

— Нет, не все! — с торжествующим видом воскликнул Наранха. — Хоть дьявол и сообщил вам имя моего господина, все же вы не смеете бесчестить его! Я все равно в ваших руках, вы сделаете со мной все, что вам будет угодно, — ведь, попадись вы в мои руки, я бы тоже не пощадил вас. Но он!.. Знайте же, что мой господин — кабальеро, и честь его ничем не запятнана. Он не приказывал мне убивать вас, а только похитить — вас и этого дона Торрибио. Убить вас я решил сам, так как желал раз и навсегда избавить своего господина от заклятого врага.

— Ложь!

— Нет, это не ложь, и я почти уверен, что, убей я вас, мой господин всадил бы мне самому пулю в лоб за непрошеную услугу!

— Если так, то зачем же вы явились сюда с этой вооруженной шайкой?

— Чтобы похитить вас и этого дона Торрибио де Ньесбласа.

— Похитить? С какой целью?

— Это мне неизвестно. Господин мой приказывает, а я исполняю, не справляясь о смысле и значении его приказаний.

— Так он приказал вам похитить меня и моего гостя, — и ничего более?

— Нет. Мой господин, как и вы, принадлежит к индейской расе, но более чистой и благородной, чем вы, — и он послал меня снести вам окровавленные стрелы, как того требует обычай. Эти стрелы я положил на первую ступеньку того высокого крыльца, с которого спускаются в сад; там вы и найдете их!

— Я их не видал!

— Да вы и не могли их видеть, потому что я положил их уже после того, как вы спустились в сад: я шел за вами следом все время!

— Почему же вы тогда не убили меня? Ведь, я был один и без оружия?

— Я хотел было это сделать, но потом одумался: я сообразил, что вы спешите к тому, кто вызвал вас сигналом, и хотел подслушать разговор, выведать вашу тайну и воспользоваться ею в интересах моего господина. Кроме того, я действительно не знал, сколько человек находится в засаде в этом огромном темном саду, и опасался сам быть атакованным с минуты на минуту, а потому и соблюдал всевозможную осторожность.

— Так в тот самый момент, когда вы, крадучись, положили на ступеньки моего крыльца окровавленные стрелы, вы уже начали свои враждебные действия против меня?! Так это та индейская война, которую мне предлагает ваш господин?

— Мой господин, знатнейший из индейцев, единственных законных обладателей Мексики, желая окончательно разрешить вашу двадцатилетнюю вражду, честно предупреждает о том, что вступает в открытый бой. Он дает вам пятнадцать

дней перемирия, а затем, по прошествии этого срока, будет уже на вашей земле, — и тогда пусть Бог рассудит!

— Прекрасно! Но при чем же дон Торрибио де Ньеблас?

— На это я ничего не могу вам ответить!

— Хорошо, я принимаю вызов вашего господина! Но так как вы не исполнили данного вам приказания, а явились сюда с шайкой вооруженных людей, намереваясь убить меня и похитить моего гостя, то вы должны умереть!

— Пусть так: я в ваших руках, только знайте, что смерть моя будет жестоко отомщена!

— Может быть! — презрительно пожав плечами, сказал дон Порфирио.

— Не имеете ли вы сказать что-либо против моего приговора? — обратился он к Твердой Руке.

— Ровно ничего, — отвечал вождь индейцев, — этот мерзавец вполне заслуживает смерти!

Тогда асиендадо сделал знак индейцам.

— Возьмите этих людей, — сказал он, — и сбросьте их в пропасть!

Подоспевшие по его знаку краснокожие тотчас стянули потуже узы пленников и готовились уже привести в исполнение приказание асиендадо — взвалить несчастных на плечи и сбросить в бездонную пропасть, открывавшуюся всего в нескольких шагах за рощей, как вдруг раздалось несколько выстрелов, слышались стоны, падение тел, проклятья и крики. Асиендадо и Твердая Рука вскочили на ноги и бросились на крики. Но дорогу им преградил внезапно появившийся человек, державший в каждой руке по пистолету.

— Стойте! — повелительно крикнул он.

Это был дон Торрибио де Ньеблас.

— Ну, слава Богу! — воскликнул он. — Вы целы и невредимы, дорогой дон Порфирио! А я так боялся, что явлюсь слишком поздно!

— Благодарю вас, друг мой! Я не только цел и невредим, но и бандиты, осмелившиеся пробраться ко мне, схвачены, связаны и ожидают своей участи!

— Я только что захватил их сообщников; с десятков, кажется, осталось на месте, другие, тоже около десяти человек, пойманы живыми, а остальные успели бежать. Я не погнался за ними, потому что спешил сюда — узнать, что с вами. Не сегодня-завтра они все равно попадут нам в руки,

а на этот раз наши враги жестоко поплатились. Но скажите, что же вы намерены делать с пленными?

— В тот момент, когда вы явились, мы собирались казнить их. — И в нескольких словах дон Порфирио рассказал молодому человеку о случившемся.

Внимательно выслушав рассказ асиендадо, дон Торрибио с минуту поразмыслил, затем сказал:

— Позвольте мне сделать одно маленькое замечание, сеньоры!

— Сделайте одолжение.

— Мы являемся представителями мексиканского правительства. Следовательно, в качестве представителей правого дела, закона и справедливости, мы должны карать, а не мстить! Мы преследуем преступников, а вовсе не расправляемся с врагами. Здесь, в этих отдаленных провинциях, правительство почти не имеет возможности уследить за бандитами, а потому мы должны примерно наказать тех, кто находится теперь в наших руках, чтобы страшное наказание послужило примером всем негодяям. Пусть правый суд свершится — но принародно, средь бела дня: тайно, в темном лесу убивают только бандиты. Кроме того, пусть вся Сонора знает, что непобедимые платeadос потерпели поражение. Вот мой план: эта шайка обосновалась на ранчо у лагуны дель-Лагартто. Туда мы и отведем своих пленных и предложим им тянуть жребий. Половина из них будет повешена на высоких виселицах перед воротами ранчо, а тела их бросим на съедение хищным птицам.

— Прекрасно! Я полагаю, что это наказание достигнет своей цели, — сказал Твердая Рука, — а именно, внушит страх остальным бандитам! Но позвольте мне добавить кое-что к вашему плану.

— Сделайте одолжение!

— Ранчо следует предать пламени, а на развалинах водрузить большой столб с доской, носящей следующую надпись крупными, четкими буквами: «бандиты, платeadос, повешенные за грабеж, убийство и поджигательство по приказанию президента Мексиканской республики».

Дон Торрибио невольно содрогнулся, слушая эти слова: ему вспомнилась донья Санта.

— Bravo! — воскликнул асиендадо. — Да, именно так и следует сделать! Что вы на это скажите, дон Торрибио?

— Пусть будет так, как вы решили, сеньоры! С рассветом мы двинемся к ранчо дель-Лагарто.

— Ну и прекрасно! — воскликнул асиендадо.

Как только рассвело, большая группа всадников выехала со двора асиенды дель-Пальмар, ведя за собой семнадцать человек пленных, привязанных к хвостам лошадей, и еще восемь человек раненых, уложенных на телегу, и с десятков тел, брошенных на другую такую же телегу, ехавшую позади также как и первая, под конвоем.

Но еще за два часа до того Пепе Ортис во весь опор поскакал к лагуне дель-Лагарто и нашел уже ранчо пустым и безлюдным. Очевидно, дон Мануэль, узнав о неудаче своих сообщников, счел благоразумным бежать, не теряя времени, и укрыться в надежном месте.

Узнав об всем этом от Пепе, дон Торрибио почувствовал себя спокойнее, к нему вернулось обычное самообладание.

Шествие двигалось медленно, так как всадники вели за собой пленников. Было уже около десяти часов утра, когда эта печальная процессия стала приближаться к ранчо.

Слух о происшествии этой ночи быстро облетел всю ближайшую окрестность, — и перед ранчо собралась уже громадная толпа ранчерос, охотников и прочего люда: все желали насладиться зрелищем казни платeadос.

Окна и двери дома были распахнуты настежь; обитатели ранчо, как видно, успели захватить все свое имущество, так как комнаты были пусты, будто в них никто не жил.

Между тем часть всадников хлопотала над сооружением виселиц и приготовлениями к казни, а некоторые стали натаскивать на ранчо солому и другие горючие и легко воспламеняющиеся материалы. Остальные сторожили пленников, а дон Торрибио, Твердая Рука и дон Порфирио занялись изготовлением жребиев.

Всех бандитов, в том числе и раненых, было двадцать пять человек; следовательно, тринадцать человек должны быть повешены. Но тут случилось нечто непредвиденное: бандиты все до одного отказались назвать свои имена. Чтобы обойти это затруднение, дон Торрибио предложил написать на тринадцати билетиках слово «смерть», а двенадцать остальных оставить пустыми. Так и сделали; даже пленникам это показалось забавным: таков уж характер мексиканцев, этих отъявленных игроков, что даже и эта роковая лотерея казалась им смешной. Но вот ранчо наполнено горючими мате-

риалами, виселицы стоят, твердо вкопанные в землю, — все тринадцать в ряд. Стали тянуть жребий. Пепе Ортис держал в руках шапку и обходил с ней пленных, поднося ее каждому, чтобы он мог вынуть себе билет.

Все это было делом нескольких минут. Избранные беспристрастной судьбой жертвы беспечно, почти весело предоставили себя в распоряжение пеонов, на которых была возложена печальная обязанность — вздернуть их высоко над землей. Все они были отъявленные игроки; в этой лотерее смерти они проиграли волей судьбы и теперь расплачивались просто и естественно, как это делали всегда до сих пор во всякой игре. Судьба на этот раз пощадила Наранху: ему попался пустой билет. Подойдя к дону Торрибио, он поклонился ему и сказал весьма развязно:

— Благодарю вас, сеньор! Я не забуду, что обязан вам своей жизнью!

— Не мне, — презрительно отозвался молодой человек, — а случаю: он вывез вас на этот раз.

— Да, теперь, — насмешливо продолжал самбо, — но в эту ночь, не явись вы так кстати и как раз вовремя, я был бы уже теперь на том свете: я буду помнить это!

Дон Торрибио пожал плечами и, не сказав ни слова, повернулся к нему спиной.

— Ах, как он похож на него! — прошептал в то же время освобожденный пленник. — Чем больше я смотрю на него, тем это сходство кажется мне более поразительным!

Между тем обреченные на смерть бандиты были повешены, а ранчо подожжено. Пожар распространился с удивительной быстротой: не прошло и часа, как все уже было кончено: на месте дома лежала груда пепла и обгорелых камней, да торчали тринадцать виселиц, и на каждой — по висельнику. Громадный столб с надписью, предложенный Твердой Рукой, возвышался над развалинами; у подножья этого столба были свалены тела убитых в схватке прошлой ночи.

— Что же мы сделаем с этими негодяями? — спросил у дона Торрибио асиендадо, указывая на пленных, оставшихся в живых.

— Да что? Возвратим им свободу! — ответил дон Торрибио. — Пусть себе идут на все четыре стороны!

— Как так? — удивился дон Порфирио.

— Да на что они нам?! Они только будут стеснять нас, ведь у нас нет тюрем, чтобы засадить их, сторожить, поить, кор-

мить — содержать, одним словом! Пусть себе идут: их пере-
сказы об этих происшествиях сослужат нам большую службу,
чем вы полагаете. К тому же, рано или поздно — они снова
попадут к нам в руки.

— Это возможно, но до тех пор...

— Чем они могут быть опасны нам? У них теперь нет ни
оружия, ни денег, ни коней...

— Ну, все это они добудут очень скоро, поверьте мне. Мне
кажется безумием выпустить таких разбойников, раз они
попали в наши руки.

— Не стану спорить, но я того мнения, что милость вслед
за примерной строгостью — дело разумное. Судьба помило-
вала их — не будем же более жестоки и строги, чем она!

— Дайте мне обнять вас, сеньор! — восторженно восклик-
нул Твердая Рука. — Вы говорили сейчас и действовали все
время, как человек с душой и сердцем! Я был бы рад и
счастлив назвать вас своим другом!

— Вашей дружбой, сеньор, я всегда буду гордиться: это
для меня большая честь! — скромно ответил дон Торрибио.

— Да, да, оба вы благородные, высокие натуры! — растро-
ганным голосом произнес дон Порфирио, по-видимому, сам
очень довольный решением своего молодого друга, — и,
обратившись к пленникам, неподвижно стоявшим с мрачны-
ми унылыми лицами, в ожидании, чем решится их участь,
асиендадо сказал:

— Ну, убирайтесь! Да благодарите за свое спасение этого
мягкосердечного молодого человека! Ему вы обязаны жиз-
нью и своей свободой. Только смотрите, другой раз не попа-
дайтесь нам в руки: тогда мы обойдемся без лотереи!

Пленники только этого и ждали: с удивительной быстро-
той они рассыпались по кустам и овражкам, почти тотчас же
скрылись окончательно с глаз. А толпа зрителей, видя, что
зрелище окончено, уже давно стала расходиться, и теперь
совершенно разбрелась.

— Ну, а теперь что же мы будем делать дальше?

— Ба-а! — воскликнул молодой человек. — Теперь мы
сделали свое дело, а там нам Бог поможет.

— Да, если мы сами не будем зевать.

— Ну, конечно!

Затем все сели на коней и не спеша вернулись на асиенду
в сопровождении краснокожих воинов Твердой Руки и пео-
нов дона Порфирио.

ГЛАВА VIII

В которой Твердая Рука рассказывает индейскую легенду

Вечером того дня, в который происходила казнь платeadос, три человека находились в удобно и роскошно обставленной гостиной асиенды дель-Пальмар дон: Торрибио де Ньеблас, дон Порфирио Сандос и дон Родольфо де Могуэр, или Твердая Рука, — этот родовитый испанец, отказавшийся от жизни цивилизованного общества, чтобы жить между краснокожими.

Все трое, утопая в мягких подушках, лениво перекидывались отдельными словами или отрывочными фразами и курили дорогие сигары, голубоватый дым которых полностью скрывал их в своих облаках.

Разговор, весьма оживленный сначала, стал как будто ослабевать: курильщики, сами того не замечая, поддавались опьяняющему влиянию табака и становились как-то сонливее и ленивее обыкновенного, уходя каждый в свои мысли, а потому отвечали лишь односложными словами на вопросы другого.

Часы медленно пробили одиннадцать звучных ударов. Дон Порфирио встрепенулся, выпрямился и обратился к дону Торрибио со следующими словами:

— Вы не спите, дорогой гость мой?

— Я? Нет, нисколько, я просто размышлял!

— Вы устали и чувствуете себя утомленным?

— Нет, вы шутите, любезный дон Порфирио! Я так же свеж и бодр, как вы!

— Простите, что спрашиваю вас об этом! Но вы едва еще успели оправиться после серьезной и опасной болезни, так что мои вопросы весьма естественны!

— Я очень признателен вам за вашу заботливость, но право, чувствую себя прекрасно!

— Ну, в таком случае, друзья мои, поступим по пословице: «не откладывай того до завтра, что можешь сделать сегодня»

Все кругом спит, и никто нас теперь не потревожит. Я прикажу подать шампанского, — этого искристого и веселого французского вина, — и оно поможет нам, в случае надобности, преодолеть сон. Слуг наших мы отпустим спать, а я

расскажу вам то, что обещал, и что необходимо знать вам, чтобы предприятие наше удалось. У нас в распоряжении вся ночь, я успею все пересказать, если только вы ничего не имеете против.

— Я буду очень рад и весьма благодарен вам.

Дон Порфирио позвонил; тотчас же отворилась дверь; и на пороге появился пеон.

— Накройте в столовой холодный ужин, а сюда подайте шандалы с незажженными свечами и четыре бутылки шампанского, вон на тот столик, что около софы! — приказал дон Порфирио.

Пеон вышел и вскоре вернулся в сопровождении двух других, которые несли вино, бокалы и шандалы со свечами.

— Теперь вы можете идти и ложиться спать: вы более не нужны.

Пеоны, почтительно поклонившись молча удалились.

На дворе стояла чудная тропическая ночь; мириады звезд усеяли небо; через большие итальянские окна, обтянутые тонкой белой кисеей, — единственное средство избавиться от бесчисленных мошек, мотыльков и других насекомых, являющихся настоящим бичом для жителей всех жарких стран, — врывался напоенный тонкими ароматами свежий ночной воздух.

Кругом царила торжественная тишина, лишь изредка прерываемая меланхолическим тоскливым криком филина или совы в глубине темной чащи деревьев или отрывистым взвизгиванием мексиканской перепелки, торопливо бегущей в траве.

Словом, то была тихая, светлая, благоухающая ночь, располагающая человека к мечтательности и размышлениям, возвышающим души над мирской суетой, полная чар и дивной гармонии, — одна из таких ночей, о каких мы, жители холодного севера, не имеем даже понятия.

— Теперь, друзья мои, — сказал дон Порфирио, когда слуги удалились, — расположимся поудобнее в наших мутак-ках¹, закурим свои сигары, наполним бокалы замороженным шампанским и, чтобы не смущать мошек и комаров,

¹ Подушки вальками вроде используемых на Кавказе. — *Примеч. перев.*

загасим свечи. Пусть луна и звезды светят нам и внимают нашей беседе, или вернее, рассказу дорогого нашего друга Твердой Руки.

Вся эта программа была в точности исполнена, и тогда дон Торрибио обратился к хозяину дома со словами:

— Любезный дон Порфирио, позвольте мне напомнить вам, что вы обещали рассказать мне нечто такое, что для меня особенно важно знать для дальнейшего успеха нашего общего дела, — а сейчас вы изволили сказать, что мы будем слушать рассказ дона Родольфо...

— Говорите, пожалуйста, Твердая Рука! — поправил его, улыбаясь, вождь краснокожих.

— Прекрасно! Итак, вы изволили сказать, что Твердая Рука будет рассказывать, а мы с вами слушать.

— Да! Как вам известно, каждая повесть имеет свое вступление, а вступлением к тому, что я намерен сказать вам, является одна индейская легенда, известная мне далеко не так, как она известна нашему другу, который может рассказать ее нам, развязывая узелки своего *quipos*¹, то есть не пропуская ни одной мельчайшей подробности.

Вам предстоит услышать повесть не одного человека, а целой семьи, знать которую для вас очень важно, а потому, конечно, необходимо ознакомить вас и с происхождением этой семьи.

— Да, конечно, я буду очень рад услышать все, что вы или наш друг Твердая Рука найдете нужным сказать мне!

— Итак, пока наш славный вождь будет отыскивать свои *quipos* в мешке, я постараюсь ознакомить дона Торрибио с местностью, где разыгрались все эти события. Так вот, немного ниже того места, где Рио-Хила сливается с реками Рио-Салинас и Рио-Пуэрко, следовательно, там именно, где вы назначили свидание вашему приятелю Бобру и другим охотникам, которых вы так ловко завербовали, — так вот, именно там среди большой равнины лежат и понемногу распадаются в прах под влиянием ветров, дождей, солнца и времени, развалины громадного города, одного из тех многочисленных городов, которые тольтеки основывали там, где

¹ *Кипу*, веревка с узелками, используемая южноамериканскими индейцами в качестве письма.

были их стоянки во время таинственных странствий с севера на юг.

Развалины эти носят название, известное только одним индейцам; вероятно, это было некогда название самого города; зовут их *Амакстлан*.

Из всего этого большого города, некогда очень богатого и цветущего, уцелел только один массивный, громадный дом, построенный из гранита, грубо отесанного, но вековечно прочного. Это мрачное, темное здание гордо возвышается среди окружающих его развалин и как будто шлет вызов всеразрушающему времени.

Это грандиозное внушительного вида здание, охраняющее, как вечный страж, безмолвную печальную пустыню, называется у индейцев *Калли Моктекусома*, то есть *Дворец Старого Господина*.

Проследовав по диагонали с востока на запад через развалины города и углубившись в чащу мрачного, бесконечного леса на десяток миль или около того, вы, к немалому своему удивлению, видите, что мощные черные дубы вдруг широко расступаются на обе стороны, открывая площадь в несколько сотен гектаров взрытой почвы, усеянной множеством обломков гранита самых причудливых очертаний и форм, как будто она подверглась допотопному перевороту или каким-нибудь вулканическим потрясениям.

Мутный поток, точно бешеный, с ревом мчит свои воды через камни, утесы и бурелом, местами подмывая и прорывая себе дорогу даже сквозь самые скалы.

Эта мрачная дикая местность представляет собой живую и наглядную картину мирового хаоса, которую дополняет еще громадная гора, последний отрог Сьерры-де-Монгохон, оканчивающаяся большим пиком *воладеро* вышиной более полутора тысяч метров, грандиозная арка которого возвышается над мрачной пустыней, на которую он роняет свою черную мрачную тень.

Вершина этого воладеро и представляет собой обширную платформу, служащую основанием громадному мрачному зданию (сооружению циклопов). Его *альменас*, или зубчатые стены, а главным образом, его непостижимое положение

¹ *Амакстлан* означает в переводе место, где разветвляется река. — Примеч. автора.

на вершине, по-видимому, совершенно недоступного воладеро дали этому замку или асиенде название дель-Энганьо, что в дословном переводе означает «асиенда обмана».

Каким путем добраться до этой асиенды, к которой не ведет никакой дороги и которая висит над обрывом, почти упираясь своей крышей в облака?!

Тем не менее, она была обитаема: не раз в темные и безлунные ночи в окнах ее видели красноватые огни, также видали, как какие-то тени сползали по крутым обрывистым скалам горы, слывшей недоступной. Не раз какие-то странные звуки, исходящие из этого таинственного дома, нарушали торжественную тишину и безмолвие пустыни.

Не столько самая недоступность этой асиенды, сколько разные суеверные страхи и безотчетный ужас всегда удерживали людей от желания удовлетворить свое любопытство относительно этого загадочного жилища. Правда, время от времени какой-нибудь смелый охотник, более любознательный и менее зараженный всякими суеверными страхами, решались на опасное предприятие: добраться до неприступной асиенды и разгадать ее тайну, но все эти попытки оканчивались очень печально. Несчастные смельчаки всякий раз платились жизнью за свою отвагу, а их окровавленные, изуродованные почти до неузнаваемости тела находили полусклеванными хищными птицами среди бесчисленных утесов и скал.

— И эта асиенда до сих пор осталась такой же таинственной и недоступной? — осведомился дон Торрибио.

— Да!

— Однако должна же быть туда дорога!

— Конечно, и даже не одна, но это тайна, которой владеют несколько человек, ревниво охраняющих ее. Вскоре вы узнаете, почему.

— Отлично! Но скажите, кому могло придти на мысль построить эту асиенду в таком необычайном месте, и каким образом строители могли доставить туда необходимые для постройки материалы, добыть в этой глуши искусных рабочих и мастеров?

— Это никому не известно! Но ответ на ваши вопросы вы найдете в той легенде, которую нам расскажет наш любезный дон Родольфо и его *quipos*.

— Прекрасно! Что касается меня, то я очень люблю легенды. Это — поэзия истории и вместе с тем пояснение к ней,

самое верное и несомненное. Многое, что нам в истории кажется темным и непонятным, объясняют легенды.

— Так слушайте же, — сказал вождь, — и не удивляйтесь, если что-либо покажется вам странным и неправдоподобным!

— О, будьте спокойны, дорогой вождь! Я всегда сумею отделить вымысел от истины, потому что хорошо знаком с характером легенд вообще!

Твердая Рука стал проворно перебирать своими белыми тонкими пальцами узлы *quipos*:

— В числе весьма многих легенд, сложившихся об асиенде дель-Энганьо, одна мне кажется наиболее поэтичной и простой, а, вместе с тем, и самой правдивой из всех. Вот она.

«Прошло около пяти лет с тех пор, как пала могущественная империя тольтеков; пала она не вследствие кровопролитных войн или внутренних неурядиц и раздоров, а вследствие чумы, голода и страшных землетрясений, обративших их города в развалины, а весь народ в мертвецов.

Великий Чичимек Ксолотль¹ царствовал тогда в обширной стране, лежащей далеко на севере; страна эта называлась Чикомосток².

Ксолотль с давних пор желал жить в стране более плодородной, а главное, более близкой к солнцу и часто мечтал о завоевании земель тольтеков, но все не решался пойти войной на народ, с которым он постоянно находился в дружеских отношениях. Когда же весть о гибели государства тольтеков, распространяясь из конца в конец, достигла и ушей великого Чичимека, он тотчас же отправил гонцов в землю тольтеков, чтобы убедиться, справедливы ли эти слухи, и на самом ли деле эта прекрасная страна покинута. Гонцы, вернувшись, объявили, что, обошедши почти всю страну, они нигде не встретили живой души, а от цветущих больших городов остались одни печальные развалины.

Тогда Ксолотль собрал весь свой народ в огромную долину: мужчины, женщины, дети и старцы — все поспешили на зов своего повелителя, готовые немедленно двинуться в путь

¹ *Xolottle* (Ксолотль) означает в переводе глаз, всевидящее око, ясно-видец или обладающий даром прозрения. — *Примеч. автора.*

² *Chicomostoc* (Чикомосток) значит в переводе: Страна семи пещер; от слова «чиком» — семь и «ток» — пещера. — *Примеч. автора.*

и счастливые тем, что вместо своих темных пещер они будут жить в стране, где много света и тепла.

И вот, когда все приготовления к переселению были окончены, великий Чичимек стал во главе своего народа и двинулся в поход, чтобы завладеть новыми землями и основаться на них.

По прошествии ста девяноста двух дней, пройдя тысячу девятьсот шестьдесят восемь миль пути, Ксолотль и его народ достигли границы государства тольтеков. Это было в году *Macnitli Tespatl*, то есть в 963 году по христианскому летоисчислению.

Дав отдохнуть своему народу после столь долгого пути, — а они шли тридцать семь дней — великий Чичимек приказал снова двинуться в путь. Перейдя границу, он продвигался вперед, не останавливаясь еще в продолжении восемнадцати дней.

И вот они наконец пришли к большому городу, называемому Амакстлан, который, надо полагать, был столицей, но от него теперь не осталось ничего, кроме развалин, среди которых уцелел только один дом громадных размеров и мрачного, внушительного вида.

Великий Чичимек не хотел основаться в этом месте, но так как его народ был очень утомлен продолжительным странствием, то он согласился пробыть здесь сорок дней.

Город этот лежал посреди очень плодородной долины и, как это видно из самого названия его, у слияния трех рек. Ксолотль объявил, что те, кто не может почему-либо следовать за ним далее, останутся здесь с условием отстроить город.

Тридцать тысяч семейств приняли это условие Великого Вождя.

Ксолотль был великий воин, мудрый законодатель, но главной его страстью была охота, и он не имел соперников в ловкости и меткости. Каждый день с восходом солнца он покидал в сопровождении главнейших вождей своего войска общий лагерь и отправлялся в ближайшие леса охотиться на оленей, антилоп и бизонов, которые тогда встречались здесь целыми стадами.

Однажды Ксолотль, преследуя оленя, зашел далеко в глубь темного дикого леса. Быстроногое животное все уходило от него и вдруг исчезло бесследно между скалами. Ксолотль оглянулся кругом и увидел местность,

представлявшую собой страшную картину хаоса и разрушения вследствие могучей борьбы стихий, превративших ее во взбаламученное море камней, гранитных обломков скал, опрокинутых и с корнем вырванных гигантских деревьев, при полном отсутствии всяких признаков жизни. Эта мрачная, дикая пустыня производила удручающее впечатление; какой-то суеверный, безотчетный страх невольно сжимал сердце человека при виде окружающей безотрадной картины. Давящее молчание и тишина могилы царили кругом, вселяя ужас и леденящий душу страх. Все это ощутил и великий Чичимек.

Однако вспомнив, что он находится очень далеко от лагеря, и спутники его теперь тревожатся о нем, он хотел вернуться, но чувствовал себя до такой степени усталым, что веки его сами собой опускались, и глаза закрывались, да и зной становился положительно нестерпимым. Поэтому он решил прилечь в тени под деревом и отдохнуть, пережидая, когда спадет жар. Едва успел он опуститься на землю, как тотчас же заснул и увидел странный, знаменательный сон.

Ему приснилось, будто свет дневной, бледнея, угасает, сменяясь трепетным и мягким светом тихой лунной ночи; земля как будто содрогнулась при этом, послышался шум, подобный шуму сильной бури в открытом море, — и глазам спящего Ксолотля предстала женщина неземной, дивной красоты, с лицом светлым и бледным, как будто озаренным голубоватым светом луны в теплые ночи равноденствия, когда это светило особенно прекрасно. Ее зеленый наряд царственными складками ниспадал с плеч, обнаженных, как и пышная грудь, и белых, точно мрамор, но живых и прекрасных. Гибкий стан ее обвивал пояс из искусно сотканных нитей золота и серебра, с нанизанным на них драгоценным жемчугом; душистые цветы вплелись в ее кудри, блестящие, как шелк, и светлые как маис, созревший под лучами знойного солнца. В правой руке своей она держала тростник темно-зеленого, илистого цвета. Грустно и вместе ласково склонилась эта женщина над спящим и голосом более мелодичным, чем пение *Cenztonile*, этого американского соловья, сказала: «Узнаешь ты меня, Ксолотль?» — «Да, — отвечал он с радостным трепетом — ты Мистли Истаксаль, богиня ночи, прекрасная луна, Пресвятая Мать! Ты та, которая открыла мне час падения империи тольтеков и повелела идти в эту землю, заселить ее моим народом и основаться

здесь навсегда, предсказав будущее могущество и силу чичимекского народа!» — «Да, я — та! Но я явилась к тебе не сама, а была послана Великим Теотлем, неведомым и невидимым людям Создателем всего небесного и земного, всего видимого и невидимого, всего, что существует и существовало, Единым, Всемогушим и Всевидающим; все остальные боги, даже самое солнце и луна, существуют по его воле и подвластны ему; они служат ему и повинуются его велениям. Он послал меня к тебе и тогда, а теперь встань и следуй за мной».

Ксолотль встал и пошел вслед за богиней, скользя, как ночной ветерок, по неровной, взрытой почве, через овраги, реку, скалы и утесы, голые камни и преграждающий путь бурелом, покуда не достигли правого ската высокой горы. Здесь богиня остановилась и дотронулась перстами своими до верхушки одного громадного гранитного обломка, который, тотчас же плавно ушел в землю, обнаружив вход в глубокую пещеру. Войдя в нее и пройдя несколько сажень, богиня и следовавший за ней Великий Вождь очутились у высокой стены, уходящей далеко в обе стороны. Богиня снова дотронулась до стены, — и та расступилась перед ними, давая им дорогу. За стеной открывался бесконечный узкий сводчатый коридор, вышиной около пятидесяти футов.

Богиня обратилась к Ксолотлю и наказала ему быть особенно внимательным ко всему, что он теперь увидит. Затем они вошли в высокий коридор и долго шли им. В конце концов он привел их к громадной зале, при входе в которую богиня еще раз обратилась к Ксолотлю и сказала: «Смотри и помни».

Войдя в залу, Ксолотль увидел, что вся она загромождена по самые своды большими ящиками и сундуками из драгоценного черного дерева, поставленными в шесть ярусов, один над другим, и доверху наполненными золотом в слитках, самородках, крупинках и монетах, а также драгоценными камнями и жемчугами. Тут были несметные богатства.

Посреди залы оставалось еще довольно большое свободное пространство, и здесь у стены сидели, скорчившись, несколько человек совершенно неподвижно, глаза их были открыты, но не видели ничего перед собой, устремленные в одну точку. Одеты они были в туники из оленей кожи, прекрасно выделанной; ноги их были обуты в сандалии с ремня-

ми, сплетенными из нитей алоэ; у некоторых было надето по большому золотому обручу и по ценному жемчужному ожерелью на шею; другие имели на голове шляпы из маисовой соломы или пальмовых листьев. Подле каждого из лиц первой группы стояли прислоненные к стене: золотой шлем и щит из того же металла и длинное копье с железным наконечником¹. Подле остальных стояли также их шлемы, щиты и копья, но щиты были медные, а шлемы — железные, а самый крайний из них, кроме копья, имел еще громадную палицу со множеством железных остриев.

Несмотря на свою не раз испытанную смелость, Ксолотль не мог удержаться от нервной дрожи при виде этих мрачных выходцев с того света. Но богиня, заметив это, усмехнулась благосклонной и ласковой улыбкой.

«Не смущайся! — сказала она. — Эти призраки, столь страшные для другого, не имеют ничего грозного для тебя. Здесь, в этой зале, хранятся сокровища тольтеков; эти люди, которых ты видишь перед собой, последние цари этого народа и самые доблестные воины, сохранившие ему верность. Все они один за другим укрылись в этом месте, гонимые судьбой, желавшей спасти их от смерти; они все живы, но погружены в летаргический сон: они и видят, и слышат все, что происходит вокруг, но не в состоянии сделать хотя бы малейшее движение. Настанет день, когда они проснутся и оживут² по воле Великого Теотля, чтобы избавить землю Анауак² от угнетателей, пришедших из-за моря на плавающих больших домах, и поработить их».

«Скажи мне, мать моя, суждено ли мне быть свидетелем этих грядущих несчастий?» — «Нет, сын мой! Ты умрешь, счастливый и могучий, процарствовав сто двадцать лет, ко благу и славе своего народа, который будет любить и бояться тебя. Потомки твои будут наследовать тебе на престоле вплоть до двенадцатого поколения, — и только после того, как род твой прекратится, его заменит другой народ, пришедший из Астлана, страны Гурона. Во время царствования

¹ Это доказывает, что тольтеки, жившие задолго до мексиканцев, знали о существовании железа, меди и других металлов и умели применять их. Это место взято целиком из пятой реляции, страница первая, мексиканского писателя Экстлилксочитля. — *Примеч. автора.*

² Страна Анауак, страна между двух морей — то есть Мексика, лежащая между Атлантическим и Великим океанами. — *Примеч. автора.*

некоего императора по имени Монтесума II все народы, живущие между двумя морями, будут ограблены и поработаны под железное иго чужеземцев, которые вдруг явятся сюда, вооруженные грозой и на животных, неведомых нам, — животных божественного происхождения. Это будет им в наказание за их пороки, распущенность и безумную роскошь. Сначала невежественные народы примут этих чужестранцев как своих освободителей, смешав их с воинами тольтеков, которых ты видишь здесь, потому что, как и они, и как ты, все они будут рослые, белолицые и бородатые. Когда же эти народы увидят свою ошибку, то будет уже поздно избежать позорного и возмутительного ига: их сумеют покорить хитрые и коварные пришельцы».

«Воля всемогущего Теотля да будет над нами!» — грустно произнес великий Чичимек.

Затем они покинули эту большую залу, проложив себе путь сквозь гранитную стену, и снова очутились в бесконечных подземельях, простиравшихся надо всей горой и имевших несколько выходов, которые богиня указала своему сыну. Наконец, после бесчисленных поворотов, они вышли на обширную площадь, которую представляет из себя вершина этой горы.

Здесь, дав великому Чичимеку время подивиться необъятному горизонту, открывавшемуся отсюда во все стороны, богиня сказала:

«Слушай мои слова со вниманием и удержи их в своей памяти: завтра, с восходом солнца, созови свой народ и прикажи ему приступить к постройке Текпана (королевского дворца) на этом самом месте, на вершине этой горы».

«Слушаю, мать моя! Но каким образом доставить сюда камень, как поднять машины и установить их? Я здесь нигде не вижу дороги!» — спросил удивленный вождь.

Богиня улыбнулась.

«Смотри», — сказала она и протянула правую руку. Несколько раз взмахнув своим зеленым тростником, она произнесла какие-то непонятные, таинственные слова.

И вот широкая пологая дорога появилась на скате горы, спускаясь в самую долину; бурливая река куда-то скрылась, а гранитные скалы, утесы и обломки расступались на обе стороны, открывая широкую и гладкую дорогу, которая уходила в глубь леса и под конец совершенно терялась в дали.

И это чудо совершилось менее чем в пять минут. Удивление ошеломленного и пораженного Ксолотля не имело границ.

«Ну, что же, — спросила, улыбаясь, богиня, — теперь твой камень и твои машины можно будет доставить на вершину?» — «О да! Великий Теотль! Да будет воля его!»

Тогда богиня достала сверток бумаги из алоэ, на котором было начертано несколько линий, и, вручая этот сверток Ксолотлю, сказала:

«Вот план будущего дворца. Ты выполнишь его в точности, до последних мелочей. Он должен быть окончен по прошествии семидесяти девяти дней. Когда все уже будет готово, и мастера, а также и все рабочие удалятся, ты здесь останешься один и проведешь первую ночь в этом новом дворце. В эту ночь я вновь явлюсь тебе и сообщу волю Теотля. Ну, а теперь дай мне твою руку!»

Великий Чичимек повиновался, и богиня, взяв его в объятия, понеслась над землей и тихо опустила его под деревом, на том же самом месте, где он уснул. Затем, склонясь над ним, она нежно поцеловала его в лоб и, прошептав: «Запомни все!» — исчезла.

И вот послышались крики и шум — и Ксолотль внезапно пробудился. Солнце уже скрывалось за горизонтом. Великий Вождь окинул местность недоумевающим взглядом и убедился воочию, что все здесь совершенно изменилось и нисколько не

походило на то, что он видел своими же глазами прежде, чем заснул. К нему с разных сторон спешили его товарищи по охоте. Ксолотль встал, отозвался им и тогда спохватился, что держит в руке сверток, врученный ему богиней, представлявший собой план будущего дворца.

И все виденное им во сне разом воскресло в его памяти; он понял, что это не простой сон. Вздвогнувшись, он поспешно спрятавшись под туннику сверток бумаги из алоэ.

Между тем спутники встретили его с великой радостью, так как продолжительное его отсутствие внушило им серьезное беспокойство. Вслед за тем все они вернулись в мертвый город по превосходной дороге, только что созданной богиней Мистли Истаксаль. На следующий день с восходом солнца целый народ, численностью в несколько миллионов душ, с Ксолотлем во главе, принялся за работу.

В камне, конечно, не было недостатка, а пути сообщения были превосходны, так что подвоз материала не представлял никаких затруднений. Одни добывали камень, другие обделывали и обтачивали его, третьи подвозили, четвертые поднимали наверх посредством хитро придуманных машин, так что каменщикам оставалось только складывать и скреплять, возводя стены. Одновременно с этим дровосеки и плотники валили лес и тут же пилили его на бревна, доски тесали, строгали, изготовляли двери, рамы, перегородки и даже мебель. Все готовилось разом; работали не сотни, а тысячи, миллионы рук; у каждого было свое дело, и каждый старался выполнить его добросовестно.

Великий Чичимек приказал раскинуть свою палатку на самом месте постройки и лично наблюдал за ходом работ, строго следя, чтобы строители не отступили ни на йоту от плана, начертанного на листе алоэвой бумаги.

При таких-то условиях это громаднейшее здание подвигалось удивительно быстро и за девять дней до определенного срока Текпан был уже совершенно готов и гордо возвышался на вершине воладеро.

Тогда Ксолотль в сопровождении всех своих архитекторов и главнейших мастеров осмотрел дворец во всех мельчайших его подробностях. Не только все было в полной исправности, но и все комнаты дворца, от первой и до последней, были убраны и обставлены с истинно царской роскошью.

Странной особенностью этого дворца являлось то, что он не имел ни одной явной двери, а только потайные, а те несколько дверей, что выходили на все четыре фасада здания, были так искусно замаскированы, что не было никакой возможности отворить их снаружи, но даже и заметить, где именно они находятся. Осмотрев все, великий Чичимек приказал снять леса, убрать оставшиеся материалы и все прибрать и очистить. На это потребовалось еще четыре дня, затем Ксолотль отпустил всех рабочих и остался один.

Великий Вождь долго провожал глазами удалявшихся по направлению к главному лагерю рабочих, которые шли небольшими группами, разговаривая между собой. Когда они окончательно скрылись из вида за извилинами дороги, Ксолотль еще раз обошел все здание снаружи, чтобы убедиться, что он теперь совершенно один и кроме него на вершине горы нет ни одной живой души. Затем вошел в здание и затворил за собой дверь.

Солнце клонилось к западу. Ксолотль зажег факел из дерева окоте, чтобы не оставаться впотьмах, затем поужинал заранее приготовленной пищей и, набив свой кальюмет священным табаком, стал курить, размышляя о выполненной им задаче.

Табак уже издавна был знаком тольтекам и чичимекам, и они много употребляли его, особенно при всяких религиозных церемониях. Само растение было открыто божественным законодателем, который первый посетил совершенно еще дикие дотоле народы земли Гурона. Он научил их обрабатывать землю, засеивать ее и собирать урожай, научил изготавливать всевозможные орудия, утварь и одежду, словом, — извлек их из мрака варварства и преподал им первые уроки цивилизации. Человек этот скрылся таким же непонятным образом, как и явился — неведомо откуда и куда, исполнив свою прекрасную миссию, не оставив по себе никакого другого следа, кроме своих благодеяний. Тольтеки и чичимеки считали его почти за бога и наделили символическим именем Кецалькоатль, что означает «змей, покрытый драгоценными перьями», а в аллегорическом смысле, — очень мудрый человек.

Докурив свой кальюмет, Ксолотль почувствовал, что его одолевает сон; он лег на ложе, усталое звериными шкурами и мехами, загасил факел и заснул.

Тотчас же ему явилась его божественная мать; склонившись над ним с любовью и запечатлев долгий поцелуй на его челе, она голосом, подобным звуку эоловой арфы, сказала: «Проснись, сын мой!»

Ксолотль тотчас же открыл глаза и присел на своем ложе.

«Слушай меня!» — продолжала она.

«Слушаю!» — сказал он, благоговейно целуя ее руку.

«Меня послал к тебе Теотль! Он приказал сказать тебе, что этот дворец, построенный тобой, будет служить в грядущие времена, которые только ему одному известны, для спасения народов Анауака и для возвращения им прежней свободы. Все другие народы будут мало-помалу уничтожаться и исчезать под давлением людей, пришедших из-за моря, и совершенно исчезнут с лица земли; одни только потомки чичимеков, тольтеков и других народов, живущих на обширном пространстве земель Анауака, будут по-прежнему множиться на земле своих предков, но уже в виде поработанных и жалких рабов, под страшным гнетом бесчеловеч-

ных пришельцев, упорно ожидая дня своего возрождения, который наконец настанет для них. Все тайны этого дворца должны быть свято хранимы, и только в час смерти каждый вождь, имевший в своих руках верховную власть, должен передать их своему прямому наследнику. Когда последний император из рода Инка утратит свой трон и станет в своем дворце пленником бородатых людей, то пусть разделит уголья священного неугасимого огня между своими слугами, наказав им вечно хранить с благоговением и тщанием этот огонь. Что же касается самого ковчежца, в котором хранится священный огонь, то он тайно вручит его своему ближайшему родственнику, последнему из прямых своих потомков, которого будут звать Мистли Амантцин, что означает «божественный лев». Ему он передаст план этого дворца и прикажет немедленно перенести сюда ковчежец, в котором постоянно будет поддерживаться священный огонь самим Мистли Амантцином или кем-либо из его ближайших родственников. Тайна эта еще строже будет хранима теми, кто будет знать о ней, и будет переходить из рода в род, от одного к другому, из вождей из рода Амантцин, до дня, определенного самим Теотлем. Наследник последнего из Инка не может быть никто иной, как потомок великого Чичимека самой чистой крови, без малейшей примеси какой-либо чужеземной крови. И вот для того, чтобы ты не забыл ничего из сказанного мной, возьми этот *quipos*, храни его и в день смерти вручи своему преемнику».

«Благодарю тебя, мать моя! — сказал Ксолотль, взяв *quipos* из рук богини и благоговейно пряча его у себя на груди под туникой. — Я слушал с надлежащим вниманием твои божественные слова и навсегда запечатлел их в своей памяти!»

«Теперь я добавлю еще несколько слов, — продолжала богиня, — завтра с восходом солнца ты покинешь этот дворец, в который не должен более возвращаться; дорога, проложенная мной, тотчас исчезнет, и местность снова примет вид мрачного запустения, а неприступные грозные скалы загромождают все пути к горе. Надо, чтобы путь, ведущий к этому, по-видимому, неприступному замку, оставался неизвестным для всех. Затем, Теотль не желает, чтобы Амакстлан восстал из пепла и развалин, а потому ты завтра же сделаешь перепись своего народа и затем двинешься дальше. Такова воля Теотля. Прощай, сын мой! Ты будешь счастлив всю

жизнь, и мое материнское попечение всегда будет хранить тебя!»

«Неужели я уже больше не увижу тебя, мать моя?» — «Нет, ты увидишь меня еще раз: в твой смертный час я приду за тобой, чтобы проводить тебя в блаженные долины». — «Прощай, мать моя, воля твоя и воля великого Теотля да будет во всем!»

Богиня запечатлела долгий поцелуй на челе сына и скрылась.

Поутру Ксолотль покинул таинственный дворец на вершине горы; едва он успел дойти до опушки леса, как, обернувшись назад, увидел, что дорога позади него бесследно исчезла; громадные обломки гранита, даже целые скалы и утесы загроздили путь к неприступному дворцу, река бурливо помчала мутные волны по камням и скалам, пенясь и злясь, как разъяренный зверь. Великий Чичимек с трудом проложил себе путь к лагерю через дремучий лес, в котором теперь уже не было ни дороги, ни тропинок. Прибыв в свой главный лагерь, Ксолотль собрал весь свой народ и, сделав перепись ему, двинулся далее к стране Анауак.

Вокруг дворца на воладеро воцарилась мертвая тишина, и вскоре все забыли о самом существовании этого удивительного сооружения.

Прошли века. Испанцы высадились на берег в земле Анауака. Могущественная Мексиканская империя пала, — и последний император Мексики погиб самым жалким образом, а его палачи поделили между собой его достояние.

Однажды вечером несколько всадников верхами на добрых конях прискакали перед самым закатом солнца к развалинам Амакстлана, где и переночевали. На утро, оставив своих коней под надзором двух своих товарищей, они решительно двинулись по направлению к лесу и не задумываясь стали углубляться в самую глухую чащу. Их было пятеро. Тот из них, кто, по-видимому, был их главой и проводником, нес что-то, очевидно, довольно тяжелое под полой своего плаща, но что это был за предмет, — никто не мог разглядеть.

После довольно продолжительного пути эти люди достигли подножия воладеро. Предводитель маленькой партии окинул быстрым взглядом всю местность и затем решительно подошел к одному из обломков скалы, дотронулся до него в известном месте и нажал его, после чего обломок плавно

сдвинулся с места и обнаружил ход в глубокое подземелье. Все пятеро вошли, — и затем громадная каменная глыба снова заградила вход.

То было в день *матлактли-оккоколин*, то есть в девятый день десятого месяца *очнаксалитстлик*, который соответствует двадцать седьмому сентября. Глава или предводитель тех, которые теперь проникли в подземелья таинственного дворца, был Мистли Гуайтимотцин, принесший сюда священный ковчежец, врученный ему умирающим Монтесумой II, последним императором Мексики. Итак, все предсказания богини Мистли Истаксуаль сбылись, кроме последнего.

— Такова, — закончил рассказ Твердая Рука, — легенда об асиенде дель-Энганьо или, как называют его индейцы, Текпан-Тепетикиак, то есть «дворец на вершине горы».

Рассказчик смолк.

Некоторое время длилось ничем не нарушаемое молчание. Часы пробили два часа ночи. Дон Торрибио очнулся точно от забытья.

— Вы кончили свой рассказ, сашем¹? — спросил он у Твердой Руки.

— Да, легенда на этом кончается! — задумчиво отозвался Твердая Рука.

— Вы чудесно пересказали нам эту легенду, дорогой сашем!

— Немудрено: я сотни раз слышал ее в детстве, и всякий раз глаза мои устремлялись с каким-то суеверным ужасом на окна таинственного дворца, освещенные в темные ночи каким-то красноватым светом.

— Так эта асиенда на самом деле существует? — спросил дон Торрибио.

— Да, и в таком виде, как ее описывает легенда!

— Странно! — продолжал дон Торрибио, как бы думая вслух. — Слушая вас, я переживал нечто совершенно необычайное: я следил за ходом вашего рассказа, как заблудившийся путник, который понемногу выходит на знакомую ему издавна дорогу. Мне казалось, что все те подробности, какие вы сообщили нам, уже знакомы мне, что все эти индейские названия и имена привычны моему слуху. Мне ка-

¹ С а ш е м — вождь, жрец у некоторых индейских племен.

залось, что я, как бы сквозь сон, видел когда-то и эти громадные залы, и бесконечные ходы и коридоры, которые я как будто проходил когда-то.

— Да, это странно!.. — прошептал дон Порфирио.

— Разве вы уже бывали когда-нибудь в этой стране? — спросил его Твердая Рука.

— Насколько мне известно, никогда!

— То есть, как это, — я не совсем понимаю вас, сеньор! — сказал асиендадо.

— Я, кажется, уже говорил вам, что родился в Мексике, в какой именно части ее — не знаю. Вероятно, я был очень малым ребенком, когда покинул родину, так как самые отдаленные воспоминания, воскресающие в моем воображении, — это воспоминания о большом судне, на котором со мной ужасно дурно обращались. Правда, впоследствии я узнал еще некоторые подробности из своей жизни, но в сущности память моя удержала ясно лишь те воспоминания, которые следовали за прибытием моим в Буэнос-Айрес. Все, бывшее со мной до этого времени, совершенно изгладилось из моей памяти, так что даже рассказы о том, что было, не могли ничего воскресить в моей душе. Не странно ли было бы, если бы я родился именно в этой провинции, и раннее детство мое прошло в окрестностях этого таинственного дворца?!

— Да, это было бы ужасно странно! — подтвердил дон Порфирио, видимо волнуясь. — Неужели вы в самом деле решительно ничего не помните?

— Ничего, ни даже фамилии моей семьи, ни собственного моего имени, хотя мне смутно помнится, что некогда я носил другое имя, чем Торрибио. Однако, оставим этот вопрос: дело не в нем, а в нашем общем деле, в том, каким образом нам следует бороться с сильным врагом.

— Странно! — прошептал дон Порфирио, украдкой внимательно вглядываясь в черты молодого человека. — А как знать?! Быть может, во всем этом виден перст Божий!

— Господа, не будем тратить времени в пустых разговорах! — сказал молодой человек. — Как вы сказали, эта легенда не более, как вступленье, эпизод, быть может, не имеющий даже никакой важности, но который служит, так сказать, пояснением к тому, что вы обещали сообщить мне о том друге вашем, которого вы оплакиваете вот уже двад-

цать лет, и жизнь, и исчезновение которого вы хотели рассказать мне.

— Я вас не понимаю, сеньор! — пробормотал асиендадо, становясь бледен, как мертвец. — О каком это исчезнувшем друге вы изволите говорить?

— Простите, но не старайтесь увильнуть от меня, теперь настало время сообщить мне эту печальную историю! Признаюсь, с того момента, как я услышал от нашего друга сашема легенду об асиенде дель-Энганьо, я сильно сомневался в смерти вашего друга тем более, что он последний в своем роде, — и вот теперь все мрачные предсказания легенды сбылись. Только то, что относится к нему, еще осталось без осуществления, но и оно должно исполниться, как и остальные.

— Значит, вы верите этим предсказаниям? — с живостью воскликнул дон Порфирио.

— Да, верю! Ведь все они осуществились в точности, это не подлежит уже теперь сомнению! Конечно, легенда — это поэзия истории, но для меня — это единственная достоверная история, потому что она всегда основана на каком-нибудь факте, особенно поразившем воображение очевидцев, — и этот факт, верно хранимый в народной памяти, передается от поколения к поколению и сохраняется до наших дней, конечно, немного изукрашенным кое-какими вымышленными подробностями, немного измененным, но с легко выделяющимся зерном истины, которая сама собой рельефно выступает из затейливой рамки чудесного, — вот почему легенда может служить основой для истории всех народов.

— Мне кажется, вы правы! Конечно, я — простой индеец и верю всему, чему верили мои отцы, и потому я не раз внутренне вопрошал себя: неужели в самом деле этот славный род, предназначенный совершить так много, бесследно угас? И всякий раз, вопреки рассудку, и очевидности, какой-то внутренний голос твердит мне постоянно: «нет, нет!» Я расскажу вам всю эту повесть: я лично был не только свидетелем всех этих фактов, но и участником этой ужасной, мрачной трагедии. Вот уже двадцать лет, как все случилось, — со вздохом выговорил он, — и если только не чудо, то едва ли возможно...

— Не говорите! — прервал его молодой человек. — Все возможно, даже и чудо! Я более, чем кто-либо, должен верить невероятному. Поэтому вы можете говорить смело, без

утаек и без обиняков; мне надо знать все, чтобы быть вам полезным.

— Ложь еще никогда не оскверняла моих уст, и теперь вы узнаете все, что хотели знать!

ГЛАВА IX

Как дон Порфирио стал говорить в свою очередь и что он рассказал

он Порфирио казался озабоченным и, по-видимому, был погружен не столько в свои воспомина-ния, сколько в какие-то горестные размышления.

— Вы бледны, дорогой сеньор, не больны ли вы?

— заботливо осведомился дон Торрибио.

— Нет, сеньор! — ответил асиендадо. — Я только размышлял сейчас, как узнали вы эту тайну, которая известна только двум моим друзьям и мне?

— О какой тайне изволите вы говорить?

— О том, что двадцать лет тому назад самый дорогой друг мой внезапно исчез, и никто не смог даже добиться, жив ли он или умер. С тех пор я все веду глухую, затаенную борьбу с сильным, могучим врагом, чтобы отомстить за своего друга, который был мне дороже всего в жизни!

— Если бы вы только спросили меня, то я давно сказал бы вам, что в бытность мою в Мексике я имел честь быть представленным министром юстиции одному из его близких друзей, а именно — дону Фабиану Торрильясу де Торре Асула.

— Как? Неужели вы знаете дона Фабиана де Торре Асула? — с живостью воскликнул дон Порфирио.

— Да, мало того, я успел даже очень близко сдружиться с ним. И вот, когда господин министр возложил на меня то поручение, о котором вам уже известно, он вручил мне письмо, которое я должен был передать вам, уверив меня, что вы лучше, чем кто-либо, можете сообщить мне все необходимые в этом деле сведения. Дон Фабиан был при этом; он отвел меня немного в сторону, в оконную нишу, и сказал мне вот эти самые слова: «Дон Порфирио Сандос мой лучший друг; вот уже двадцать лет, как один из общих наших друзей, последний потомок одной из первых фамилий Мексики, бесследно исчез, и, несмотря на все наши усилия и старания, мы не могли ничего разузнать о нем. Дон Порфирио поклялся отомстить за нашего друга. Подозрения его пали на некото-

рых людей, весьма сильных, влиятельных и могущественных, против которых он уже двадцать лет борется без устали. К несчастью, до настоящего времени ему не удалось добиться никаких результатов; а потому, если вам будет возможно содействовать ему сколько-нибудь в его правом деле, то, прошу вас, помогите ему, и он, и я — мы вечно останемся признательны вам за ваше содействие». Вот и все, что мне известно о вашей тайне. Мы дружески пожали друг другу руки и расстались, а два часа спустя я уже покидал Мехико и не видел более дона Фабиана. Из этого вы видите, что вы остались полным господином вашей тайны, и что я от вас ожидаю услышать о ней.

— Благодарю вас за это разъяснение! Для меня особенно отраднo знать, что дон Фабиан не только не разгласил нашей тайны, но, упомянув о ней, имел, очевидно, намерение расположить вас в мою пользу и заручиться для меня, на случай надобности, вашим содействием.

— Вам нет причины сожалеть об этой откровенности дона Фабиана, друг мой, так как он доверился человеку вполне порядочному и преданному вам, а потому, — сказал сашем, — советую вам немедленно сообщить нашему новому другу все, что ему необходимо будет знать, чтобы иметь возможность помогать нам словом и делом.

— Да, да, но только позвольте мне для большей ясности всего последующего сослаться на некоторые исторические факты и события.

— Сделайте одолжение, мы слушаем.

Дон Порфирио начал так:

— Эрнандо Кортес, конкистадор, завоеватель Мексики, этот гениальный авантюрист, как его называли, был не только великим мореплавателем, человеком предприимчивым и смелым, искусным полководцем, но и гениальным политиком. Овладев Мексикой и став полным ее господином после смерти несчастного Монтесумы, он воспользовался паническим страхом мексиканцев и утвердил свое владычество в стране не столько силой оружия, сколько хитростью, вступив в союз с вассальными царями и владельческими государами, данниками императора Монтесумы.

Вскоре вся Мексика покорилась, признала законы победителя и смиренно склонилась под его ярмо. Повсюду царили полнейший мир и тишина.

Но Эрнандо Кортес не обманывался этим внешним спокойствием, которое таило в себе бурю. Правда, сопротивления вооруженной силой более не было, но с минуты на минуту могло произойти неожиданно всеобщее поголовное восстание, и пришлось бы все начинать сначала. Население Мексики достигло тогда двадцати с половиной миллионов душ, а испанцев насчитывалось едва-едва четыре тысячи, — и то рассеянных по всему лицу обширной мексиканской территории. Между тем постоянные сношения покоренного народа с их победителями открыли мексиканцам глаза на многое, в чем они прежде заблуждались: так, они теперь поняли, что эти надменные пришельцы — такие же люди, как и сами они, подвластные тем же естественным законам, с теми же физическими потребностями, имеющие за собой одно только преимущество, а именно — превосходство оружия и лошадей — этих быстроногих животных, которые носили их, как на крыльях. Но этим оружием, которое, как они думали вначале, способно поражать молниями небесными, они без труда научатся впоследствии владеть, а лошадей, которых они считали сверхъестественными созданиями, сумеют приручить, обуздать, и тогда, сильные своей численностью, они разом обрушатся на испанцев, подавят их и сотрут с лица своей земли. Положение покорителей было весьма шаткое. Эрнандо Кортес решил тотчас же помочь горю, не дожидаясь критического момента.

В ту пору мексиканская аристократия была еще очень многочисленна и пользовалась громадным авторитетом в народных массах, которыми она управляла по своей воле. К этой-то аристократии и обратился Эрнандо Кортес: он издал указ, что все лица привилегированного сословия, которые пожелают принять христианство, отказавшись от своих языческих верований, и согласятся вступать в браки с испанцами, сохраняют за собой не только все свое состояние, земли и другие богатства, но также все свои титулы и привилегии, которые будут признаны и утверждены испанским правительством, и что, кроме того, эти лица будут пользоваться во всем одинаковыми правами с покорителями.

Как известно, во всех странах мира богатые и знатные классы обыкновенно относятся довольно безразлично к вопросам патриотизма, когда им обеспечивают спокойное, свободное обладание их землями и имущественными благами,

и когда им наобещают всякого рода титулов, почестей и привилегий.

Так случилось и тут. Знатные мексиканцы благосклонно приняли декрет конкистадора и поспешили принять его заманчивые предложения. Представители знати и аристократия в Мексике принадлежали к расе инков, следовательно, были белолицы, а не краснокожи, почему через два-три поколения их уже нельзя отличить под их новыми христианскими именами от природных испанцев.

Не прошло и полугода, как вся мексиканская аристократия приняла христианство и стала самой верной союзницей испанцев; теперь последним уже нечего было опасаться в случае возмущения или восстания; эти новообращенные христиане, как их называли, станут на сторону испанцев, в этом не могло быть сомнения.

Однако, некоторые из самых родовитых мексиканцев не согласились сначала на предложения, сделанные им испанцами, и упорно отказывались от заманчивых обещаний.

В числе этих последних был и касик (вождь) Сиболы. Сибола представляла из себя обширную территорию, совершенно еще неизвестную в то время испанцам, чрезвычайно богатую золотом и простиравшуюся, как говорят, вплоть до полярных стран Ледовитого океана. Эта страна, весьма густо населенная, была скорее союзным, нежели вассальным государством мексиканской империи. Касик ее был совершенно самостоятельным государем, управляющим бесконтрольно своим народом; император Монтесума II, чтобы почтить касика, дал ему в жены одну из своих родных сестер, и сам женился на сестре касика, от которой он имел дочь. Итак, касик являлся не только самым могущественным союзником покойного монарха, но также и его ближайшим родственником.

Касика звали Мистли Гуайтимотцин, ему было около сорока лет, роста он был высокого и прекрасно сложенный, с лицом удивительно редкой красоты — вообще, он был ярким представителем рода инка: уверяли, будто бы он происходил по прямой линии от царей Чичимеков, которые в продолжении стольких веков царствовали в Мексике и были первыми законодателями этой страны. Касик Сиболы пользовался особой любовью и почетом у Монтесумы, император положительно не мог обходиться без него. Будучи ранен камнем, пущенным в него во время восстания, несчастный император

почувствовал, что ему остается прожить очень немного времени. Тогда он созвал всех своих родных и друзей и простился с ними, наделив каждого дарами. Князя Мистли Гуайтимотцина он просил остаться при нем до последней минуты, что тот и сделал. Император издал последний вздох на его руках, прошептав уже едва слышимым голосом эти таинственные слова, над которыми испанцы немало потрудились, стараясь разъяснить их смысл и значение:

«Я иду на свидание с Кецалькоатлем, сыном Ксолотля; помни обещание Теотля и охраняй священный луч, чтобы быть готовым явиться на первый зов».

На это касик Сиболы ответил: «Клянусь».

Лицо императора озарилось тихой улыбкой; он пытался что-то сказать, но конвульсия овладела им, и он закрыл глаза, упал на руки своего друга касика и умер.

Мистли Гуайтимотцин оплакал своего друга и родственника и расстался с ним лишь тогда, когда последние обряды похорон были исполнены над усопшим. Тогда он удалился в свой дворец, где заперся один, отказываясь принимать даже самых близких своих друзей.

Весьма понятно, что и конкистадор очень желал заручиться содействием столь могущественного и столь влиятельного лица. Хитрый и умный испанец отлично понимал, что если ему удастся привлечь на свою сторону касика Сиболы, то множество родовитых аристократов, находящихся в зависимости от него, поспешат последовать его примеру, частью из-за выгод, частью по родству с касиком. Таким путем Кортес надеялся, что завоевание Мексики совершится незаметно, без кровопролития, мирным путем — и владычество Испании утвердилось бы прочно и навсегда над этой страной.

В силу всех этих соображений, Эрнандо Кортес всячески ухаживал за князем, даже не стеснялся лично посещать касика в его дворце; несколько раз подолгу беседовал с ним, делая ему самые блестящие и заманчивые предложения и даже предложил ему руку одной из своих ближайших родственниц, зная, что князь вдов и не имеет детей.

Мистли Гуайтимотцин долго заставил просить себя: это родство и близость с завоевателями казались ему чудовищным преступлением. Но однажды он как будто стал колебаться и в конце разговора, длившегося около трех часов, объявил Кортесу, что ему необходимо побывать в Сиболе,

что он намерен совершить это путешествие в самом непродолжительном времени, и что он пробудет в отсутствии около двух месяцев, а по возвращении в Мексику даст решительный и, как он надеется, желательный для Кортеса ответ.

Кортес не стал более настаивать и простился с касиком самым дружественным образом, а вечером того же дня прислал в подарок князю десять великолепнейших коней в драгоценном уборе и письмо, в котором писал, что, зная его пристрастие к лошадям и его удивительное умение управляться с ними, посылает ему этих коней, чтобы они могли служить ему в предстоящем путешествии и помогли ему поскорее вернуться в Мексику.

По тому времени это был поистине царский подарок, так как тогда лошади были еще очень редки в Мексике и ценились чуть ли не дороже золота. Мистли Гуайтимотцин был очень тронут этой любезностью конкистадора и благосклонно принял его подарок.

Четыре дня спустя он покинул Мехико и в сопровождении четверых своих ближайших родственников и двух слуг отправился в путь. Все семеро мексиканцев ехали верхом на дорогих конях.

Мистли Гуайтимотцин вез на хранение на асиенду на воладеро ковчежец, врученный ему императором в его последний час. Оставив лошадей на попечение слуг в развалинах Амакстлана, князь со своими родственниками проник на самую асиенду и в одном из тайных подземелий поместил священный ковчежец, поручив двоим из своих родственников постоянно поддерживать священный огонь. Затем он лег в той самой зале, в которой Ксолотль провел первую ночь в этом дворце. Что произошло в эту ночь — осталось неизвестно для всех, но только знают, что касик заперся один в зале, и что в продолжении многих часов ни малейший шорох или шум не нарушили таинственную тишину ночи. На другое же утро, когда князь вышел из залы, родственники его, бывшие с ним, заметили, что в нем произошла разительная перемена: черты его лица приняли особенное выражение, совершенно несвойственное ему дотоле. Но так как князь ничего не сказал им, то и они не посмели обращаться к нему с вопросами.

В тот же день касик поехал обратно в Мехико, куда и прибыл вместе со своими двумя родственниками и двумя

слугами, пробыв в отсутствии всего месяц и двадцать восемь дней.

Кортеса в это время не было в Мехико, он находился в окрестностях Тескоко.

Месяц спустя Мистли Гуайтимотцин принял христианство; сам Эрнандо Кортес был восприемником его при крещении, происходившем в бывшем храме солнца, обращенным по приказанию конкистадора в собор. Вместе с касиком крестились и двести тридцать восемь человек его родственников, принадлежавших к высшей аристократии страны. К прежнему мексиканскому имени князя были добавлены имена Эрнандо Кортеса и титул князя Сиболы.

В тот же день, при громадном стечении народа — как испанцев, так и мексиканцев — вновь обращенный вступил в брак с доньей Марией Хосефой де Сандоваль-и-Кортес, девушкой восемнадцати лет, отличавшейся редкой красотой.

А вечером того же дня князь дал присягу верности Испании в присутствии доня Эрнандо Кортеса дель Валле, вице-короля Новой Испании; при этом князю были вручены грамоты на вечное владение графствами Сибола и Монтесума.

Итак, испанская политика еще раз восторжествовала. Вся мексиканская знать и аристократия окончательно слилась с победителями. Теперь всякое восстание туземцев было заведомо обречено на неудачу: аристократия страны сама сковала себя цепями рабства.

В то время страна Сибола простиралась до крайних пределов Орегона. Впоследствии все эти земли получили название Сеньоры, в честь пресвятой Гваделупской Богоматери, святой покровительницы Мексики. Из «Сеньоры», вследствие искажения в народном произношении, произошло название Сонора, которое почему-то и осталось за этой страной.

Графство Монтесума-Кортес было образовано на территории, столь же мало известной испанцам, как и территория Сибола, а именно — в Аризоне, которую новому графу было поручено присоединить к испанской короне, что тот и исполнил.

Испанцы тогда не имели ни малейшего представления о том, чем были на самом деле эти земли с чрезвычайно многочисленным населением, о которых ходили самые баснословные слухи. Они даже не подозревали, что эти два

графства в общей сложности втрое и даже вчетверо больше, чем вся Испания и Франция, вместе взятые.

Из этого следовало, что новый граф де Кортес был самым могущественным князем во всей Новой Испании, не исключая даже и самого вице-короля, с которым он с успехом мог бы вести войну, если бы захотел. Но не таковы были намерения графа Сиболы. Спустя несколько дней после принятия присяги в верности Испании и своего бракосочетания с доньей Марией Хосефой, князь простился с вице-королем и вместе с молодой супругой, а также некоторыми из своих родственников покинул Мехико, чтобы поселиться на своих землях.

Поселив временно донью Марию Хосефу, к которой он питал самые нежные супружеские чувства, во дворце на воладеро, он призвал к себе всех мексиканцев, которые не захотели примириться со своим поражением, и упорно не соглашались покориться испанцам, и уверил их в своем милостивом покровительстве, роздал им земли и предложил поселиться вблизи от него.

Все эти дотоле гонимые правительством люди с радостью поспешили откликнуться на призывы князя, и вскоре там, где расстилась повсюду голая пустыня, возникли цветущие и густонаселенные города, в том числе и те, которые впоследствии получили названия Тубак, Ариспе и Урес. Однако князь, не довольствуясь тем, что имел в каждом городе по дворцу, построил себе множество асиенд, побуждая к тому же и всех своих родственников. На этих асиендах разводились громадные стада быков, лошадей и всякого скота, возделывались и засеивались громадные поля. Словом, здесь велось сельское хозяйство в самых больших размерах.

Менее, чем за двадцать лет, страна эта совершенно изменила свой внешний вид и характер. В необъятных владениях графа почти не осталось пустырей; умирая, он имел отраду видеть плоды своих трудов.

Время шло, год проходил за годом, графы де Кортес и Монтесума продолжали идти по стопам своего славного предка и стали благодетелями обширной страны, где все, от мала до велика, любили и чтили их.

Асиенда дель-Воладеро, тайна которой продолжала свято храниться теми, кому она была известна, не раз служила надежным убежищем для графов Кортесов в трудные минуты, постигавшие временами эту страну.

Все эти передражки стоили много денег графам де Кортесам и сильно пошатнули их значение и влияние. Испанцы с недоверием посматривали на могущественных князей, упорно продолжавших жить в глуши своих поместий, окруженных своими вассалами, за которых они постоянно заступались и отстаивали во всех их недоразумениях с правительством. Вице-король видел в этом тайную оппозицию правительству и постоянную угрозу себе, а потому охотно принимал на веру все доносы, ябеды и даже самые бессмысленные и нелепые клеветы, на которые решались низкие, подлые люди. Но ничто не могло заставить графов отступить от раз принятых ими правил жизни.

Богатства этой семьи, хотя и сильно уменьшившиеся, все же были несметны даже и в начале настоящего столетия, когда разразилась наконец так долго подготавливавшаяся война за независимость Мексики.

Графы Гуайтимотцин, Монтесума и Кортес — или, короче, просто графы Кортес — уже лет пятьдесят как избрали постоянным местом своего пребывания провинцию Гуанауато, местность между горами Пеньямилиара и Долорес, ныне Идальгос. Здесь, на одинаковом расстоянии как от того, так и от другого города, графы Кортес имели — да и теперь еще имеют — громадную асиенду, великолепно укрепленную и чрезвычайно богатую оружием, снарядами и провиантом всякого рода. Асиенда эта носит название дель-Парайсо; это великолепное жилище, более похожее на дворец, чем на асиенду, и графы Кортес окружают себя здесь поистине царской роскошью. Занимая, так сказать, центральное положение среди своих огромных владений, разбросанных по всему пространству Новой Испании, они особенно успешно могли наблюдать отсюда не только за соблюдением своих частных интересов в качестве крупнейших землевладельцев, но также и за движением умов в народных массах, предвещавшим для людей просвещенных близость пробуждения мексиканского народа, о чем испанцы перестали даже и думать, считая его окончательно подавленным и покоренным.

Граф де Кортес, бывший в то время главой этой семьи и старшим представителем знаменитого рода, был человек большого ума и обширных познаний и, как все его предки, питал горячую любовь ко всему мексиканскому народу. Он много путешествовал по Европе, несколько лет прожил во Франции, в самом Париже, этом центре всяких высоких идей.

Он был свидетелем пробуждения народа в 1789 году, был другом величайших людей, которым суждено было создать новый мир на нерушимых основах. Вслед за тем он был отозван в Испанию по приказу короля, но и сюда он унес в сердце своем страстное желание видеть свой народ свободным, а родину освобожденной от унижительного ига и владычества чужеземцев.

В то время, о котором идет речь, граф Кортес был в полном расцвете сил и умственного развития; ему было около сорока лет, роста он был высокого, прекрасно сложенный и изящный. Широкий и высокий лоб его обрамляли густые пряди шелковистых, черных, как смоль, волос, ниспадавших крупными кольцами на плечи; прекрасные черты его лица отличались особенной чистотой и красотой линий, а также чрезвычайной подвижностью и выразительностью, свойственной южанам. Большие прекрасные глаза темно-синего цвета часто казались черными и порой делались до того проницательными, что человек, на которого обращался взгляд этих глаз, невольно чувствовал перед ним смущение и робость. Граф носил слегка приподнятые кверху и закрученные по-кастильски усы и довольно длинную бородку-эспаньолку, скрывавшую отчасти подбородок, немного широкий.

На вид граф казался много моложе своих лет и во всех отношениях был до крайности привлекательным мужчиной. Он женился, будучи очень молодым, и рано потерял горячо любимую жену; но, несмотря на это раннее вдовство, дал себе слово не жениться вторично и всецело посвятил себя воспитанию своих детей. Их было двое, мальчик и девочка; рождение последней стоило жизни ее матери.

За несколько лет до начала этого рассказа граф из сожаления приютил в своем доме одного из потомков младшей линии Кортесов, который, вследствие всякого рода излишеств и распутной бурной жизни, разорился до рубашки и был ужасно счастлив, что заручился таким покровителем, без которого ему приходилось положительно умирать с голоду.

Человек этот также имел жену, но детей не имел; по приглашению владельца, он поселился со всей своей семьей на асиенде дель-Парайсо.

Этот Кортес был человек еще молодой и мог бы быть назван красавцем, если бы бурно проведенная юность, разврат и всякие излишества не наложили на него свою позор-

ную печать, а взгляд его лукавых, бегающих глаз придавал ему некоторое сходство с хищной птицей, избегающей света и чувствующей себя спокойной только во тьме. Однако, это был человек развитой, образованный, с вкрадчивыми манерами, весьма находчивый и остроумный, могущий дать толковый и разумный совет и умевший быть полезным, где считал это нужным.

Граф не уважал этого человека за его прежние поступки, но так как теперь он вел себя безукоризненно, как казалось, навсегда отказался от дурных склонностей и привычек, и не раз оказывал графу довольно серьезные услуги, проявляя свою безграничную благодарность и признательность графу за сделанное ему добро, то последний в конце концов стал мало-помалу свыкаться с ним и даже, в некоторых случаях своей жизни, оказал ему серьезное доверие, которое тот отнюдь не употребил во зло, что значительно послужило ему на пользу и упрочило его положение в семье благодетеля.

Только двое из окружающих графа не были введены в обман этим двуличным человеком: то был один знатного рода испанский дворянин, дальний родственник князя, и некий индеец, выросший и воспитанный в семье графа, его молочный брат, любивший его братской любовью.

— Вы знаете, дорогой сашем, — прервал свой рассказ асиендадо, обращаясь к Твердой Руке, — кто был этот родовой испанец?

— Да, это был мой отец, который вследствие серьезных семейных обстоятельств покинул отчий дом и сделался сашемом одного индейского племени, усвоив все нравы и обычаи этого народа. А другое лицо, о котором вы только что упомянули, — были вы сами, дорогой дон Порфирио! — ответил Твердая Рука.

— Святая правда, но только позвольте мне продолжать говорить о себе в третьем лице: это будет значительно удобнее.

— Прекрасно, как вам будет угодно! — отозвался дон Торрибио.

— Итак, я продолжаю! — сказал асиендадо. — Эти двое людей внимательно следили за тем человеком, но последний, угадав их недоброжелательство и недоверие к себе, вел так ловко и так искусно свои дела, что они ни в чем не могли перестеречь его.

Прошло несколько лет, в течении которых не случилось ничего такого, о чем бы стоило упоминать. Политический

горизонт темнел с часу на час, неудовольствие в народе все возрастало; восстание казалось неизбежным. Я не стану говорить о всех причинах, вызвавших войну за независимость: все эти события еще слишком свежи в памяти каждого, чтобы опять напоминать о них.

За последнее время граф сблизился с пятью людьми, которым суждено было играть впоследствии видную роль в революционной драме. Это были: дон Мигель Идальго-и-Костилья, священник маленького городка Долорес, дон Игнасио Альенде, дон Мануэль Алдама, дон Хосе Абасола — все трое креолы, состоявшие капитанами в одном из полков, расположенных в качестве гарнизона в Гуанауато, — и, наконец, дон Мигель Домингес, коррехидор города Керетаро. Эти пять человек, имена которых вскоре стали известными всем и каждому, были люди очень образованные, с умом деятельным и предприимчивым, одаренные большой энергией и горячо любившие свою родину.

Они собирались почти каждый вечер на асиенде дель-Парайсо. Граф сообщал им разные политические известия, давал читать различные сочинения, привезенные им из Европы, доставлял им деньги на покупку оружия и снарядов; он возбуждал в них энтузиазм всеми возможными средствами и старался вселить в их сердца такую же страстную жажду свободы и независимости родной страны, какой была полна его собственная душа.

О заговоре было, однако, донесено мексиканским властям; многие из заговорщиков, в том числе и дон Мигель Домингес, были схвачены и арестованы. Тогда Идальго, не видя более надобности скрываться и опасаясь, что и его арестуют, решил выступить открыто. Шестнадцатого сентября 1810 года, призвав своих прихожан горячее, вдохновенной проповедью к восстанию, он поднял знамя мексиканской независимости. Этот неслыханно смелый поступок положительно ошеломил испанцев. Население всей страны было так прекрасно подготовлено, а все распоряжения так удачны, что менее чем в одни сутки Идальго очутился во главе целой армии инсургентов.

Восемнадцатого сентября, то есть два дня спустя после своего пронунсиамента¹, он уже был достаточно силен, что-

¹ Пронунсиаменто — переворот с целью захвата власти.

бы овладеть городами Сан-Фелипе и Сан-Мигель-ла-Гранде, каждый с шестнадцатью тысячами жителей. Вслед за этим восстание стало распространяться с удивительной быстротой: менее чем в одну неделю вся Мексика была объята пламенем войны.

Граф Кортес принял на себя обязанности председателя конгресса, созванного инсургентами тотчас же после того, как они подняли оружие на испанцев, и, в качестве президента, поспешил покинуть асиенду и отправился к месту своей деятельности.

Перед отъездом граф собрал всех своих доверенных слуг и всех близких, а также дальних родственников, живших при нем, в большую залу асиенды, чтобы проститься.

Было около одиннадцати часов ночи; граф не желал выехать днем, чтобы не привлечь внимания испанцев, многочисленные отряды которых во всех направлениях объезжали окрестности асиенды.

На дворе стояла темная, дождливая и бурная ночь, — ветер с унылым, жалобным воем разгуливал по длинным коридорам здания, небо порой освещалось бледными, зеленоватыми зигзагами молний, над самой крышей грохотал раскатистый мощный гром.

Все обитатели асиенды стояли мрачные и опечаленные вдоль стен громадной залы. Родственник графа, держа за руки полусонных детей, стоял подле своей жены, бледной болезненной женщины, трепетавшей перед своим мужем, как жертва перед палачом; прекрасная женщина была бледна, как смерть: ни кровинки в лице, как говорится, и только время от времени она устремляла на мужа взгляд, полный ужаса и муки. Муж ее был также очень бледен; черты его под влиянием какого-то внутреннего чувства приняли странное выражение не то лихорадочной тревоги и, вместе, удовлетворенности, не то низкой зависти и злорадства, которое он всячески старался скрыть под напускным печальным видом. Он низко опустил голову на грудь, чтобы никто не мог прочесть чего-нибудь на его лице.

Но вот слышались за дверью чьи-то поспешные шаги, дверь разом распахнулась — и в залу вошел граф в сопровождении конюха Рамона Круса и Порфирио Сандоса.

Перед тем граф и Порфирио Сандос долго беседовали наедине, и хотя никому не было известно, о чем они говорили,

но тема их разговора была серьезная, так как они, входя в залу, были сильно взволнованы.

Граф на секунду остановился у порога и, приподняв шляпу, произнес:

— Привет вам, верные слуги и друзья мои!

— Привет вам, милостивый и любимый господин наш! — ответили в один голос все слуги.

Затем граф приблизился к своему родственнику, все еще стоявшему неподвижно посреди залы, и, обняв детей своих, несколько минут осыпал их горячими ласками, какие может найти в душе своей только нежно любящий отец. После этого он обратился к своему родственнику и мягким растроганным голосом сказал: «Я не стану напоминать вам о том, что сделал для вас; скажу только, что я старался, чтобы, живя под моим кровом, вы чувствовали себя счастливым; вы всегда старались мне выказать ваше расположение и признательность — но вот теперь настало время доказать мне то и другое на деле. Я уезжаю, — времена нынче дурные, — вы это сами знаете; смерть стережет каждого из нас, мечтавшего о возрождении родной страны, за каждым углом дома, за каждым поворотом дороги. Я решил пожертвовать своей жизнью ради этого дела, но не хочу, чтобы преследования и нищета обрушились на головы этих бедных детей. Я делаю вас владельцем четырех моих асиенд: дель-Энганьо, дель-Парайсо, дель-Пало-Квемадо и дель-Венадито; я удостоверяю в том, что продал их вам за сумму в один миллион пиастров, которую получил с вас сполна. Если я не вернусь, и наше дело погибнет вместе с нами, то вы останетесь владельцем этого состояния до совершеннолетия моих детей, а когда они достигнут этого совершеннолетия, то вы вернете им дель-Энганьо и дель-Парайсо за сумму в миллион пиастров, а две остальные асиенды останутся в вечном вашем владении — в благодарность за оказанные вами семье моей услуги.

— Как мне отблагодарить вас за такую щедрость?! — проговорил, стараясь казаться растроганным, родственник графа.

— Оберегая этих детей, как своих родных — ведь я поручаю их вам. В случае, если я вернусь, условия наши останутся те же: все то, что я вам обещал сейчас, вы получите от меня. Теперь добавлю еще одно последнее условие: если бы, в силу какой-нибудь несчастной случайности, эти дорогие для меня дети умерли, то вы останетесь только хранителем

этого состояния до того времени, пока не будет доказано с полной несомненностью, что смерть их была естественная, непредвиденная и неустраняемая никакими человеческими средствами. Вслучае же, вы не сумеете доказать того, что вы никаким образом не причастны к этой катастрофе, и не сможете предъявить законных свидетельств о смерти их и моей, удостоверенных надежными свидетелями, вы будете лишены всего этого состояния, — смерть наша будет жестоко отомщена!

— О, вы оскорбляете меня этими страшными угрозами! Я был бы чудовищем, если бы свято не исполнил возлагаемых на меня вами священных обязанностей по отношению к вашим детям! — воскликнул родственник графа, заливаясь слезами.

— Успокойтесь, друг мой! У меня и в мыслях не было угрожать вам, я только хотел все предвидеть, потому что все может случиться. Я хотел предупредить вас, что принял все необходимые для ограждения детей моих меры, и что в том случае, если бы над ними было совершено преступление, то оно не осталось бы безнаказанным. Выше людского суда есть еще суд Божий, — а Бог все видит, все знает и читает в сердцах наших всякую затаенную мысль, от Него ничто не может укрыться, и Его обмануть нельзя. Но я вам доверяю, иначе я не поручил бы вам своих детей.

— Я сумею оправдать ваше доверие!

— Надеюсь! Теперь еще одно последнее распоряжение: тотчас же после моего отъезда вы с детьми удалитесь на асиенду дель-Энганьо. Дорога туда вам знакома, там вы все будете в надежном месте.

— Слушаю! Все будет исполнено, как вы того желаете!

— Ну, пора! Я еду! Прощайте, кузен, обнимем друг друга, и пусть Господь поможет нам.

Родственники расцеловались и простились. Затем граф обнял своих детей и стал прощаться с ними. Малютки не хотели расставаться с отцом: они плакали и цеплялись за его платье, так что графу пришлось насильно вырваться из их объятий и почти бегом выбежать из залы.

— Прощайте, прощайте! — крикнул он голосом, подавленным душившими его рыданиями.

Это были его последние слова. Все слуги в слезах бросились за своим господином, чтобы еще раз взглянуть на него.

Несколько минут спустя граф уже покидал асиенду, что-бы никогда более не вернуться туда.

На третьи сутки пеоны принесли на асиенду несколько до неузнаваемости изуродованных трупов: то были тела Рамона Круса, любимого конюха, сопровождавшего графа, и четырех слуг, отправившихся с ним; что же касается самого графа, то его тела не нашли.

Распространился слух, что испанцы, предуведомленные о тайном отъезде графа с асиенды, притаились в засаде и подкараулили его. Граф смело защищался, но все его слуги были убиты у него на глазах, и сам он, истекая кровью от бесчисленных ран, принужден был сдаться.

Утверждали также, что часа за два до отъезда графа из асиенды какой-то замаскированный всадник, которого, однако, по его рукам признали за темнокожего самбо, явился на пост одного из испанских командиров отряда и вручил этому командиру письмо, в котором сообщалось о тайном отъезде графа и указывалось направление, по которому он должен был ехать; после того человек этот помчался во весь опор в направлении города Долорес.

Капитан, как обыкновенно называли благодетельствованного графом дальнего родственника его, так как он некогда дослужился до этого чина во флоте, имел при себе индейца метиса, самбо, которого, как говорили, он вырастил и воспитал. Многие даже подозревали, что этот самбо — побочный сын его: ему в то время было лет семнадцать или восемнадцать, и звали его Наранха. Уже тогда это был скрытный, лукавый, угрюмый и мрачный парень, годный только для виселицы; все в доме не терпели его; он не сближался ни с кем; все его сторонились, подозревая его и, очевидно, не без основания, во всем дурном, но господину своему он был предан, как собака, и во всем беспрекословно повиновался ему.

От дона Порфирио не укрылось отсутствие Наранхи в ночь отъезда графа; он прокараулил всю ночь и под утро, часов около пяти, увидел его возвращающимся на асиенду, промокшим до костей, забрызганным грязью, тянувшим за собой в поводу свою измученную лошадь. Граф исчез бесследно, и участь, постигшая его, осталась покрыта непроницаемой тайной.

Несколько дней спустя после отъезда графа, согласно его распоряжению, капитан уехал, увозя детей, теперь уже

круглых сирот, и нескольких верных слуг Кортесов, выросших в доме графа и безусловно преданных его семье, а также дона Порфирио Сандоса, на асиенду дель-Энганьо.

Конечно, капитан очень бы желал отделаться от молочного брата графа, но он не имел предложения для того, чтобы удалить его. В ночь отъезда граф в присутствии всех почти официально поручил своему молочному брату надзор за своими малютками, прося его никогда не расставаться с ними, так что волей-неволей капитану приходилось терпеть подле себя этого человека, которого он так страшно ненавидел в душе, хотя и тщательно скрывал это чувство.

Граф так разумно распорядился своим имуществом, что испанцы, несмотря на его явное восстание против испанского правительства, не могли конфисковать его поместий и капиталов: все свое громадное состояние он разделил на три доли, причем самая меньшая из них была присуждена им самым законнейшим образом, как уже говорилось раньше, родственнику его, капитану, а две остальные несравненно более значительные и почти равные доли он передал таким же законнейшим путем, в силу строго оформленных актов и документов, — одну своему молочному брату Порфирио Сандосу, а другую — одному дальнему родственнику, человеку чрезвычайно богатому, представителю одной из младших ветвей фамилии Кортесов.

Человек этот пользовался громадным влиянием в провинциях Аризона, Синалоа и Сонора, и испанское правительство было поневоле принуждено ладить с ним, чтобы не нажить себе в нем серьезного и опасного врага, в особенности во времена смуты и полнейшей анархии. Конечно, дон Порфирио Сандос не был ни столь влиятельным, ни столь значительным лицом, но и его влияние на индейцев было весьма небольшим и, кроме того, он держался совершенно в стороне от всякого рода политических интересов и движений. В силу всего этого оба они были совершенно неприкосновенны и покойно наслаждались своими громадными богатствами, приводя тем в бешенство завистливого и алчного капитана.

Не взирая на строгое распоряжение графа касательно постоянного присутствия дона Порфирио при его делах, капитан, вероятно, постарался бы каким-нибудь путем обойти это распоряжение, но одна тайная причина побуждала его не только терпеть в доме присутствие дона Порфирио Сандоса,

но и выказывать ему возможное уважение, почет и даже постоянно советоваться с ним, когда дело касалось детей.

Но дона Порфирио трудно было провести: он уже давно угадал тайную мысль капитана, в силу которой тот так предупредительно и дружелюбно относился к нему. Всем членам семьи Кортесов, в которой предание или легенда об асиенде дель-Энганьо было чем-то вроде символа веры, было известно, что асиенда есть только внешнее здание, построенное над целым рядом подземных ходов, галерей и зал, наполненных несметными сокровищами. Знал об этом и капитан, но дело в том, что граф, по забывчивости или же умышленно, открыв капитану тайну пути, ведущего к асиенде, и секрет, как проникнуть в нее, совершенно не ознакомил его со внутренними потайными ходами, ведущими в подземелья. Он, так сказать, ознакомил его только с обитаемой частью дворца, похожей на все другие асиенды.

Сначала это не особенно огорчало капитана, который был уверен в том, что, поселившись на асиенде, он сумеет путем старательных розысков и наблюдений добиться того, что хотели утаить от него. Но он ошибся: все его старания пропали даром, несмотря на то, что им были затрачено на это много энергии и настойчивости, много хитрости и изобретательности. В конце концов, он принужден был сознаться в том, что ему, вероятно, никогда не удастся добраться до удивительных тайн этого жилища.

Человек, ставший милостями графа из нищего, умирающего с голода, богачом, имеющим до ста тысяч пиастров обеспеченного ежегодного дохода и в перспективе еще миллион пиастров, считал себя обиженным судьбой, нищим бедняком в сравнении с тем Крезом, каким он мог бы быть, если бы граф открыл ему тайный путь к подземельям воладеро. Как новый Тантал, он лежал на грудах золота, видел перед глазами отрадный блеск благородного металла — его расплаемое страстью воображение рисовало ему целые горы золота, жемчугов, драгоценных бриллиантов и алмазов. Он уже протягивал к ним свои жадные руки, почти дотрагивался до них и не мог схватить их, не мог овладеть ими, потому что между ним и этими сокровищами лежала непреодолимая преграда. А здесь же, рядом с ним, был человек, который мог одним словом положить конец мучениям, и этот человек умышленно не замечал и не понимал его намеков, и на все

его ловкие вопросы только покачивал головой, сопровождая этот жест неизменной иронической улыбкой.

В продолжение целых двух лет дела оставались все в том же положении: капитан и дон Порфирио Сандос были, по-видимому, добрыми друзьями, но в сущности их взаимная ненависть друг к другу достигла за это время крайних пределов. В течение этих двух лет случилось ужасное несчастье: маленькая дочь графа, ребенок хилый и болезненный вообще, вдруг заболела какой-то страшной, непонятной болезнью и, несмотря на все старания искусного врача и на уход преданной кормилицы и самого дона Порфирио, менее чем в два месяца ребенка не стало. Эта странная смерть еще более усилила и подтвердила подозрения дона Порфирио и, несмотря на уверения врача, что ребенок умер от малокровия и истощения сил, он упорно продолжал предполагать здесь убийство и отказался наотрез подписать удостоверение в естественной смерти девочки, и решил еще зорче следить за жизнью и здоровьем оставшегося в живых мальчика, будучи убежден, что капитан замышляет и его убийство.

Капитан очень оплакивал, по крайней мере, на людях, кончину ребенка, что, впрочем, не мешало ему особенно усердно заботиться о том, чтобы было как нельзя несомненно установлено, что смерть ее последовала от естественных причин. Нежелание дона Порфирио подписать этот акт сильно раздражило капитана, но до поры до времени враги продолжали вести все ту же упорную, но затаенную борьбу.

С некоторого времени капитан стал часто отлучаться и даже подолгу оставался в отсутствии и с каждым разом, возвращаясь, казался все более удрученным и опечаленным.

Однажды, пробыв в отсутствии около двух месяцев, капитан вернулся на асиенду бледный, с нахмуренным челом и, очевидно, сильно взволнованный и расстроенный. Первый попавшийся ему навстречу человек был дон Порфирио Сандос. При виде его глаза капитана засветились каким-то особым блеском; но, овладев собой, он любезно раскланялся с ним и сказал самым ласковым голосом:

— Дорогой дон Порфирио, мне необходимо поговорить с вами.

— Я весь к вашим услугам, сеньор! — отвечал дон Порфирио.

— В данный момент это, конечно, невозможно, мне надо сказать вам слишком много, а я устал с дороги, но вечером,

если вы ничего против этого не имеете, я приду к вам на вашу половину, и там мы побеседуем с вами.

— Как вам будет угодно, сеньор! Я буду иметь честь ожидать вас к себе.

Затем они раскланялись и разошлись. Дон Порфирио направился в сад, а капитан, в сопровождении своего неразлучного Наранхи, — на свою половину.

ГЛАВА X

В которой дон Порфирио открывает наконец имя знаменитого главы платeadос

он Порфирио занимал на асиенде дель-Энганьо апартаменты, предназначавшиеся обыкновенно для кратковременных пребываний здесь графов Кортесов, во время их редких побывок. Апартаменты эти состояли из роскошно обставленной гостиной, рабочего кабинета, спальни, уборной и ванной.

Дети графа со времени своего прибытия на асиенду помещались в гостиной, где спали в двух маленьких кроватках, друг подле друга. Но прошло уже несколько месяцев с тех пор, как одна из этих кроваток, став ненужной, была унесена. Кормилица детей, чистокровная индианка, спала в той же комнате, чтобы во всякое время ночи быть подле детей и охранять их сон.

Было уже около восьми часов вечера; ночь была темная, дождливая; ветер, завывая, свистал в бесконечных коридорах асиенды. Все предвещало близкую бурю и грозу. Дон Порфирио Сандос сидел у себя в кабинете перед столом, заваленным книгами и бумагами; у него под рукой лежали длинная шпага, два великолепных пистолета, шляпа с широкими полями и золотой лентой вокруг тульи, а рядом с ней — кинжал.

Какое-то тяжелое предчувствие томило душу дона Порфирио: не ожидая ничего доброго от предстоящего разговора с капитаном, он чувствовал, что в воздухе висит какое-то несчастье, и готовился к нему. В комнате и на всей асиенде царила мертвая тишина, нарушаемая только унылым завыванием ветра. Канделябр в пять свечей слабо освещал комнату, углы которой тонули во мраке. Наконец дон Порфирио встал и, заложив руки за спину, принялся ходить взад и вперед, низко опустив голову и упорно глядя себе под ноги.

Вдруг в отдалении коридоров послышались шаги. Дон Порфирио прислушался.

— Наконец-то! Это он! — прошептал Сандос и, простояв одну секунду неподвижно, вернулся к столу, раскрыл книгу и закурил сигару.

Шаги быстро приближались и наконец смолкли у дверей; пеон распахнул двери кабинета и посторонился, пропуская вперед капитана, за которым он затворил дверь и затем поспешно удалился.

Сбросив плащ и шляпу, вошедший оказался в полном верховом костюме, с длинным кинжалом за голенищем правого сапога, с двумя пистолетами, засунутыми за пояс, и длинной саблей у бедра.

— Вот и я! Добрый вечер, дон Порфирио! — сказал он, раскланиваясь с молочным братом графа, который встал и сделал несколько шагов навстречу своему гостю.

— Добро пожаловать, сеньор! Вы видите, я ожидал вас! — сказал дон Порфирио, указывая жестом на разложенное на столе оружие.

Капитан на мгновение побагровел, брови его сдвинулись; но, оправившись почти сейчас же, он спокойно уселся на предложенную ему хозяином бутаку¹ и, раскуривая прекрасную сигару, сказал:

— Как только мы переговорим с вами, мне придется снова сесть на коня и ехать.

— Так вы действительно намерены говорить со мной?

— Ну да, раз я просил вас принять меня сегодня!

— Ведя такой замкнутый образ жизни, как мы, тем для разговора у нас может быть очень мало.

Капитан закусил губу.

— К чему бы мне было беспокоить вас, если бы я не имел надобности поговорить с вами?!

— Я положительно не знаю, что могло побудить вас явиться сегодня ко мне в такое позднее время!

Наступило небольшое молчание; противники присматривались друг к другу. Капитан заговорил первый.

— Быть может, — заискивающим голосом начал он, — вы полагали, что я желаю сделать вам какое-нибудь предложение?

¹ Б у т а к а — складное деревянное кресло, скамейка.

— Может быть! — уклончиво отвечал дон Порфирио.

— Если так, то могу ли я рассчитывать на ваше дружеское ко мне расположение?

— О, вы сами знаете, насколько я всегда был расположен к вам с первого же дня, когда я имел честь увидеть вас! — иронически проговорил дон Порфирио.

— Значит, я могу надеяться, что моя просьба будет встречена вами благосклонно?

— А-а... у вас есть просьба ко мне...

— Извините, мы только еще предполагаем все это, я еще ничего не сказал вам.

— Да, совершенно верно!

— Итак вам, вероятно, известно, что война продолжается с возрастающим озлоблением с обеих сторон.

— Нет, я об этом решительно ничего не знаю: ведь с того времени, как мы поселились на этой асиенде, я ни разу отсюда не отлучался, и до нас не доходят никакие вести извне.

— Да, это правда. Итак, война продолжается, индейцы все поголовно восстали, и генерал Морелос двинулся теперь на Мехико, во главе довольно многочисленной армии.

— Кто такой этот генерал Морелос, сеньор?

— Священник маленькой деревеньки Каракуаро, назначенный генералом Идальго, командующий силами южных провинций; после смерти Идальго он заменил его и принял на себя командование Армией Независимости.

— Так Идальго умер! — воскликнул дон Порфирио с нескрываемым волнением.

— Да, сеньор, потерпев поражение у моста Кальдерон от испанского генерала Кальехи. Благополучно отступив, Идальго, Альенде и Абасола двинулись к границе Соединенных Штатов, где они рассчитывали запастись оружием и снарядами, но, подло преданные одним из своих сторонников, — доном Игнасио Элисондо, они были захвачены врасплох, забраны в плен, преданы суду и, по прошествии нескольких месяцев, приговорены к смерти и казнены.

— Эти люди, положившие жизнь свою за независимость родины, будут отомщены!

— Да, и это уже началось; кровь льется рекой, — война идет ужасная: обе стороны совершают самые возмутительные злодеяния. Повсюду только и слышно, что об убийствах, грабежах и поджогах. Нужда повсюду страшная: те, кто не

погибают на поле брани, умирают от голода на больших дорогах, в рытвинах и оврагах, или превращаются в разбойников, нападающих как на испанцев, так и на мексиканцев, безо всякого различия. Несчастья, обрушившиеся на наших бедных соотечественников, не пощадили и нас.

— Что вы хотите этим сказать, сеньор? — с живостью спросил дон Порфирио.

— А то, что наше положение в данное время таково: дель-Венадито, дель-Парайсо и дель-Пало-Квемадо разграблены и сожжены, стада и табуны угнаны; поля все опустошены; рабочих рук нет и добыть их нельзя ни за какие деньги. Все индейцы и пеоны или завербованы той или другой из враждующих сторон, или же пристали к разбойничьим шайкам, наводняющим всю страну, так что, не имея ни скота, ни хлеба, ни овощей и плодов, ни даже денег, чтобы купить все это, нам придется умирать с голода.

— Что я могу тут сделать? Мои поместья также, вероятно, пострадали и опустошены, как и ваши.

— Об этом я ничего не могу сказать вам; простите меня, что я думал только о своих убытках и утратах: теперь у меня ничего решительно не осталось. Вот вести, которые я привез сегодня из моей последней поездки.

— Да, это печально, но что я могу сделать?

— О, очень многое, если только захотите!

— Не откажитесь объяснить, что именно.

— К чему тут объяснения, вы и так поняли меня!

— Нет, я никогда не умел разгадывать шарадили загадок.

Капитан с досадой сдвинул брови; злоба вскипала в нем, он с трудом сдерживался. А дон Порфирио, напротив, становился все более спокойным и уверенным в себе.

— Я уже сказал вам, что у нас решительно ничего более не осталось; нам во что бы то ни стало необходимы деньги, иначе все мы должны будем умереть с голода. Нам нужно много денег, потому что теперь все продается на вес золота. И вот я прошу у вас этих денег.

— У меня?

— Да, у вас, дон Порфирио, потому что вы, если только захотите, можете спасти всех нас!

— Я вас менее, чем когда-либо понимаю, сеньор! — сухо ответил дон Порфирио.

— А если так, — при этом глаза капитана метнули на собеседника злобный, разъяренный взгляд, — то я скажу вам

прямо: эта асиенда таит в себе несметные сокровища, она буквально набита золотом от верха до низа.

— Вытак полагаете? — иронически спросил его собеседник.

— Не только полагаю, но вполне в том уверен, да и вам это так же хорошо известно, как и мне!

— Ну, в таком случае, вы верно знаете, где находятся эти богатства и откуда они взялись!

— Да, я знаю, откуда они взялись, и вы так же знаете, что сокровища Кортесов, коих я в настоящее время являюсь единственным представителем, таятся в подземельях этой асиенды.

— Действительно, я слышал эту легенду в детстве!

— Это не легенда, дон Порфирио, и вам это известно лучше, чем кому-либо, потому что вы знаете даже, где именно хранятся эти сокровища и знаете тайные ходы, ведущие к ним!

Дон Порфирио молча пожал плечами.

— Я хочу, чтобы вы мне открыли эту тайну! — резким, злобным голосом, отчеканивая каждое слово, воскликнул капитан. — Я хочу, чтобы вы выдали мне все эти сокровища.

— Вам?

— Да, мне! Разве я в настоящее время не единственный представитель рода Кортесов?

При этих словах дон Порфирио выпрямился и пристально, в упор, взглянул на капитана.

— Как, вы выдаете себя за главу этого славного рода?! — воскликнул он громким голосом и с таким гордым достоинством, что капитан невольно вздрогнул. — Вы, которого граф Кортес приютил у себя из милости?! Вы осмеливаетесь теперь принимать на себя роль главы этой семьи! Вы разыгрываете передо мной господина и повелителя! Утверждаете, что вы единственный наследник и представитель этого громкого рода! Так вы, значит, вполне уверены в смерти вашего благодетеля?

При этом дон Порфирио встал и сделал шаг вперед, меряя этого негодяя своим взглядом, полным презрения и гадливости.

— Я! Я? — прошептал смущенный капитан.

— Да, вы, сеньор! — громовым голосом продолжал дон Порфирио. — Без сомнения, Наранха, ваша креатура, присутствовал при смерти человека, которому вы всем обязаны. Он донес вам, конечно, что слышал последний предсмерт-

ный вздох того, которого вы подло и предательски умертвили. Быть может, ваш достойный сообщник держал в руках труп вашего благодетеля и даже вонзил ему, быть может, в сердце свой кинжал, чтобы отнять у него последний остаток жизни!

— Смотрите! Берегитесь, это чудовищное обвинение...

— Оно справедливо! Посмейте отрицать! Вы сами знаете, что я давно уже прочел ваше гнусное преступление на вашем лице, убийца!

— О нет! Это уж слишком! — воскликнул донельзя взбешенный капитан.

— Молчи, убийца! Я знаю все: ты не только убил твоего благодетеля, но ты убил и его дочь! Не будь меня, ты убил бы и сына, но знай, что меня ты не обманешь! С первых же дней я разгадал тебя и твою черную душу и слежу за тобой. Алчность тебя побудила на все эти возмутительные злодеяния. Став богатым, по слабости графа, ты захотел завладеть всеми сокровищами Кортесов и ограбить законного наследника, родного сына твоего благодетеля. Но знай, что Бог этого не потерпит, и никогда ты не будешь владеть этими богатствами! Если ты даже сроешь до основания эту асиенду, если даже ты нащупаешь их своей рукой, — эти сокровища никогда не дадутся тебе! Знай, что это я умолил графа не открывать тебе тайны, а он хотел было открыть тебе ее! Но я-то знал тебя и, слава Богу, теперь, если граф умер, то, благодаря мне, сын его найдет свое богатство и все свои сокровища неприкосновенными.

— А, так это ты! Ты ограбил меня! — обезумев от ярости, закричал капитан. — Ну, так умри же! Сюда, сюда! — крикнул он.

Дверь с шумом распахнулась; в комнату вбежал Наранха и с ним человек пять-шесть преданных капитану людей; все они были вооружены саблями и пистолетами.

— А! — засмеялся дон Порфирио. — Еще одно убийство и подлая западня!

— Бей! Бей! Убивай! — кричал капитан и выстрелил из пистолета в дону Порфирио, но тот был уже настороже: он ловко увернулся от выстрела и в тоже время опрокинул ударом сабли капитана; затем, дав два выстрела по бандитам, которые с воем кинулись к нему, он прыгнул назад и скрылся за дверью спальни, которая была полуотворена.

Теперь же он поспешно захлопнул ее за собой и задвинул засов.

Двое из бандитов были ранены выстрелами дона Порфирио, но остальные, с Наранхой во главе, устремились на дверь, стараясь взломать ее; капитан, который был только слегка ранен, поднялся на ноги и подбадривал бандитов.

Капитан знал, что помещение дона Порфирио не имело другого выхода, кроме того, который преграждали теперь его люди; следовательно, он не мог уйти от них.

Однако дверь не поддавалась, и Наранха должен был сбегать за топором. Вскоре дверь разлетелась в щепки; бандиты ворвались в спальную с диким криком и угрозами, потрясая оружием, но, не видя своей жертвы, разбрелись по всем комнатам, продолжая кричать:

— Смерть ему! Смерть!

Вдруг все они переглянулись и остановились, как вкопанные: все комнаты были пусты. Дон Порфирио и ребенок исчезли бесследно, только кормилица лежала в обмороке на своей постели.

Напрасно капитан и все его сообщники принялись обыскивать и обшаривать все углы, им ничего не удалось найти: нигде не оставалось ни малейшего следа. Бандиты в страхе стали креститься, предполагая здесь какое-то чудо.

Капитаном овладел припадок такого бессильного бешенства, который старит человека в десять минут разом на несколько лет.

В помещении дона Порфирио все было перебито, переломано, все занавесы, ковры и гобелены сорваны, содраны, стены и пол обнажены; везде и всюду стучали молотками, напрасно отыскивая какой-нибудь потайной ход или темную нишу: нигде не было обнаружено ни малейшей щели или хотя бы трещины, и все их поиски пропали совершенно даром.

Проискав более четырех часов, капитан и его люди принуждены были наконец сознаться в бесполезности своих усилий и, признав себя побежденным, со злобой и бешенством в душе решили вернуться восвояси. Капитан, конечно, не преминул допросить кормилицу, но бедная женщина только плакала и причитала, но сказать ничего не могла. Напуганная пистолетными выстрелами и криками, донесшимися до нее из соседней комнаты, она упала в обморок и ничего решительно не знала и не видела.

Между тем как шайка убийц обыскивала все углы, надеясь найти, если не его, то хотя бы следы его бегства, дон Порфирио не терял времени. Беспрепятственно и никем не замеченный выбрался он с асиенды и пустился бежать с ребенком на руках напрямик пустырем. Не имея времени одеть ребенка, он выхватил его из кровати и, обернув одеялами, прихватил с собой его платье и белье, лежавшее на стуле, подле кровати.

Благодаря тому, что эта местность была так хорошо знакома беглецу, а также благодаря чрезвычайно быстрому бегу, дон Порфирио, несмотря на свою живую ношу, успел уже, так сказать, уйти от погони прежде даже, чем мысль гнаться за ними пришла в голову капитану. Так как дон Порфирио не побоялся бежать пустынной степью, где на много дней пути нельзя было встретить никакого жилья или крова, то этим он еще более обеспечил свою безопасность, так как капитан не мог даже допустить мысли, чтобы человек с ребенком на руках и пеший, в такую ненастную ночь, решился уйти в саванну, где ему на каждом шагу грозила неминуемая смерть.

Но дон Порфирио знал, что он делал; план был давно уже готов у него в голове, и направление, избранное им, было ему давно знакомо.

В продолжении целых девяти суток он шел пустыней, по горам и долам, переправляясь через реки и потоки, то ведя за руку, то неся на себе ребенка, смеясь и играя иногда с мальчиком, чтобы придать ему побольше бодрости духа, питаясь дичью, которую он убивал из своего ружья при громком восторге мальчика, восхищенного меткостью выстрела. Как человек предусмотрительный, дон Порфирио давно уже все подготовил на случай бегства и в этот вечер, предчувствуя, что его разговор с капитаном не кончится добром, он в своей спальне держал все наготове. Заложив дверь засовом, он проворно навесил на себя большую охотничью сумку, в которой были сухари, копченое мясо, две серебряные чарки, два ножа, две вилки и две ложки, кремь с огнивом и еще кое-что. Кроме того, он надел на себя две фляги, одну с каталонским рефино¹, другую с настоящим хересом, перекинул за спину ружье, а также патронташ;

¹ Р е ф и н о — особый очищенный сорт водки.

вооруженный и снаряженный таким образом, он схватил ребенка и выбежал с асиенды.

На десятые сутки своего странствования наши путники, проснувшись с рассветом, весело пустились в путь. Ребенок очень скоро привык к этой кочевой жизни под открытым небом; ему было едва пять лет, и будущее не могло печалить его, он не думал даже о завтрашнем дне. Вдруг дон Порфирио обнаружил свежий след; внимательно взглядевшись в него, он не мог удержать радостного восклицания.

— Что с тобой, татита? — спросил мальчик.

— А то, что мы теперь уж близко, мучачо¹! — ответил он, весело потирая руки.

— Откуда, татита?

— А вот сейчас увидишь, милый! — сказал дон Порфирио, целуя ребенка.

Они шли чудным лесом, гигантские махагуа стояли сплошной стеной. Прошло около часа. Наконец путники добрались до красивой луговины, посреди которой живописно расположилась группа *Indios bravos*²; их было около двадцати.

Как только дон Порфирио завидел их, он тотчас же остановился и вместе с ребенком спрятался в кусты, но, убедившись, что краснокожие — часовые еще не успели заметить его, он с удивительным искусством принялся подражать пению *centzontle* (американского соловья), с которым нашего даже сравнить нельзя. Затем он дважды издал резкий крик сокола и притаился.

Минут пять-шесть спустя три всадника на превосходных степных мустангах отделились от группы и, миновав всех часовых, крупной рысью направились к тому месту, где находились наши путники.

Первый из всадников был старик благородной, аристократической наружности, с лицом, носившим отпечаток доброты, энергии и недюжинного ума; его глаза под густыми, черными, как уголь, бровями, казалось, метали молнии. Белая, как снег, борода старика скрывала часть его лица и ниспадала серебристой волной ему на грудь. На нем был живописный и богатый наряд сашема; второй всадник в полном

¹ М у ч а ч о — мальчуган.

² Воинственные индейцы (исп.).

воинском уборе и вооружении, высокий, стройный, гибкий, с лицом суровым и строгим, расписанным яркими красками, с длинными и пушистыми волчьими хвостами, привешенными к пяткам, мог сразу быть признан за важного воина, одного из храбрейших в этом племени. Это был один из вождей этого народа; третий был еще молодой человек, лет семнадцати—восемнадцати, высокий, стройный, с изящными манерами и ласковым взглядом; юноша в основных своих чертах имел большое сходство со стариком. Сашема звали Огненный Глаз, а молодой человек был сын его, который, несмотря на свою молодость, заслужил уже прозвище Твердая Рука, которое впоследствии приобрело столь громадную известность. Третий же краснокожий воин был молодой, но грозный вождь Сокол.

Когда они очутились на расстоянии двадцати шагов от того места, где притаился с ребенком дон Порфирио, этот последний, взяв мальчика на руки, выскочил из кустов на дорогу и, протянув вперед правую руку с выпрямленными, но плотно сжатыми пальцами, ладонью вперед, крикнул громким, отчетливым голосом:

— Приют и убежище у священной трубки мира племени папаго и близ ковчега первого человека для сына Мистли Гуайтимотцина, касика и великого сагамора Сиболы!

Все три всадника разом остановились.

— Сын Мистли Гуайтимотцина всегда желанный гость у воинов его отца! — отвечал сашем, сопровождая эти слова грациозным жестом.

Тогда Сокол проворно соскочил с своего коня и, приблизился к дону Порфирио, державшему ребенка на руках, преклонил перед ним одно колено и возложил крошечную руку ребенка на свою голову.

— Дитя, — сказал он, — папаго всегда были друзьями твоего отца, которого они любят и которому всегда готовы повиноваться, потому что он их первый сагамор. Воины наши с радостью умрут, защищая тебя. Приди и осчастливь нас твоим присутствием!

Затем, взяв ребенка из рук дона Порфирио, он посадил его на коня и повел его под уздцы, тогда как дон Порфирио поддерживал мальчика на седле; по знаку сашема, все медленно направились к тому месту, где расположились индейцы.

Краснокожие встретили наших путников в самом начале прогалины, приветствуя их громкими радостными криками, после чего все поочередно стали подходить и целовать ребенка в лоб с особым благоговением и любовью.

По знаку Огненного Глаза для дона Порфирио подвели лошадь, а затем и все краснокожие вскочили на своих коней и во весь опор понеслись прямо голой степью. Перед самым заходом солнца они прибыли в одно из зимних селений их племени, в чаще глухого девственного леса, почти непроходимого; селение это было прекрасно укреплено и вообще вполне безопасно от внешних врагов.

Твердая Рука умчался вперед и прибыл раньше других в селение, так что при въезде в него наши путники были встречены всеми жителями селения радостными приветствиями, сопровождаемыми визгом свистков *чичикоуэ*, глухим звуком гнутых раковин, заменяющих наши трубы и валторны, и другими музыкальными инструментами, дикие звуки которых заглушал временами нестройный лай сторожевых псов.

Ребенка торжественно провели к супруге сашема, женщине еще молодой и отличавшейся редкой красотой. Она заключила ребенка в свои объятия и осыпала его самыми нежными ласками, на которые мальчик ей отвечал тем же. Затем ребенок на руках вождей был снесен и посажен под великий калюмет войны, под сенью священного тотема этого племени. Сашем встал по правую сторону ребенка, а Сокол по левую, затем вожди стали подходить один за другим и клялись именем Ваконды в своей дружбе, преданности и покровительстве ребенку. По окончании этой церемонии молодые воины исполнили танец, а затем жена вождя удалилась в свою хижину и увела с собой ребенка.

В тот же вечер, когда взошла луна, все вожди собрались в залу совета, и здесь дон Порфирио подробно рассказал им, что именно заставило сына касика Сиболы искать приюта и убежища у индейцев папаго. Дон Порфирио прожил целый месяц в этом зимнем селении папаго, чтобы ребенок исподволь мог привыкнуть к новой обстановке и своим новым покровителям, а затем, простившись с супругой сашема и поцеловав ребенка, однажды поутру с восходом солнца вскочил на превосходнейшего степного мустанга и, вместе с Твердой Рукой и Соколом покинул селение краснокожих. Всадники наши избрали путь по направлению к Соноре; и только когда почти подъехали к Туба ку, спутники дона Порфирио расста-

лись с ним, и он направился на асиенду дель-Пальмар, где с тех пор и поселился.

После того прошло около полугода без всяких особых приключений. Но вот однажды вечером на асиенду дель-Пальмар прискакал Твердая Рука с ужасной вестью: большой отряд прекрасно вооруженных бледнолицых ворвался ночью в селение папаго, почти безлюдное: ибо это была пора, когда все индейцы, кроме старых и хилых, да женщин и детей, покидают свои селения и отправляются в далекие охотничьи походы. Во главе бледнолицых явился сам капитан; горсть индейцев мужественно отстаивала свое селение и в конце концов после весьма кровопролитной схватки принудила неприятеля к поспешному отступлению, почти к бегству. Тут вдруг обнаружилось, что ребенок, порученный этому племени, был выкраден врагом.

Тогда воины папаго под предводительством Твердой Руки тотчас пустились в погоню за бледнолицыми и шли по их следу до маленького порта Нижней Калифорнии. Здесь им пришлось узнать, что за два дня до их появления в этом городишке или, вернее, деревушке бедный ребенок был сдан на судно неизвестной национальности, которое час спустя после того снялось с якоря и ушло в море.

Краснокожие воины, взбешенные своей неудачей, бросились по следам бледнолицых, которых настигли уже в горах. Здесь они дали им кровопролитное сражение, причем перебили и сняли скальпы почти со всей шайки, за исключением очень немногих, которым удалось бежать вместе с их вождем, капитаном Кортесом, после отчаянной борьбы. Их уцелело всего пять или шесть человек.

Эта страшная весть так поразила дона Порфирио, что он едва не умер от горя; в продолжение нескольких месяцев доктора не надеялись спасти его, но наконец здоровье и силы вернулись к нему, и с этого момента он повел глухую, затаенную борьбу, без отдыха и пощады, с убийцами семьи его молочного брата.

Год проходил за годом, дон Порфирио отлично знал о каждом движении и поступке своего заклятого врага, знал, что последний, отчаявшись добратся до сокровищ семьи Кортесов, охраняемых такой тайной, решил переселиться на асиенду дель-Венадито, которая, вопреки его словам, не была ни сожжена, ни ограблена, равно как и все остальные его поместья. Но в погоне за несметными богатствами и

легкой, быстрой наживой этот человек совершенно запустил у себя везде сельское хозяйство и вскоре дошел до крайней и постыдной нищеты и, став во главе отчаянной шайки мерзавцев, начал разбойничать.

То была сотня самых отчаянных бандитов, настоящих висельников, выдававших себя за герильяс, но в сущности грабивших без разбора мексиканцев и испанцев, совершая неслыханные злодеяния в провинциях Соноре, Синалоа, Чиуауа и Аризоне, наводя страх на жителей и прикрываясь то тем, то другим флагом.

Местом убежища этих отъявленных разбойников стала асиенда дель-Энганьо, где они хранили награбленное и держали своих заложников до выкупа.

Капитан, следивший за всем происходившим в стране, предвидел поражение испанцев и вместе с тем водворение порядка в государстве, что означало конец его безнаказанности. Тогда он вдруг сбросил маску и разом преобразовал свою мнимую герилью¹ в настоящих бандитов, чем они и были с самого начала. Завязав связи и сношения во всех провинциях Мексики, он образовал громадное общество, которое вскоре получило название платeadос.

В настоящее время платeadос стали такой силой, что даже само правительство принуждено считаться с ними и лишь с опаской решается затрагивать их.

— Теперь вы видите, с какого рода врагами нам предстоит бороться, — что вы об этом думаете?

— Очень много, прежде всего, конечно, это негодяй и мерзавец, которому нет ни имени, ни названия, но, извините, я прерываю вас: вы, кажется, хотели еще что-то добавить.

— Нет, мой рассказ окончен, я не имею ничего сказать более.

— В таком случае, позвольте мне задать вам несколько вопросов.

— Сделайте одолжение!

— Вы, сколько я заметил, умышленно избегали все время произносить имя этого негодяя, которого мы, как я надеюсь, вскоре выследим и затравим в самом его логовище.

¹ Герилья — повстанческий отряд.

— Да, я не хотел произносить этого имени, тем более, что оно вам известно.

— Как? Неужели дон Мануэль?

— Да, сеньор, это дон Мануэль Андраде де Линарес Гуайтимотцин.

— Боже мой! — горестно воскликнул дон Торрибио. — Возможно ли, чтобы подобный человек...

— Все возможно, сеньор! — сурово прервал его дон Порфирио.

— Бедная Санта! — прошептал молодой человек. — И как это допустила судьба, чтобы такое чистое, невинное создание было во власти этого чудовища.

— Да, она действительно очень несчастна! — подтвердил дон Порфирио, уловивший слова дона Торрибио. — Ее следует пожалеть, потому что она не заслужила такой участи. Бедное, чистое дитя, светлый ангел, попавший в гнездо демонов; но мы ее спасем, дорогой дон Торрибио!

— Да! Клянусь, что мы спасем ее! — энергично воскликнул молодой человек. — Благодарю вас, дон Порфирио, вы вернули мне жизнь этими словами.

— Мы с вами друзья, дон Торрибио, и мне больно видеть, что вы страдаете. Ну, а теперь спрашивайте, что вы еще хотели меня спросить.

— Да вот что меня крайне удивляет: почему вы, зная так хорошо все тайны асиенды дель-Энганьо, никогда не воспользовались ими, чтобы отомстить этому извергу? Почему вы с первых же дней не обрушились на этого зверя в самой его берлоге, ведь для вас ничего не могло быть легче?

— Действительно, но пробраться одному на асиенду значило влететь волку в пасть безо всякой пользы; а проникнуть туда вооруженной силой — меня удержало одно чувство.

— Какое же?

— Как вам известно, хотя я простой индеец *manso*¹, которых белые люди наделяют обидным прозвищем *gente sin rason*, то есть люди без разума, но я был воспитан графом де Монтесума-Кортесом, который любил меня, как брата, и смотрел на меня, как на равного себе во всем. Девиз этой благородной семьи короткий и простой, он гласит: *Todo por el honor!*

¹ Мирный (исп.).

«Все ради чести» — и этот-то девиз я всегда имел перед глазами; он запечатлелся в моем сердце и стал руководящей нитью всей моей жизни. Однажды, это было незадолго перед его отъездом, граф призвал меня в свой кабинет и запер дверь на ключ. «Брат! — сказал он, — тебе известна легенда об асиенде дель-Энганьо, и ты, конечно, знаешь, какой завет и клятва возлагаются на главу нашей семьи; теперь же мы живем в такое время, когда смерть подкарауливает нас за каждым кустом; быть может, вскоре события призовут и меня на поле брани и принудят принять деятельное участие в этой великой и священной борьбе за независимость нашей родины, и, тогда, ты понимаешь, все может случиться — все мы смертны.

Дон Мануэль де Линарес, мой троюродный брат, никаким образом не может стать моим наследником и преемником звания главы нашего рода, в случае если бы мне было суждено погибнуть от испанской пули, да и к тому же что-то говорит мне, чтобы я не доверялся ему. Конечно, у меня есть сын, но он ведь еще слишком молод, чтобы я мог передать ему тайну нашего рода, а ты мой друг, мой брат, мы с тобой кормлены одной грудью, а потому ты мне ближе всех — я не могу уехать, унося с собой тайну нашей асиенды дель-Энганьо — и эту тайну я хочу открыть тебе одному. Если сын мой доживет до совершеннолетия, ты откроешь ее ему, если же он умрет ребенком, то пусть и тайна эта умрет в твоей груди. Поклянись мне Богом и нашим родовым девизом, что ни в каком случае, что бы ни произошло, не откроешь никому этой тайны, которую я доверяю тебе». Я поклялся, и, спустя два дня, мы вдвоем с графом отправились на асиенду дель-Энганьо, и здесь с планом в руках обошли с ним все тайные ходы, все лабиринты залы, коридоры, одним словом, весь этот таинственный замок вплоть до самых потайных уголков. Затем, вернувшись в Парайсо, он вручил мне план асиенды дель-Энганьо и, поцеловав меня, сказал: «Теперь ты знаешь все, помни же свою клятву и наш родовой девиз». И я помнил это всю свою жизнь сеньор! — добавил дон Порфирио. — Вот почему дон Мануэль де Линарес спокоен в своем убежище — потому что, пока я жив, этой тайны не открою никому, кроме сына моего брата.

— Да, теперь я вас понимаю и уважаю вас еще более.

— Вот почему сердце мое затрепетало от радости, когда я узнал о странном даре, которым наградил вас Господь: я

почувствовал, что во мне снова оживает надежда, что теперь, не нарушая данной клятвы, я буду с помощью вашей иметь возможность отомстить за брата моего и добиться кары виновных.

— Благодарю Создателя, даровавшего мне эту способность, которая даст позволит нам совершить дело высшего правосудия и, вместе с тем, избавить эту несчастную страну от шайки грозных бандитов, наводящих страх на все население. Храните вашу тайну, дон Порфирио, я сумею и помимо вас пробраться на асиенду, накрыв там этих разбойников и разорить их гнусное гнездо. Скажите, когда же мы отправимся на Рио-Хилу?

Дон Порфирио вопросительно взглянул на Твердую Руку.

— Я рассчитываю отправиться в путь завтра поутру! — ответил вождь краснокожих.

— Ну, так до завтра! — сказал дон Торрибио, вставая со своего места.

— Хорошо, пусть до завтра, — согласился асиендадо, — теперь уже три часа ночи, пора нам пойти отдохнуть!

Все трое расстались, дружески пожав руки, и разошлись по своим спальням.

ГЛАВА XI

Появление новых личностей и знакомство с ними

Вернувшись в свою комнату, дон Торрибио, вместо того, чтобы раздеться и лечь в постель, кинулся на свою бутаку и дал волю мыслям.

Ему было вовсе не до сна; он был страшно взволнован: все слышанное им в эту ночь с быстротой вихря проносилось в его мозгу, кружась и путаясь, точно в водовороте; ему не верилось, чтобы все это была действительность; возможно ли, чтобы человек мог быть подобным извергом, таким чудовищем, как этот дон Мануэль де Линарес?

Затем мысли его перенесли к другому, — к странным случайностям его встречи с этим самым доном Мануэлем в глухой, убогой деревушке Нижней Калифорнии, к надменной, но аристократической манере и обращению этого человека, его знакомству с ним, почти дружбе, и удивительному самообладанию этого человека.

Вслед за этим воспоминанием в памяти его восставал и светлый образ прелестной девушки, так горячо любимой им; а там, покакому-то странному капризу мозга, он вдруг вернулся к воспоминаниям своего раннего детства с того момента, как его ребенком оставили в лесу в пампасах Буэнос-Айреса, и до самой смерти растреатора и его жены, этих добрых, честных и благородных людей, которые так искренне любили его и сделали его таким счастливым. Потом перед ним стали проноситься картины его деятельной скитальческой жизни по морям и чужим краям, где, благодаря неизменному счастью и удаче во всем, он нажил громадное состояние; затем его воспоминания переносили его опять к тому, с чего он начал, — опять ему начало казаться, что между его жизнью и диковинными, странными событиями, слышанными им в эту ночь, существует какая-то тесная связь.

Настойчиво напрашивалась мысль, что у дона Порфирио и Твердой Руки с какой-то тайной целью рассказали ему все это, и мало-помалу ему начинало казаться, что он вовсе не так чужд всех этих событий, как это ему казалось по началу, и в его памяти как будто воскресало что-то забытое, неясное, но смутно жившее где-то на дне души, в тумане бледных воспоминаний давнего прошлого.

Вдруг он порывисто поднялся с места и стал ходить взад и вперед по комнате.

— Нет, право, я, кажется, схожу с ума! — вымолвил он, проводя рукой по лбу. — Я брежу!.. Нет, это невозможно! Надо лечь и заснуть скорее.

И он поспешно подошел к кровати, но тотчас же изменил намерение и, подойдя к окну, распахнул его настежь. В этой же комнате, в дальнем углу, на своих сенниках спали Лукас Мендес и Пепе, завернувшись в свои сарапе. Эту привычку спать в комнате своего господина они усвоили себе во время его болезни, а потом так и осталось все без изменений.

Порывистые движения дона Торрибио разбудили его верных слуг, которые осведомились тотчас же, не требуется ли что их господину.

Молодой человек отвечал отрицательно и, высунувшись по пояс за перила маленького балкончика под окном, стал жадно вдыхать свежий ночной воздух. В продолжение нескольких минут он прислушивался к шелесту ветра в ветвях деревьев, к неуловимым, неясным звукам ночной тишины, и затем, мало-помалу, мысли его снова возвращались все к

тому же предмету, и он снова начинал уноситься в даль прошедшего, бессознательно сплетая все слышанное с воспоминаниями своей жизни; вдруг ему показалось, что кто-то осторожно ходит у него за спиной; повернув голову, он небрежно взглянул назад через плечо.

— А, это вы, Лукас Мендес! — сказал он. — Что вам нужно?

— Прежде всего я хотел спросить вашу милость, здоровы ли вы, и затем обратиться к вам с просьбой.

— Я здоров, друг мой, немного взволнован только — нервы слегка возбуждены, но это ничего, пустяки, к утру все пройдет. Но говорите, какая у вас просьба.

— То, о чем я собираюсь просить вашу милость, может показаться вам так странно, что я очень прошу, умоляю вашу милость выслушать меня до конца.

— Прекрасно, говорите, я обещаю вам, что не стану вас прерывать.

— Я желал бы знать, ваша милость, довольны вы были моей службой, и считаете ли вы меня человеком, который предан вам всей душой.

— Мне положительно не в чем упрекнуть вас, Лукас Мендес, — ласково ответил молодой человек, — и я имел за это время не один случай убедиться в том, что вы действительно преданы мне; еще на днях я говорил дону Порфирию, что ручаюсь за вас, как за самого себя.

— Благодарю вас, ваша милость, и надеюсь, что в скором времени буду иметь случай еще раз доказать вам самым несомненным образом мою преданность.

— Я верю, что вы воспользуетесь для того каждым удобным случаем; но говорите, в чем ваша просьба.

— Я прошу вашу милость разрешить мне немедленно оставить службу у вас и определиться на службу к другому лицу.

— Хм! — пробормотал дон Торрибио, удивленно глядя на старика и полагая, что он не совсем расслышал его слова.

Лукас Мендес еще раз повторил свою просьбу ровным, спокойным голосом, сопровождая ее низким, почтительным поклоном.

— Что? Что это может значить? Так это та безграничная преданность, которой вы только что похвалялись? — с негодованием воскликнул молодой человек.

— Я умоляю вас, ваша милость, выслушать меня до конца! — спокойно продолжал Лукас Мендес.

— К чему? Что вы можете еще добавить в оправдание вашего странного поведения? — воскликнул дон Торрибио с возрастающим гневом. — Я не хочу ничего более слышать. Уйдите, уйдите сейчас же, вы мне более не слуга — идите, говорю вам, я вас не знаю...

И он повернулся к нему спиной и снова стал глядеть в окно.

Старик не шевелился, стоя как вкопанный, скрестив на груди руки, молча и покорно.

Спустя минуту молодой человек обернулся и увидел его; брови его нахмурились, глаза потемнели, и сам он слегка побледнел.

— Как! — воскликнул он. — Вы еще здесь! Кто же вас держит, разве вы не слышали, что я приказал вам уйти сейчас же! А, понимаю, быть может, вам следует получить с меня сколько-нибудь денег, вот берите и уходите! — сказал он, доставая кошелек.

— Ну, теперь мы, кажется, в расчете — уходите! Я вас не знаю больше!

Кошелек грузно упал к ногам Лукаса Мендеса, но тот не наклонился, чтобы поднять его; он только побледнел, как мертвец, и две крупные слезы медленно покатались по его щекам.

— Ваша милость, — сказал надорванным голосом старик, — я не уйду до тех пор, пока вы не позволите мне, как обещали, объяснить вам мое поведение, по-видимому, не похвальное после всех тех благодеяний, которые вы оказали мне.

Дон Торрибио понял, что Лукас Мендес не даром так настаивает, и что, вероятно, он имеет сказать ему нечто особо важное. Он устремил на старика свой проницательный, ясный взгляд и сказал отрывисто и резко:

— Ну, хорошо, говорите, я слушаю!

И, отойдя от окна, молодой человек откинулся на бутак и устремил свой вопросительный взгляд на старика.

— Я не забыл ваших благодеяний, ваша милость, и поклялся в душе посвятить вам всецело жалкий остаток дней моих. Вы знаете, ваша милость, что я ношу в душе своей тайну, о которой я уже говорил вам; вы были так великодушны, ваша милость, что позволяли мне пользоваться почти полной свободой на службе у вас, и это дало мне возможность

разузнать очень многое, весьма важное и для меня, и для вас, благодаря чему я надеюсь вскоре иметь возможность оказать вам немаловажную услугу и доказать мою глубокую преданность. Во время вашей тяжелой болезни, в минуты лихорадочного бреда, вы открыли мне цель вашего пребывания в этой стране, словом, ту миссию, которую возложило на вас мексиканское правительство. С тех пор я знаю, что вы и я, мы оба преследуем одну и ту же цель. Конечно, я не могу мечтать об уничтожении этого возмутительного объединения платeadос, — это задача мне не по силам, — но глава этой ужасной шайки, организатор ее, этот человек без совести и чести, именно то лицо, к которому я питаю непримиримую ненависть и вражду и дал клятву отомстить ему за себя и наказать его за злодеяния, хотя бы это должно было мне стоить жизни. И ради этого я бесповоротно переносил все муки и страдания, ради этого я жил и живу, чтобы наконец насладиться моей справедливой и страшной местью. И вот, когда я вдруг узнал, что вы и я — оба имеем одну и ту же цель, я поклялся содействовать вам всеми силами, всеми зависящими от меня средствами. Я стал подводить тайные мины под вашего и моего врага, и старания мои увенчались самым блистательным успехом. Дон Мануэль де Линарес сделал мне некоторые предложения; он уже до того несколько раз имел со мной тайные переговоры, и несколько часов тому назад мы с ним заключили договор, согласно которому я должен оставить службу при вас и поступить к нему, словом, я буду изменять вам в его пользу, я останусь вашим слугой только для вида, став преданным шпионом и соглядатаем дона Мануэля. Мои отсутствия вследствие этого должны сделаться более частыми и продолжительными; словом, я изменяю вам, чтобы быть для вас более полезным и верным слугой, и это я хотел и должен был сказать вам. Но я не только из желания отомстить за вас и за себя согласился принять на себя эту постыдную и вместе страшно рискованную роль: у меня есть на то еще одна священная обязанность в этом деле: при доне Мануэле де Линаресе живет чистое, светлое создание, девушка, почти еще дитя...

— Что вы говорите, Лукас Мендес? — воскликнул молодой человек, будучи не в силах совладать с волнением.

— Я говорю, сеньор, что этот ангел Божий, ниспосланный Господом Богом для того, чтобы заставить дона Мануэля краснеть и стыдиться своих позорных деяний, не должен

принять на свою безгрешную головку того позора, которым покрыл себя этот злодей, не должен быть увлечен в его падение и гибель. Ее во что бы то ни стало надо спасти от этого ужасного несчастья, вырвать ее из власти этого негодяя, открыв ей глаза, потому что она, не задумываясь, пожертвует собой для этого мерзавца, о злодеяниях которого она даже не подозревает; ее надо спасти, и я спасу ее, видит Бог! Не только потому, что она чистая, святая и ни в чем неповинная душа, но и потому, что она уже много вынесла горя и страданий, потому, что она любит вашу милость, и вы также любите ее.

— Я! Да, я люблю ее! — воскликнул молодой человек. — О, Санта! Санта!.. Да, но кто мне поручится, что все то, что вы мне сейчас сказали, — правда, что вы не обманываете меня?

— Я, *mi amo*! — отозвался Пепе Ортис, одним прыжком очутившись на ногах и подходя к брату. — Я знаю все это, мне Лукас Мендес давно открыл свое намерение, и я сам посоветовал ему осуществить его.

— Ты? Ты знал об этом, Пепе?

— Да, ваша милость, я знал, знал с первого момента, когда эта мысль мелькнула в голове Лукаса; я хотел даже, чтобы он ничего не говорил вам об этом, но он не согласился, говоря, что могут возникнуть какие-нибудь осложнения, которые наведут вас на подозрения, а ему не хотелось ни минуты казаться изменником в ваших глазах. Доверьтесь ему, ваша милость; вам предстоит иметь дело с сильным врагом, для вас будет чрезвычайно важно иметь своего человека во вражеском лагере. Пусть эта видимая неблагоприятность не смущает вас, вы были предупреждены о том, что вам предстоит борьба хитростью против хитрости и коварством против коварства. Неужели, ради пустого и неуместного великодушия и щепетильности, вы захотите не только погубить все свое дело, но и утратить, быть может, навсегда донью Санту?

— Да, ты прав, Пепе, мы имеем дело не с людьми, а с чудовищами; всякого рода щепетильность и добросовестность по отношению к ним была бы чистой глупостью.

— Так значит, ваша милость разрешает мне поступить так, как я вам говорил?

— Да, но только с некоторым изменением: играть эту двойную роль, на которую вы решились ради пользы дела,

было бы слишком трудно в случае, если это должно продолжиться некоторое время; предупредить об этом всех наших друзей было бы невозможно, а дон Порфирио и другие из наших друзей, конечно, не преминут заподозрить вас в предательстве, если вы по-прежнему останетесь при мне, и тогда малейшего подозрения будет достаточно для того, чтобы заставить их разом покончить с вами. Затем и враги наши тоже не так просты и они могут заподозрить вас, и они тоже не пощадят вас. Надо делать дело на чистоту, словом, необходимо, чтобы наш разрыв был окончательный, очевидный, всем известный, не возбуждающий никаких сомнений, чтобы он произошел при всех, на глазах у всех, и чтобы все об этом знали. Тогда вы будете свободны действовать вполне по вашему усмотрению, а сношения вы будете поддерживать с нами через Пепе Ортиса; он будет нашим посредником, с ним вы будете сговариваться обо всем.

— Да, это верно, ваша милость; так моя роль станет менее трудной и менее опасной, и, вместе с тем, я могу действовать с большей свободой. К тому же и дон Мануэль того же мнения, он также желает, чтобы я совершенно оставил службу у вашей милости и перешел к нему, а здесь сохранил лишь сношения с теми из слуг, которые за приличное, конечно, денежное вознаграждение согласятся продавать вас.

— Ну, значит, все устроивается к лучшему! — смеясь сказал молодой человек.

— Итак, все решено: сегодня утром, во время завтрака, должен произойти разрыв — о предлоге вы сами можете позаботиться.

— Положитесь на меня в этом деле, ваша милость, — ведь вы по-прежнему доверяете мне? Я не утратил вашего уважения и доверия?

— Нет, Лукас Мендес, я верю вам, и что бы ни случилось, никогда не заподозрю вас в измене; к тому же и Пепе Ортис ручается за вас, а ему я доверяю, как самому себе! — И с этими словами дон Торрибио, улыбаясь, протянул руку старику.

— Благодарю, благодарю вас, ваша милость! — воскликнул тот, с жаром целуя протянутую ему руку.

Затем дон Торрибио встал, кинулся на свою кровать и почти тотчас же заснул крепким сном. Ровно в полдень на следующий день колокол стал созывать гостей асиенды к завтраку в столовую, как это бывало каждый день.

В ту пору, когда происходит наш рассказ, асиендадо в этих дальних провинциях придерживались патриархального обычая — сажать за один стол с собой всех своих слуг.

Стол этот накрывался в виде подковы и в верхней своей части был двумя ступенями выше двух боковых сторон, так как накрывался на подобие эстрады, предназначавшейся для гостей, хозяев дома и их наиболее почетных служащих, как-то: капеллан домового церкви, мажордом, управляющий и тому подобное; остальные же слуги садились ниже по обе стороны, получая, за малым исключением, все те же блюда и яства, как и их господа, но напитки для служащих были простые: пульке, тепаче и агуардиенте¹, а дорогие вина и ликеры подавались только сидящим на эстраде.

В этот день в семье асиендадо был праздник, и обыкновенно весьма обильно уставленный яствами стол на этот раз буквально подламывался под тяжестью бесчисленных блюд; даже слуги получили сегодня, вместо обычного агуардиенте, превосходнейшее каталонское рефино.

Поутру, часов так в десять, во двор асиенды въехала многочисленная кавалькада, во главе которой гордо гарцевал на своем коне ньо² Мариньо Педросо, мажордом дона Порфирио.

Донья Энкарнасьон, супруга дона Порфирио Сандоса, вернулась наконец из своей продолжительной поездки в Гвадалахару, куда она ездила, чтобы привезти свою единственную дочь из монастыря, где та воспитывалась.

Донья Энкарнасьон, женщина лет тридцати пяти, была когда-то очень красива, да и теперь еще могла назваться красивой женщиной, чрезвычайно симпатичной и милой, с кротким, приветливым выражением прекрасных, темных глаз. Она была немного полна, но это почти не портило ее, а придавало ее фигуре и осанке что-то величественное. Дочь ее донья Хесус, которой едва только исполнилось шестнадцать лет, была типичнейшей мексиканской красавицей, с громадными черными огневыми глазами, полными неги и бессознательной еще страсти, под тонкими дугами темных бровей, опущенными длинными, шелковистыми ресницами, настолько густыми, что они бросали тень на матово-бар-

¹ Тепаче и агуардиенте — крепкие спиртные напитки.
² Ньо — дон, сеньор.

хатистые, как персик, щечки девушки; с черной косой до самых пят, крошечным ротиком, с пышными ярко-алыми губками и двойным рядом мелких, ослепительно белых зубов, с очаровательной улыбкой; с золотистой бледностью лица, едва окрашенного стыдливым румянцем. Наконец, пышный и гибкий стан, гордая поступь и женственно небрежная грация каждого ее движения делали эту девушку невыразимо прелестной.

Такова была донья Хесус — или Хесусита, как ее называли все домашние на асиенде дель-Пальмар, начиная с ее отца и кончая последним пеоном; все боготворили эту девушку, почитая за счастье исполнять всякую ее блажь, всякий каприз и прихоть. Но это милое, ласковое, любящее и кроткое создание, казалось, даже не подозревало о своей красоте и нимало не думало о ней; ее чарующая прелесть влекла к ней все сердца совсем без ее ведома, как привлекает нас аромат душистого цветка.

Когда она вошла в столовую вместе с отцом и матерью, невольный радостный трепет охватил всех присутствующих; все до единого были рады и счастливы, что снова видели ее здесь и могли любоваться ею. Дон Порфирио представил свою дочь и жену дону Торрибио, после чего все сели за стол.

Отсутствие доньи Энкарнасьон продолжалось целых четыре месяца, потому что на обратном пути она с дочерью заезжала к некоторым из своих родственникам, и в каждом доме ей приходилось прогостить дня два-три. Это продолжительное отсутствие хозяйки дома сильно ощущалось всеми домашними, а потому сегодня все были особенно рады ее возвращению, тем более, что вместе с ней вернулась и прекрасная сеньорита.

Завтрак прошел очень оживленно и весело; дамы рассказывали о различных происшествиях и случайностях во время их пути.

Под конец, когда эта тема истощилась, и разговор поддерживался только из приличия, дон Торрибио знаком подозвал к себе Пепе Ортиса.

Тот тотчас же встал из-за стола и подошел к своему господину.

— Я не вижу Лукаса Мендеса! — сказал дон Торрибио довольно громко своему мнимому слуге. — Почему его нет здесь?

— Сеньор! — отвечал Пепе Ортис. — Его нет на асиенде.

— Как! Он отлучился с асиенды? — воскликнул дон Торрибио с прекрасно сыгранным удивлением. — Несмотря на мое строгое приказание — ни под каким видом не смей отлучаться?

Пепе Ортис молчал, опустив голову.

— Почему это молчание? Отвечай мне сейчас же, я этого требую! — продолжал молодой человек таким тоном, как будто он начинал терять терпение.

— Извольте спрашивать, ваша милость, я буду отвечать, *mi amo!*

— Какие же причины выставил Лукас Мендес для того, чтобы отлучиться сегодня поутру?

— Лукас Мендес сегодня утром не отлучался, ваша милость.

— Но, в таком случае, когда же он ушел? Ночью?

— Нет, ваша милость, он ушел еще вчера, тотчас после заката солнца. Не сказав никому ни слова, он пошел в конюшню, оседлал своего коня, сел на него и ускакал.

— И ты его больше не видел?

— Нет, ваша милость, не видел.

— Почему же ты не предупредил меня об этом внезапном отъезде?

— Я полагал, что он поступает так по приказанию вашей милости.

— Странно! — прошептал дон Торрибио.

Все кругом замолчали, прислушиваясь к тому, что говорилось между доном Торрибио и его слугой; то впечатление, которого желал и добивался молодой человек, было вполне достигнуто. Затем он продолжал тоном человека, которого уже начинает разбирать гнев и досада.

— Я положительно не понимаю этого странного поведения со стороны человека, к которому я питал полное доверие.

— Он, конечно, сумеет оправдаться, как только вернется! — вмешался дон Порфирио.

— Я от души желаю этого, сеньор; при тех условиях, в каких мы теперь находимся, весьма важно, чтобы поведение каждого человека было вне всяких подозрений.

— Да, вы правы, сеньор Торрибио, наше положение в данное время настолько серьезно, что поневоле приходится строго наблюдать за всем, что происходит вокруг нас, и быть осторожным до крайности.

— Боже мой! Что же такое происходит? — спросила донья Энкарнасьон, бледнея.

— Не грозит ли нам какая-нибудь опасность? — осведомилась донья Хесусита.

— Нет, не то, чтобы именно опасность, но... мы живем на самой границе, а потому никогда не мешает быть настороже.

— Однако, вы, кажется, сказали...

— Ничего такого, чтобы должно было тревожить вас! — прервал ее супруг. — Впрочем, вы знаете, *querida mia*, что я никогда ничего не скрываю от вас, и когда мы придем в нашу спальную, я расскажу вам все. Тогда вы сами убедитесь, что вам нечего опасаться.

— Успокойся, мамита, — сказали донья Хесусита, целуя мать, — уж если отец говорит тебе, что опасаться нечего, значит, это так!

— Да, ты права, моя милочка! — сказала мать, отвечая лаской на ласку дочери. — Но я ведь опасаясь не за себя, а за тебя, главным образом, и за отца!

— Да полноте, — весело рассмеялся Твердая Рука, — вы, жительницы границы, — и боитесь чего-то; нет, я не хочу даже верить этому!

— Дело в том, что во время путешествия моего мне пришлось слышать столько ужаснейших вещей о платадос, что я уж поневоле сделалась трусихой.

— А разве все еще говорят о них и там, в центре страны? — небрежно осведомился дон Порфирио, играя своей кофейной ложечкой.

— Да, друг мой! — ответила донья Энкарнасьон. — Теперь о них заговорили больше, чем когда-либо, потому что не проходит дня без того, чтобы они не совершили где-нибудь нового возмутительного злодеяния; о них говорят там такие вещи, от которых волосы становятся дыбом!

— Странно, а у нас здесь, на границе, все спокойно!

— Я полагал, что этой шайки уже давно не существует! — сказал дон Торрибио.

— Не верьте этому, просто они перенесли поле своих действий в другую местность вот и все, и вот чем объясняется то, что о них здесь не стало слышно.

— Да, именно так! — подтвердил дон Порфирио.

— А вы, сашем, не боитесь платадос?

— Простите меня, сеньора, если я вам скажу, что эти люди — трусливые псы, и команчи разогнали бы их плетью,

если бы только они посмели затронуть их, — ответил Твердая Рука.

Донья Энкарнасьон, не желая продолжать этого разговора, перевела его на другую, менее серьезную и более приятную тему.

Между тем слуги и пеоны, окончившие свой завтрак, успели уже встать из-за стола и собирались вернуться к своим обязанностям и занятиям, когда Пепе Ортис, вышедший из столовой несколько времени тому назад, вернулся в сопровождении Лукаса Мендеса. Оба они подошли к своему господину, причем последний остался стоять немного поодаль.

— Сеньор *mi amo*! — произнес почтительно Пепе Ортис. — Лукас Мендес вернулся, он здесь.

— А, — сказал молодой человек, сдвинув брови, — пусть явится сюда, я хочу его видеть.

— Я здесь, ваша милость! — сказал старик, подходя ближе и выступая из-за спины Пепе.

Дон Торрибио отодвинул немного свой стул от стола и, повернув его на задних ножках, очутился лицом к лицу со своим слугой, тогда как Пепе Ортис отступил на шаг назад.

— А, наконец-то, вы вернулись! — строго сказал молодой человек.

Все остановились и стали прислушиваться, понимая, что тут должно произойти нечто важное.

— По какому случаю вы осмелились отлучиться с асиенды вчера около четырех часов вечера?

— Я не видел в этом ничего дурного, ваша милость, и не думал, что вы будете этим недовольны!

— Где же вы провели эту ночь? И почему вернулись только сейчас? — продолжал молодой человек ледяным тоном.

— Я заехал слишком далеко, ваша милость, и когда хотел вернуться, то было уже поздно: ворота асиенды были закрыты.

— А-а! — иронически протянул дон Торрибио. — Так что вы ночевали под открытым небом?

— Да, ваша милость.

— Но, вероятно, очень далеко отсюда?

— Нет, всего в какой-нибудь четверти мили отсюда.

— Но, в таком случае, почему же вы не вернулись, как только отперли ворота асиенды?

Лукас Мендес стоял, опустив голову, и молчал.

— Я вас спрашиваю, почему вы не вернулись раньше?

— Я ничего не имею ответить вашей милости, вы допрашиваете меня, как будто вы не доверяете мне; я не привык к такому обращению с вашей стороны.

— Не пытайтесь изменять наши роли! — строго остановил его молодой человек. — Я слышать не хочу ваших сетований! Я желаю знать, зачем вы отлучались, и что вы делали во все время вашего продолжительного отсутствия?

— Ничего не могу сказать вашей милости, я занимался моими личными делами, касающимися только одного меня.

— Смотрите, Лукас Мендес, это не ответ честного и преданного слуги. Какие же это у вас тайные дела, о которых я хочу знать, я должен знать?! — с ударением произнес дон Торрибио.

— Я ничего не могу сказать вам! — отвечал старик в видимом смущении, низко склонив голову и стараясь ни на кого не глядеть.

— Вы согласитесь, однако, что все это весьма подозрительно, и что я никоим образом не могу удовольствоваться подобными ответами.

Лукас Мендес молчал.

— У доброго слуги не может быть никаких тайных дел, о которых нельзя ничего сказать своему господину; я требую вполне ясного и точного ответа.

— Ваша милость жестоко поступает со мной, я этого не заслужил, я ничего дурного не сделал.

— Кто мне поручится за это?

— Все мое прежнее поведение.

— Добрый конь и о четырех ногах, да и тот спотыкается! — насмешливо заметил дон Порфирио.

— Вы слышите, — сказал молодой человек, обращаясь к своему слуге, — в последний раз спрашиваю вас, хотите вы мне отвечать или нет?

— Я в вашей власти, делайте со мной, что хотите, но только я, право, ни в чем не виноват перед вами.

— Нет, довольно! Вы уж слишком долго злоупотребляете моим терпением! — воскликнул дон Торрибио, дав волю своему гневу. — Я хочу держать подле себя лишь таких слуг, каждый шаг которых мне может быть известен, и, поведение которых было бы открыто передо мной, а не шпионов и соглядатаев, — таких я гоню от себя.

— О, ваша милость!

— Довольно! Ни слова более! Вы уже не слуга мне, соберите ваши пожитки и чтобы через десять минут вас больше не было на асиенде. Идите! Возьмите это, и чтобы я больше не видел и не слышал о вас!

С этими словами он кинул ему кошелек, который старик поймал почти налету и быстро запрятал его в карман, с видом удовлетворенной корысти.

— Прощайте, ваша милость, я ухожу, но вы раскаетесь в том, что прогнали меня!

— Что это — угроза? — с пренебрежительной улыбкой спросил дон Торрибио.

— Нет, Боже упаси! Вы были добры ко мне, ваша милость, и я никогда этого не забуду, — это не более, как сожаление.

— Мне нужды нет ни до ваших угроз, ни до ваших сожалений, идите, я вас не знаю больше!

Лукас Мендес почтительно поклонился своему господину и вышел твердым шагом из столовой в сопровождении Пепе Ортиса. Минут десять спустя он полным галопом поскакал из асиенды, направившись к пресидио¹ Тубак.

Слуги тем временем вернулись к своим обязанностям и занятиям, обсуждая вполголоса только что происшедшее; строгость и твердость в этом деле, выказанные доном Торрибио, произвели на всех сильное впечатление и, как это ни удивительно, встретили одобрение у большинства. Это, конечно, объясняется тем тревожным, опасным временем, какое приходилось теперь переживать, когда на каждом шагу всем грозила страшная опасность от грозных платeadос.

Дамы также вышли из-за стола и в сопровождении капеллана удалились в свои комнаты, а мажордом давно уже уехал на плантацию наблюдать за производившимися там работами, так что в большой столовой не осталось никого, кроме хозяина дома, дона Торрибио и Твердой Руки.

Закурив сигары, они также вышли из-за стола и спустились в уэрту². В этих странах, где каждый клочок тени имеет такую громадную цену, где палящее солнце чуть не двенадцать часов в сутки обильно льет на землю свои лучи, искусство планировать сады достигло редких пределов совершенства. Здесь сад или, вернее, парк, уэрта, сохранив

¹ Пресидио — форт, крепость.

² Уэрта — сад, плантация плодовых деревьев.

все удобства английских парков, сохранил и прелесть девственных тропических лесов: это и сад, и огород, и цветник, и плодовый рассадник — нечто художественное, живописное и отрадное для души, для глаз и для тела, жаждущего отдохновения и прохлады.

Трое мужчин с сигарами в зубах медленным шагом направлялись под тень роскошных раскидистых деревьев и почти темных сводчатых аллей; они шли молча с самого момента, как вышли из столовой; никто из них не проронил ни слова.

Пройдя, сами того не замечая, аллею за аллеей и рощицу за рощицей, они пришли наконец к тому мосту, перекинутому через ручей, о котором мы уже имели случай говорить раньше, и, перейдя его, углубились под сень той самой рощи, где происходила несколько дней тому назад стычка краснокожих с бандитами, и сели на скамью. Твердая Рука, очевидно, шел именно сюда, а его спутники машинально следовали за ним, без мысли и без цели, и только опустившись на скамью, как бы очнулись.

— Ах, милый друг, зачем вы привели нас сюда, в такую даль, ведь теперь время сиесты и гулять посадку еще слишком рано!

— Я того мнения, дон Порфирио, что нигде нельзя так хорошо беседовать, как под открытым небом, на вольном воздухе, где всегда издали можно видеть, если какой-нибудь непрошенный свидетель намеревается приблизиться к вам, не так ли?

— Конечно, я понимаю, вы имеете намерение сообщить нам что-нибудь более или менее важное — да?

— Я? Ровно ничего, но я полагаю, что наш общий друг, дон Торрибио, скажет и объяснит нам кое-что, и, конечно, будет рад, что здесь его никто не может слышать, кроме нас двоих.

Молодой человек весело рассмеялся.

— Вы видите, что я не ошибся, — продолжал Твердая Рука, — позвольте мне поздравить вас, дорогой дон Торрибио, вся эта комедия была сыграна вами с неподражаемым талантом.

— Как! Все это была только комедия? — воскликнул дон Порфирио. — Ну, в таком случае, признаюсь, на этот раз вы провели меня.

— Тем лучше! — продолжал Твердая Рука. — Если дону Торрибио удалось провести вас, то тем более и всех ваших слуг и пеонов, а именно этого-то и добивался наш юный приятель, если я не ошибаюсь!

— Нет, вы не ошибаетесь, дорогой друг, таково было, главным образом, мое намерение.

— Так все это была комедия! Но она, конечно, имела свою цель? — сказал дон Порфирио.

— Да, разумеется! — отвечал дон Торрибио и без дальнейших околичностей рассказал все происшедшее в последнюю ночь между ним, Лукасом Мендесом и Пепе Ортисом и о том, что было оговорено между ними.

— Это смело, мало того, это даже очень отважный план! — задумчиво вымолвил асиендадо, когда молодой человек окончил свою речь.

— Это весьма удачный план, мне кажется! — сказал на это Твердая Рука. — Настолько удачный и остроумный, что я считаю его положительно мастерским приемом в данном случае.

— Хм, дон Мануэль человек очень хитрый и ловкий, должен я вам заметить! — сказал асиендадо.

— Да, именно, на это я и рассчитываю; я готов согласиться даже, что он еще более ловок и хитер, чем вы полагаете, но дело в том, что теперь он утратил свое обычное спокойствие, уверенность и самообладание, которыми отличались до настоящего времени все его действия, поступки и соображения. Он чувствует впервые, что ему приходится иметь дело с врагом, который шутить не станет, которого он не в состоянии запугать, и который тем более опасен для него, что ему не известны ни его силы, ни его численность, ни его намерения и предложения, ни даже те средства, какими этот враг может располагать. Кроме того, он имел случай убедиться на деле, что его неприятель смел, решителен и действует с большой уверенностью и отвагой.

— Прекрасно, допустим, что, все это верно, но что же вы из этого выводите?

— Следующее: дон Мануэль, очевидно теряет голову, он пускается в весьма рискованные средства, на такие приемы, успех которых весьма сомнителен. Он рассчитывает на чистую случайность, на возможную удачу и, вместо того, чтобы смело отразить врага, который собирается атаковать его, уступает неприятелю поле брани и бежит укрываться от него

в непроходимые дебри, а между тем его отряд, если его можно так назвать, то есть численность его людей превышает численность нашего отряда раза в четыре, если не больше. Следовательно, он трусит, он робеет, он инстинктивно чувствует, что на этот раз погиб, и, чтобы спастись, не рассчитывает заставить нас отказаться от нашего намерения — нет, он рассчитывает лишь на случайную удачу и, наконец, на свое неприступное, как он полагает, убежище.

— Таково оно есть на самом деле! — заметил дон Порфирио.

— Ну, это мы еще увидим; я с вами соглашусь только после того, как побываю сам в тех краях и лично осмотрю все поближе.

— Так что же нам делать теперь?

— Не давать ему времени передохнуть и очнуться, травить его, как зверя, словом, нападать на него всюду, где только можно, действовать с быстротой молнии, оглушить, ошеломить, ослепить его быстротой наших маневров — вот что нам следует делать!

— Я вполне разделяю это мнение! — сказал Твердая Рука.

— И я также, — поддержал дон Порфирио, — но ведь мы не готовы.

— О, это дело двух дней, не более. Вот что я хотел бы предложить вам, — продолжал Твердая Рука, — через час я с моими краснокожими воинами покину асиенду, и пусть Пепе Ортис едет со мной. Он передаст приказания и распоряжения своего господина Бобру и другим охотникам, его товарищам; согласно этому распоряжению, я уведу часть их на асиенду дель-Сальтильо, которую мы изберем нашей главной штаб-квартирой; остальные же форсированным маршем двинутся сюда и будут находиться в распоряжении дона Порфирио для того, чтобы благополучно препроводить его супругу и дочь в Охо-де-Агуа.

— Действительно, нам не следует оставлять их здесь. Там они будут в надежном месте; к тому же Охо-де-Агуа прекрасно укреплено, далеко отсюда и имеет вполне надежный гарнизон. Ну, а затем?

— Все остальное будет уже мое дело. Когда вы с остальными людьми, проводив жену и дочь, вернетесь и присоединитесь ко мне, к тому времени все меры будут уже приняты мной, и я надеюсь, что сумею сообщить вам добрые вести. Согласны вы на это, дон Торрибио?

— Как нельзя более. Я же лично отправлюсь один сегодня же вечером.

— Один?

— Да, у меня есть на этот счет свой план. Не беспокойтесь обо мне, я присоединюсь к вам, когда придет время, и тогда я также надеюсь сообщить вам что-нибудь существенно важное.

— Ну, если все обговорено и улажено, то я пойду спать, меня так и клонит ко сну. Когда ваши охотники могут прибыть сюда?

— Дня через три, никак не позже; они остановятся в Монте-Пеладо, где вы застанете их; будет лучше, если они войдут на самую асиенду. Главное, будьте готовы.

— Не забудьте сказать им, чтобы они явились сюда по одиночке, по двое — не больше, иначе это может возбудить подозрения.

— Будьте покойны, всевозможные меры предосторожности будут приняты мной. До свиданья; через час меня уже не будет здесь!

— Ну, так до скорого свиданья, в добрый час!

— Через четверть часа я пришлю к вам Пепе, я хочу только написать несколько строк Бобру, если позволите! — сказал дон Торрибио.

— Сделайте одолжение! — отвечал Твердая Рука.

— Признаюсь, господа, что я сплю, стоя на ногах.

— Ну, так идите и ложитесь, я вовсе не хочу лишать вас вашей сиесты.

— Да, что уж говорить об этом, когда вы навалили на меня самую трудную задачу.

— Как так? — удивленно спросили оба его собеседника разом.

— Да как же, я только что обещался доказать жене и дочери, что им здесь не грозит ни малейшей опасности, а теперь вы заставляете меня уверять их в противном и убедить их решиться предпринять новое путешествие после того, как они только что успели вернуться.

И Твердая Рука и дон Торрибио весело рассмеялись, дон Порфирио последовал их примеру, и затем все они двинулись по направлению к дому, весело разговаривая между собой о всяких пустяках. Глядя на них, никто, конечно, не мог бы подумать, что эти люди готовились начать опасную и беспощадную борьбу с сильным врагом, борьбу, в которой им надлежало или погибнуть, или выйти победителями.

Два приятеля под тихой луной

Теперь мы на время расстанемся с так называемыми цивилизованными странами Мексики и очутимся по ту сторону границы, где простирается и ныне еще очень мало исследованная территория, — так называемые земли индейцев. Они простираются на сотни миль от Рио-Гранде-дель-Норте, Арканзаса с одной стороны и Новой Мексики, части Калифорнии, Орегона вплоть до Скалистых гор и до границы Канады. Эта обширнейшая территория суживается с каждым годом, и границы ее изменяются со дня на день, благодаря постепенному и постоянному натиску все далее и далее вторгающихся бледнолицых, прорубающих себе с топором в руках путь к неведомым странам, вырубая девственные леса, культивируя саванны, воздвигая асиенды и разводя плантации посреди диких пампасов.

Прошло уже около двух месяцев после того, как совершились описанные нами в предыдущих главах события.

И вот мы находимся теперь в одной из самых живописных, но диких местностей Апачерии¹.

Было около девяти часов вечера; ночь была тихая, теплая, звездная; созвездие Южного Креста ярко выделялось на темном небосклоне; полная луна, медленно плывя среди облаков, освещала своим таинственным, фантастическим светом мрачный пейзаж, среди которого возвышалась, как грозный призрак на высокой горе, среди гранитных скал, асиенда дель-Энганьо.

Мрачные, черные тени предметов принимали гигантские размеры; поток мчался между скал, пенясь и шумя, перескакивал с утеса на утес, местами отражая в своих водах трепетный лик луны. Мириады светящихся мушек и светляков кружились в прозрачном воздухе, напоенном ароматами трав.

Лишь изредка тоскливый крик совы нарушал мертвую тишину, давившую, точно гнетом, душу человека среди этой пустынной и угрюмой местности. Вдруг высокие окна асиен-

¹ А п а ч е р и я — территория на севере Мексики, на которой обитали апачи.

ды осветились красноватым огнем, затем все этажи, один за другим, заблестели огнями, и в несколько мгновений все это таинственное жилище разом осветилось сверху донизу, ярко выделяясь на темном фоне окружающей местности и изливая на ближайшие предметы красновато-багровый отблеск.

В то же время в тени развесистых деревьев опушки послышался какой-то слабый шорох, кусты осторожно раздвинула чья-то рука, и в темной зелени показались две головы, всего на несколько дюймов над землей, очевидно, люди эти лежали, распростершись на траве, и теперь глаза их с тревожной жадностью устремились на асиенду.

— Вы видите? — сказал один из них голосом чуть слышимым, но явственным, скорее похожим на слабое дыхание ветерка, чем на человеческую речь.

— Вижу! — отвечал другой таким же слабым шепотом.

Вслед за тем кусты мерно, едва заметно заколыхались, и из них мало-помалу стали появляться плечи, а там и торсы двоих мужчин, а вскоре они окончательно выползли из кустов и продолжали подвигаться все так же ползком, медленно и осторожно, к гранитным массам, громоздившимся вокруг подножия горы, на которой возвышалась асиенда, и тянувшимся вдоль берегов потока, а местами преграждавшим ему путь настолько, что мутные бурные воды его принуждены были прокладывать себе дорогу, разбиваясь на мелкие каскадики. В этих местах, при некоторой ловкости и умении, можно было перебраться через ручей без особых затруднений.

Очевидно, эти двое отлично знали местность, так как они перешли реку едва омочивши ноги, что, конечно, несколько не беспокоило их, так как ночь была теплая и тихая.

Перебравшись на тот берег потока, они очутились среди хаоса громадных скал, где было совершенно темно от тени, падавшей сюда от горы. Здесь они могли быть вполне уверены, что никто не увидит их, хотя сами они могли видеть решительно все, что только происходило кругом, а потому, чувствуя себя сравнительно в безопасности, они поднялись на ноги и еще раз осмотрелись кругом.

Кто были эти двое людей? — В окружавшей их темноте нельзя было разглядеть лиц. Но судя по платью, это были степные охотники, вооруженные с головы до ног: у каждого из них было по американской двустволке, по паре пистолетов за поясом, по длинному охотничьему ножу, так называ-

емому *bowies-knife*. Едва только они успели расположиться в своей засаде, так как избранный ими пост не мог быть ничем иным, как только местом для засады, один из них, опершись на свое ружье обеими руками, сказал небрежно своему товарищу:

— Здесь нам нечего опасаться, здесь мы одни — вы сами видите, *compadre*¹, что это веселенькое место не таклюдно как *paseo de Bucarelli* или какая-либо другая из улиц Мехико. Нам нечего стесняться, никто нам здесь не помешает говорить о наших делишках. Тут только одни совы да змеи могут нас подслушать, да и то шум каскада этого бешеного потока достаточно заглушает наши голоса.

— Что вы говорите о змеях? — заметил другой, содрогаясь при этом слове.

— А что? Небеспокойтесь о них, у них свои делишки точно так же, как и у нас, и они не тронут нас до тех пор, пока мы сами не будем беспокоить их; змеи — создания трусливые и робкие, они боятся человека и никогда не нападают на него, если только он не вызовет их к тому.

— Ну, слава Богу, а то, признаюсь вам, я крайне недолюбливаю этих ужасных гадов.

— Полноте, вы, такой смелый и отважный, неужели боитесь змей!

— Ужасно! Этот страх сильнее меня, это какое-то непреодолимое отвращение.

— Весьма возможно; но скажите, однако, — добавил он, продолжая разговор, начатый еще в кустах, — что вы думаете о виденном вами?

— Я едва верю своим глазам: как можно было ухитриться взгромоздить там это колоссальное здание?

— Как говорят о том некоторые легенды и сказания... — начал было его собеседник, тоном человека, собирающегося приступить к длинному рассказу.

— Все это глупости! — прервал его товарищ. — Отстаньте от меня, приятель, с вашими вечными легендами. Я знаю, что они все решительно объясняют, даже и необъяснимое, ведь для того они и созданы; но можно допустить, и в этом нет ничего невероятного, что в то время, когда была построена эта асиенда, гора, на которой она стоит, была совершен-

¹ Приятель (*исп.*).

но иного характера, спускалась в долину пологими скатами и была легко доступна. А впоследствии вся эта местность изменилась вследствие каких-нибудь земных переворотов, вулканических взрывов, землетрясений и тому подобному, из-за чего, конечно, все пути, дороги и все кругом приняло этот ужасный характер разрушения, хаоса и запустения. Строение это очень старое — оно уже стоит, наверное, лет двести, если не более, быть может, с первых времен завоевания или покорения Мексики.

— Нет! Асиенда эта стоит уже почти девятьсот лет.

— Нет, *compadre*, вы в этом отношении неисправимы, вы все впадаете в легенду! Неужели же вы не видите, что стены этого здания зубчатые, из чего ясно, что оно построено каким-нибудь родовитым испанским вельможей, — а следовательно, после покорения страны?

— Прекрасно, допустим, что все было именно так, как вы говорите, *compadre*, но объясните мне теперь, как это может быть, что эта асиенда обитаема в настоящее время; ведь эти огни, которые мы видим, не зажглись же сами собой?

— Это ясно! Но что я могу знать об этом?

— Ну, и я так же не могу себе этого объяснить, а потому и спрашиваю вас.

— Вы, конечно, согласитесь со мной, что, не имея крыльев, попасть в это орлиное гнездо никак нельзя — но мы видим, что там живут существа, подобные нам...

— Да, более или менее подобные! — произнес чей-то насмешливый голос так близко подле них, что оба собеседника невольно привскочили и вскинули к плечу свои ружья.

— Ну, тише, не горячитесь! — продолжал все тот же насмешливый голос, — смотрите, не наделайте беды!

— Кто вы такой?

— Тьфу, черт! Неужели страх настолько лишил вас сознания, что вы даже не узнаете моего голоса?

— Кой черт! Кто вы такой?

— Смотрите, Матадиес, любезный мой приятель, не советую вам говорить о веревке в доме повешенного: в этих местах говорить о нечистом не годится. Что же, Редблад, неужели и вы не узнаете меня? — продолжал неизвестный, приступая к ним еще ближе.

— А-а! Дон Торрибио де Ньоблас! Вы здесь, в такое время! Как это могло случиться? — воскликнул метис, опуская свое ружье к ноге.

— Как видите, приятель, это я, но только не выкликайте так громко моего имени, это совершенно не нужно! Да вы, друзья мои, как я вижу, совсем не опасаетесь!

— Кто же мог ожидать, чтоб здесь, в пустыне...

— Вот именно в пустыне-то и следует всего ожидать и всего опасаться; к тому же ведь я предупредил вас, Матадиес, что увижусь с вами здесь.

— Да это правда, ваша милость, а у меня из головы вон.

— Хм! Что же, мне, видно, не доверяют? — пробормотал угрюмо Редблад.

— Если бы я не доверял вам, то разом покончил бы все расчеты с вами! — строго произнес дон Торрибио, — Но не в этом дело, а скажите мне, нашли вы какой-нибудь путь?

— Ни следа, что говорится! — ответил Редблад.

— А вы, Матадиес?

— Я также.

— К какому же вы пришли заключению?

— Да ни к какому, ваша милость, а вы? — спросили они, теснясь все ближе и ближе к нему.

— Я того мнения, что на асиенду ведет не один путь, а несколько, и что все они существуют и теперь, но только искусно замаскированы.

— Хм, да, замаскированы, — это мило, нечего сказать! насмешливо пробормотал Редблад.

— Увидите! — строго произнес дон Торрибио. — Я берусь вскоре доказать это вам и Матадиесу.

— А что касается меня, то убедить в этом не трудно; для всякого, кто не так глупосуверен, как *mi compadre* Редблад — это несомненно и ясно, как Божий день.

— Ей-ей, товарищ, ведь вы не дон Торрибио, говорите лучше обо мне!

— Да я не хочу говорить о вас дурно, *compadre*, я только удостоверяю факт, что вы до крайности суверенны, сердечный друг мой, да к тому же голова ваша полна всякого рода баснями, от которых можно стоя заснуть, и в которые вы верите, как в Бога, это знают все! Я же, со своей стороны, утверждаю, что должны существовать пути, ведущие на асиенду, если не наружные, то скрытые, подземные, какие-нибудь подземелья, ходы вполне удобные, ведущие внутрь асиенды и имеющие один или несколько выходов наружу, где-нибудь у подножия горы.

— Да, в этом может быть доля правды! — согласился метис Редблад, невольно сознавая вероятность этого разумного предположения.

— Все это безусловно верно! — решающим тоном подтвердил дон Торрибио. — Надо только найти эти выходы; их следует искать именно у подошвы этой горы.

— Да, да — но дело это далеко не легкое, вот в чем штука; уже три месяца, как я здесь караулю, шарю, обнюхиваю каждый камень и каждый куст, — и все напрасно! — сказал Матадиес.

— Я могу сказать то же самое, — подтвердил в свою очередь Редблад, — хотя добивался правды иным путем, чем вы, *compadre*.

— О, в этом я не сомневаюсь, — иронически согласился Матадиес, — но в эту ночь, я почти уверен в том, что мы что-нибудь да откроем из этих тайн.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил его дон Торрибио.

— Ш-ш! Вы ничего не слышите? — осведомился он, прислушиваясь. — Как будто что-то шевелится там в кустах, мне послышался шорох.

Они тоже прислушались.

— Нет, вы, вероятно, ошиблись! — сказали они в один голос.

— Возможно, но мне показалось, что я ясно слышу шум! Впрочем, мы увидим...

— Что же именно заставляет вас надеяться, что сегодня мы не проболтаемся здесь задаром?

— А вот что; перед закатом солнца, мимо меня проехали несколько всадников, направлявшихся в эту сторону. Куда же они могли ехать, если не на асиенду?

— Да, очевидно, они едут сюда.

— Я последовал за ними в некотором отдалении, так, чтобы не быть замеченным, и видел своими глазами, как они скрылись в этом лесу.

— Они были верхами?

— Ну, да! Очевидно, что им известны какие-то тропы, которых мы не знаем.

— А давно вы покинули их след?

— Да минут тридцать-сорок, не более!

— Но в таком случае они должны быть недалеко и, вероятно, скоро будут здесь.

— Конечно; вот потому-то мне и показалось, быть может, что я слышу какой-то шорох... да вот — слышите вы? — на этот раз шум был довольно явствен.

— Очевидно, они ничего не опасаются, потому что не принимают никаких предосторожностей, хотя не редко бывает лучшей предосторожностью вовсе не прибегать ни к каким предосторожностям. Однако, смолкнем на время и будем повнимательнее следить за ними, и будь я не Матадиес, если мы не увидим чего-нибудь любопытного!

Этот Матадиес был парень лет тридцати, худой и сухой, как жердина, саженного роста с красно-кирпичным цветом лица, неправильными резкими чертами и быстрыми маленькими, узкими глазками, серыми и живыми, вечно смеющимися, с хитрым лукавым выражением. Крупный крючковатый нос, напоминавший клюв хищной птицы, свешивался над широким ртом с узкими бесцветными губами и двойным рядом мелких, ослепительно белых зубов, острых и частых, как у гиены. Ловкий, проворный и легкий, как пантера, цепкий, как обезьяна, одаренный исключительной физической силой, хитрый, лукавый и свирепый, как настоящий апач, он представлял собой довольно любопытный тип. К тому же он был отчаянный игрок и за деньги готов был на все. Сварливый и неуживчивый, он во всякое время, не задумываясь, хватался за нож, вследствие чего и получил свое прозвище Матадиес; настоящее же имя этого человека было Хосе Камот; родился он в Уресе, тогдашнем главном городе Соноры.

Ко всем его многочисленным качествам следовало еще добавить безусловную скромность и скрытность, — ему можно было смело доверить любую тайну, — затем смелость и силу льва, и замечательную добросовестность в исполнении всех своих уговоров, в силу того, что он находил это всегда более выгодным, чем обман, но отнюдь не в силу того начала, которое некоторые люди называют совестью, а сверх всего того, глубокое и основательное знание жизни прерий. Словом, это был один из тех людей, которых некоторые ищут днем с огнем для того, чтобы сводить кое-какие счета со своими ближними, но только он любил, чтобы ему платили щедро, без этого он не соглашался и пальцем шевельнуть.

Во всем остальном это был славный и веселый товарищ, всегда находчивый и беспечный, — как человек, совесть которого спокойна и ни в чем не упрекает его, что не мешало

ему с большей готовностью пырнуть ножом друга, чем дать мельчайшую монету нищему бедняку.

Друг и приятель его Редблад, такой же кандидат на виселицу, несмотря на все свои усилия, оставался далеко позади своего приятеля и проявлял по отношению к нему безграничное восхищение и в тайне боялся его пуще грома небесного. В сущности же он ненавидел его всеми силами своей души: громкая репутация Матадиеса не давала ему спать, он страшно завидовал ему.

Таковы были в данный момент товарищи дона Торрибио де Ньебласа, вместе с которыми он теперь сидел в засаде, подкарауливая путников, о которых только что упомянул Матадиес.

Им пришлось ждать недолго.

Всадники выехали из леса. Их было человек десять или двенадцать. Все они были на добрых конях и так плотно укутаны в свои плащи, что даже и днем их лиц нельзя было бы разглядеть, тем более, что широкие поля их сомбреро были низко опущены на глаза. Единственно, что можно было разглядеть в этой темноте, так это стволы ружей и металлические ножны сабель, привешенных к поясу и блестевших при луне.

Вопреки обычаю жителей степей и вопреки всем ожиданиям Матадиеса, всадники ехали не по двое в ряд и не гуськом один за другим, как индейцы, а выехали из леса все разом, развернутым фронтом, на расстоянии приблизительно пятнадцати футов друг от друга, занимая пространство более ста шагов.

В таком порядке они подъехали к потоку, подвигаясь с опаской, шагом, с ружьями на взводе, сохраняя дистанцию, мрачные и безмолвные, как привидения или грозные тени выходцев с того света. Их кони, как видно привычные, ступали твердо и уверенно между беспорядочно разбросанными скалами, обломками гранита и всяким буреломом.

Этот странный маневр сначала удивил, затем смутил и, в конце концов, нагнал смертельный страх и ужас на троих людей, находившихся в засаде.

Всадники подъехали к потоку и готовились переправиться через него. Та группа скал, среди которых находились наши знакомцы, приходилась как раз на пути всадников, против самого центра их наступательной линии. Нельзя было терять ни минуты: следовало уйти и как можно скорее, чтобы

не попасть, как кур во щи. Растянувшись плашмя по земле, наши приятели стали уходить ползком, стараясь выбраться из линии, занятой всадниками, укрываясь то в кустах, то в тени гранитных обломков и скал. И вот наконец, после многих и долгих усилий, им удалось добраться до густой, сильно выдающейся вперед части леса и укрыться за громадными утесами.

Достигнув берега бурливого потока, всадники на минуту приостановились. Затем послышался трехкратно крик филина, которому ответил такой же крик, но только очень слабый, как бы донесшийся из отдаления.

Тогда линия всадников сомкнулась, и они тесным рядом переправились через реку.

Очутившись на том берегу, они разделились на три группы по пяти человек в каждой. Затем первая группа тронулась и быстро скрылась во мгле; минут пять спустя и вторая группа последовала за первой.

Четверть часа спустя тронулась и третья группа всадников. Матадиес готов был кинуться по их следу, но каково же было его разочарование, когда он увидел, что эти конные люди возвращаются обратно, то есть вторично переправляются через реку и направляются в лес к тому месту, откуда они выехали с полчаса тому назад, где тотчас же и скрылись.

— Ну, что вы на это скажете? — спросил Редблад, когда гнев и досада, душившие его, позволили ему наконец произнести эти несколько слов.

— Черт побери! — воскликнул Матадиес. — Я нахожу, что это ловкие парни почище нас даже! Нет, как хотите, это превосходно! И ни малейшего шума, ни малейшего подозрительного или неловкого движения!

— Я вполне понимаю ваше восхищение, сеньор Матадиес! — с досадой сказал Редблад. — Но при всем том, эти господа оставили нас в дураках!

— Да, с этим я не могу не согласиться, но что же делать? Теперь горю не пособить; надо потерпеть еще немного, быть может, в следующий раз мы будем счастливее.

Дон Торрибио молчал, что-то обдумывая.

— Вы легко миритесь с нашей неудачей.

— Да что же делать прикажете — все равно они верно порядком смеются над нами, если только они знают о нашей засаде.

— Как они могут знать об этом?

— Да почему я знаю как, но только эти парни хитры, как опоссумы, и у них всюду есть лазутчики и шпионы: может быть, их предупредили о нашем присутствии.

— Конечно, это весьма возможно.

— Что же мы будем теперь делать?

— Подождем, пока они выйдут!

— Ну, в таком случае, у нас много времени: они, конечно, выйдут иным путем, чем вошли — это простая азбука осторожности, *viva Dios!*¹

— Да, ваша правда, но что же нам делать в таком случае?

— Спокойно удалиться отсюда и расположиться на ночлег в лесу у яркого костра.

— Ну, а завтра?

— Завтра, само собой, у нас появятся завтрашние заботы! — смеясь, заметил Матадиес и, наклонясь к самому уху дона Торрибио, шепнул ему, — предоставьте мне это дело, ваша милость, мое самолюбие здесь задето за живое, но тем лучше — я этому очень рад.

— Прекрасно, пойдемте, если вы хотите, для меня безразлично! — согласился дон Торрибио, продолжая раздумывать и почти машинально отвечая на слова своих собеседников.

Все трое переправились в том же месте через поток и вошли в лес. После получасовой ходьбы они пришли к хорошенькой прогалине, довольно большой, где и расположились под большим развесистым деревом, разведя яркий костер. Матадиес по пути немного отстал от дона Торрибио и Редблада и притаился на время в кустах, — а затем нагнал их, как ни в чем не бывало.

Окончательно расположившись на ночлег, обменявшись несколькими отрывистыми фразами и покурив, наши трое знакомцев плотно завернулись в свои сарапе и собрались заснуть.

Редблад принял на себя первую очередь ночного дежурства; дон Торрибио, завернувшись в плащ, прислонился спиной к стволу дерева и, надвинув на глаза шляпу, остался неподвижен.

Спал ли он? Размышлял ли он? Никто не мог сказать, но только он не шевельнулся ни разу, точно окаменел. Редблад, поставив между ног свое заряженное ружье, закурил сигару.

¹ Слава Богу! (*исп.*)

Матадиес расположился за спиной Редблада, так что почти не мог его видеть, да он и не думал вовсе о нем.

Прошло около двух часов; на прогалинке царила мертвая тишина; дон Торрибио, казалось, спал, как выражаются испанцы *a pierna suelta*¹. Редблад мечтал, следя глазами за дымом своей сигары.

Временами он как будто прислушивался, когда какой-нибудь необычайный звук доносился до его слуха; но вскоре снова принимал свою небрежную покойную позу и ограничивался тем, что подбрасывал несколько сухих веток в огонь.

Тем временем Матадиес тихо вытащил из кустов, подле которых он расположился, какой-то длинный предмет, который он тщательно увернул в свой сарапе и уложил подле себя, так что даже на расстоянии двух-трех шагов этот предмет можно было принять за спящего человека. Сделав это, Матадиес крадучись заполз в кусты и затем скрылся в чаще леса.

Как вероятно помнит читатель, Матадиес шепнул дону Торрибио, что просит его предоставить это дело ему, и вот, теперь он собирался заняться именно этим делом.

Несмотря на все предосторожности, принятые Матадиесом, ни одно из его движений не утаилось от дона Торрибио. В тот момент, когда тот исчезал в чаще леса, молодой человек сделал было такое движение, как будто собирался встать и последовать за ним, но тотчас же изменил свое намерение и снова остался совершенно недвижим.

Мексиканец был слишком ловкий и опытный парень, слишком уже тертый калач, чтобы не угадать сразу хитрого маневра третьей группы всадников: очевидно, обеспечив благополучное прибытие к месту назначения своих товарищей, они удалились обратно в лес, чтобы сбить с толка соглядатаев и шпионов, присутствие которых они, как видно, подозревали, а затем, спустя немного времени, они намеревались или проникнуть на асиенду иным путем, или, служа только охранной стражей для всадников двух первых групп, должны были провести ночь под открытым небом, выжидая возвращения своих товарищей с асиенды.

Все эти предположения с быстротой молнии пронеслись в голове Матадиеса, — он решил во что бы то ни стало разуз-

¹ Спать как убитый (*исп.*).

нать, что случилось с третьей группой таинственных всадников.

Привычному охотнику не стоило большого труда отыскать след этих людей, идя по которому он вскоре достиг того места, где они расположились после своего мнимого отступления. Теперь он имел случай убедиться, что предположения его были почти безошибочны. Матадиес не прождал и десяти минут, как увидел, что люди эти стали подыматься и связывать свои сумки, отходя один за другим от костра, у которого ужинали. Взнуздав своих коней и собрав свои пожитки, они проворно вскочили верхом и ускакали.

— Я так и знал, что не ошибаюсь, посмотрим теперь, куда они намерены направиться?

Всадники, не подозревавшие, очевидно, что за ними следят, без малейшего промедления и нимало не задумываясь, вернулись к воладеро.

Матадиес шел все время за ними следом, надеясь, что ему удастся все разузнать.

Действительно, всадники смело въехали и стали лавировать между громадными обломками гранита, мрачными скалами и утесами, переправились через реку и затем стали сворачивать вправо.

Матадиес шел все время за ними следом, сдерживая дыхание, опасаясь произвести малейший шум; всадники ехали шагом, опустив поводья, очевидно, ничего не опасаясь и ничего не подозревая.

— Ну, на этот раз они мне попадутся в лапы! — думал он.

И вдруг чуть ли не в тот самый момент, без малейшего предостережения — тяжелый сарапе упал ему на голову, окутав ему лицо и плечи; в то же время чьи-то сильные ловкие руки схватили его, опрокинув навзничь и, несмотря на его необычайную силу, крепко и проворно скрутили его. Все это сделалось так быстро, что он не успел даже и крикнуть, впрочем, это было совершенно невозможно, потому, что сарапе, окутывавший ему голову, был завязан у него на рту.

— Эх, молодцы! Какой шустрый, разудалый народ! — шептал он про себя. — Вот это ловко!!

Несмотря на то, что сам он был в данный момент лицом страдательным и находился во власти своих противников, Матадиес, как истый артист, восхищался их удачным и ост-

роумным приемом, а каковы должны были быть для него лично последствия, об этом он мало заботился.

Затем он почувствовал, что его подняли на руки и с невероятной быстротой пронесли куда-то, но в каком направлении — он этого, конечно, не мог определить. Это быстрое движение длилось более получаса, а затем он вдруг почувствовал, что его бережно опустили на землю, и чей-то насмешливый голос прошептал ему в самое ухо:

— Досвидания! Но не приходите опять туда, помните, что любопытство — смертельно опасная штука!

Затем он услышал быстро удаляющиеся шаги, которые вскоре затихли в отдалении.

— Как видно, мы теперь прибыли к месту назначения. Куда это меня эти черти завезли? Да этот леший еще трунит надо мной. Как бы то ни было, но они готовят мне какой-нибудь сюрприз и, конечно, не совсем приятный.

Однако, кругом было совершенно тихо, казалось, он был совершенно один.

— Что бы это значило? — размышлял он. — Неужели они просто-напросто бросили меня в каком-нибудь глухом углу и больше ничего?

Подождав некоторое время и окончательно удостоверившись в том, что его таинственные неприятели удалились, оставив его одного, он попытался было разорвать свои путы.

К неопишуемому своему удивлению, однако, при первом его осторожном усилии веревки сами собой распустились, и спустя несколько минут он очутился совершенно свободным. Тогда он присел и обвел вокруг себя глазами. Каково же было его недоумение и радость, когда он увидел себя у костра, разведенного им и Редбладом на том самом месте, где он лежал часа три тому назад, бок о бок с чурбаном завернутым в его сарапе заменявшим его в его отсутствии.

— Да, черт возьми! Нечего сказать, прекрасно сыгранная штука, — но, *grao de Dios!*¹ Не я буду, если не рассчитаюсь с ними за эту проделку; я доберусь до их тайны, если даже это должно будет мне стоить жизни. На этот раз они опять одурачили меня, но я не останусь у вас в долгу, *saga!* Будьте спокойны! — думал он.

¹ Тьфу, пропасть! (исп.)

Но вот Редблад встал, отошел от костра и, подойдя к нему, сказал:

— Ну, *compadre*, теперь ваш черед караулить нас: вы уже достаточно поспали; смотрите, караульте хорошенько.

— О, будьте спокойны, *compadre*, — насмешливо ответил он, — я так прекрасно спал.

И между тем, как Редблад заворачивался в свой сарапе и преспокойно, точно в своей спальне, укладывался спать, Матадиес встал и занял свое место у костра. Ночь прошла без всяких приключений, а с восходом солнца все трое охотников были уже на ногах.

— Что мы будем делать теперь, ваша милость? — спросил Матадиес.

— Вам больше делать нечего, друзья мои! — отвечал дон Торрибио.

— То есть как это нечего? — обиженным тоном спросили мексиканцы.

— Выслушайте меня, а главное, постарайтесь понять. Я избрал вас двоих из числа всех ваших товарищей, потому что знаю, на что вы оба способны, как опытные, ловкие охотники, знающие до мельчайших подробностей все условия жизни пампасов, обычаи и нравы местных обитателей и так далее.

— Что же, вы не довольны нами?

— Напротив, я вами доволен, как нельзя более, вы даже превзошли все мои ожидания, но всего этого мало: я хотел сделать опыт, и опыт этот мне прекрасно удался. Теперь я несомненно знаю, что никакой охотник, никакой другой человек не может выследить этих негодяев; очевидно, они располагают такими средствами, против которых нет возможности бороться кому бы то ни было из вас.

— Но что же в таком случае делать, ваша милость? Вы правы, ваша милость, с этим я не могу не согласиться.

— Да, вы сами на себе испытали их ловкость и силу в эту ночь, мой бедный друг, а между тем и вы со своей стороны проявили необычайную ловкость и находчивость.

— Как, вы об этом знаете, ваша милость?

— Я все видел и все знаю, и эту отместку, которой вы вероятно, страстно желаете, я берусь доставить вам сам. Теперь я, в свою очередь, беру все это дело на себя, и я один разоблачу эту тайну, которая до настоящего времени оста-

валась недоступной для всех. Я не хвастаюсь, скоро вы сами в этом убедитесь, а пока я остаюсь здесь.

— Одни, ваша милость?

— Да, один; я не имею надобности ни в чьей посторонней помощи; что же касается вас, друзья мои, то вот возьмите это и поделите между собой, в знак моей благодарности за ваши старания, и затем отправьтесь к Твердой Руке в Охотдель-Агуа и скажите, что я тоже скоро прибуду туда.

И он вручил Матадиесу увесистый кошелек.

— Однако, ваша милость! — начал было Матадиес не совсем решительно.

— Отправляйтесь, друзья мои, я этого хочу, так надо!

— Пусть будет, как вам угодно, ваша милость; желаю вам успеха.

— Благодарю!

Затем оба охотника простились с молодым человеком и вскоре скрылись в глубине темной чаши леса.

— А теперь, — сказал дон Торрибио, как только он остался один, — теперь надо мне приниматься за дело и показать, что могут сделать буэнос-айресские растреадоры.

ГЛАВА XIII

В которой наконец проникают на асиенду дель-Энганьо

Как отлично понимает читатель, асиенда дель-Энганьо при всей своей очевидной недоступности, конечно, была вполне доступна для тех, кому были известны тайные пути и ходы, ведущие в нее. Как угадал дон Торрибио на основании всего происшедшего вчера у подножия воладеро, с той стороны, где находились в засаде охотники, был только один вход на асиенду, который был известен только одному лицу, и вот уже более двадцати лет, как никто ни разу не пользовался им, к тому же с этой стороны даже приблизиться-то к асиенде было крайне затруднительно.

Всадники, которые действовали так хитро и ловко, не пытались даже проникнуть внутрь асиенды с этой стороны, что было бы совершенно невозможно для них, так как они были верхами. Они просто, как говорится, произвели фальшивую атаку в этом направлении, с целью сбить с толка и

ввести в заблуждение соглядатаев, присутствие которых они, как видно, подозревали, рассчитывая этим ловким приемом заставить их поверить в возможность проникнуть на асиенду с этой стороны и тем самым отвлечь их от желания приняться за поиски в другом месте.

В сущности же асиенда была доступна с четырех сторон пешком и конным, даже экипажам; туда вели прекрасные широкие дороги, прекрасно содержимые, но начало этих дорог было так удачно замаскировано, так хорошо скрыто, что доискаться их не было почти никакой возможности. Впрочем, ближайшая из этих дорог находилась на расстоянии пяти миль от того места, где сидели в засаде Матадес и Редблад. Но что, главным образом, делало асиенду недоступной, так это ее обособленное, одинокое положение среди пустыни, в глуши почти непроходимого леса, вдали от всякого населенного центра, и таинственная репутация, созданная целой массой легенд, усердно распространяемых в стране и наводивших страх и ужас на краснокожих и на невежественных, суеверных охотников, которые одни только и посещали порой эти края. Кроме того, тайны асиенды никого не затрагивали, никого близко не касались, и никто не имел серьезной надобности потрудиться над разоблачением их. Вот почему асиенда в течение целого ряда столетий хранила свою тайну в полной неприкосновенности. Теперь же, когда платадос сделали ее главнейшим местом своего пребывания, складом всех награбленных ими богатств и сокровищ, когда они превратили ее в разбойничье гнездо, взгляды всего населения страны невольно обратились на асиенду, — и она стала предметом любопытства, удивления, страха и недоумения для всех и каждого; о ней заговорили, ею интересовались все, и каждому хотелось разоблачить, изучить и исследовать тайны этого здания, о котором долгое время все как будто забыли. Итак, всадники в прошлую ночь, выполнив с успехом свой хитрый маневр, вернулись окольным путем в долину и, переправившись через Рио-Салинас, ехали некоторое время легким охотничьим галопом прямо вперед, пока наконец не достигли довольно высокого, густо поросшего лесом холма, спускавшегося пологим скатом в долину. Въехав на холм, всадники вскоре очутились на прекрасной лужайке среди леса, где они соскочили с коней, дали им вздохнуть, а один из них встал на страже у опушки леса, остальные же, стреножив коней и задав им корм, завернулись в свои сарапе и, растянувшись на траве, крепко заснули.

Перед самым рассветом послышался конский топот вдали; топот этот быстро приближался, и вскоре пять человек конных прибыли на лужайку, где отдыхали их товарищи, очевидно, поджидавшие их.

Как только те въехали на лужайку, остальные десять быстро вскочили на своих коней и, не обменявшись ни единым словом, двинулись дальше.

Спустившись с холма по ту сторону, они переехали вброд безымянный приток Рио-Салинаса. На берегу в совершенно развалившемся, разрушенном ранчо, восемь пеонов ожидали всадников, имея для них наготове совершенно оседланных лошадей. В несколько секунд всадники пересели на свежих коней, а пеоны увели усталых и измученных в направлении, совершенно противоположном асиенде.

Между тем всадники продолжали путь крупным галопом; для пущей осторожности к хвостам коней были привязаны большие ветки лиственницы, волочившиеся по земле и заметавшие след лошадей. Всадники ехали не останавливаясь вплоть до темной ночи; около девяти часов вечера они наконец сделали привал, чтобы дать вздохнуть лошадям, а час спустя, снова продолжали путь.

Дорога или, вернее, тропа, по которой следовали всадники, делала множество заворотов, извиваясь во все стороны и постепенно суживалась все более и более, пока наконец не стала настолько тесной, что им пришлось ехать гуськом друг за другом и почти шагом, потому что холм, на который они теперь выезжали, имел очень крутой подъем. Спустя немного времени, между кустов и деревьев стали появляться громадные гранитные глыбы, которые постепенно сближались друг с другом и оттесняли деревья и кусты, так что всадники вскоре поехали по каменистому дну русла пересохшего потока; кони ступали по гладким, точно отполированным плитам гранита. После первых шагов всадники остановились, отвязали ветки, привязанные к хвостам коней, и сбросили в глубокий овраг, открывавшийся тут же, в нескольких шагах от русла; затем, обернув войлоком копыта лошадей, вновь сели на коней и продолжали подвигаться вперед на протяжении приблизительно полутора миль. Достигнув известного места, всадник, ехавший впереди других, вдруг резко свернул вправо и осторожно стал подвигаться по очень узкому ущелью, где едва-едва могла пройти лошадь. Ущелье это извивалось по всем направлениям, разветвляясь во все стороны, и надо было большое внимание и знание пути, чтобы

не сбиться с дороги в этом причудливом лабиринте ходов, поворотов и разветвлений. Вслед за первым, не отставая ни на шаг, двинулись и остальные.

Более двух часов всадники ехали по каменистой почве, где в ветках, заматающих след, не было никакой надобности, тем более, что кони их, по местному индейскому обычаю, были не кованные и, сверх того, копыта их были обмотаны войлоком, как мы уже сказали раньше, вследствие чего на почве не могло оставаться ни малейшего следа.

Наконец наши всадники очутились лицом к лицу с целым хаосом скал, преграждавших выход из ущелья.

Передовой спешил и, взяв своего коня под уздцы, стал медленно и осторожно подвигаться между скалами и вскоре совершенно скрылся из вида; остальные следовали за ним шаг за шагом, также ведя коней под уздцы. Последесяти или пятнадцати минут ходьбы среди этого леса скал, громоздившихся одна на другую и разметававшихся во все стороны, так что подвигаться здесь можно было лишь очень медленно и с большой опаской, весь маленький отряд достиг громадного утеса, который им пришлось обогнуть, и тогда они очутились у входа в пещеру, которую даже на расстоянии пяти-шести шагов нельзя было заметить.

Осторожно раздвинув кусты, травы и различные вьющиеся растения, совершенно скрывавшие вход в пещеру, люди один за другим вошли в нее. Пещера эта было очень высока и широка, и в одном месте путники вдруг наткнулись на нечто вроде древнего памятника друидов, сооруженного из двух громадных каменных глыб, установленных одна на другую; здесь шедший впереди других, очевидно, предводитель и начальник маленького отряда, зажег акантовый факел и приблизился с ним к стене, которую он стал внимательно разглядывать, освещая факелом каждый вершок.

— Смотрите, не ошибитесь! — сказал один из людей на ухо первому, с невольным ужасом отступая на шаг.

— Будьте спокойны! — ответил тот, улыбаясь. — Я не дотронуся до левого.

Это были первые слова, какими обменялись эти люди за все это продолжительное и трудное путешествие.

Вслед за тем, тот из них, который держал в руке факел, дотронулся до какой-то потайной пружины, и в тот же момент громадная глыба гранита отделилась от стены и, повернувшись на своей оси, ушла в землю, открывая вход —

достаточно широкий для того, чтобы могли пройти две лошади в ряд. За этим сводчатым входом или аркой виднелся бесконечно длинный подземный коридор, ведущий вверх по отлогому скату.

Когда все до единого прошли со своими конями в подземный коридор или галерею, последний дотронулся до какой-то внутренней пружины, и громадная глыба снова встала на свое место, заградив вход в подземелье. Продолжая идти этим коридором и ведя за собой коней в поводу, маленькому отряду пришлось еще два раза открывать себе дорогу, смещая посредством потайных пружин то большие каменные плиты, то целые части утесов, но наконец, после часового странствования по тайному подземелью, они увидели у себя над головой прозрачное небо, искрящееся мириадами ярких, мерцающих звезд, а вслед за тем очутились в густой чаще кедрового леса, поросшего кустарником и лианами.

То отверстие, через которое они вышли из подземелья, было совершенно незаметно и окончательно скрыто кустами и деревьями. Здесь наш маленький отряд проворно вскочил на коней и, крупной рысью миновав лес, выехал на громадную площадь, поросшую множеством отдельных групп деревьев, кустов, цветов всякого рода, а шагах в пятидесяти впереди себя они увидели ясно вырисовавшееся на прозрачном фоне неба громадное и величественное здание, ярко освещенное сверху донизу и окруженное со всех сторон роскошной уэрттой, которого снизу, то есть из долины, от подножия воладеро было совсем не видно.

Вся уэрта была кругом обведена глубоким рвом, причем земля, выброшенная из него землекопами за грань уэрты, образовала высокий вал, за которым возвышались высокие каменные стены, имевшие около десяти футов толщины. Зубчатые стены эти были лишь на два фута выше земляного вала, благодаря чему, принимая во внимание множество выступов и углублений крепостной стены, асиенда дель-Энганьо могла действительно считаться неприступной крепостью и, в случае надобности, выдержать самую серьезную осаду, чего, впрочем, нечего было опасаться вследствие ее совершенно неприступного положения.

При шуме приближения маленького отряда в стене открылся тайник, и в нем показался человек, который окликнул приезжих.

Всадники тотчас же сдержали своих коней и остановились, как вкопанные на месте, а начальник их, ехавший

впереди, подъехал ближе и громким, отчетливым голосом произнес:

— Los Hijos de la tuna, busaen socorro, en su necesidad. — Дети кочующего племени ищут помощи в нуждах своих.

— La tuna no da frutos en esa altura¹ — туна не дает плода на такой высоте, — насмешливо отвечал человек из тайника.

— Si cuando hay plata; somos plateados de la cabeza a los pies y los fenemos a la francesa. — Нет, дает, когда есть серебро, а мы посеребрены с головы до пят и готовы служить вам.

— Pues que es así seum lesti des los bien llegados en esa casa caballeros. — Если так, то добро пожаловать в этот дом, господа! — ответил страж с низким почтительным поклоном.

После того тайник захлопнулся, и человек скрылся за стеной, а в следующий момент тяжелый подъемный мост, скрипя своими цепями, опустился и перекинулся через ров. Всадники крупной рысью проехали мост и увидели себя в прекрасной сводчатой аллее гигантский кедров, столь тенистой, что даже в самое жаркое время дня туда не проникали лучи солнца. Аллея эта упиралась в глубокий ров, еще гораздо глубже первого, обведенный второй высокой каменной стеной сильно укрепленной, но здесь подъемный мост был спущен, и всадникам не пришлось останавливаться и вступать в предварительные переговоры; они прямо въехали на широкий чистый двор, по обе стороны которого тянулись службы, конюшни, сараи и всякие надворные постройки. Посреди этого двора возвышалось высокое белое мраморное крыльцо с широкими пологими ступенями, спускавшимися на обе стороны, и с чугунными перилами; на ступенях крыльца стояли слуги с зажженными факелами и будто ожидали приезжих, а около крыльца толпились другие слуги — пеоны, готовые принять лошадей и отвести их в конюшни, расположенные довольно далеко от патио².

Только четверо из прибывших поднялись по широкой мраморной лестнице крыльца, остальные же остались во дворе, смешавшись с пеонами и слугами.

¹ Туна (tuna) — означает в переводе: бродячая, кочевая жизнь и в то же время это есть название особого рода мексиканской смоковницы или, как ее еще называют, индейской смоковницы; вследствие этого двойного значения получается игра слов на испанском языке, не переводимая на русский. — *Примеч. перев.*

² П а т и о — внутренний двор.

Если асиенда дель-Энганьо из долины и от подножья во-
ладеро производила впечатление свиного гнезда, и мысль,
что она обитаема, невольно возбуждала и удивление, и не-
доверие; если даже с громадной площади, на которой, как
грозный призрак, возвышалось это мрачное, величавое зда-
ние, она производила впечатление неприступной крепости,
то едва вы переступите порог поднавеса, как впечатление
разом менялось; вы видели себя среди грандиозного и по-
истине роскошного дворца, богатство, роскошь и изыскан-
ность обстановки которого, без сомнения, затмили бы не
только самые роскошные дворцы Мексики, но и дворцы глав-
ных городов Европы.

Длинный ряд поколений скопил здесь все эти сокровища,
редкости, ценности, картины великих мастеров испанской,
итальянской, фламандской, голландской и английской шко-
лы, ценность которых достигала нескольких миллионов,
старинные бронзы, хрустали, фаянсы и фарфоры, ценные
статуи и гобелены, ковры, меха, скульптуры и редкое ору-
жие виднелись повсюду. Эта роскошь была серьезная, солид-
ная, почтенная — та роскошь, которую мы можем встретить
лишь в редких исторических замках и дворцах Франции,
Англии и Испании, но о которой не имеют понятия наши
современные крезы — выскочки, царьки финансового мира.

Вся эта роскошь, все эти богатства являлись плодами ста-
раний и забот прежних поколений, теперешний же владелец
асиенды не внес сюда ни единой крохи, не вбил, как говорит-
ся, в стену ни одного гвоздя; все скопленные им богатства
имели только денежную ценность, но отнюдь не являлись
произведениями искусства; бандиты не имеют времени быть
меценатами — им нужна лишь нажива. Его богатства лежа-
ли, сваленные в кучу, в особо приготовленных и построен-
ных для них складах и магазинах.

При входе в поднавес приезжих встретил высокий, худо-
щавый человек.

— А, это вы, Наранха! — сказал один из четырех гостей. —
Ну, что нового?

— Ничего, сеньор дон Бальдомеро! — ответил самбо. —
Вас ожидают здесь с величайшим нетерпением.

— Я это знаю! — отвечал тот, которого называли дон Баль-
домеро. — Но я раньше не мог явиться, ведите же нас скорее
к вашему господину!

Самбопочтительно поклонился и зашагал по ряду роскошно убранных комнат; наконец, откинув голубую бархатную портьеру, отворил дверь, затем откинул вторую тяжелую портьеру и, сторонясь к притолоке, доложил:

— Сеньор дон Бальдомеро де Карденас и трое других кабальеро!

Дон Бальдомеро был человек средних лет, с тонкими чертами и умным, проницательным взглядом насмешливых, живых глаз, скрывавшихся за очками в тонкой золотой оправе, роста высокого, не толст и не худ, с изящной и приветливой манерой и голосом, не только мягким, но, пожалуй, даже немного слащавым, которому он, однако, умел придать большую выразительность. На нем был костюм богатого ранчero и много разного оружия.

Другие два его товарища, хотя носили то же платье, как и он, но во всей фигуре и выправке их проглядывало нечто военное; это были Корнелио Кебрантадор и дон Кристоаль Паломбо.

Четвертый из прибывших был маленького роста, толстенький человек с обезьяньей физиономией, красный, как пион, вечно сопящий, вечно движущийся и суетящийся, проворный и вертлявый, как мартышка, с хитрым лицом, громадными, грубыми руками и такими же ступнями, прикрепленными к изумительно тоненьким ножкам; звали его дон Бальтасар Турпид.

Комната, в которую ввел этих четырех лиц Наранха, представляла собой богатый рабочий кабинет, в котором на турецкой софе полулежали с тонкими маисовыми папиросками в зубах двое мужчин.

Один из них был сам хозяин дома, дон Мануэль де Линарес де Гуайтимотцин, а другой — молодой человек лет двадцати пяти, красивой наружности, принадлежащий к одной из богатейших фамилий провинции Чиуауа, — был старший или главный алькальд и начальник полиции города Урес, бывшего в то время столицей Соноры.

Этот молодой человек слыл за усердного поклонника доньи Санты и, как говорят, ухаживал за ней с разрешения и одобрения дона Мануэля, опекуна молодой девушки; кроме того, он был усердным и весьма полезным сообщником и союзников платеадос.

Когда им доложили о приезде дона Бальдомеро, оба мужчины встали со своих мест и сделали несколько шагов навстречу приезжему.

— Добро пожаловать, друг мой! — весело приветствовал его дон Мануэль. — И вы также, — сказал он, обращаясь к остальным. — А! Кого я вижу! — продолжал он. — Да это дон Бальтасар Турпид! Честное слово, не верю своим глазам, ведь это самый отъявленный домосед во всей республике, который только раз за всю свою жизнь съездил из Мехико до Пуэбло-де-Анхелос — и то чуть было не заболел от такого путешествия!

— Да, это я, дон Мануэльде Линарес, и на этот раз уверен, что умру.

— Сагау! Я надеюсь, что нет, но что же могло вас заставить нарушить ваши привычки?

— Да то, сеньор *mi amo*, что дает ноги и старым, и молодым, то есть необходимость!

— Ну, обо всем этом после! — сказал дон Бальдомеро. — Теперь уж более двух часов ночи, а мы ведь с девяти утра не имели крохи во рту: я положительно умираю с голода.

— Неужели? Но скажите, почему вы приехали только сегодня и так поздно ночью, мы ведь ожидали вас еще вчера.

— Да мы так и рассчитывали, но нам по пути дали знать, что за нами следят, и нам пришлось сбить их со следа, что было нелегко, так как пришлось иметь дело с самым ловким бандитом всей саванны.

— Однако вам все-таки удалось провести его?

— Отлично! Благодаря находчивости дона Корнелио, мы теперь, кажется, надолго отделаемся от них.

— На это не рассчитывайте! — возразил дон Корнелио. — Я знаю этого Матадиеса, это настоящий демон хитрости и коварства, и мы так зло провели его сегодня, что он, наверное, захочет отомстить нам.

— Хм! Господь с ним, лишь бы подали ужин! — сказал дон Бальдомеро.

— Потерпите немного: уже готовят *medianoche*¹.

В этот момент на пороге показался Наранха и произнес:

— Ужин подан.

— Ну, слава Богу! — воскликнул дон Бальдомеро. — Право же, этот Наранха очень смысленный парень; жаль только, что он так безобразен.

— Всего не возьмешь, что прикажете делать! — тем же тоном отозвался дон Корнелио.

¹ Медианоче, то есть полуночник. — *Примеч. перев.*

Все рассмеялись и прошли в столовую, ярко освещенную и обставленную с чисто царской роскошью. На столе был подан сытный и вместе с тем изысканный ужин в несколько перемен.

Сначала все весьма усердно работали ножами и вилками — особенно дон Бальдомеро, не забывая в то же время осушать рюмки и стаканы. Когда все утолили голод и с видом несомненного довольства откинулись на спинки стульев, кто попивая маленькими глоточками вино, кто небрежно играя своим прибором или оглаживая салфетку, тогда внесли кофе и ликеры, а также сигары и папиросы, по знаку дон Мануэля все слуги тотчас же удалились. Остался один Наранха, но тот, в качестве не только доверенного лица, но и соучастника, был скорее другом, чем слугой, и на этом основании, конечно, имел право слышать и знать все.

— Ну, господа, разливайте ликеры, раскуривайте сигары и затем побеседуем: дон Бенито де Касональ и я сгораем от нетерпения услышать вести, которые вы нам привезли.

— Вестей немало, и к тому же они весьма важны! — сказал дон Бальдомеро. — Хотя я лично немного имею сказать. Дон Бальтасар Турпид писал мне о том, что в скором времени прибудет на вашу асиенду дель-Пало-Квемадо. Я поспешил и сам туда явиться, тем более, что для меня казалось ужасно необычайным то, что дон Бальтасар решил выехать из Мехико. Чтобы решиться на такое дальнейшее путешествие, дону Бальтасару необходимы были довольно веские причины, и это встревожило меня.

— Скажите, видели вы полковника? Ну, что он?

— Все так же тверд и прям, как дуб: нестареет ни на йоту, хотя участвовал во всех походах и сражениях войны за независимость.

— По-прежнему все продолжает играть и пить?

— Да, это, в известных случаях причиняет нам немало хлопот и возни.

— Он, очевидно, был неприятно поражен, увидев меня?

— Я это отлично понимаю: он почувал ловушку.

— Сразу, и потому-то мне ничего и не удалось сделать, и знайте, что нам никогда не удастся переманить его на нашу сторону.

— Это, признаюсь, меня очень огорчает.

— На асиенде я застал дон Бальтасара и перед отъездом своим оттуда приказал привести асиенду дель-Пало-Квемадо в готовность к обороне.

— Прекрасно, что же дальше?

— Остальное вам объяснит дон Бальтасар, друг мой. Я же присоединился к нашим уважаемым союзникам и друзьям, дону Кристобалью Паломбо и дону Корнелио Кебрантадору, которые ожидали меня с приличным эскортом вполне надежных людей, с которыми мы и прибыли сюда.

— Надеюсь, что об этих людях позаботились! — сказал дон Мануэль, глядя на Наранху.

— Я сам присмотрел за тем, чтобы они ни в чем не имели недостатка, сеньор *мí* ато! — почтительно ответил самбо.

— Ну, а теперь очередь за вами, дон Бальтасар Турпид. Что вы нам скажете?

— Вот, видите ли, кабальеро! — начал маленький человек, опершись на стол и раскуривая сигару, сопровождая свои слова и действия разными гримасами, — прежде всего я считаю нужным объявить вам, что недели три тому назад в Мексике произошло весьма серьезное прононсиаменто.

— Как! Пронунсиаменто! — воскликнули все присутствующие почти в один голос, с выражением изумления на лицах. Не то, чтобы это событие казалось им чем-то невероятным, — нет! В Мексике ко всякого рода революциям давно уж все привыкли, но просто потому, что, живя в этой глуши, они уже более двух месяцев не имели никаких сведений о политических событиях внешнего мира и столицы республики.

— Да, кабальеро, прононсиаменто! И весьма серьезное, доложу вам! — продолжал он, гримасничая пуще прежнего. — Менее чем в два часа существующее правительство было низвергнуто и заменено другим, которое тут же и было утверждено. Но что печальнее всего в этом деле для нас, так это то, что теперь во главе правления, у кормила, стоят люди наиболее враждебные нам.

— Сагау! — воскликнул дон Бальдомеро. — Это нам обойдется дорого.

— И что же, это новое правительство прочно? Опирается на сильную партию? — осведомился дон Мануэль, видимо встревоженный этой вестью.

— Нельзя сказать, чтобы оно опиралось на очень сильную партию; но все же можно быть вполне уверенным, что это новое правительство продержится с полгода, если не более.

— В таком случае, это чистая пагуба.

— Нет, не совсем, но положение серьезное, даже очень, этого я скрывать не стану. Враги наши интригуют повсюду, они вертятся, как черви в святой воде, как бесы перед заутреней. Мало того, они уже успели нанести нам несколько

довольно серьезных уронов, но, к счастью для нас, у них нет золотого ключа, которым все отпирается; в их распоряжении одни только надежды и обещания, а вы сами знаете, что значат обещания в суде.

— Какие же неприятности причинили они нам?

— Две весьма серьезные: во-первых, дон Порфирио назначен губернатором провинции Сонора.

— Сагау! Это, вероятно, дорого ему обошлось.

— Да, двадцать пять тысяч пиастров.

— Чистоганом?

— Ну, да! В этих делах в кредит не верят.

— Да, но, говорят, дон Порфирио разорен до нитки.

— Быть может, вы ошибаетесь, и он не так уж разорен, как вы полагаете.

— Что касается лично меня, то я ничего об этом не знаю, я повторяю только то, что говорят.

— Кто?

— Все.

— Ну значит и никто — смотрите, не доверяйте тому, что говорят! — сказал дон Бальдомеро, — то, что говорят, далеко не всегда бывает верно.

— Ну, все равно, важно знать только, какими судьбами он добыл эту сумму.

— Да очень просто: под свою подпись на три месяца срока под залог его двух домов, которые он имеет в Мехико — он получил двести тысяч пиастров.

— Что за дурак банкир, который устроил с ним это дельце!

— Это я, господа! — с глуповатым видом заявил рассказчик.

Все присутствующие невольно вскрикнули от изумления.

— Под этим должна быть какая-нибудь подкладка! — сказал дон Мануэль, покачивая головой.

— Сагау! — воскликнул дон Бальтасар, — всегда и везде есть какая-нибудь подкладка!

Перст Божий

ГЛАВА I

Как дон Бальтасар Турпид понимал дела

он Бальтасар Турпид медленно смаковал стакан прекрасного французского коньяка, настоящего старого *fine champagne*, и ногтем мизинца смахивал пепел со своей сигареты.

— Вы говорили о вторичной неудаче, которую нам пришлось потерпеть, — заметил дон Мануэль после минутного молчания.

— Гм! Действительно, — небрежно ответил дон Бальтасар, — и даже очень важной неудаче: дон Фабиан Торрильяс де Торре Асула назначен министром юстиции.

— Друг дона Порфирио Сандоса?

— Он самый!

— *Voto a Brios!*¹ — воскликнул дон Бальдомеро. — Только этого не доставало, чтобы совсем доконать нас! И эта идея...

— Какая?

— Да эта ссуда денег! Вы просто сумасшедший!

— Я? Ничуть не бывало!

— Но это, вероятно, была шутка, мой друг?

— Я не имею обыкновения шутить в делах, — ответил дон Бальтасар серьезно. — Раз мне предоставляется возможность устроить выгодную сделку, на то я и банкир, чтобы не упустить ее.

¹ Клянусь святыми мощами! (исп.)

— Это правда; но снабжать деньгами нашего смертельного врага!..

Дон Бальтасар пожал плечами и сделал презрительную гримасу.

— Вы ничего не понимаете в этих спекуляциях; я же в этом деле выигрываю двести, а может быть, и триста процентов! Надо быть дураком, чтобы не воспользоваться им.

— Но каким образом дон Порфирио, этот старый плут, обратился именно к вам?

— Разве вы забыли, что все, не исключая и донна Порфирио, считают меня вашим врагом?

— А теперь он, наверное, окончательно убедился в этом мнении, найдя в вас такую готовность услужить ему!

— Именно этого-то я и добивался и теперь торжествую: у нас установились с ним личные отношения.

— Однако, мой друг, вы нас всех морочите. Право, вы очень милы! — сказал дон Мануэль, нахмутив брови.

— Как вы любезны, — ответил дон Бальтасар, наклоняя голову с комической гримасой. — Дамы до сих пор повторяют мне иногда тот же комплимент!

— И что это за человек, черт побери! На него и рассердиться невозможно! — воскликнул дон Мануэль, стукнув кулаком по столу.

Все рассмеялись.

— Но, несчастный, — начал опять дон Мануэль, — вы вообразите, что ведь мы теперь все ставим на карту. Вся наша сила в нашем богатстве и нищете этих прощелыг. Им негде достать какую-нибудь тысячу пиастров, а вы настолько глупы, что даете им целых двести тысяч!

— Да я дал бы им вдвое больше, если бы они попросили меня!

— Новедь это безумие! — вскричал дон Мануэль в ярости.

— Не волнуйтесь так, дон Мануэль, — вмешался в разговор дон Бальдомеро. — Я начинаю понимать комбинацию донна Бальтасара и вполне разделяю его мнение.

— Как, вы согласны с...

— С доном Бальтасаром? Безусловно!

— Пусть он объяснится! — резко произнес дон Корнелио Кебрантадор.

Дон Мануэль из осторожности вынужден был уступить своим сообщникам; затаив гнев, он внешне выглядел спокойным.

— В таком случае, — сказал он, — пусть объясняется; я просто теряю голову среди тех несообразностей, о которых этот черт говорит уже целый час, точно насмехаясь над нами.

— Никогда еще я не говорил более серьезно, чем в настоящую минуту, милый сеньор, — ответил дон Бальтасар, — и если бы вы не перебивали меня, то давно бы уже все поняли.

— Так говорите же, я не произнесу больше ни слова!

— Давно бы так. Прошу у вас только пять минут внимания. Надеюсь, что ваше терпение не истощится.

— Слушаю, но прошу вас, милый сеньор, быть на будущее немного терпеливее. Наше положение известно вам лучше, чем кому бы то ни было. Следовательно, мы с вами оба прекрасно сознаем, что, невзирая на обширный круг наших связей, на большую численность наших единомышленников и те высокие посты, которые многие из них занимают в обществе, в армии или торговле, наше господство не продлилось бы и полгода во всякой другой стране, менее эксцентричной, чем наша. Достаточно какой-нибудь случайности — все пойдет прахом, и мы погибли!

— Однако вот уже скоро двадцать лет, как положение дел остается тем же и наше могущество лишь возрастает с каждым днем! — с иронией сказал дон Мануэль.

— Потому что мы в Мексике, где все идет вразрез с логикой; явная бессмыслица здесь будет иметь успех. К тому же, до сих пор на нас никогда серьезно не нападали.

— Именно вследствие наших связей и массы наших сообщников, рассеянных не только по городам, но даже и по деревушкам.

Дон Бальтасар пожал плечами, заметно разволновавшись и гримасничая невозможным образом:

— Но вы просто дурак! — сказал он грубо.

— Что?! — выпрямился дон Мануэль.

— Да, вы дурак, и я сейчас докажу вам, что прав. Вы воображаете, что наши связи, установленные нами такой дорогой ценой, и наши союзники выгородят нас в минуту опасности?!

— А как же иначе! Для чего же мы и принимали их в свое товарищество?

— Это вы их принимали, но не мы. Восстановим факты, пожалуйста!

— Чего ради, не понимаю!

— Это важнее, чем вы полагаете, милый сеньор! Повторяю вам, только вы один устроили этот союз, но не мы. Большинство из нас, и я первый, противились вашему образу действий. Но вы настаивали на своем — и глупость была сделана. По справедливости, следовало бы оставить вас на произвол судьбы. Но если бы речь шла только о вас, я и не подумал бы изыскивать средства, чтобы выгораживать вас из того неприятного положения, в котором вы очутились. Но, к несчастью, вина одного из нас падает на всех остальных, и ваша гибель губит в то же время и всех нас; вот почему я и стараюсь не для вас, а для всего товарищества.

— Однако пока что вы ничего не объясняете, а только изводите нас. Одними оскорбительными заявлениями вы ничего не докажете!

— Потерпите, я начинаю. Во-первых, да будет вам известно, что все эти единомышленники сделаются нашими лютыми врагами, лишь только узнают о нашем падении; более того, они сами же донесут на нас, куда следует, чтобы вовремя оправдать самих себя.

— О-о! Вы преувеличиваете, сеньор!

— Вы так думаете? Ну, так знайте же, что они не дремлют и доносы на нас в полном ходу, в самой Мексике.

— Не может быть! — воскликнул дон Мануэль в ужасе.

— Я говорю вам сущую правду!

— Значит, все кончено, мы погибли!

— Не совсем еще; но это может случиться, если мы тотчас же не примем надлежащих мер.

— Что же нам делать! *Valgame Dios!*¹ Что делать?

— А-а! Наконец-то вы поняли! Много же времени вам понадобилось для этого!

— Обвинения ваши теперь неуместны; нам некогда терять времени. Раз вы явились сюда, значит, у вас есть средства спасти нас.

— Очень может быть! — сказал банкир со зловещей усмешкой.

— Какое же это средство?

¹ Боже мой! (*исп.*)

— Вы скоро узнаете, но сначала позвольте изложить вам план действия наших врагов, план в высшей степени гениальный, а потому и опасный для нас.

— Я не понимаю вас. Нашему союзу грозит опасность, и моя обязанность защитить его.

— Вот вы и ошибаетесь. Нападают не на союз, а лично на вас.

— На меня? По какому же поводу?

— Просто удивительно, милый дон Мануэль, как ваша память слабеет с каждым днем! Неужели вы забыли о своих старых грешках, как, например, о детях, вверенных вашей опеке, о наследстве, данном вам на хранение, и о некоторых статьях известного вам завещания? Да мало ли еще чего!

— Что же, я сумею вывернуться, не беспокойтесь.

— Верю вам; ну, а потом?

— Как, потом?

— Да раз выплывет это дело, то ваши враги употребят все средства, чтобы обеспечить себе успех. А разве вы не боитесь, что ваш знаменитый союз платеадос, представителем которого вы являетесь, дает вашим противникам немало-важные аргументы для улик против вас? Но наши враги не решились рисковать огромной суммой денег, необходимой для возбуждения процесса в Мексике, зная, кроме того, что у нас имеются приверженцы не только в министерствах, но даже среди приближенных самого президента? Таково было положение дел, когда пронунсиаменто все изменило, низвергнув наших друзей и заменив их врагами.

— Пронунсиаменто, которому они, конечно, содействовали.

— Изю всех сил; это был их единственный шанс на успех.

— Действительно!

— Очень рад, что вы согласны со мной. И лишь только новый образ правления вошел в силу, дон Порфирио Сандос, который, надо отдать ему справедливость, по своему недюжинному уму и неутомимой энергии является для нас опаснейшим врагом, начал с того, что провозгласил себя правителем Соноры; вы понимаете, для какой цели?

— Viva Dios! Ради того, конечно, чтобы взять силой то, чего он не мог добиться по праву.

— Не будем говорить о праве, раз мы сами не признаем его, хотя в ваших словах есть доля правды: владение стоит титула в штате, столь отдаленном от центра.

— В особенности, когда имеешь власть губернатора этого штата, — заметил дон Бальдомеро, — и можешь распоряжаться войском и судами.

— Совершенно верно, — возразил дон Бальтасар, гримасничая, — но чтобы достичь столь блестящего результата, то есть чтобы отомстить сеньору дону Мануэлю и уничтожить грозный союз платeadос, нужно немало денег.

— А у дона Порфирио их совсем не было! — воскликнул дон Мануэль, потирая руки.

— Никому не известно наверняка, что есть у дона Порфирио и чего у него нет. Этот хитрый индеец всегда себе на уме: у него ничего не выведает; достоверно лишь то, что вот уже несколько лет как он слывет за вконец разорившегося человека. Одним словом, он решился заложить свои мексиканские поместья, единственные, которые у него остались, а также и свою асиенду дель-Пальмар. Я следил за ним не переставая и подал ему мысль обратиться ко мне, чем он и воспользовался; я изъявил готовность выручить его и сделал вид, что рад случаю сыграть с вами злую шутку, так как все убеждены, что я ваш враг. Но вместо шестидесяти тысяч, которые ему хотелось получить за дель-Пальмар, я предложил ему двести, но не в виде займа, а как плату за его владения, которые таким образом переходят в мою собственность. Дон Порфирио согласился не сразу, но я настаивал, и он уступил на следующих условиях: асиенда дель-Пальмар и мексиканский дворец заложены в мои руки; если через два месяца, считая со дня подписания акта, дон Порфирио не заплатит мне целиком всей суммы, а также процентов — в общей сложности двухсот тридцати тысяч пиастров, — то все его владения окончательно перейдут в мои руки.

— О-о! Но...

— Я еще не кончил; слушайте дальше!

— Посмотрим, посмотрим!

— При недостатке же денег дон Порфирио может расквитаться со мной, возвратив мне известное вам завещание и письменно обязуясь в будущем отказаться от всяких преследований по этому делу дона Мануэля де Линареса и вообще от всех нападков на него прямым или иным способом, по какой бы то ни было причине.

— Вы мастерски провели это дело! — в восторге воскликнул дон Бальдомеро.

— Дело сделано прекрасно, — проговорил дон Бенито де Касональ.

— Да, действительно, вы хорошо придумали! — сказал дон Корнелио Кебрантадор.

— Договор подписан? — спросил дон Кристобаль Паломбо.

— Пять дней тому назад! — отвечал дон Бальтасар со своей гримасой, на этот раз ужаснее обыкновенного.

Дон Мануэль с неописуемым удивлением смотрел на своих друзей.

— Все, что мне ясно из этого дела, — проговорил он наконец, — это то, что у нашего врага не было ни одного реала¹, а теперь...

— Он от этого решительно ничего не выиграл! — прервал дон Бальдомеро сердитым голосом.

— То есть, как же это? Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что случилось именно то, что я предвидел. Сначала ему пришлось отделаться от неотложных долгов; затем, чтобы придать своему положению известный блеск, ему понадобилось обзавестись экипажами и прочее. Шестьдесят тысяч пиастров у него исчезли в один миг. Затем, необходимо было нанести визиты членам правления, чтобы заручиться их позволением действовать по своему усмотрению, с полной безопасностью. Таким образом, в данную минуту в кассе сеньора дона Порфирио Сандоса, губернатора Соноры, не найдется и сорока тысяч пиастров.

— А-а! И больше никаких ресурсов! — воскликнул дон Мануэль. — В самом деле, милейший сеньор, вы все устроили просто прекрасно. Примите мои извинения; право, вы оказались очень ловким человеком.

— Благодарю, сеньор, но это еще не все! — сказал дон Бальтасар.

— Что же еще?

— Вы предоставили мне полную свободу действий?

— Да.

— В таком случае, я вполне воспользовался ею.

— Каким образом?

¹ Р е а л — мелкая испанская монета.

— Новый министр финансов, зайдя ко мне, стал жаловаться на плачевное состояние казны и крайнюю необходимость для правительства иметь деньги на текущем счету. Тогда я ответил ему, что несколько месяцев тому назад в Соноре появился негодяй, который своими происками причиняет огромный вред жителям этой страны, страдая их угрозами и так далее, что этот субъект, прозывающийся доном Торрибио де Ньебласом, вовсе даже не мексиканец, что это мой враг, ограбивший две мои асиенды, и что я рад был бы избавиться от него как можно скорее. Потом я так повел дело, предложив министру восемьдесят тысяч пиастров без процентов, что тот пожал мне руку, сказав, что мое заявление правильно и что он обратит на него должное внимание. Ну, что вы об этом думаете?

— Я в восторге от ваших действий; вы ловко отразили удар, который нам собирались нанести.

— И в довершение всего у меня в портфеле имеется бумага, подписанная президентом республики и министром внутренних дел, уполномочивающая меня арестовать дона Торрибио де Ньебласа и дающая право употребить силу в случае нападения.

— Это полномочие у вас?

— Вот оно, — сказал банкир, вынимая бумагу из портфеля и передвая ее дону Мануэлю.

Последний поспешно схватил ее и быстро пробежал глазами.

— Эге, да вам выдали настоящий карт-бланш! — радостно воскликнул он.

— Почти что так! — ответил дон Бальтасар с видимым спокойствием.

— Не почти что, а точно, взгляните сами!

— Ну, положим, что точно! Я спорить с вами не буду. Значит, вы теперь довольны?

— Я восхищен, так будет вернее; не знаю, как и благодарить вас! Немало же вам пришлось похлопотать!

— Хлопоты-то что, главное — наш успех!

— Успех нам обеспечен!

— Вы думаете?

— А как же, ведь факты налицо... Вам эта бумага обошлась, вероятно, очень дорого?

— Нет, не особенно, тысяч в двадцать пиастров, не больше.

— Да это, в сущности, пустяки!

— И я того же мнения. Но, — прибавил он с гримасой, наподобие обезьянней, как если бы та проглотила неспелый фрукт, — в уголке моего портфеля есть другая бумага, которая стоила мне несколько дороже.

— Как, еще бумага?! Да вы начинены ими, что ли? — рассмеялся дон Мануэль.

— Эге! Знаете, человеческая природа ненасытна, и я не мог устоять перед последними расходами.

— Какими расходами?

— За бумагу, о которой я сейчас говорил.

— Прекрасно; и вы говорите, что она стоила дорого?

— Страшно дорого, сеньор, но я не раскаиваюсь.

— Сколько же вы заплатили за нее?

— Увы! Целых девяносто тысяч пиастров.

— Сагау! Это действительно дорого.

— Вот вы уж и осуждаете меня!

— Я? Нисколько! — с живостью воскликнул дон Мануэль. — Если бы вы истратили вчетверобольше, и то я нашел бы, что вы отлично сделали. Разве я не убежден в вашей преданности товариществу и дружбе ко мне? К тому же, вам предоставлен карт-бланш, которым вы можете пользоваться, пока вам это нравится.

— В таком случае, сеньор, я не хочу больше играть с вами, как кошка с мышью, — сказал банкир, вытаскивая из портфеля бумагу. — Вот что я вам припас напоследок. Надеюсь, что, прочитав содержимое этого рескрипта, вы не будете сожалеть о девяноста тысячах пиастров.

Дон Мануэль дрожащими руками развернул бумагу и пробежал ее глазами.

— Voto a Brios! — вскричал он с жаром. — Это невозможно!

— Что невозможно, дорогой сеньор? — спросил дон Бальтасар с гримасой.

— Как? Я назначен алькальд-майором¹ Уреса!

— Столицы штата Соноры, если я не ошибаюсь.

— Ваша правда; но вы же просто гений, mil Rayos!²

¹ Алькальд — майор — главный городской судья.

² Тысяча молний! (исп.)

— Вы понимаете, дорогой сеньор, что мы не могли спокойно ждать того удара, который нам готовил дон Порфирио Сандос; он — губернатор Соноры, а вы — алькальд-майор Уреса. Он располагает войсками, а вы — судом и расправой. Что вы на это скажете?

— Наше дело выиграно!

— Я того же мнения; только, если позволите, я вам дам совет.

— Говорите, говорите! Все, что вы придумаете, превосходно!

— Извольте; после поступайте, как вам заблагорассудится. Дон Порфирио ничего не знает из того, что мной сделано и чего я добился для вас. Поддерживайте его в этом неведении как можно дольше, примите свои меры, не теряя времени, но так, чтобы все оставалось тайной. Дону Порфирию не устроиться раньше восьми—десяти дней; значит, вы можете действовать энергично, тем более, что теперь он не может напасть на вас.

— Я сам нападу на него.

— Напротив, берегитесь этого, вы можете испортить все дело. Ждите его атаки, а потом разом откройтесь и прижмите его. Это будет легко, так как все меры предосторожности будут приняты вами заблаговременно.

— Вы рассуждаете благоразумно.

— Пусть наш враг первым сбивается с пути, пусть он объявляет гражданскую войну, этим он навлечет на себя вину, так как нарушит порядок, который вы поддерживаете.

— Этот план превосходен! — воскликнул дон Бальдомеро. — Я охотно присоединяюсь к нему.

— Но мы должны сохранить все в тайне и действовать с большой осторожностью, — заметил дон Бальтасар, — только так мы и можем добиться успеха.

— Благодарю за совет, сеньор, я в точности исполню его, — сказал дон Мануэль, от души пожимая ему руку.

— Дело предстоит трудное, — сказал дон Бальтасар. — Когда поймают ягуара, он защищается до тех пор, пока не издохнет.

— Ну, мы поступим с нашими врагами, как с ягуарами на облове.

— Но врагам рисковать нечем, они не постоят ни перед чем, значит, мы должны ожидать с их стороны всего, чего угодно.

— Да, да, эта последняя схватка будет ужасной; но лучше покончить со всем разом.

— Что вы думаете делать? — спросил дон Бальдомеро.

— Я уже сказал вам, что намерен последовать совету дона Бальтасара и не терять ни минуты, так как наше спасение заключается в этом. Но для спокойствия нам необходимо разделить обязанности.

— Я, — сказал дон Бальтасар, — тут бесполезен как банкир. А вот в Мексике мои услуги могут вам пригодиться, там я буду следить за нашими врагами, предотвращать измены и доносы на нас.

— Совершенно верно. Когда вы хотите ехать?

— С рассветом.

— Прекрасно! А вы, дон Бальдомеро?

— Дон Корнелио, дон Кристоаль и я — мы будем подбод-
рять наших друзей и вербовать всех пиратов и бродяг.

— Хорошо. Далее, дон Бенито де Касональ и я отправимся после вас в Урес, где наше присутствие необходимо. Итак, завтра рано утром, или, вернее, через несколько часов, так как теперь уже четыре часа утра, каждый из нас поедет в свою сторону.

— Э-э! — вскричал дон Бальтасар. — Ведь я не лесной бродяга, дорогой сеньор!

— Не беспокойтесь об этом, милейший дон Бальтасар! Я дам вам, мой друг, конвой, который будет сопровождать вас и покинет лишь тогда, когда вы будете в полной безопасности.

— Ну, слава Богу, надюсь, что не попадусь в какую-нибудь западню.

— Вы приедете целы и невредимы, будьте спокойны. В Мексике знают о вашем путешествии?

— Знают, что меня там нет и думают, что я в Веракрусе, отлучился по делам.

— Отлично. Это даже лучше, чтобы не знали, с какой стороны вы явитесь. Теперь, — добавил банкир, вставая, — постарайтесь соснуть часика два-три, желаю вам приятного сна!

— Еще одну секунду! — сказал дон Бальдомеро. — Мы забыли о главном.

— О чем именно?

— Мы не решили, где соберемся опять.

— Правда, правда, я совсем теряю голову. Ну, так...

— Позвольте, — прервал дон Бальдомеро, — в четырех-пяти милях от Тубака у меня есть асиенда, та самая, которую вы мне продали, дон Мануэль.

— Монте-Негро?

— Она самая! Место это очень удобное. Если вы не придумаете ничего лучшего, то, по-моему, там нам безопаснее всего встретиться: во-первых, мы будем у себя, а во-вторых, мы сможем контролировать все пути, ведущие в Сонору.

— Да, это место выбрано удачно и всем нам прекрасно известно; к тому же, в крайнем случае, там нам будет удобнее всего защищаться.

— Итак, значит, решено? — спросил дон Бальдомеро.

— Решено! — ответили в один голос все присутствующие.

После этого, расставшись друг с другом, все разошлись по своим покоем, приготовленным заранее.

Не успели за предводителями платеадос закрыться двери, как послышался слабый шум, после которого открылась часть стены, легко повернувшись вокруг себя, и в образовавшемся проеме показалась человеческая фигура.

Это был дон Торрибио де Ньеблас.

Он обвел комнату испытующим взглядом.

— Прекрасно, — пробормотал он со странной улыбкой, — я тоже буду присутствовать на этом собрании! До скорого свидания, господа; вы тут держали совет не одни!

Он отступил назад, исчез в отверстии, и стена приняла свое обычное положение, так что самый опытный глаз не мог бы открыть этого секретного прохода.

ГЛАВА II

В которой искатели следов принимаются за дело

Мы уже рассказывали о том, что, расставшись с двумя охотниками, Матадиесом и Редбладом, дон Торрибио де Ньеблас сел у громадной лиственницы и, опустив голову на грудь, глубоко задумался над трудной задачей, которую он поставил перед собой, и о средствах ее выполнения.

Прошел целый час, как он был погружен в свои думы. Вдруг раздался крик черноголового орла, повторившийся два раза. Молодой человек сразу поднял голову.

Поднявшись на ноги, он осмотрелся кругом и испустил крик ястреба.

Тотчас же после этого в кустах послышался шум; ветки раздвинулись, на лужайку, точно испуганная лань, прыгнул молодой человек. Это был Пепе Ортис.

Дон Торрибио улыбнулся:

— Вот и ты, брат. Наконец-то! Я ожидал тебя раньше. Добро пожаловать!

— Я опоздал, твоя правда, брат, но не жалею об этом, время не пропало даром.

— Сомневаюсь! Однако, разве есть новости?

— Еще бы, но предупреждаю тебя, я тут ни при чем, все только чистая случайность.

— Объясняйся же скорей, ты знаешь, как нам дорого время!

— Поговорим дорогой. Тут нам бояться нечего, ведь эти места прокляты — даже животные убегают отсюда.

— Твоя правда, я никогда не встречал более пустынного места.

Обменявшись несколькими словами, молодые люди углубились в чащу в направлении, противоположном тому, которому следовал Матадисс и его друг, Редблад.

— Говори, теперь я тебя слушаю! — сказал дон Торрибио.

— Нет, сначала говори ты; скажи, что ты видел?

— Почти что ничего. Мы имеем дело с людьми очень ловкими; они пытались в течение нескольких часов водить нас за нос, но добились только того, что я понял, что с этой стороны невозможно добраться до асиенды.

— Что же ты думаешь?

— Думаю, что настоящие тропинки, ведущие к асиенде, не на этой стороне, а, по всей вероятности, с противоположного косогора.

— Нам бы только добраться туда.

— Доберемся, не беспокойся.

— У тебя есть слепки?

— Да они мне вовсе не нужны, а у тебя?

— Есть несколько; мы их потом сравним.

— Ну, теперь очередь за тобой.

— Ладно. После того, как мы с тобой расстались, я по обыкновению отправился на свидание. Лукас Мендес уже давно поджидал меня, надеясь, что ты явишься со мной, так как ему нужно видеть тебя.

— Ты объяснил ему, почему я не мог быть?

— Конечно... Но это просто удивительно, брат, — прервал он самого себя, — до какой степени Лукас Мендес изменился после того, как мы с ним расстались!

— Ба-а! Да ты никак сошел с ума; по-моему, он все тот же.

— Ты просто не обращал на него внимания, иначе и сам заметил бы — это просто бросается в глаза.

— Что бросается в глаза?

— Да перемена, произошедшая в нем! Уверю тебя, это совсем другой человек. Он точно помолодел на десять лет. Лицо его похудело и приняло выражение непоколебимой решимости, которой я раньше не замечал в нем; когда он воодушевляется, глаза его начинают блестеть; вся его фигура как-то выпрямилась; даже голос сделался более уверенным. Одним словом, это совсем другой человек.

— Да ну, ты начинаешь завираться! — сказал дон Торрибио, пожав плечами.

— Вовсе нет, я тебе говорю истинную правду!

— Пусть будет по-твоему, переменился, так переменился, для нас это теперь не играет роли; говори о деле.

— Не теряй терпения, я начинаю. Дон Мануэль убежден более, чем когда-либо, в разорении дона Порфирио; он еще ничего не знает о пронунсиаменто и о назначении дона Порфирио губернатором Соноры и Аризоны; он в полной неизвестности относительно наших действий. Но в последние дни он пребывает в большом волнении; каждую минуту он ждет важных известий. Как только они будут получены, на асиенде дель-Энганьо состоится собрание главных предводителей платeadос.

— О-о! Это драгоценные сведения.

— Не правда ли?

— И это все?

— Нет, погоди: несколько дней тому назад на асиенде поселился некий дон Бенито де Касональ. Он очень дружен с доном Мануэлем и, говорят, ухаживает за доньей Сантой.

— Что? — воскликнул дон Торрибио, вздрогнув.

— Я говорю то, что слышал, брат!

— Продолжай, говори, я готов все выслушать!

— Этот Касональ в большом фаворе у дона Мануэля, который хотел бы выдать за него донью Санту. А она нена-

видит его, запирается у себя и отказывается от свидания с ним.

— Милая Санта! — проговорил молодой человек с облегчением. — А каков из себя этот Касональ?

— Молод, лет двадцати семи—двадцати восьми, красивый малый, фат, беспечный, алькальд-майор Уреса и один из главных союзников платeadос.

— Нам таких нечего бояться! Продолжай.

— Мне осталось добавить всего несколько слов, смысл которых для меня абсолютно не понятен.

— Но все-таки скажи их.

— Изволь: «Дон Торрибио должен всегда держаться востока, остерегаться друидических памятников и помнить, что левая сторона самая благоприятная, так как находится со стороны сердца». Это для меня загадка.

— Да, и очень темная; но я надеюсь, что со временем она выяснится и мы все поймем.

— Что касается меня, я отказываюсь понимать!

— Как знаешь... Лукас Мендес больше ничего не сказал?

— Нет, ничего, если не считать того, что если ты последуешь его указаниям, то вы скоро увидите.

— Теперь я начинаю кое-что понимать.

— Ты думаешь отгадать смысл всего этого?

— Может быть; мне кажется, что я вижу свет.

— Очень рад за тебя. Я же нахожусь в тупике.

— Вероятно, наши исследования должны начаться с востока.

— Сагау! Это удивительно!

— Что?

— Да твои слова.

— Почему?

— Потому что это касается моего второго приключения.

— Кстати, ты ведь мне еще не рассказал о том, что делал после того, как расстался с Лукасом Мендесом?

— Я только что хотел начать рассказ.

— Ну говори, я слушаю.

— Ночь уже наступила, мне предстоял длинный путь, но раньше нужно было найти брод в речке, чтобы перейти ее. Я долго шел пешком и очень устал. Так как я не рассчитывал встретить тебя раньше сегодняшнего утра, то мне нечего было торопиться. Найдя развесистое дерево, я решил распо-

ложиться на нем на ночь. Я не стал зажигать огонь, боясь обратить на себя внимание какого-нибудь бродяги, шатающегося по окрестностям. Ты знаешь, в пампасах мы зачастую спим на деревьях, это же дерево оказалось вполне удобным для меня. Я живо вскарабкался не него и расположился в густых ветвях, потом, порывшись в ягдташе, с удовольствием поужинал при лунном свете. Единственное, чего мне недоставало, это папироски, — точно предчувствие предостерегало меня от курения. Закусив, я привязал себя ремнем к толстой ветке, чтобы не упасть, приготовился ко сну, пожелал себе спокойной ночи и закрыл глаза.

Ночь была дивная; над пустыней царило торжественное молчание, луна ярко светила сквозь ветви деревьев, воздух благоухал. Я стал засыпать, и приятные грезы уже проносились передо мной. Вдруг я вздрогнул и открыл глаза: мне послышался точно отдаленный гром, который становился все отчетливее. Наконец шум сделался настолько ясным, что я понял: это было не что иное, как мчавшиеся во всю прыть лошади. Я был счастлив, что выбрал себе это местечко, откуда меня не могли видеть, а я мог свободно наблюдать за всем. Долго ждать мне не пришлось; вскоре показалось от десяти до двенадцати всадников. Вместо того, чтобы продолжать свою бешеную скачку, они вдруг остановились как раз там, где я раньше намеревался отдохнуть. Сойдя с лошадей, они привязали их, накормили, затем разожгли два костра и поужинали с большим аппетитом, разговаривая между собой, но не настолько громко, чтобы я мог расслышать, что они говорили. До меня только изредка доносились некоторые слова, которые, признаться, заставили меня призадуматься.

— Что это были за люди? Краснокожие или охотники?

— Ни те ни другие, это были ранчерос, одетые очень богато: четверо из них сияли, как солнце, столько на них было серебра и золота; но это еще что! Надо было видеть их лошадей.

— Что же в них было такого особенного?

— Ничего, если не считать того, что кожа их сбруи совершенно затмевалась золотыми украшениями.

— Но в таком случае эти господа не кто другие, как платадос; они, конечно, принадлежат к тому опасному обществу, которое я решил уничтожить.

— Я сам сначала подозревал то же самое, теперь же начинаю думать, что ты не прав: из нескольких их слов, которые я услышал, я понял, что речь шла о ложном следе и о том, чтобы ввести в обман шпионов, спрятавшихся, чтобы выследить их.

— Теперь я больше не сомневаюсь, это были мои молодцы!

— Какие молодцы?

— Говори дальше! — сказал дон Торрибио, радостно потирая руки. — Что было потом? Ведь не просидел же ты на дереве всю ночь, как ворона?

— Нет. Отдохнув до восхода солнца, всадники наконец сели на лошадей и удалились скорой рысью.

— Хм! Что же ты сделал тогда?

— То же, что сделал бы ты на моем месте: отправился вслед за ними.

-- Прекрасно!

— Но я не много выиграл от этого.

— Что так?

— Да как же, ты пойми, ведь я шел пешком, а они ехали верхом; к тому же они ехали галопом, так что...

— Так что ты потерял их из виду.

— Почти что.

— Промахнулся же ты!

— Не сердись, я сделал невозможное: мне удалось проследить направление, в котором они удалились.

— И это чего-нибудь да стоит!

— Очевидно, они старались оставить после себя ложный след, всячески его сбивая, чтобы невозможно было ничего разобрать. А все-таки я разобрал, что они вертелись около одного и того же места, постепенно приближаясь к воладеро, к которому, по-видимому, подъехали с востока.

— Ага! — произнес дон Торрибио в задумчивости. — Вот так известие.

— Хорошее?

— Еще бы; теперь мы скоро будем знать наверняка, как нам быть. Где лошади?

— В двухстах шагах отсюда, спрятаны в чаще.

— Они отдохнули?

— Да; сегодня утром они прошли не больше двух миль.

— Отлично! В дорогу! Нет, сперва приведи лошадей, а я пока приготовлю завтрак; нехорошо начинать трудный путь

на голодный желудок. Неизвестно, когда нам удастся поесть и передохнуть в следующий раз. Иди скорее; когда ты вернешься, все будет готово.

— Я просто не узнаю тебя, брат, — сказал Пепе, смеясь. — Ты точно помолодел на десять лет. Я вспоминаю те времена, когда мы с тобой охотились за пумами в наших пампасах, помнишь? Какое это было счастливое время!

— Ты жалеешь о нем, брат?

— Нет, потому что мы с тобой все так же вместе и любим друг друга, как и тогда.

— Дорогой и добрый мой Пепе! — проговорил дон Торрибио с волнением.

Повинуясь невольному движению, молодые люди заключили друг друга в объятия и простояли так с минуту.

— Будем всегда так любить друг друга, брат, — сказал дон Торрибио, — мы вдвоем составляем всю нашу семью!

— Да, это правда, брат, — ответил Пепе Ортис с волнением, — и помни, что пока мы вместе, с нами никогда не случится ничего плохого. К тому же, — прибавил он с милой улыбкой, — скоро нас будет трое, у меня появится сестра.

— Дорогая Санта! — проговорил дон Торрибио, сделавшись вдруг грустным. — Бедняжка, как она несчастна!

— Мы спасем ее, брат! Надейся и не падай духом!

— Увы! Когда я думаю о ее страданиях и о своем бессилии помочь ей, то мужество покидает меня, я делаюсь слаб, как дитя.

— Ну, ну! Брось эти мрачные мысли. Будущее известно одному Богу, а Он не оставит нас. Разве Он не помогал нам до сего времени?!

— Ты прав, я ропщу напрасно! Спасибо тебе, брат; ты придаешь мне храбрости.

Они еще раз крепко обнялись, и Пепе Ортис удалился почти бегом.

— Да, я неблагодарный, — пробормотал дон Торрибио, — провожая его нежным взглядом. — Разве меня не любили и разве я не был счастлив, я, бедный ребенок, брошенный на произвол судьбы почти с самого рождения? Надо мужаться и надеяться, как говорит брат! Итак, поборемся; мое дело правое: или я его выиграю, или мои кости побелеют в саванне.

И, проведя нервным движением рукой по лбу, как бы желая стереть остаток слабости, он с бодрым духом принялся готовить скромный утренний завтрак.

Спустя час молодые люди, закусывая, составили план своего смелого предприятия, затем сели на лошадей.

На лужайке они приостановились, чтобы восстановить некоторые следы; Пепе Ортис показал, смеясь, своему брату то дерево, под густой сенью которого он так хорошо укрывался.

После краткого расследования, на которое они потратили не больше десяти минут, они отправились дальше, но на этот раз, несмотря на скорую езду, внимательно присматривались к следам, обозначившимся довольно ясно после неприятеля, и не пропускали ни малейшего изгиба.

Подъехав к тому месту в лесу, от которого было всего несколько шагов до его окраины, дон Торрибио вдруг остановился, осмотрелся вокруг с любопытством и соскочил на землю.

— Они здесь останавливались ненадолго, — сказал он брату, передавая ему повод своей лошади. — Подожди меня у этого ручейка.

Он нагнулся к воде, спокойной, как зеркало, и с минуту смотрел в нее; затем, разувшись и засучив панталоны выше колен, решительно вступил в поток и быстро пошел против течения; вскоре он исчез из виду.

На дне ручья был мелкий песок. В ширину ручей имел пятнадцать футов и от восемнадцати до двадцати футов глубины. Он многократно изгибался под густыми ветвями; переплетаясь, они образовали зеленый свод, с которого свешивались лианы до самой поверхности воды.

Пепе Ортис не двигался с того места, где его оставил брат; он ждал, подавшись немного вперед и приготовившись стрелять при первой надобности. Весь превратившись в слух, он, казалось, пронизывал взглядом густую зелень кустарника, окружавшего его со всех сторон.

Так прошло с полчаса. Внезапно лианы раздвинулись, и среди них показался дон Торрибио, идущий по руслу ручья. Дойдя до брата, он обулся и сел на лошадь.

— Ну что? — спросил Пепе, как только они пустились в галоп.

— А вот что, — ответил дон Торрибио, — я не ошибся: они тут останавливались; один из них следовал по течению, дру-

гой шел против течения, наломал охапку ветвей в двухстах шагах отсюда, затем снес их обратно, после чего они отправились дальше.

— Однако, — сказал, смеясь, Пепе, — положительно, эти господа сплеховали; зная, что их будут разыскивать двое самых искусных искателей следов буэнос-айресских пампасов, они поступают, точно имеют дело с простыми бродягами — янки или канадцами, — и еще рассчитывают ускользнуть от нас! Право, они сумасшедшие!

— Но все же их расчет был верен, надо отдать им должное. Всадник, которого они послали наломать ветвей, сделал это очень ловко, он нигде не оставил следов после себя. Он оставил лошадь среди течения, а потом уже вошел в воду. Кого угодно это могло бы ввести в обман.

— Ба-а! Да ты расточаешь им комплименты! Их расчет был верен; теперь я спокоен! — сказал Пепе, смеясь.

Разговаривая таким образом, искатели следов выехали из леса и направились галопом через саванну. Их езда продолжалась без приключений до заката солнца; к семи часам вечера они были у густого леса, куда и въехали.

— Стой! — сказал дон Торрибио. — Я чувствую, что неприятель находится позади, пусть он опередит нас.

— Хм! Ты уверен, что мы так близко от него?

— Эти люди не дальше, чем на три ружейных выстрела от нас, я в этом убежден.

— А, это другое дело. Что же нам делать?

— Поужинаем, покормим лошадей, затем посним часа два — по очереди, конечно.

— Значит, мы тронемся отсюда не раньше десяти часов?

— Не раньше, пусть они считают себя в полной безопасности, пусть думают, что провели нас; а то, если они догадаются, что мы следим за ними, кто знает, куда они могут нас завлечь?! Лучше потерпеть и выждать.

— Хорошо, как хочешь.

Расседлав и почистив лошадей, Пепе Ортис задал им корму, за который благодарные животные принялись с удовольствием.

Покончив с этим, оба охотника уселись на землю, разложили перед собой остатки провизии и поужинали. Огня не зажигали из опасения, чтобы дым не выдал их присутствия; даже не закурили сигар, этого любимого лакомства каждого охотника.

Утолив голод, Пепе Ортис закутался в плащ, лег под деревом и тотчас же заснул с беспечностью человека, привыкшего к жизни в пустыне.

Дон Торрибио с ружьем в руке растянулся подле кустарника и стал мечтать. Он пролежал в таком положении два часа, без всякого движения, но прислушиваясь к малейшему шуму, нарушающему лесную тишину. Наконец он встал, подошел к Пепе, положил руку ему на плечо и нагнулся к его уху:

— Восемь часов! — сказал он чуть слышно.

Пепе сразу вскочил на ночи.

— Что нового? — спросил он.

— По-видимому, ничего, — ответил его брат. — Следи внимательно!

— Не беспокойся.

Минуты две спустя Пепе Ортис занял место дона Торрибио, а последний заснул крепким сном. В десять часов дон Торрибио проснулся, но, посмотрев вокруг себя, увидел, что он один.

— Так! — проговорил он. — Пепе на разведке; тут что-нибудь да есть!

Он встал и в ожидании брата оседлал лошадь, чтобы ничто не задерживало их отъезда.

Но Пепе все не возвращался. Прошло целых полчаса, как дон Торрибио проснулся, но ничто не возвещало о возвращении его брата; молодой человек начал серьезно беспокоиться, не зная, чему приписать столь продолжительное отсутствие, и уже собрался было отправляться на поиски, как вдруг ветви соседнего кустарника тихо раздвинулись и перед ним появился Пепе Ортис.

— Где ты пропадал столько времени? Я уже хотел идти искать тебя!

— Ты прав, — сказал Пепе, не отвечая на вопрос брата, — было кое-что интересное!

— А-а! — проговорил дон Торрибио, моментально забыв о своем беспокойстве. — Я, значит, не ошибся?

— Скажу в двух словах, а вывод делай сам.

— Посмотрим, что такое!

— Только что около трех четвертей часа я преследовал группу всадников, которые, переплыв речку, направлялись во всю прыть к прериям Техаса.

— А-а! И ты узнал их?

— К счастью, да. А то Бог знает, сколько времени еще мне пришлось бы преследовать их. Среди них было восемь индейских пеонов и пятнадцать лошадей. Издали казалось, что на всех лошадях сидят всадники, но благодаря лунному свету я увидел, что ошибся. Представь себе: эти негодяи-индейцы посадили на лошадей что-то вроде манекенов, которыми правили так искусно, что в ста шагах возникала полная иллюзия, будто это живые люди. Но я не так глуп, чтобы попасться на эту удочку; я приблизился к ним настолько, что они чуть не задели меня, проезжая мимо. Тогда мне все стало ясно. Пожелав им благополучного путешествия, я поспешил к тебе. Что ты об этом думаешь, брат?

— Думаю то же, что и ты, вероятно. Платеадос, переправившись через реку, переменили лошадей, приготовленных, конечно, заранее, а усталых лошадей отослали с пеонами, с приказанием углубиться в пустыню и наделать ложных следов.

— Да, именно так!.. Ты на меня несердишься за самовольную отлучку?

— Viva Dios! Напротив, я благодарен тебе: если бы ты не оказался так догадлив, неизвестно еще, сколько драгоценного времени мы потеряли бы на преследование этих дураков.

— Значит, я хорошо сделал?

— Даже очень хорошо! Тем хуже для них, что им не удалось надуть нас!

— Ну, что же мы теперь будем делать?

— Что? Пойдем опять по настоящему следу, а так как лошади уже готовы, то мы отправимся за этими бандитами немедленно. Право, я ими очень доволен: не думал, что они окажутся так хитры.

Не теряя времени, они вскочили на лошадей и тронулись в путь.

Ночь была светлая, хотя луна слегка заволакивалась облаками; широкая серебристая полоса пересекала прерию по реке Рио-Салинас, на берегах которой росли дикие хлопчатники и кусты. Горизонт терялся за густой, темной массой девственного леса, над которым подымались до неба остроконечные вершины горы; крутые склоны ее представляли самые затейливые рисунки. Правый берег реки обрывался утесом, от которого шли холмы к подножию Сьерры-А-де-Пахарос.

На спуске правого берега реки виднелись развалины жилища, которое несколько лет тому назад должно было представлять из себя внушительного вида ранчо.

Этот мрачный пейзаж при слабом лунном свете и бледном сиянии звезд казался диким и в то же время величественным; это была первобытная и грандиозная природа, вышедшая именно в таком виде из рук всемогущего Создателя.

В саванне царила мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая хищными зверями.

Когда наши искатели следов приблизились к берегу реки Рио-Салинас, дон Торрибио остановился и, протянув руку по направлению к развалинам на противоположном берегу, сказал:

— Посмотри брат, вот ранчо, в котором наверняка были спрятаны лошади для тех, кого мы сейчас преследуем!

— Очень даже возможно, — ответил Пепе. — Я думаю, что мы приближаемся к цели.

— Я тоже так полагаю. Но теперь начинается самое трудное для нас: пространство вокруг нас все больше сужается; перед нами остается совсем маленькое место для работы; может быть, это и хорошо для нас, а может быть, и скверно, смотря по тому, как мы примемся за дело.

— Да, да, — сказал Пепе с уверенностью, — здесь кончатся охотничьи ухищрения и ловушки, которыми пользуются краснокожие, и начинается работа следопытов.

— Ты рассуждаешь верно, брат; теперь начинается настоящая борьба. Все, что было до сих пор, пустяки в сравнении с тем, что нам предстоит. Несмотря на всю хитрость этих дьяволов, я надеюсь до восхода солнца перерыть все закоулки их таинственной берлоги, которую мы изучим лучше, чем они сами.

— Аминь, от всего сердца, брат! Где мы перейдем речку?

— Вот здесь, по этим следам; предоставим чутью лошадей отыскать брод.

Разговаривая таким образом, молодой человек направил свою лошадь в воду и, отпустив поводья, доверился ее инстинкту. Пепе Ортис следовал за ним, не отставая. Лошади, с минуту потоптавшись на месте, вступили в воду и пошли вперед, не колеблясь. Через десять минут они уже были на другом берегу.

Оба брата соскочили на землю, ввели своих лошадей на ранчо и, привязав их, вышли оттуда.

— Не оставить ли их здесь? — спросил Пепе.

— Я сам подумал об этом, но боюсь, что их украдут и вдобавок еще откроют наше присутствие. Пока я начну поиски, пойди поищи подходящее место, где бы мы могли оставить животных на день-два; раньше нам вряд ли удастся вернуться. Иди же скорее.

Они расстались.

Пепе Ортис вошел в лес и принялся за розыски с увлечением, присущим ему во всем, что касалось исполнения приказаний его брата.

Долго он не мог ничего найти; растущие близко друг от друга деревья и густо переплетенные лианы со всех сторон заграждали дорогу. Это был настоящий девственный лес, где ни люди, ни звери не находили себе приюта. Здесь не было протоптано ни одной тропинки, землю загораживали сухие стволы. Стоячие воды, непроходимые кустарники — вот все, что удалось обнаружить молодому человеку. Разбитый усталостью от бесполезных поисков, он решил вернуться к брату, чтобы посоветоваться с ним.

Но не прошел он и пяти минут, совсем расстроившись от неудачи, как вдруг ему в грудь ударила лиана и он споткнулся. Он попробовал удержаться, но наткнулся на камень, покрытый мхом, и растянулся во весь рост, к счастью, не причинив себе особого вреда, так как упал на лианы и кусты. Пепе Ортис поднялся, ругаясь про себя, и машинально, как это обыкновенно бывает в таких обстоятельствах, осмотрелся кругом, чтобы уяснить себе причину падения.

Внезапно он вздрогнул и вскрикнул от радости: падая, он сдвинул массу лиан и примял куст позади себя, который заслонял собой красное дерево гигантских размеров. В этом великане, с виду совсем крепком, было громадное дупло; на двенадцать футов в высоту от земли вся внутренность дерева сгнила, осталась только одна кора. Ему, по-видимому, было двести—триста лет, и, по всей вероятности, оно могло простоять еще столько же, прежде чем превратиться в прах.

Пепе Ортис, добравшись до него, проник в отверстие, которое и осмотрел самым тщательным образом, после чего удалился, весьма обрадованный: шесть лошадей могли легко поместиться в этой своеобразной конюшне. Молодой человек скоро нагнал брата, которому, смеясь, и сообщил обо всем.

На ранчо нашелся горох, кукуруза и прочие припасы, оставленные платeadос в расчете на скорое возвращение, чем молодые люди и поспешили воспользоваться; для лошадей хватило бы корму на четыре дня. Затем, найдя под портиком замка несколько ведер, они наполнили их водой и, взвалив все на двух животных, повели их в конюшню, найденную таким странным образом Пепе Ортисом, и прекрасно устроили их там. Затем, сложив в уголок провизию и сбрую, вышли из дупла, завалив вход и прикрыв его лианами, так что кроме них никто не мог заметить следов этого потайного убежища.

Покончив с заботами о лошадях, они начали совещаться.

— Во время твоего отсутствия, — сказал дон Торрибио брату, — я внимательно осмотрел окрестности на расстоянии двухсот квадратных метров, но не нашел никаких следов. Есть только одна, едва заметная тропинка с востока. Со всех других сторон дорога совершенно непроходимая; расчистить ее можно лишь топором, а наши противники были на лошадях. Значит, они пробирались по тропинке, а потому я и приступил к тщательному исследованию последней, рассмотрел ее дюйм за дюймом, но безрезультатно. Если бы дело происходило днем, я, конечно, различил бы малейший след, но при свете луны, заволакиваемой облаками, это было невозможно. Тогда я бросил тропинку и принялся за окраины. Вскоре я заметил по обеим сторонам дороги чуть заметные песчаные валики, прикрытые частью травой, частью листьями. Тут я вспомнил о наломанных ветвях, на которые набрел в ту ночь в лесу, где останавливались платeadос, и мне все стало ясно. Оставив ранчо, они привязали ветви к хвостам лошадей, чтобы замести за собой следы; но им не удалось уничтожить валик, образовавшийся от лошадиного галопа.

— А что ты хочешь, брат, — сказал Пепе Ортис насмешливо, — нельзя же предусмотреть абсолютно все! Несмотря на все хитрости, они позабыли о пыли, скапливающейся посреди дороги, которая, что весьма естественно, отбрасывалась в стороны. Итак, теперь ты попал на след?

— Да, и на этот раз, клянусь тебе, не упущу его! Ну, теперь, брат, в дорогу, мы и так потеряли немало времени!

— В дорогу! — весело воскликнул Пепе Ортис.

Они решительно вступили на тропинку, идя особенной, развалистой походкой, свойственной лишь лесным охотникам. Вскоре тропинка затерялась, и перед искателями следов отовсюду выросли препятствия. Но ничто не могло заставить их отступить или даже замедлить шаги. Они продолжали продвигаться вперед, с глазами, устремленными скорее к небу, чем к земле. Доверяясь своему необыкновенному чутью, им удавалось держаться нужного направления. Они долго шли рядом, не произнося ни слова, проходя по тому самому месту, где два часа тому назад проезжали их недруги.

— Ага! — проговорил дон Торрибио, внезапно останавливаясь. — Здесь они устроили привал.

— Да, — сказал Пепе Ортис, — ветви они отвязали, а ноги лошадей обернули войлоком.

Дон Торрибио направился прямо к расщелине, куда были брошены ветви.

— Посмотри, — сказал он брату, — вот где они освободились от ненужных больше ветвей! — И он указал на несколько листьев, валявшихся вокруг.

— Ну, пойдем дальше, — сказал Пепе, смеясь, — думаю, скоро мы найдем еще что-нибудь новенькое.

Действительно, вскоре они заметили еще одно место, где всадники остановились; даже на гладких камнях их опытные глаза улавливали следы.

Остальное было для них сущим пустяком: они прошли сквозь лабиринт скал, как по знакомой дороге, и очутились у входа в грот.

— Уф! — произнес Пепе Ортис. — Наконец-то мы добрались до знаменитой асиенды дель-Энганьо, на которую еще никто не проникал.

— Молчи и зажги факел, — сказал дон Торрибио шепотом, — надо быть осторожнее, чтобы с первых же шагов не потерпеть неудачу.

Пепе притих и зажег лучину, которую достал из своего ягдташа.

Они вступили в грот.

— Что за странный памятник, — проговорил дон Торрибио, — он напоминает мне камни Кариака. Он попал сюда не случайно и должен иметь какое-то значение.

Затем он процедил сквозь зубы:

— «Остерегайтесь дольменов». А-а, это как раз дольмен, значит, я должен быть настороже. Но почему он находится именно здесь, у стены, тогда как его место у входа или же посреди грота?

— Не осмотреть ли нам стены? — спросил Пепе.

— Сейчас так и сделаем, дай-ка мне лучину!

— На, бери.

Молодой человек, подойдя к стене, начал внимательно разглядывать ее.

— Хм! Что бы это значило? — проговорил он через минуту.

Он увидел две головки от гвоздей, почти не заметные, воткнутые по одной линии на расстоянии двух футов одна от другой. Придвинувшись лицом к стене почти вплотную, он несколько минут рассматривал их поочередно и вдруг вздрогнул, заметив на левой головке гвоздя микроскопическое пятнышко желтовато-черного цвета.

— Это пружины, — сказал он, — причем на левую только что надавливали, судя по этому пятнышку. Вот что значит курить папиросу — никотин остается на пальцах, и если при этом потными руками дотронуться до пружины, она непременно запачкается. Теперь мне все понятно!

— Что же ты понял, брат? — спросил Пепе Ортис с любопытством.

— О! Все очень просто. Ты видишь эти две пружины, не правда ли?

— Прекрасно вижу.

— Правая гораздо заметнее, тогда как левая едва видна!

— Правда.

— Эта правая пружина — секретный страж невидимого входа в подземелье, который скрывается за этой стеной. Но горе тому любопытному или шпиону, который, заметив ее, пожелает воспользоваться ею: он надавливает на нее пальцем — трах, и вдруг распрямится невидимая пружина, земля под ним провалится, и он исчезнет навеки в ловушке или же, что еще вероятнее, камень, помещенный как бы для равновесия на гранитном пьедестале, сам собой отодвинется и убьет его наповал. Понял?

¹ Друидический памятник. — *Примеч. перев.*

— Отлично. Это же просто гениально!

— Очень даже гениально, действительно! Но рядом с этой пружиной — вторая, с левой стороны, которую, кроме нас, никто бы не заметил. Если на эту пружину слегка надавить пальцем, она откроет невидимую дверь. Не более как час тому назад ею пользовались, но тот, кто ее надавливал, забыл предварительно вымыть руки, а потому и запачкал ее никотином, правда совсем немного, но достаточно для того, чтобы я заметил.

— Все это в высшей степени логично; кроме того, ты забываешь...

— Что такое?

— Наставление Лукаса Мендеса: левая сторона — хороша, так как находится со стороны сердца.

— Ах да! Ведь ты прав; он все предвидел, и все пока происходит так, как он сказал. Слава Богу! Я нажимаю!

— Что ж, нажимай!

Дон Торрибио надавил на пружину; часть стены тотчас же повернулась и открыла вход в подземелье.

— А-а! Теперь они в наших руках! — вскричал Пепе Ортис.

— Клянусь честью, и я начинаю убеждаться в этом! Иди за мной.

Они решительно вступили в подземелье, и стена сама закрылась за ними.

ГЛАВА III

В которой дон Торрибио и Пепе Ортис продолжают свои поиски

ишь только стена приняла свое прежнее положение, Пепе Ортис хотел податься вперед, но дон Торрибио остановил его, прошептав:

— Остерегайся!

— Хм! Чего же остерегаться?

— Пока что все, что мы сделали, — ничто в сравнении с тем, что нам сейчас предстоит.

— Я не понимаю тебя.

— Выслушай, тогда поймешь.

— Да, верно, я просто дурак, что вечно спешу!

— Вот именно. Посмотри-ка на землю, на ней ясно видны следы лошадиных ног, наши враги, следовательно, не сходили с седел.

— Да, ты прав.

— Я сразу заметил это, а потому и сказал тебе «остерегайся». Это подземелье после множества поворотов должно иметь выход не внутри асиенды, а снаружи ее — в дом не въезжают на лошадях. Я думаю, что подземелье наверняка выходит на площадку, шагах в ста от асиенды. Мы имеем дело с людьми осторожными; нам предстоит преодолеть еще немало препятствий, прежде чем мы доберемся до этого таинственного жилища. Для этого, очень может быть, требуется какое-нибудь особенное действие или условный знак, которого мы не можем знать. Если мы будем руководствоваться намеренно оставленными следами, то можем очутиться в западне, и тогда все потеряно. Теперь ты понимаешь меня, брат?

— Думаю, что понимаю; но что же нам делать? Мы и без того находимся в безвыходном положении!

— Очень возможно. Для меня очевидно, что в этом подземелье несколько секретных ходов, в противном случае его устройство было бы нелепым. Наверное, отсюда можно попасть и в сам дом, и в потайные комнаты. Только надо отыскать эти ходы.

— Да, если допустить, что они существуют, хотя, после всего, и это возможно!

— Не возможно, а точно, говорю тебе!

— Хорошо, но как их открыть?

— Это быть может не так трудно, как ты полагаешь; только надо быть терпеливым и обладать хорошим зрением.

— Вряд ли наши поиски увенчаются успехом!

— Ба-а! Попробуем.

— Обязательно попробуем! Я готов. С чего начнем?

— Давно бы так! Слушай меня внимательно и постарайся как следует уяснить то, что я тебе сейчас скажу. Мы изучим этот след дюйм за дюйм, линия за линией, если нужно. Мы ведь сняли следы всадников, которых преследуем?

— Да, все до единого!

— Прекрасно; теперь мы должны попробовать найти среди всех этих следов и даже под ними такой, которого мы не знаем: если мы найдем его, то половина дела сделана, так как этот самый след, как бы незначителен он ни был, прямо укажет нам на один из секретных ходов.

— А ведь это правда! — вскричал Пепе Ортис, хлопнув себя по лбу. — Так вот почему ты остановил меня!

— А-а! Теперь ты понимаешь! Суть не в том, чтобы не терять следа, как это делают все лесные охотники, надо еще уметь уловить его, что доступно только искателям следов в пампасах. Для нас это пустячное дело, если мы хорошенько возьмемся за него. Разделим этот кусок земли и примемся за работу.

— За работу, так за работу. Да, брат, ты всегда будешь моим властелином.

— Нет, ты стоишь не меньше меня, но ты любишь спешить, не размышляя. Отсюда твоя кажущаяся несостоятельность. Зажги для меня вторую лучину.

Пепе Ортис исполнил приказание, после чего оба искателя следов приступили к работе.

Началось нечто непонятное, невообразимое. Молодые люди, согнувшись почти вдвое, рассматривали каждую крупинку песка, изрытого ногами лошадей и их хозяевами; с сосредоточенным взглядом и сдвинутыми бровями они внимательно разглядывали каждую неровность земли и различали в ней такие подробности, какие для постороннего глаза остались бы незаметны, даже если бы их рассматривали в сильную лупу.

Это странное исследование продолжалось приблизительно минут двадцать—двадцать пять. Потом вдруг, точно сговорившись, они оба разом выпрямились и, приложив одновременно руки к стене, проговорили в один голос: «Здесь!» — после чего оба вздохнули с облегчением.

Они не ошиблись: их розыски действительно не остались бесплодными.

Они прошли около двух третей всего подземелья и остановились у правой стены.

Как раз между ними, на высоте четырех с половиной футов, виднелось на пожелтевшей стене пятнышко величиной с горошину. Его едва можно было различить на мраморе среди массы черных точек, которые каменщики называют обыкновенными слизняками.

Но наших искателей следов провести было трудно. Благодаря своему изумительному зрению они заметили это пятно, каким образом — невозможно ответить, но после непрерывных и тщательных поисков их взгляды как по волшебству остановились на стене, и слизняк был обнаружен ими.

Этот невероятный факт только убедил молодых людей в том, что они идут прямо к цели; они даже удивились бы, если

бы результат был иным — так они были уверены в нем. Не могла же их работа пропасть даром!

Первым делом они замели свои следы, оставленные на том участке земли, который исследовали, затем возвратились к прежнему месту.

Дон Торрибио сильно надавил на пятно; оно углубилось в стену, и кусок скалы тотчас повернулся вокруг себя и открыл вход в длинную и узкую галерею с довольно крутым спуском. Молодые люди вошли туда, закрыли за собой вход и смело двинулись вперед по галерее.

Миновав несколько секретных проходов, которые они открыли без всякого труда благодаря свойственной им проницательности, они убедились, что находятся уже внутри асиенды и проходят по ее коридорам, которые соприкасаются с апартаментами.

Сначала они не обращали внимания на некоторые галереи и тайные проходы, попадавшиеся на их пути, чтобы не отвлекаться от тех следов, которые они нашли в первом подземелье и которые они не выпускали из виду.

Эти следы заинтриговали или, вернее, сильно беспокоили дона Торрибио. Кто их оставил? Кто этот человек, которому так хорошо были известны все ходы и выходы этого таинственного жилища? Друг это или недруг? Вот что необходимо было выяснить как можно скорее, какой бы то ни было ценой, хотя бы ради этого пришлось проблуждать целую ночь в этом громадном подземелье.

Для достижения цели ему нужно было действовать крайне осторожно и на свободе, не опасаясь шпионов и изменников, а человек, которого он преследовал, был, по всей вероятности, или тем, или другим. Вдобавок, ему закрадывалась в голову мысль, что этот незнакомец обладал неким мощным оружием, которым он еще не успел воспользоваться. По какой причине такая небрежность? Несомненно, он не является обитателем асиенды, даже не временный ее жилец. Какая же у него цель жить так скрытно, следить за всем, что творится вокруг и быть невидимым свидетелем общественной и частной жизни владельцев и гостей асиенды?

Может быть, это неизвестный бандит, узнавший случайно всю тайну и хранящий ее, чтобы в один прекрасный день воспользоваться ею с целью одному завладеть несметными сокровищами, накопленными в течение целых веков в этом таинственном жилище?

Но если это так, то каким образом дон Мануэль и его сообщники, которые так тщательно охраняли свою берлогу, не провели о намерениях этого человека?

Каковы бы ни были его осторожность и ловкость, во всяком случае, ему нелегко было бы остаться незамеченным среди всех шпионов, спрятанных в окрестностях асиенды и постоянно за всем следящих.

Но все эти предположения и еще многие другие не удовлетворяли дон Торрибио. Для него тут была какая-то тайна, над которой он ломал голову; и чем более она казалось ему непроницаемой, тем больше он чувствовал необходимость разгадать ее как можно скорее. Невозможно добиться успеха, когда не хватает уверенности в своих действиях; можно наделать массу непоправимых ошибок, если чувствуешь, что над тобой тяготеет неведомая сила, которая ежеминутно может воздвигнуть непредвиденные и непреодолимые препятствия.

Было два часа утра, а молодые люди все еще колесили по коридорам и закоулкам подземелья, и конца этому лабиринту не предвиделось; они только что повернули за угол длинного коридора, как вдруг перед ними показался, в двадцати шагах, довольно яркий свет, выходящий из полуотворенной двери и образующий на земле красную полосу.

Они остановились и затушили свои лучины.

— Хм! — произнес Пепе Ортис. — Что это значит?

— Надо посмотреть! — ответил Торрибио в раздумье.

— Хорошо! Я пойду туда.

И он схватился за пистолет, висевший у него на кушаке.

— Ты с ума сошел! — воскликнул дон Торрибио. — Ведь нас могут придушить, попробуй только выстрелить, *сьерро де Cristo*!

— Да, правда, шум выдаст нас.

Пепе медленно вложил пистолет на прежнее место, а взамен его вытащил топор.

— Так-то лучше! — сказал он, делая шаг вперед.

Но дон Торрибио удержал его за руку.

— Ты что? — спросил его Пепе.

— Ничего, только хочу попытать счастья! — сказал решительно молодой человек.

— Ты, ты хочешь, брат...

— Не только хочу, а сейчас пойду; а ты жди меня здесь.

— Я тебя не пущу! — воскликнул Пепе с жаром.

— Я так хочу,пусти меня. Может быть, тут ничего нет страшного; во всяком случае, я осторожнее и хладнокровнее тебя.

— А если тебя убьют?

— Что же! Ты отомстишь за меня! — отвечал дон Торрибио весело.

— Ты вечно шутишь!

— Потому что ты всегда боишься; а я уверен, что этого вовсе не будет.

— Но...

— Глупый! Да если бы это была ловушка, то дверь не оставили бы открытой, тем более не зажгли бы света. Подумай только: кто бы ни был тот человек, которого мы столько времени преследуем, он, наверное, знает, что мы совсем близко от него; и дверь он открыл нарочно, чтобы предупредить нас, что он нас ждет, вот и все.

— Хм! Все это прекрасно, но...

— А! Ты меня начинаешь бесить; целую четверть часа мы тут придумываем всевозможные ужасы, точно трусы. Разве мы пришли сюда за тем, чтобы отступить? Пустименя, говорю тебе, все будет хорошо, у меня предчувствие, оно меня редко обманывает, ты это сам знаешь: в этой комнате нас ожидает друг, который и открыл нам дверь.

— Положим, что ты прав, но я в этом не уверен.

— Я буду осторожен, не беспокойся, меня не так-то легко убить, как ты полагаешь; к тому же, тебе отсюда все будет видно, а в случае надобности, ты тотчас же явишься выручать меня.

— Ну хорошо, иди, раз ты этого требуешь так решительно!

— Наконец-то, давно бы так!

— Но при первом же подозрительном звуке...

— Ты вбегаешь. Итак, решено!

— Боюсь я за тебя.

— Ба-а! — пожал он плечами. — Риск — благородное дело.

Пожавший руку Пепе Ортису, молодой человек, который при всей своей храбрости, был очень осторожен, стал подкрадываться на цыпочках к раскрытой комнате, а его молочный брат остался в тени, с двумя пистолетами в руках, готовый ко всему.

Дон Торрибио подвигался очень медленно; но не успел он сделать и пятнадцати шагов, как вдруг дверь освещенной комнаты распахнулась и на пороге показалась тень человека.

Дон Торрибио остановился, машинально схватившись за один из пистолетов, висевших на его кушаке.

— Не бойтесь ничего, дон Торрибио! — произнес голос, показавшийся ему знакомым. — Идите смело вперед; меня, опасаться вам нечего, я друг ваш. Враг не так бы встретил вас!

— *Valgame Dios!* — воскликнул молодой человек, храбро двинувшись вперед. — Друг вы мне или недруг, но вот я перед вами!

— Я давно ждал вас, а также и вашего слугу, Пепе Ортиса! — возразил радостно незнакомец.

— А! в таком случае, я здесь! — отозвался весело Пепе, очутившись двумя прыжками подле своего брата.

— Добро пожаловать, сеньоры! — вежливо приветствовал их странный собеседник, отодвинувшись на несколько шагов, чтобы пропустить их.

Молодые люди доверчиво переступили порог и вошли в комнату, освещенную фонарем, стоящим на столе.

Они оба воскликнули от изумления, узнав человека, пригласившего их войти.

Это был не кто иной, как Лукас Мендес.

— Тише! Сеньоры, — сказал он, приложив палец ко рту, — будем говорить шепотом, а то нас могут услышать; у нас тут соседи, за этой стеной.

— Вы, здесь, Лукас Мендес! — сказал дон Торрибио, понижая голос.

— Как видите, ваша милость, и готов к вашим услугам.

— Но каким образом все это случилось?

— Разве вы забыли, что я состою на службе у дона Мануэля де Линареса?

— Как же! Но это нисколько не объясняет мне вашего присутствия в этой потайной комнате...

— О существовании которой мой новый хозяин ничего не знает; не так ли, ваша милость?

— Да, действительно.

— Позвольте мне в настоящее время ничего не ответить вам по этому поводу. Пусть вам будет известно только, что

в течение многих лет я обладаю секретом тайников этого дома, — сказал он со странной улыбкой — может быть, вы скоро узнаете все, и тогда поймете мотивы моего молчания.

— Хорошо, я буду ждать; но по крайней мере, надеюсь, вы объясните мне, каким образом вы могли здесь ожидать меня?

— Последний раз, когда я виделся с Пепе Ортисом, пришедшим ко мне вместо вас, я передал вам через него все указания, какие мог, не нарушая своей клятвы, затем, я рассчитывал на ваш ум и ловкость, как искателя следов, ловкость, о которой рассказывают чудеса; и я надеялся, что указав вам путь косвенным образом, насколько это зависело от меня, помогу вам открыть тайну этих подземелий. Как видите, моя надежда оправдалась, за что я благословляю небо. Теперь ничто не препятствует мне дополнить ваше открытие, дав вам все необходимые сведения для дальнейших действий.

— Отлично, я с радостью принимаю их, это мне даст возможность сберечь дорогое время, а вы сами знаете, как я спешу все покончить!

— Не более меня! — проговорил старик прочувствованным голосом.

— Так вот почему я встретил вас здесь?

— Для этого, во первых, ваша милость; а во вторых, потому что ваше присутствие необходимо в собрании главных вождей союза платeadос, происходящем в настоящую минуту.

— Viva Dios! Вот прекрасная идея, Лукас Мендес, друг мой! Где они собрались, эти мексиканские свиньи?

— В столовой, они там ужинают с аппетитом. Они явились сюда не более, как час тому назад; и так как они утомились после длинного пути, то и поспешили сесть за стол. Платеадос еще не начинали разговора о серьезных вещах; вы пришли как раз вовремя.

— Слава Богу! Не будем терять ни минуты! Прошу вас, проведите меня в такое место, откуда я мог бы все слышать!

— Пойдемте, ваша милость; нам нужно для этого сделать всего только несколько шагов.

Он взял фонарь и, дав молодым людям знак следовать за собой, вышел из комнаты, дверь которой осталась открытой.

Пройдя за несколько минут всевозможные проходы, они подошли к двери. Лукас Мендес отворил ее без шума, поста-

вил свой фонарь на землю снаружи и, обратившись к молодым людям, проговорил:

— Ни слова, ни жеста, которые бы выдали наше присутствие в этой комнате: как вам все будет слышно, так же и вас услышат!

— Не бойтесь ничего!

Тогда старик провели их в совсем темную комнату и за руку довел до софы, на которую они и сели, затем он надавил пружину, после чего открылась наверху стены светлая дыра, из которой распространились тепло и запах кушаний, и в то же время слышались голоса так отчетливо, как будто бы собеседники находились в той же комнате, где были спрятаны они сами.

Момент был выбран удачно: дон Бальтасар Турпид, по настоянию дона Мануэля де Линареса, собирался объяснять, по каким мотивам он завязал отношения с доном Порфирио Сандосом и почему он ссудил его тремястами тысячами пиастров. Дон Торрибио не мог попасть более кстати: платеадос развивали при нем весь план своих действий.

С замирающим от радости сердцем, молодой человек слушал о всех перипетиях, столь интересных для него, о кознях, замышляемых доном Бальтасаром и так горячо одобряемых его сообщниками. Заседание длилось долго, но это не могло утомить дона Торрибио; он лихорадочно следил за циничной откровенностью этих бандитов высшего света, хитрость и мошенничества которых вызывали у него невыразимое отвращение, смешанное с инстинктивным и суеверным ужасом.

Когда все шестеро встали из-за стола и распрощались друг с другом, и на асиенде воцарилась тишина, молодой человек остался с минуту недвижим, с головой, опущенной на грудь и в глубоком раздумье, волнуемый разнообразными чувствами. Неужели он действительно слышал этот омерзительный разговор; не было ли это кошмаром?!

Лукас Мендес, конечно, понял, что происходило в душе юноши; не произнося ни слова, он надавил пружину; открылась секретная дверь и перед их глазами показалась столовая в беспорядке, оставленном после ужина.

Дон Торрибио сейчас же встал, заглянул через порог, и, проговорив несколько слов, которые мы привели выше, отскочил назад с неизъяснимым отвращением; секретный вход тотчас закрылся за ним.

— Теперь, Лукас Мендес, — сказал он глухим голосом, — проведите меня в такую комнату, где мы могли бы свободно переговорить, чтобы нас не услышали!

— Пойдемте, ваша милость! — ответил старик, поклонившись.

Несколько минут спустя они вышли в довольно большую комнату, со скромной обстановкой; на столе был приготовлен холодный ужин.

— Здесь вам нечего бояться, ваша милость! — сказал Лукас Мендес.

— Где мы?

— За спальней старого графа, в которой теперь поместился дон Мануэль де Линарес.

— Не здесь ли останавливался дон Порфирио во время своего пребывания на асиенде?

— Здесь, ваша милость!

— В таком случае, тут должен быть скрытый вход.

— Этих ходов имеется не по одному, а по два в каждой комнате асиенды.

— О-о! Какое излишество предосторожностей!

— В ту эпоху, когда дом строился, эти предосторожности были необходимы.

— Мне по этому поводу рассказывали очень любопытную легенду, но я не прочь был бы узнать истину!

— Но вам не мешало бы закусить, ваша милость. А пока вы будете ужинать, я в нескольких словах постараюсь объяснить вам кое-что.

— Согласен, хотя не чувствую особенного аппетита. Разговор этот, на котором я присутствовал, совсем расстроил меня; до сих пор я и не воображал, что возможно существование подобных мерзавцев!

— Человек — самое подлое и в то же время жестокое создание, ваша милость. Он злоупотребляет способностями, полученными им от Бога, чтобы тиранить все окружающее, в угоду своим порокам и страстям.

— Это сущая правда! Садись там, против меня, Пепе, ты, наверное, проголодался.

— Не особенно, друг мой; но, раз вы мне разрешаете...

— Конечно, садись же; мы тут свои люди!

Все сели и принялись за еду. Лукас Мендес прислуживал.

— Дорогой мой Лукас Мендес, — начал дон Торрибио, напуская на себя веселость, — вы для меня ходячая загадка, которую я не могу никак разгадать.

— Меня, ваша милость? — проговорил старик со странной улыбкой.

— Да как же! Как выражаются мои друзья, французы, вы сотканы из одних тайн. К счастью, я не слишком любопытен, а то бы просто иссох из-за вас. Все в вас необыкновенно и странно в высшей степени. Честное слово, я вас не понимаю: вы мне говорите о мести; отлично, я с вами действую заодно. Год спустя случай сталкивает нас здесь. Оказывается, совсем неожиданно, что мы оба охотимся за той же дичью. Вы оставляете меня, чтобы служить или, вернее, мстить человеку, которого я сам преследую. Сегодня вечером я нахожу вас полновластным хозяином тайны, которая никому не доступна; и к довершению всего, невзирая на ваше пламенное желание мести, на ваши сведения, от которых зависит мой успех, вы ничего не объясняя мне, спокойно предоставляете мне самому выпутываться из этого дела.

— Разве вам не лучше обойтись без меня, ваша милость?

— До известной степени, пожалуй; но мы из-за этого потеряли драгоценное время!

— Может быть, ваша милость; но есть еще один владелец этой тайны; и он заинтересован не менее моего в этой истории; скажу вам более, он ваш друг, ваш союзник, однако и он вынужден хранить молчание.

— О ком вы говорите?

— Разве вы не знаете дона Порфирио Сандоса?

— А-а! — засмеялся он. — Но уж это кажется колдовством. Берегитесь, Лукас Мендес, я скоро начну думать, что вы дьявол, и буду заклинать вас, мой друг!

— Ваша милость ошиблись бы: я простой смертный и самый преданный ваш слуга.

— Это возможно. Но, однако, странный же вы слуга, я таких еще не встречал. Тем не менее, серьезно, неужели вам не надоело хранить все эти тайны и вы не находите, что теперь настало наконец время все разъяснить?

— Увы, ваша милость, для меня слишком тяжелы все эти тайны. Клянусь вам, что они даже выше моих сил! Но, к несчастью, разъяснение их зависит не от меня; это случится мало-помалу, само собой, в силу обстоятельств; да вот уже

сейчас — разве вы не узнали больше, чем вам было известно месяц тому назад?

— Сагау! Еще бы: месяц тому назад я ровно ничего не знал! Но откуда вы сами знаете, что дон Порфирио Сандос отказался открыть мне секрет этой асиенды?

— Я давно знаком с доном Порфирио!

— Вы? Но ведь вы сами же говорили мне, что вот уже двадцать лет...

— И даже больше, как я покинул Мексику; но еще задолго до этого времени я знал дона Порфирио.

— В таком случае, почему же он не узнал вас?

— Это весьма естественно, ваша милость! Лета и пережитые страдания совсем изменили меня; к тому же, дон Порфирио думал, что меня уже давно нет в живых.

— Все это возможно, — пробормотал дон Торрибио в раздумье, — но еще одно слово: кто вам рассказал об этой асиенде?

— Сам граф, ваша милость; я воспитывался с малых лет в его доме.

— Вы?

— Да, ваша милость, граф меня очень любил. Что же касается того, что вы желали узнать...

— Друг мой, вы отвлекаетесь от сути.

— Нисколько, ваша милость; да разве я не получил вашего согласия?

Дон Торрибио закусил губу.

— Да, правда; больше я не стану расспрашивать вас, раз вам это не нравится. Итак, возвратимся к легенде.

— В ней есть доля правды среди массы лжи. Достоверно то, что эта асиенда была построена тридцать лет спустя после завоевания неким Ксолотлем, принцем Сиболы, с целью уберечь его неисчислимы богатства от алчности испанских авантюристов и в особенности от знаменитого Альваро Нуньеса Кабеса де Вака, первого европейца, осмелившегося вступить в эти края, где скрывались последние мексиканские патриоты. В то время гора эта была не такой, на нее легко можно было подняться с какой угодно стороны. Принц выписал известного испанского архитектора и поручил ему постройку замков наподобие тех, которые создавались в те времена: с двойными и тройными стенами и потайными ходами. Так как принц был несметно богат и имел массу васалов, то работа продвигалась с неимоверной быстротой. В

каких-нибудь два года асиенда была окончена; получилось превосходно, в чем, я думаю, вы сами убедились.

— Действительно, мне кажется, даже в Европе невозможно встретить более законченной и обдуманной постройки!

— Дон Альваро Нуньес Кабеса де Вака пришел к тому же заключению. Во время его месячного пребывания на этой асиенде ему не удалось решительно ничего открыть, хотя, одному Богу известно, насколько этот человек был пронырлив, вследствие своей алчности.

— Но меня удивляет, что архитектор, автор этого чудного творения, не выдавал секрета его.

— Увы, ваша милость, это случилось, быть может, помимо его желания! — сказал Лукас Мендес с насмешливой улыбкой.

— Как же так?

— Этот архитектор привез с собой человек двадцать опытных экспертов, работой которых он руководил при постройке тайных ходов, пружин и прочее. По окончании работ принц щедро наградил их всех.

— Так и следовало!

— Но, к несчастью, ему показалась насмешливой улыбка на губах архитектора, во время клятвы последнего никогда не открывать секретов нового жилища. Принц не сказал ни слова, сделав вид, что ничего не заметил. Он даже обещал ему навьючить на мулов целую грудую золота.

— О-о! Вот что называется царским вознаграждением!

— Не правда ли, ваша милость? Но, повторяю вам, принц был несметно богат и щедр, к тому же он остался доволен работой: и вместо десяти мулов, он дал двадцать. Архитектор со своими спутниками и с хорошей охраной отправился в Мексику. Но дня три спустя после их отъезда с асиенды на них ночью напали индейцы, позарившись, конечно, на их сокровища. Испанцы, как рассказывали, защищались отчаянно, но не могли устоять под натиском многочисленного неприятеля и пали все до последнего, после тяжелых мучений: вы сами знаете жестокость индейцев!

— Таким образом, секрет...

— Был унесен ими в кровавые могилы.

— Ловко сыграно!

— Может быть; но никогда ни у кого не было подозрений против принца: в то время в этом краю хозяйничали индейцы.

Не прошло и шести месяцев, как выстроили асиенду, как вдруг сделалось страшное землетрясение, которое совершенно изменило внешний вид края: гора на половину обрушилась и с той поры сделалась такой неприступной, какой вы ее видите сейчас. Что же касается асиенды, она осталась невредимой каким-то сверхъестественным образом; ни один из ее камней даже не тронулся. Только она сделалась как будто еще недостижимее. Принц был в восторге, что его секрет остался навсегда только в его собственных руках.

Мало-помалу воспоминание об этих событиях обратилось в легенду, переходя из уст в уста индейцев и охотников. В настоящее время мы с доном Порфирио единственные, которым известна эта история; асиенда остается собственностью той же фамилии, и, с Божьей помощью, оно так будет еще долгое время!

Лукас Мендес произнес последние слова с таким выражением, от которого молодой человек содрогнулся.

— Да услышит вас небо! — сказал он, — но, по всем вероятностям, граф и его сын умерли.

— *Quien sabe?* Кто знает? — проговорил старик мрачным голосом, — иногда и мертвецы выходят из могил, чтобы отомстить убийцам. Но, — переменял он тон, заметив, что молодой человек перестал есть, — не желает ли ваша милость отдохнуть теперь?

— Нет, у меня есть дело! Пепе, ты сейчас отправишься, ведь ты не слишком устал, надеюсь?

— Чтобы исполнить приказание вашей милости, я всегда бодр.

— Ладно. Лукас Мендес, мне нужно написать письмо!

— Вот все, что вам нужно, ваша милость! — сказал старик, передавая ему бумагу, перья, чернила и прочее.

— Благодарю!

Дон Торрибио закурил сигару, подумал минуты две-три, затем написал строк двадцать скорым и изящным почерком. Перечтя написанное, он сложил бумагу наподобие письма, запечатал и, повернувшись к Пепе, стоявшему позади его, сказал:

— Это письмо должно быть доставлено дону Порфирио как можно скорее. Гони свою лошадь во весь дух; пусть она потом хоть подохнет, только догони дона Порфирио. Для нас очень важно вовремя предупредить его. Повтори ему все, что

мы тут слышали, я предупредил его, что ты дашь ему все нужные сведения.

— Где я могу найти дона Порфирио, ваша милость?

— В Тубаке или по пути из Марфильского ущелья.

— Я поищу его и найду.

— Поезжай и не дремли!

— Ни одной минуты не потеряю даром.

— Лукас Мендес, проводите, пожалуйста, к ближайшему выходу.

— Где вы оставили лошадей, ваша милость? — спросил старик.

— Мы их спрятали в лесу около какого-то заброшенного замка, в дупле красного дерева, на правом берегу Рио-Салинаса.

— Гм! Если вы выйдете с этой стороны, то потеряете много времени понапрасну. Я проведу вас к противоположному выходу с горы и дам вам вполне отдохнувшую лошадь; так вы выиграете целых четыре часа.

— Хорошо; но что мне делать после того, как я передам письмо дону Порфирио?

— Ты привезешь мне сюда ответ; я буду ждать тебя! Смотри же, торопись!

— Будьте уверены во мне, ваша милость!

Они вышли. Лукас Мендес почти тотчас же вернулся, пробыв в отсутствии не более четверти часа.

— Пепе Ортис уехал! — сказал он.

— Очень рад! Я же теперь отдохну несколько часов. Не можете ли вы предупредить донью Санту, чтобы мое неожиданное появление не испугало ее? Мне нужно переговорить с ней.

— В котором часу вы желаете видеть сеньориту, сеньор?

— Около восьми или девяти часов утра.

— Я предупрежу ее, ваша милость.

— Никто не должен знать об этом свидании!

— Ведь ее опекун объявил, что уезжает сегодня утром.

— Я не помню, говорил ли он об этом.

— Ну, это все равно; я уж устрою так, чтобы вам никто не помешал. В конце концов вы всегда можете вовремя скрыться.

— Правда. Теперь дайте мне плащ и охапку соломы: я просто изнемогаю от усталости.

— Вот комната, приготовленная для вашей милости! — сказал старик, открывая боковую дверь.

Молодой человек вошел в небольшую комнату, в которой нашел кровать с меховым покрывалом.

— Я отлично засну здесь, — сказал дон Торрибио, — разбудите меня, Лукас Мендес, не позже семи часов, мне нужно еще кое-что спросить у вас.

— В семь часов, как всегда, я буду к вашим услугам, ваша милость; приятного сна! — И, распрощавшись, старик вышел.

Молодой человек положил свое оружие на стол — так, чтобы можно достать его рукой, затем, не раздеваясь, бросился на постель и через пять минут уже спал крепким сном.

А Лукас Мендес сел на стул, спинка которого упиралась в дверь комнаты его господина, и не спал, оберегая его сон.

ГЛАВА IV

Отчего дон Порфирио остановился на главной площади пресидио Тубака

Некоторые писатели, не заботящиеся о географической точности, описывают Америку, не имея о ней ни малейшего представления, так как их экскурсия в Новый Свет ограничивалась Ниццой или Монако. Да будет им известно, что Тубак никогда не был городом — ни большим, ни малым, а тем более столицей штатов, Соноры или Аризоны.

Пресидиос, или крепости и форты, как показывает само их название, находились в ту эпоху во власти испанцев и представляли из себя посты, на которых выстроены были исправительные дома, содержащие в себе каторжников и солдат на карауле.

Испанское правительство построило на индейской границе в торговых целях ряд крепостей, сообщавшихся между собой и предназначенных для обмена товарами с краснокожими и для защиты от них же, если бы им вздумалось попытаться грабить и жечь замки и асиенды жителей Новой Испании или нынешней Мексики.

Тубак, расположенный у подошвы горы Пахаррос, на самом возвышенном месте Аризоны, принадлежащей теперь Соединенным Штатам, являлся форпостом цивилизации в

этих краях. Бдительность караула, устроенного в нем, распространялась даже на необозримую пустыню Апахерию.

Это пресидио состояло из двойной укрепленной ограды, маленькой крепости и фактории для обмена товаров с краснокожими. Несколько свободных жителей, поместившихся в Тубаке и подчиненных очень строгой военной дисциплине, жили в небольших домиках, построенных без всякого плана и походивших скорее на индейские хижины, чем на жилища цивилизованных людей.

Но эти ранчо, казавшиеся такими мизерными, хранили в себе целые миллионы. В этом уголке колоссальные состояния создавались с невероятной быстротой. Действительно, в Тубаке организовались всевозможные экспедиции искателей золота. Здесь же устраивались свидания беглецов, лесных бродяг и охотников, всех этих передовых людей поневоле. Кроме того, здесь же происходил обмен мехов на слитки золота или серебра, найденных в рудниках саваны.

Жизнь в Тубаке кипела в то время ключом: золото тратилось в изобилии. Из освещенных на всех углах и перекрестках кабаков раздавалось пение. Мескаль, пультке¹ и каталонское рефино лились рекой; под звуки виуэл и харан¹ шла пляска танцовщиц, собиравшихся сюда со всех концов вице-королевства, чтобы поживиться хоть частицами драгоценного металла, расточаемого пригоршнями за одну улыбку или ласку. Хорошее то было время!

Теперь все крепости снесены, а от Тубака остались одни развалины. Население его уменьшилось на две трети. Всюду появилась нищета. Революция, анархия, постоянные войны и восстания совсем уничтожили пресидио; и тени не осталось от того, что было: улицы пустынные, дома заброшены и валяются от дряхлости; кабачки, мрачные и молчаливые, не видят больше веселых гостей. Жители прозябают; разве изредка кое-где вечером при слабом мерцании звезд, можно встретить несколько бледных, изможденных субъектов, в отвратительных лохмотьях, лежащих или сидящих у дверей своих лачуг и вяло ведущих беседу, или курящих папиросы. Куда девались звонкий смех, шутки, сладостные танцы, харабе и пультке?! Теперь всюду — убожество и нищета.

¹ Виуэла, харана — виды мексиканских гитар.

Только изредка устраивается какая-нибудь экспедиция, или наезжают авантюристы. Тогда на несколько дней пресидио Тубак пробуждается от своей спячки; от летаргии переходит к опьянению и надеждам. Но экспедиция уезжает, и опять воцаряется тишина и оцепенение.

Но вот приблизительно неделю тому назад в Тубаке поселились около дюжины каких-то субъектов, которых, судя по их костюмам, можно было принять за охотников или лесных бродяг, но по их непринужденной походке и более чем подозрительным манерам легко было сразу догадаться, что это авантюристы.

Их заметили однажды утром, на восходе солнца, стучащими изо всех сил в дверь трактира. Невозможно было определить, откуда они явились: с севера или с юга, с востока или запада.

С момента своего водворения эти авантюристы ужасно шумели, кутили, пьянствовали и дрались, играя в монте с остервенением — денег у них было много: их карманы оттопыривались от золота. Но так как они напивались с самого утра, то от них самих нельзя было узнать, кто они и откуда; на все вопросы, обращенные к ним любопытными, они пожимали плечами и поворачивали спину, отвечая первую чепуху, пришедшую им в голову.

Заметили только одно обстоятельство, не играющее, впрочем, особенной роли: каждый день за час до восхода солнца один из них садился на лошадь и уезжал из пресидио, куда возвращался лишь с наступлением ночи.

Этот авантюрист выезжал то с одной стороны, то с другой; и когда приезжал обратно, то лошадь его была измучена от усталости, а одежда была вся в пыли.

Тысячу раз пробовали разузнать причины этой экскурсии, но безуспешно: авантюристы не выдавали тайны этих поездок.

Такое странное поведение их продолжалось уже десять дней, как однажды в субботу, около трех часов пополудни, авантюрист, который утром покинул пресидио, в обеденный час прискакал в Тубак во всю прыть.

Прочие авантюристы, рассеянные по тавернам, собрались в одну минуту и обступили новоприбывшего, конечно, что-

¹ Монте — мексиканская карточная игра.

бы выслушать его донесение, сделанное тихим голосом. Затем последовал спор, которого никто из посторонних не мог расслышать, но который казался очень оживленным и длился около часа; потом по знаку одного из них, которого они признавали, по-видимому, за начальника, все разошлись с беспечным видом и вновь принялись за вино и игру.

День прошел спокойно. Только спустя несколько минут после заката солнца, когда стало совсем темно, жители Тубака к своему великому удивлению заметили, что все авантюристы уехали. Они исчезли так же внезапно, как и явились. Но жаловаться на них было нечего: несмотря на свои бесчинства, они нигде не остались в долгу, заплатив все, что следовало; только и было, что разожгли всеобщее любопытство.

Можно себе вообразить, сколько последовало комментариев по поводу этого исчезновения! Не зная, чему его приписать, стали выдумывать невероятные, фантастические истории, и Бог знает, до чего довело бы возбужденное воображение достойных жителей пресидию, если бы к девяти часам вечера, в ту минуту, когда на звездном небе выплыла луна, их не остановил бы шум, сначала неясный, но все возрастающий по мере приближения и который они признали наконец за топот кавалькады.

Это войско, прекрасно вооруженное, состояло из ста пятидесяти или двухсот человек, под командой трех офицеров. Кавалькада двигалась в военном порядке; в середине этого блестящего эскадрона гарцевали несколько дам, около которых ехал офицер в полной форме.

Всадники проехали через пресидию шагом; стрелки и охотники были в сарапе; при свете луны блестела сталь их копий и ружейных стволов, слышалось бряцанье сабель, ударяющих о лошадиные сбруи.

Путешественники достигли главной площади и намеревались, кажется, проехать мимо, нигде не останавливаясь; в арьергарде было пятнадцать мулов с двадцатью всадниками.

В ту минуту, когда начальник стрелков, ехавший на несколько шагов впереди солдат, начал поворачивать свою лошадь налево с очевидной целью проехать в пустыню кратчайшим путем, хозяин одного трактира, находящегося напротив ратуши — единственного, который был освещен — поспешно подошел к офицеру, и, вежливо кланяясь ему, сказал:

— Buenos noches¹, сеньор капитан!

— Buenos noches, сеньор! — тотчас же ответил офицер.

— Мне бы хотелось, — начал содержатель гостиницы, — сказать вам несколько слов, кабальеро. Если я не ошибаюсь, вы начальник отряда?

— Я всего лишь один из них, сеньор, — ответил капитан, — наш командир — вон тот офицер! Если вы имеете что-либо сообщить, то обратитесь к нему.

— Благодарю, сеньор капитан, — ответил трактирщик отодвигаясь назад, чтобы освободить проход, — я сейчас переговорю с ним.

Он подождал, пока указанный офицер поравнялся с ним, затем, приблизившись к нему, почтительно снял свой жирный и грязный колпак и с изысканной вежливостью сказал незнакомцу:

— Одно слово, пожалуйста, сеньор кабальеро!

— Что вам угодно? — ответил всадник сдержанным голосом.

— Дать важный совет вашей милости.

— Говорите, сеньор Муньос! — ласково отозвался всадник.

— Ваша милость знает меня? — удивился трактирщик.

— Сагау! Знаю ли я вас! — засмеялся всадник. — Посмотрите-ка на меня хорошенько! — добавил он, наклоняясь с седла.

— Дон Порфирио Сандос! Новый губернатор Соноры! — вскричал трактирщик в изумлении. — Valgame Dios! Возможно ли это?

— Как видите, Муньос, но говорите скорее, я тороплюсь!

— Ваша милость направляется, конечно, в Охо-де-Агуа?

— Точно так, хозяин, а так как мне предстоит еще проехать четыре мили, то вы понимаете, некогда терять время...

— Сегодня ночью ваше сиятельство не поедете на асиенду! — решительно сказал трактирщик.

— Как так! кто же это может помешать мне?

— Я, ваше сиятельство! Умоляю, выслушайте меня, а там уж сами решайте, стоит ли вам так спешить.

— Значит; вы хотите сообщить мне нечто важное?

¹ Доброй ночи (исп.).

— Очень важное, ваше сиятельство! Ваша милость знает, как я предан и что на меня можно положиться.

— Конечно, Муньос, вы говорите правду, только...

Трактирщик наклонился к нему и проговорил чуть слышным голосом:

— У меня к вам письмо от Твердой Руки.

— О-о! — произнес дон Порфирио, задумавшись. — Это требует размышления. Не найдется ли в вашем доме места, чтобы поместить двух дам и прислугу? — громко спросил он.

— Найдется, ваша милость! Хотя они и не найдут у меня удобств своей асиенды, но ночь скоро пройдет.

— Совершенно верно; так пойдем же все, Муньос, прошу вас!

Дон Порфирио возвратился назад медленным шагом и, обратившись к одному из всадников, сказал:

— Кастор, предупредите, пожалуйста, капитана дона Диего Леона, что мы останемся на ночь в этом пресидио. Мы расположимся на этой площади, затем ваши охотники устроят здесь бивуак.

Кастор был уже пожилым человеком, но очень деятельный. Его энергичное лицо дышало прямою и храбростью; в то же время было видно, что он очень умен. Он был канадским охотником и более тридцати лет колесил пустыню по всем направлениям; ему были известны самые тайные уголки ее.

— Слушаю, сеньор, — ответил он, — разве есть какие-нибудь новости?

— Я еще ничего положительного не знаю, но что-то боюсь. Во всяком случае, капитан, примите предосторожности, и, главное, позаботьтесь, чтобы мы были в открытом месте.

— Положитесь на меня, сеньор, и будьте спокойны!

— Благодарю вас!

Тогда дон Порфирио приблизился к дамам и, поклонившись им, сказал:

— Сеньоры, не будете ли вы столь любезны дойти до этой гостиницы, где все приготовлено, чтобы принять вас?

— Разве мы здесь ночуем? — спросила более пожилая из них.

— Да, дорогая Энкарнасьон! Я рассудил, что мы еще очень далеко от асиенды, куда не доберемся раньше полуночи, а с дамами такое путешествие ночью очень затруднительно, так лучше переночевать эту ночь в пресидио.

— Татита керида (дорогой отец), — сказала, смеясь, младшая из дам, — хотя вы очень ловкий дипломат, но нас вам не обмануть; мы видели, как вы разговаривали с незнакомцем.

— Извини, дитя мое, это был хозяин того дома, в котором вы с матерью проведете эту ночь. Он объявил мне, что ваши апартаменты готовы.

— Апартаменты?! Название несколько лестное, пожалуй! — сказала молодая девушка с лукавой усмешкой.

— Хесусита, — остановила ее мать, — к чему так приставать к отцу? Какова бы ни была причина, заставившая его попросить нас остаться здесь на ночь, им руководит желание сделать нам же лучше!

— О, мама! — возразила молодая девушка, смеясь. — Отчего же мне немножко и не подразнить дорогого папу?

— Подразнить-то ты меня можешь, — ответил он с улыбкой, — твоя мать знает, как я люблю вас обеих, она справедлива ко мне!

— Но ведь с этой остановкой не связано никакой опасности, дон Порфирио? — спросила с беспокойством его жена.

— Решительно ничего, моя милая, — весело ответил он, — это простая предосторожность, ничего больше. Признаюсь, ваше присутствие делает меня трусом, я поневоле всего остерегаюсь, а потому мне можно простить эту задержку.

— Ну, довольно об этом, мы, неблагодарные, не сумели сразу оценить всю вашу заботливость! Ведите нас в гостиницу!

Дон Порфирио повел обеих дам с их служанками в дом достойного Муньоса, который хлопотал изо всех сил, чтобы привести в порядок свое убогое жилище, что ему почти удалось благодаря гамакам и багажу, который дамы везли с собой.

В это самое время капитан дон Диего Леон вместе с Кас-тором исполнил данное приказание: устроили бивуак на площади — к великому изумлению местных жителей, которые давно не присутствовали на подобном празднестве. Они со всех сторон обступили всадников, предлагая им свои услуги и помогая устроиться.

Охотники, приблизительно около ста шестидесяти человек, были все из канадских, американских и мексиканских лесов. В общем, все это были люди честные, решительные и воинственные. Они сохраняли во всем строгую дисциплину

и вскоре вошли в мирные переговоры с жителями, и те снабдили их за весьма умеренную плату съестными припасами и напитками.

Зажгли костры; расставили караульных, затем принялись ужинать; взялись за лошадей и их корм, также позаботились о мулах; таким образом, все устроились.

Эта остановка каравана на площади в деревне или даже в городе вещь весьма обыкновенная; на пограничных станциях она происходит всякий раз, как экспедиция собирается вступить в пустыню.

Властям пресидио не пришлось вмешиваться; только когда алькальд-майор узнал, что этот блестящий отряд состоял под командой дона Порфирио, богатого асиендадо, любимого и уважаемого всеми на пятьдесят миль в окружности, но новое назначение которого ему еще не было известно, он счел своим долгом сделать ему визит и поздравить с приездом в Тубак.

Лишь только дон Порфирио освободился, а донья Энкарнасьон с дочерью поужинали и легли спать, он позвал Муньоса, сгорая от нетерпения узнать поскорее новости, которые тот хотел сообщить ему.

Хозяин гостиницы поспешил на его зов.

— Сядьте, Муньос! — сказал ему дон Порфирио, когда тот вошел в комнату. — Теперь мы спокойны, нам нечего бояться нескромных ушей, сообщайте те важные известия, о которых вы говорили мне.

— Я готов служить вам, как всегда, ваше сиятельство, но, прежде всего, разрешите вручить вам письмо!

— Письмо! От кого? Кажется, никто не знает о моем путешествии, как же это случилось?..

— Не ломайте голову, ваша милость, я вам уже назвал автора письма, но вы забыли: это письмо от белого охотника, известного под именем Твердой Руки! — поспешно прервал трактирщик.

— Ах, да! Как это я мог забыть?! Твердая Рука, дружбой которого я дорожу, действительно знает о моем путешествии, а также и то, что я должен был проехать через Тубак. Дайте мне письмо, Муньос; вы давно получили его?

— Сегодня утром, ваша милость!

— Кто вам передал его?

— Этого я и сам не знаю!

— Как не знаете?!

— Право, не знаю!

— Однако, не само же оно попало в ваши руки?

— Не само, ваше сиятельство, хотя, судя по странности передачи, почти что так.

— Я вас совсем не понимаю.

— Сегодня утром, по обыкновению, в пресидио пришли из окрестностей пеоны продать дичь, фрукты, овощи и говядину. Вы знаете, все индейцы так схожи между собой, что их очень трудно различить одного от другого. Итак, эти люди явились сюда предлагать мне товар.

— Да что тут общего с письмом? — в нетерпении прервал дон Порфирио.

— Подождите, ваша милость, вы поймете!

— Ну, продолжайте!

— Я говорил, что эти люди пришли предложить мне товар. Я накупил несколько корзин фруктов, овощей и говядины; одним словом, пополнил свой запас, да и хорошо поступил, а то вам нечем было бы поужинать сегодня, ваша милость!..

— Это правда. Продолжайте!

— Индейцы, получив деньги ушли. Тогда я раскрыл корзины... И каково же было мое удивление, когда в одной из них увидел письмо, адресованное на мое имя?! Я не поверил своим глазам. Но мое имя было ясно написано; я раскрыл это странное послание и в нем нашел второе письмо с вашим именем; в моем же было написано всего несколько слов:

Муньос, сегодня вечером, около десяти часов, дон Порфирио, которого вы знаете, проедет через Тубак; пригласите его переночевать у вас; если он откажется, назовите ему меня и передайте прилагаемое письмо. Если он станет расспрашивать вас, сообщите ему о последних визитах в пресидио. Вы поймете, что я соблюдаю осторожность для передачи этого письма, а то оно рисковало бы быть перехваченным.

Надеюсь на вашу преданность дону Порфирию Сандосу. Дон Порфирио будет вам благодарен так же, как и я.

Твердая Рука

Вот, ваша милость; вы теперь сами видите, что я не мог знать, кто принес письмо.

— Действительно, Муньос. Где же это послание?

— Вот оно, ваша милость!

Хозяин гостиницы вытащил из-за пояса и передал его дону Порфирио; последний схватил его, распечатал и живо пробежал.

Вот содержимое письма:

Дорогой дон Порфирио,

Согласно условленному плану, вы проедете через Тубак вечером с субботы на воскресенье, и будете продолжать, не останавливаясь, свое шествие до Охо-де-Агуа, куда рассчитываете приехать к одиннадцати или двенадцати часам ночи. Я знаю из верного источника, что наши враги, предупрежденные шпионами, приняли свои меры, чтобы помешать вам достигнуть асиенды. Некоторые из них стерегут вас в самом Тубаке. Как только вы явитесь туда, они сообщат об этом своим сообщникам и все вместе будут поджидать вас в Марфильском ущелье. Их будет не менее двухсот человек; они думают напасть на вас врасплох и легко покончить с вами. Это самые отчаянные бандиты; им заплачено дорого — значит, они будут драться, как дьяволы. Их цель завладеть доньей Энкарнасьон и доньей Хесус: вы видите, дело серьезное, надо о нем подумать.

Мой совет таков:

Переночуйте в пресидио, откуда вы выедете на другой день, в воскресенье, к девяти часам утра.

Я убежден, что вы сумеете принять всевозможные предосторожности во время вашего перехода из Тубака на асиенду. Что же касается меня, я запрячусь в засаду и внезапно прижму бандитов. Пусть наши враги нападают первые, тогда победа останется за нами.

Крики ястреба, повторенные три раза, возвестят вам о моем присутствии.

Мужайтесь и надейтесь.

Твердая Рука

Асиенда дель-Охо-де-Агуа, пятница

Р. S. Для пополнения сведений, расспросите Муньоса.

Окончив чтение этого странного письма, дон Порфирио подумал с минуту, потом, приблизив бумагу к огню, хотел

сжечь ее; тотчас же опомнившись, сложил ее и спрятал в портфель.

— У вас тут были новости, Муньос? — спросил он трактирщика.

— Да, ваша милость. Дюжина авантюристов проживали тут десять дней и сорили деньгами направо и налево; верно, им не пришлось зарабатывать их!

— Эти авантюристы уехали?

— Да, ваша милость!

— Давно уехали?

— Сегодня ночью; и я уверен, что они удрали, испугавшись вас.

— Как же это? Но ведь они не знали о моем приезде!

— Не скажите: каждый день они посылали кого-нибудь из своих на разведку. Тот, который выехал сегодня, вместо того, чтобы остаться вне пресидио, подобно своим предшественникам, до заката солнца, возвратился, сломя голову, к трем часам. Все авантюристы сейчас же соединились для тайного совещания и затем ночью исчезли, точно провалились сквозь землю. Все это очень подозрительно.

— Хм! Да, тут что-то неладно, надо бы все выяснить. Благодарю вас за добрый совет, Муньос, я хорошо сделал, что воспользовался им, и никогда не забуду вашей услуги.

Он сунул ему в руку несколько золотых монет и встал.

— Разве вы не отдохнете, ваша милость? — спросил трактирщик.

— Нет еще, я сначала посмотрю свое войско, все ли там в порядке.

— О! Здесь вам бояться нечего, ваша милость!

— Знаю, — ответил он, улыбаясь, — но мне хотелось бы знать, удобно ли устроились мои храбрые спутники! — И, завернувшись в плащ, он вышел на площадь.

В действительности дон Порфирио был гораздо более озабочен, чем хотел показать.

Намерение бандитов захватить его жену и дочь особенно тревожило его. Он большую часть своей жизни провел в охотах по лесам, так что ему хорошо было известно, что за люди эти окрестные бродяги и пираты: это — настоящие звери, сохранившие лишь подобие человека, которые за золото готовы на самое гнусное преступление; а потому он дрожал при одной мысли о том, что ему на другой день предстоял переезд через Марфильское ущелье.

Обо всем этом он размышлял, пока шел из гостиницы в лагерь и чем больше он думал, тем больше возрастали его опасения. Было около одиннадцати часов вечера; стрелки и охотники, укутанные в свои плащи, спали, растянувшись на земле; караульщики не дремали.

Капитан дон Диего Леон спал подле огня; дон Порфирио подошел к нему, но остановился и, покачивая головой, проговорил.

— Он еще слишком молод и не знает жизни. Какой помощи, кроме военной храбрости, можно ждать от него?

И он обвел глазами вокруг себя; вдруг он вздрогнул, и на лице его изобразилась радость.

Около огня сидел на корточках человек, облокотившись локтем на колено и, подперев рукой голову, курил длинную трубку, поглядывая неопределенно вокруг себя. Видно было, что он был настолько поглощен своими мыслями, что все окружающее для него точно не существовало.

Этот человек был Кастор, которому дон Порфирио поручил командование над охотниками.

— Вот! — пробормотал дон Порфирио. — Он один может дать мне нужный совет и помочь избежать опасности.

Подойдя к огню, он сел рядом с охотником и, закулив сигару, сказал ему:

— Добрый вечер, Кастор!

— Добрый вечер, сеньор! — ответил канадец, вздрогнув, как будто его внезапно пробудили ото сна.

— Вы спали?

— Нет, я думал!

— Можно узнать — о чем? — спросил улыбаясь дон Порфирио.

— К чему, сеньор? — довольно сухо ответил охотник, — разве стоит говорить вам о разных глупостях?!

— Ба! да отчего же не сказать?! Мы уьем время: мне вот не хотелось спать, я и пришел поболтать с вами! Говорить о глупостях или о чем-либо другом, не все ли равно?

— Вы станете смеяться надо мной, и будете правы, сеньор, если я вам скажу, что мне сейчас взбрело в голову.

— Почему знать? Иногда самые безумные мысли оказываются очень дельными.

— Мы, канадцы, суеверны, сеньор!

— Что вы этим хотите сказать?

— А то, что в большинстве случаев мы думаем не так, как другие.

— Чтобы я мог ответить, Кастор, мой дорогой друг, мне нужно узнать хотя бы некоторые из этих мыслей.

— Вы правы, сеньор; да собственно говоря, отчего бы мне и не сказать вам, что меня мучит? Если вы и посмеетесь надо мной, беда не велика.

— Я не имею привычки смеяться над людьми, которых уважаю, Кастор! Насмешка всегда зла, и она оставляет неизлечимые раны. Я могу иногда шутить, но и то в известной мере, не затрагивая самолюбия моих друзей.

— О! Хорошо; дело совсем простое, сеньор. Когда вы подошли сюда, я думал о нашем путешествии, совершаемом в исключительных условиях: целых две недели нам, по-видимому, не угрожало никакой опасности.

— Совершенно верно, охотник! Что же вы думали по этому поводу?

— Я думал, сеньор, что это неестественно, нелогично, чтобы в таких опасных местах дело происходило бы именно так.

— Ну и что же, по-вашему?

— Ну, я и говорил сам себе, что остающиеся четыре мили до Охо-де-Агуа нам не удастся пройти так же спокойно, что те опасности, которые мы пока миновали, обрушатся на нас разом, совсем неожиданно, и что не далее, как завтра, не дойдя до асиенды, мы попадем в какую-нибудь западню, из которой нам не легко будет выбраться невредимыми.

— Так вот какие мысли пришли вам в голову, Кастор! — вскричал дон Порфирио в волнении.

— Да, сеньор, а теперь зовите меня ясновидцем, смейтесь надо мной, сколько угодно, я не рассержусь.

— Сохрани меня Бог смеяться над вами, Кастор, тем более, что я сам разделяю ваши мысли.

— Вы думаете то же, сеньор?

— Я неверно выражаюсь; вы действительно одарены предвидением, так как почувствовали, угадали те опасности, которым мы действительно подвергаемся.

— Я вас не понимаю, сеньор.

— Я сейчас объяснюсь; вас не удивило, что я распорядился остаться здесь на ночь?

— Конечно, удивило, сеньор, тем более что еще сегодня утром вы говорили, что остановок нигде не будет до самой

асиенды, мы прибудем к десяти или одиннадцати часам вечера.

— Вы не догадываетесь, отчего я изменил мнение?

— Право, нет, сеньор, я даже не пробовал понять, отчего вы так поступаете. Разве вы не хозяин и не свободны действовать, как находите нужным без того, чтобы в этом доискивались какой-либо причины?

— Меня заставило остановиться в пресидио письмо. Вот оно. Прочтите его, и вы узнаете, что ваше предчувствие не обмануло вас.

— Сеньор! — сказал он, отталкивая бумагу, которую ему протягивал дон Порфирио.

— Прочтите это письмо, мой друг. Я не хочу иметь от вас секретов.

— Раз вы этого хотите, пусть будет по-вашему, сеньор. — И охотник быстро пробежал записку.

— Какие ужасные новости, — сказал он, возвращая ее обратно.

— Вы видите, вы почти угадали их!

— Правда!

— Что же нам делать?

— Принять предосторожность, черт побери.

— Но каким образом?

В это мгновение поблизости послышался выстрел.

— К оружию, ребята! — закричал Кастор, вскочив одним прыжком, с ружьем в руке.

В одну минуту весь лагерь был на ногах, каждый занял свой пост, готовый к сражению.

Кастор собирался послать двух-трех охотников на разведку, узнать причину тревоги, как послышался стук копыт, скачущей галопом лошади.

— Но!а, не стреляйте! Я ваш друг, Пепе Ортис, везу новости.

Это был действительно голос честного малого, который все узнали.

Кастор повернулся к дону Порфирио и, нагнувшись к его уху, тихо проговорил:

— Мне кажется, вот кто нам даст добрый совет.

— Дай Бог! — проговорил дон Порфирио так же тихо. — Он подоспел как нельзя более кстати.

Вскоре увидели молодого человека, несущегося во весь дух; в одну секунду сму освободили проход к укреплениям.

— Благодарю, кабальерос, — весело проговорил он, — еще немного места, пожалуйста!

Схватив какую-то бесформенную массу, висевшую поперек шеи его лошади, он сбросил ее на землю, где она подпрыгнула, издавши глухой шум.

— Valgame Dios! — вскричал дон Порфирио, отодвигаясь в ужасе. — Что это? Никак труп?

— Да, труп шпиона. Он изволил выстрелить в проходе, я с ним поиграл в прятки около часа, но, как видите, мне удалось очистить дорогу. Я привез его, чтобы как-нибудь узнать, откуда он взялся; может быть, его кто-нибудь и узнает.

И он спокойно соскочил на землю.

ГЛАВА V

Каким образом охотники перешли Марфильское ущелье

а площади началась невообразимая суматоха. Стрелки, охотники, женщины, дети, старики — все в один миг столпились около трупа, лежащего на земле при входе в бивуак, где Пепе Ортис сбросил его, не стесняясь.

Каждый проталкивался вперед, чтобы получше разглядеть и порасспросить; все ругались, и кричали, словом гвалт стоял несмолкаемый.

Дон Порфирио, отчаявшись быть услышанным в этой любопытной толпе, столь жадной до зрелища, сделал знак капитану Диего Леону.

Тогда последний дал несколько приказаний своим солдатам, которые тотчас же взялись за оружие и, образовав ряды с помощью охотников, принялись медленно расталкивать народ, подгоняя непослушных древком своих копий; в десять минут вся площадь очистилась.

Жители, усталые, помятые и даже пораненные, вынуждены были разойтись по домам, где они и заперлись для спокойствия.

Около трупа образовался из стрелков и охотников непроницаемый круг.

— Факелы! — приказал дон Порфирио.

Появился Муньос с двумя пеонами. Каждый из них держал в руках зажженный факел.

— Наконец-то, — сказал Пепе Ортис, — мы при свете разглядим, кто этот негодяй!

— А главное, узнаем, кто его послал следить за нами, это еще важнее! — сказал капитан.

— Этот человек переодет! — произнес Кастор, покачивая головой.

— Переодет! — вскричал дон Порфирио, делая два-три шага вперед.

— Да ваша милость! — ответил охотник.

— Почему вы так думаете?

— О! Оно сразу видно, стоит только взглянуть. Посмотрите: его волосы и борода надушены; руки тонкие, белые, видно сейчас, что о них заботятся. Это — кабальеро.

— Но лохмотья, которыми он покрыт?

— Они еще более подтверждают, ваша милость, что этот кабальеро нарочно переоделся в бродягу, чтобы шпионить за нами на свободе.

— Возможно!

— Да оно так и есть.

— Не знает ли кто-нибудь из вас этого несчастного? — обратился дон Порфирио к окружающим.

Последовало всеобщее отрицание.

— Однако было бы весьма важно узнать, кто он...

Тогда Муньос подошел к трупу и, наклонившись над ним, сказал:

— Погодите, я знаю его.

— Вы, Муньос?! — удивился дон Порфирио.

— Да, ваша милость; только я не могу понять, каким образом такой богач согласился надеть на себя эти отвратительные лохмотья. Вероятно, какая-нибудь важная причина заставила его так поступить, его, который всегда так заботился о своей особе! — сказал он насмешливым тоном.

— Так вы знаете этого человека? — переспросил дон Порфирио.

— Еще бы, ваша милость, этот человек, при своей жизни, не раз помогал мне заработать крупные суммы. Надо отдать ему справедливость, он не был скуп.

— Значит, вы знаете его имя?

— Как же не знать, ваша милость. Его зовут или, вернее, его звали, так как теперь для него все кончено, дон Лопес Карденас.

— Как! Дон Лопес Карденас! — вскричал дон Диего Леон. — Вы ошибаетесь, хозяин, я его прекрасно знаю: он капитан моего полка.

— Извините, сеньор капитан, вы, должно быть, хотите сказать о доне Бальдомеро, его брате, который действительно в вашем полку?

— Да, вы правы. Разве этот дон Лопес был его родственник?

— Это его младший брат, капитан, один из самых зажиточных помещиков штата, хотя говорят, он обладает всего только одной асиендой дель-Пало-Муэрто, которая не приносит никакого дохода. Однако, это не мешало ему прекрасно одеваться и иметь карманы, всегда полные золотом. Но что это ему взбрело в голову нарядиться так?

— Хм! — произнес дон Порфирио. — Вот это нам и надо узнать как можно скорее.

— Это уж предоставьте мне сеньор; мы теперь знаем, где нам готовят ловушку! — ответил Кастор. — Убитый шпион доказывает, что нас подстерегают совсем близко; но появление Пепе Ортиса, которому вполне доверяет дон Торрибио де Ньоблас, убеждает нас, что наши дела еще не так плохи, как кажется.

— И я так же думаю.

— Что же мы теперь сделаем с этим трупом? Нельзя же оставлять его здесь; если позволите, я его повешу на дереве: пусть он будет пугалом для других птиц его полета, которые пожелают последовать его примеру.

— Как хотите; но предварительно обыщите его хорошенько; может быть, у него найдут какие-нибудь важные документы.

По знаку Кастора труп тщательно обшарили; но ничего не нашли, кроме туго набитого кошелька и нескольких драгоценностей, которые солдаты и охотники поделили между собой. Затем труп унесли и повесили на большом дереве, у входа в пресидию; после чего все разошлись по местам на покой.

Дон Порфирио пригласил Пепе Ортиса последовать за ним и они оба поместились у огня бивуака. Кастор удалился. Видно было, что он направился к охотникам, что-то сказал троим из них, после чего они взяли свое оружие, укрылись плащами и незаметно вышли из лагеря.

Кастор возвратился и сел напротив дона Порфирио и Пепе Ортиса.

— Вот что я сделал, — сказал он. — Я послал на разведку за бандитами самых хитрых сыщиков саванны. Через три-четыре часа они придут обратно, и мы узнаем, нет ли еще шпионов, подкарауливающих нас, а также уясним себе план неприятеля.

— Вам пришла прекрасная идея, Кастор; но потом что нам предпринять?

— Я и сам еще не знаю; надо сначала выслушать донесения наших посланцев; тогда мы примем свои меры.

— Вы уверены в ловкости этих людей?

— Я вам отвечаю за них. Вы себе представить не можете, на что только они способны: они на моих глазах проделали такие фокусы в этом роде, которые кажутся невероятными. Не беспокойтесь, дело — в надежных руках!

— Слушайте, Кастор, я совсем отвык от пустыни, так как очень долго жил в городах; я всецело полагаюсь на вас, вы поможете нам спастись. К тому же, и дон Торрибио верит в вашу ловкость. Поступайте по вашему усмотрению; я ни в чем не стану вам прекословить; одним словом, я вам даю карт-бланш.

— Я думаю, что вы правы, предоставляя мне эту свободу, сеньор, так будет лучше. Принимаю на себя эту ответственность, хотя она и не легка. Постараюсь все устроить как могу.

— Теперь мы немного успокоились, решивши пока неотложные дела, займемся же Пепе Ортисом, который час тому назад так странно свалился к нам, точно с неба.

— Даю вам честное слово, ваша милость, — ответил молодой человек, смеясь, — я сам не знаю, откуда я свалился; но мне известно, что вот уже девять дней, как я ищу вас. Я уже начал отчаиваться.

— Девять дней!

— Если не больше.

— Но ради чего вы так искали меня?

— Чтобы передать вам письмо от моего господина.

— Разве дон Торрибио не на асиенде дель-Охо-де-Агуа?

— Нет, ваша милость!

— Отчего же он уехал оттуда!

— Он не мог уехать из нее, ваша милость, по той простой причине, что никогда и не въезжал в нее. Не всегда удается

сделать то, что нам хочется. Вам это известно лучше, чем кому-либо, так как вы сами вынуждены были поехать в Мексику вместо Охо-де-Агуа, затем, возвратившись через три недели, вам пришлось побывать в Уресе и еще в других городах Соноры.

— Э-э, Пепе Ортис, как видно вам хорошо известны мои действия! — сказал дон Порфирио, развеселившись.

— О, да! Я много еще знаю; но думаю, прежде всего мне нужно передать вам это письмо.

Говоря таким образом, он вытащил из кармана запечатанную бумагу и протянул ее дону Порфирио.

— Еще письмо! — вскричал Кастор. — На нас сегодня просто сыплются письма.

— Я не знаю, получали ли вы другие письма, но уверен, что то, которое я вам вручаю, самое важное из всех!

— О-о! Что вы говорите?

— Я хочу сказать, что, пока сеньор дон Порфирио деятельно работал, мы, со своей стороны, тоже не сидели сложа руки.

Дон Порфирио вскрыл письмо и в один миг прочел его.

— А! — радостно вскричал он. — Если все, что гласит это послание, правда, то вы, Пепе Ортис, действительно наш добрый вестник.

— Все истинная правда, ваша милость!

— Итак, вам удалось пробраться на асиенду?

— Да, ваша милость; это таинственное жилище для нас не имеет секретов. Теперь мы его изучили лучше, чем его собственные обитатели.

— Слава Богу! Благодаря вам наше дело почти выиграно, и я не нарушил данной клятвы!

— Мы даже присутствовали с моим хозяином на тайном свидании главных вождей платадос и слышали много интересного для вас.

— Дон Торрибио упоминал мне об этом, но ссылается на вас, так как описание подробностей отняло бы у него слишком много времени.

— Я готов, ваша милость, сообщить вам все, что хотите.

— Наконец-то! Меня очень интересует, каким образом вы открыли тайну, недостижимую столько времени для всех, пытавшихся разъяснить ее.

— Я к вашим услугам, ваша милость.

— Говорите, мы слушаем!

Пепе Ортис рассказал в мельчайших подробностях историю их невероятного похождения, начиная с того момента, когда они с доном Торрибио пустились по следам платeadос, и кончая тем, как он, Пепе Ортис, вышел с асиенды с поручением своего господина; рассказ его слушался с жадностью; несколько раз его прерывали восклицаниями удивления и восторга; уже прошло несколько минут, как молодой человек замолчал; но его слушатели, точно замерли.

— Это чудесно! — проговорил наконец дон Порфирио.

— Трудно даже поверить всему этому! — сказал Кастор, — мы, все другие лесные охотники, кажемся несведущими детьми перед результатами такой могущественной чудной науки! Какая сила зрения. Столько проницательности! У меня не хватает слов, чтобы выразить весь мой восторг. А мы еще воображали, что знаем в совершенстве свое ремесло. Оказывается теперь, что мы ничто перед искателями следов буэнос-айресских пампасов; мы даже недостойны завязать ремень их обуви; да, самые ловкие и хитрые краснокожие ничего не стоят перед ними.

— А если нам завтра удастся расстроить план врагов, то они будут в наших руках; все для них будет потеряно.

— Удастся, сеньор Порфирио! — сказал охотник. — Бог за нас!

— У нас еще есть несколько часов, — сказал Пепе Ортис. — Если вы разрешите, я отдохну, так как совсем изнемогаю от усталости.

— И я тоже, — сказал дон Порфирио, — теперь я немного успокоился, и чувствую, как меня клонит ко сну.

— Отчего бы вам не пойти в гостиницу, сеньор, вам там будет удобнее, чем на голой земле!

— Ба-а! — весело проговорил он. — Ночи теперь теплые, а мне приходилось спать на открытом воздухе в ужасную погоду, и все сходило благополучно. Если же случится что-либо, вам, по крайней мере, не придется искать меня, раз я буду с вами. Спокойной ночи, Кастор!

— Как знаете. Спокойной ночи, сеньор.

Пепе Ортис уже спал. Через пять минут и дон Порфирио последовал его примеру.

Охотник зажег трубку и остался один бодрствовать.

Сыщики возвратились в бивуак около четырех часов утра, один после другого. Сделав свое донесение Кастору, который

выслушал их с большим вниманием, они расположились ко сну и тотчас же заснули.

Первым делом охотник хотел разбудить дона Порфирио, но раздумал.

— Нет, — пробормотал он, — нечего спешить, пусть поспит!

Он встал, разбудил других двух охотников и дал им свои инструкции в нескольких словах; затем, пробравшись незаметно за лагерь и удостоверившись, что караульные стояли на своих местах, Кастор подошел опять к огню. На этот раз он и сам растянулся на земле, закрылся плащом и вскоре заснул крепким сном.

Ночь прошла благополучно, с рассветом стрелки и охотники были уже на ногах.

— Когда мы трогаемся, сеньор? — спросил Кастор у дона Порфирио, еще не совсем очнувшегося от сна и зевавшего во весь рот.

— После утренней молитвы, значит — в девять часов, — ответил он. — Что нового?

— Много чего.

— Хорошего или дурного?

— И того и другого; но хорошего больше.

— Значит, мы можем быть спокойны?

— Почти что. Сеньор, я еще жду двух охотников, которые сейчас вернутся; не заботьтесь ни о чем, предоставьте это мне.

— Ну, поступайте, как найдете нужным.

— И прекрасно; если им придется драться, они, по крайней мере, будут с полным желудком; нет ничего хуже вступать в бой натощак.

После этого разговора они расстались.

Дон Порфирио отправился к жене и дочери; он нашел их отдохнувшими и веселыми. Когда они узнали, что караван двинется в путь только в девять часов, то пожелали присутствовать на общей молитве, чтобы поблагодарить Бога за благополучное путешествие и за все явное попечение о них во время опасного перехода через места, наполненные всякого рода неприятелями.

Давно уж в церкви Тубака не было такого стечения верующих; к восьмичасовой обедне, нарочно заказанной доном Порфирио, набралось столько народу, что многим не хватило места внутри церкви.

Всеохотники без исключения, люди глубоко религиозные в силу их жизни, близкой к природе, величие которой постоянно утверждает их в вере в могущество Создателя, сочли своим долгом присутствовать на обедне, которую слушали с полным благоговением.

В начале десятого часа мулы были нагружены, лошади оседланы. Дамы сели на своих иноходцев, затем, поданному сигналу, все тронулись в путь, напутствуемые добрыми пожеланиями жителей пресидио.

Через час Кастор вскрикнул. Тотчас же все ряды разделились и караван выстроился по военному, со стрелками во главе.

Решено было следующее.

Четыре всадника выступали вперед, приблизительно на пятьсот шагов, с копьями у правого бедра. Потом шли стрелки, также с копьями. В ста шагах от них следовал еще отряд стрелков, под командой капитана дона Диего Леона.

Затем уже вступал самый караван, состоящий из ста двадцати храбрых охотников, окружавших двух дам.

Шествие заключалось двумя вьючными мулами и двумя оседланными лошадьми, но без седоков, и, наконец, арьергардом из сорока охотников.

Двое из них, самые ловкие, освещали путь перед авангардом, предводительствуемым Кастором.

Дон Порфирио Сандос принял команду над главным корпусом; Пепе Ортис был около него.

Караван продвигался легкой рысью; в рядах царило молчание, у всех лица были сосредоточенные, в ожидании важных событий, только дамы оставались веселыми и спокойными; дон Порфирио позаботился поддержать в них полное неведение относительно того, что должно было произойти.

Белые стены домов Тубака уже давно исчезли на дальнем горизонте. Охотники перешли вброд довольно широкую реку, называемую Вермехо; перед ними виднелись высокие горы, покрытые лесом, на площади которых возвышалась асиенда дель-Охо-де-Агуа; несколько впереди открывалось громадное ущелье между двумя горами, образовавшееся, вероятно, после потопа; с двух сторон его торчали гранитные глыбы, окаймленные белым алебастром, переливающимся на солнце всевозможными цветами, точно алмазы.

Эта трещина, длинная и извилистая, подымаясь постепенно с первых уступов горы, служила единственной доро-

гой, ведущей на асиенду. Индейцы прозвали ее на своем поэтическом наречии Оврагом из слоновой кости.

Караван вступил в равнину, покрытую высокими травами; оставалось еще пройти небольшой, но густой лесок; под покровом которого авангард уже скрылся. Вдруг раздался в воздухе крик ястреба, точно человеческий вопль, и повторился три раза на всевозможные лады.

Авангард тотчас же остановился, а остальной отряд ускорила шаг, чтобы догнать его; вскоре все соединились.

По знаку Кастора всадники сошли на землю; мулов и лошадей сгруппировали и привязали к кольям; дон Порфирио с двадцатью всадниками сплотились на лошадях вокруг дам, которые ничего не понимали и начинали тревожиться, сами не зная почему.

Кастор, обменявшись несколькими словами с доном Порфирио, проскользнули в кусты с пешими охотниками, и вскоре они исчезли из виду.

— Господи! — проговорила донья Энкарнасьон. — Что это? Уж не в западню ли мы попали?

— Я сам боюсь этого, — ответил неопределенно дон Порфирио. — Кастору показалось что-то подозрительное, и мы решили, прежде чем двинуться вперед, произвести рекогносцировку.

— Это более, чем с двумя сотнями человек! — воскликнула донья Хесус с иронией. — Дорогой отец, вы что-то скрываете от нас. Лучше сказать нам правду, чем оставлять нас в такой мучительной неизвестности!

— К тому же, — прибавила донья Энкарнасьон, — если вы ничего не объясните нам, мы можем растеряться в критическую минуту.

— Не мучьте же нас с мамой, — ласково сказала донья Хесус, — мы готовы на все, живя столько времени на индейской границе. Вы сами знаете, что мы не раз присутствовали при битвах; залп выстрелов не испугает нас! Говорите же, умоляю вас!

Дон Порфирио подумал несколько минут, затем решился.

— Пожалуй, вы правы, — сказал он с улыбкой — лучше уж все сказать вам; да и опасность, быть может еще не так велика, как вы воображаете.

И он объяснил обеим дамам в нескольких словах положение дела, закончив свой рассказ следующими словами:

— Когда раздастся крик ястреба, мы устремимся прямо в ущелье, которое, я надеюсь, преодолеем одним духом благополучно, так как наши стрелки, соединившись с охотниками Твердой Руки, очистили западню от бандитов; итак, будем ждать сигнала.

— Давно бы так, отец! — весело проговорила донья Хесус. — Теперь, по крайней мере, мы знаем, что нам угрожает и как мы можем спастись.

Пока происходил этот разговор, солдаты и охотники расползлись, как змеи, в кустарники. Потом вдруг, после резкого свистка Кастора, они, разделившись на две группы, бросились в разные стороны, к обрывам горы, которую храбро стали брать приступом.

Когда они поднялись на значительную высоту, то все соединились, стараясь прятаться за выступами земли и, готовясь стрелять, замерли на одном месте, выжидая момента.

Все эти движения были исполнены стрелками и охотниками с такой ловкостью, что бандиты, невзирая на свою опытность, не заметили приближения неприятеля.

Не подозревая, что их засада была обнаружена, они устремили свои взгляды на внутренность ущелья, через которое обязательно должен был пройти караван: они никак не ожидали нападения сзади.

Бандиты, которых было более двухсот человек, запрятались по семидесяти с каждой стороны ущелья, среди скал и кустов; остальные же восемьдесят человек собрались на верхнем выступе с целью отрезать путь в проход.

Караван вступил в ущелье; сорок авантюристов, оставив свои посты, должны были спуститься и загородить дорогу охотникам, которые попались бы, как в мышеловку.

Этот незамысловатый план непременно удался бы, если бы Твердая Рука не предупредил вовремя дона Порфирио, который успел принять необходимые меры, чтобы вовремя избежать западни.

Пока дон Порфирио разговаривал со своими дамами, вот что проделали солдаты, находящиеся в арьергарде: отведя лошадей стрелков и охотников к окраине леса, они прикрепили поводья к седлам; потом, наломав массу колючих ветвей, привязали несколько пучков к стремянам и оставили их болтаться; остальные же пучки поместили под хвостом каждой лошади; затем стали выжидать.

Вдруг в воздухе пронесся крик опоссума; в тоже мгновение с горы раздались выстрелы, повторяемые эхом пустыни; шум сделался несмолкаемым.

Схватка началась.

Дамы в страхе пододвинулись к дону Порфирио.

— Мужайтесь! — сказал он им и, подняв хлыст, добавил: — Вперед!

Повинуясь этому приказанию, солдаты изо всех сил хлестнули лошадей, и те ринулись в ущелье с головокружительной быстротой; они остервенели от колючек, ранящих их в бока и круп.

На горе произошло настоящее сражение: бандиты, вместо того, чтобы напасть, как они рассчитывали, сами были застигнуты врасплох и думали о том, как бы спастись. Вдруг лошади, доведенные до пароксизма бешенства, прилетели как ураган на вершину ущелья и бросились на бандитов, опрокидывая и давя копытами все, что попадалось им на пути.

Произошел невообразимый хаос; бандитами овладела паника, они стали бросаться с горы. Тогда с обеих сторон ущелья раздался залп выстрелов, и как только лошади умчались, показались стрелки и охотники, и побивая неприятелей из-за скал и кустов, привели их в отчаянное положение.

— Теперь очередь за нами!

— Вперед! — крикнул дон Порфирио.

Двадцать всадников полетели как вихрь, увозя с собой обеих женщин, помертвевших от страха.

Бандиты, выгнанные из засады, бежали в беспорядке по спускам горы, преследуемые выстрелами своих неумолимых врагов.

В ту минуту, когда охотники дона Порфирио вступили в ущелье, их внезапно остановила толпа растерявшихся беглецов, которые сами не знали, куда им деваться.

Эти беглецы, видя, что они преградили солдатам путь, воспрянули духом и стали пробовать пробить себе дорогу во чтобы то ни стало. Все смешалось в беспорядке, напирая друг на друга. Но охотники взяли верх, убив большую часть бандитов и затем опять устремились в ущелье, не взирая на пули, свистевшие над их головами.

Вдруг послышался отчаянный крик доньи Энкарнасьон.

— Дочь моя! Где моя дочь?

Дон Порфирио, оглушенный шумом битвы и ослепленный дымом, в ужасе повернулся на этот душераздирающий крик, слова которого он еще не расслышал. Он подумал, что его жена ранена, взял ее на руки и бесчувственную уложил на седло перед собой, не замедляя хода.

Донья Хесус исчезла!..

ГЛАВА VI

Один из тысячи способов неожиданно встретиться в пустыне

ставим пока охотников и, посмотрев, что происходило за несколько часов до нашего рассказа, представим читателю новую личность, сына одного из старых и преданных друзей дона Порфирио Сандоса, имя которого уже не раз упоминалось в этой истории.

Дело было еще до восхода солнца; но сова своим зловещим криком уже неоднократно возвещала наступление дня; небо начало светлеть и на краю горизонта показывались сероватые полосы, которые соединялись одни с другими, окрашиваясь всеми цветами радуги. Жизнь начинала просыпаться в глубине лесов и пустынь; в зелени пробегал таинственный шелест; звери боязливо искали себе берлоги, точно сказочные привидения, медленно проходя сквозь кусты, ветви которых трещали под их напором; одним словом, все возвещало пробуждение еще сонной природы.

С вершин высокий гор, освещенных лучами еще невидимого солнца, понемногу спускался свет в долины и ущелья, из которых подымался густой серый туман, образуемый испарениями почвы, исчезающими при первых лучах солнца; это не была уже ночь, хотя день еще не наступал.

Как раз в это время показался всадник, который намеревался проехать мимо горы в Тубак до наступления зноя; он только что обогнул узкую тропинку и собрался спуститься в равнину.

Этот всадник был верхом на прекрасном мустанге, черном как смоль, без единого пятнышка, кроме белой звездочки посреди лба.

Достигнув ущелья, мустанг закивал своей умной головой, наострил уши, начал фыркать и оглядываться с сильным беспокойством, точно человек.

— Успокойся, Негро, — сказал ему хозяин мягким и мелодичным голосом, глядя его по шее, — успокойся, за кустами ничего нет; я их уже давно осмотрел, пойдем-ка дальше!

Разговаривая так со своей лошадью, по-видимому, совершенно спокойно, всадник бросал испытывающие взгляды из-за полуоткрытых ресниц, стараясь, чтобы от него не ускользало ни одно движение в кустах, растущих по краям дороги; а под плащом, небрежно брошенным на плечи, поглаживал свой пистолет.

Но в действительности опасаться было нечего: стоило ли нападать на одного путешественника? Кругом царила полная тишина.

Когда всадник въехал на равнину, солнце уже показалось на горизонте, расточая золотистые и пурпурные лучи.

Наступил день. Птицы приветствовали его веселым концертом; жизнь пробуждалась; солнце придало грандиозной пустыне спокойствие и величие, составлявшие резкий контраст с почти зловещим видом, принимаемым той же пустыней ночью.

Сделав несколько сотен метров по равнине, всадник вдруг остановился и, выпрямившись в стременах, стал вглядываться в высокую траву, закрывавшую его почти во весь рост вместе с лошадью.

— Я не ошибся, — пробормотал он, — они запрятались с каждой стороны ущелья. Это, должно быть, бандиты, подстерегающие караван. Как тут быть совсем одному?

Он опустил голову на грудь и глубоко задумался, но тотчас же гордо поднял голову.

— Будь что будет! — проговорил он решительно. — Меня сам Бог привел сюда, это не даром; почему-то пришла же мне мысль к ущелью, хотя это замедляет мой путь по меньшей мере на пять часов?! Тут для меня что-то странное, роковое: верно, это предчувствие! Во всяком случае, я буду свидетелем того, что тут произойдет; почему знать, может быть, мне придется играть немаловажную роль в этом деле?! Двигайся, двигайся Негро, — добавил он своей лошади, — еще немного, и мы отдохнем!

Благородное животное, казалось, поняло эти слова: конь тихонько заржал и прибавил шаг.

В каких-нибудь десять минут всадник въехал в большой и густой лес, расположенный немного левее ущелья, и вскоре

остановился на узкой лужайке около громадной скалы, у подножия которой журчал ручей.

— Вот так местечко для остановки, — сказал путешественник, привыкший, подобно всем одиноким людям, выражать вслух свои мысли, — отсюда я все увижу и услышу, оставаясь спрятанным.

Он сошел на землю и, не расседывая лошадь, снял только с нее удила. Путешественник достал мешок с маисом, затем, снявши с себя плащ, разложил его на земле и насыпал на него корму; лошадь следила умным взглядом за всеми его движениями.

— Позавтракай, Негро, — сказал ему хозяин, — затем пойдешь напиться воды; но не надо уходить с лужайки: о нашем присутствии здесь никто не должен знать.

Лошадь тихо заржала и, положив голову на плечи хозяина, выжидала ласки. Он расцеловал ее ноздри; тогда она выпрямилась, весело подпрыгнула на месте и принялась на еду.

— Теперь моя очередь! — сказал путешественник.

Он сел на траву подле ручья, положил оружие совсем близко от себя, затем вынул фрукты, несколько початков кукурузы, кусок жареной лани, овечьего сыру, бутылку хересу и серебряные стаканчик и вилку.

Все это он разложил перед собой и принялся за завтрак с хорошим аппетитом.

Воспользуемся этим моментом, чтобы изобразить его портрет в нескольких чертах.

Это был молодой человек двадцати четырех—двадцати пяти лет, ростом ниже среднего, прекрасно сложенный, с гибким станом; крепкие мускулы выдавали в нем необыкновенную силу. В общем, это было тело древнего Антиноя с его мужественной красотой, природной грацией и силой атлета. На широкий лоб, на котором горе не оставило еще ни одной морщины, ниспадали густые кудри каштановых волос с золотистым оттенком; черные, густые ресницы окаймляли его большие синие глаза, которые при волнении делались почти черными, и тогда взгляд этого юноши, обычно столь мягкий и мечтательный, принимал магнетическую силу, испуская молниеносные лучи, которых никто не мог вынести; тонкий и прямой нос имел розовые, подвижные ноздри; темные усы, изящно закрученные, темной молнией обрамляли верхнюю губу. Наконец, рот, довольно большой, с великолеп-

ными зубами, губами ярко-красного цвета, и маленькая борода, скрывающая часть красивого подбородка, дополняли описание внешности нашего путешественника.

Одним словом, взглянув на лицо этого молодого человека, можно было подумать, что это портрет работы Ван-Дейка, вышедший из рамки. Он был умен, остроумен, насмешлив, беспечен и смел. Прибавим для полноты нашего описания, что ноги и руки юноши были безукоризненны по своей форме и изяществу.

Костюм, носимый им, мы описывали уже не раз; заметим только, что он был сшит из очень ценной материи, наш герой носил его с грациозной небрежностью.

Чтобы дать понять о богатстве костюма юноши, довольно сказать, что одно кольцо, обхватывающее его шелковый галстук, и украшенное огромным алмазом, было оценено мексиканскими ювелирами в шестьдесят тысяч пиастров; по одному этому можно судить о прочем.

Оружие его состояло из двустольного ружья, только что изобретенного, системы Лефоше, из четырех больших ментонских пистолетов, длинного кинжала, который он носил в правом сапоге, испанской рапиры, висевшей на его поясе и, наконец, лассо, свернутого у седла.

Вооруженный таким образом, молодой человек не боялся ни людей, ни зверей и смело мог бы выдержать нападение многочисленного неприятеля.

Он был охотник-любитель, так как обладал громадным состоянием и принадлежал к одному из знатных родов Мексики, и слыл во всем округе за самого ловкого, искусного и опасного охотника. Ему дали три различных прозвища: краснокожие звали его Черным Орлом, охотники называли — Горячим Сердцем, мексиканцам же он был известен под именем Руиса Торрильяса де Торре Асула, или попросту дона Руиса; он был единственным сыном дона Фабиана Торрильяса де Торре Асула, друга дона Порфирио Сандоса и, подобно последнему, принадлежал к индейской расе.

Вот каков был этот молодой человек, который, обладая всем, чтобы иметь успех в свете и занимать там первое место, предпочел, к великому отчаянию своего отца, скитальческую жизнь, полную опасностей и приключений.

Позавтракав наскоро, он налил себе бокал хересу, потом спрятал оставшуюся провизию в сундучок, который привязал за седлом, не забыв при этом погладить Негро.

Затем дон Руис опять сел, откусил кончик сигары, закурил ее и углубился в мечты, следя машинально за затейливыми фигурами, образуемыми синеватым дымом сигары.

Так прошло несколько часов; в пустыне по-прежнему все было тихо.

Но к десяти часам утра дон Руис заметил, что Негро насторожился, повернул голову к равнине и зашевелил ноздрями.

— Негро беспокоится, — сказал себе молодой человек, — он что-то слышит.

Он припал к земле и, послушав минуты три, вдруг вскочил.

— Многочисленная кавалькада всадников из Тубака собирается вступить в ущелье, — проговорил он. — Наверное, их подстерегают бандиты. Что тут делать? Предупредить их? Но этим не поможешь делу, лучше переждать!

Молодой человек задумался; вдруг его лицо озарилось улыбкой; он свистнул тихонько; лошадь его тотчас же прибежала; он поцеловал доброе животное в ноздри, вскочил на седло и сказал чуть слышно:

— Тихо, Негро, прячься и поезжай.

Лошадь грациозно повернулась на месте, затем пустилась галопом и почти исчезла в густой зелени.

Вскоре дон Руис остановился у высокого дерева, забросил аркан на одну из крепких ветвей его и поднялся вверх: теперь он спокойно мог обозревать все, что происходило на равнине.

Заметив охотников, он понял, что они открыли засаду неприятеля и старались разрушить его планы.

Если бы дон Руис узнал предводителей каравана и увидел бы, что там были дамы, само собой разумеется, поспешил бы к ним на помощь. Но расстояние, отделявшее его от них, было слишком велико, и он остался невидимым свидетелем сражения, восторгаясь ловкостью охотников, сумевших разогнать спрятавшихся бандитов.

Когда дон Порфирио пустился вскачь со своим маленьким отрядом, дон Руис вскрикнул от изумления.

— Дамы! Что это значит? Кто они такие? Как они здесь очутились? Куда они направляются?

Он стал следить за битвой с большим волнением и видел, как бандиты у самого ущелья в беспорядке бросились на охотников.

Вдруг молодой человек заметил несколько человек, бегущих по равнине и уносящих с собой бесчувственную женщину. Очевидно, их намерение было добраться до горы и укрыться в одной из ее пещер.

В несколько секунд дон Руис сообразил, в чем тут дело, и сразу решил: живо спустился он с дерева, пробрался сквозь кусты к границе леса и притаился в ожидании.

Прошло несколько минут, которые показались дон Руису целой вечностью. Вдруг слышался шум приближающихся шагов, затем показались бандиты.

Задыхаясь и изнемогая от усталости, они вступили в лес и здесь почувствовали себя в безопасности за густой листвой, остановились, положив свою все еще бесчувственную пленницу на землю.

— Уф! — выговорил один из них, вздохнув с облегчением, — отдохнем немного: я больше не в силах двигаться!

— И я изнемогаю от усталости! — ответил ему товарищ, опускаясь на землю у дерева.

— Хм! — произнес третий. — По-моему, нам отдыхать здесь невозможно, мы будем в безопасности только в горе.

— Ба! Однако мало же заботятся о нас! — возразил первый.

— Пожалуй, он был бы прав, — сказал второй, — если бы Матадиесу не пришла глупая мысль обременить нас этой женщиной!

— Это самая женщина спасет нас, если мы не будем звать! — ответил третий, который и был сам Матадиес.

— Не думаю. Как только заметят, что она исчезла, все эти черти пустятся в погоню за нами.

— От вас зависит укрыться заблаговременно! — сказал Матадиес.

— Верно, но эта женщина мешает нам двигаться.

— Правда, она задерживает нас. Но у нас еще есть время. Никто не знает, куда мы направились, — сказал Матадиес, — да и спорить бесполезно; она в наших руках, наша цель достигнута и успех обеспечен. Теперь исключительно от нас зависит получить за нее обещанную награду в десять тысяч пиастров, каждому из нас по три тысячи с лишком — такую сумму не всегда найдешь у ног мула.

— Я это хорошо знаю; но заранее беспокоюсь.

— Почему это?

— Потому что говорят, что дон Мануэль делается скаредным и даже жестоким, когда ему приходится платить.

— Скаредным! Он! да ты, брат, с ума сошел! — ответил Матадиес. — Видно, что ты не имел с ним дел! Это он-то, который черпает сколько угодно из сундуков штата! — добавил он, смеясь.

— Много же там добра, в этих сундуках! — сказал бандит с презрением.

— Дело не в том! Довольно терять понапрасну золотое время, пора отправляться в дорогу.

— Опять пешком, с женщиной, которая не может сама идти? Что же нам делать?

— А то, что следовало давным-давно, — ответил Матадиес, — поймать с помощью лассо, их много блуждает в этих краях. Торопитесь же; а я пока постерегу женщину. Помните, десять тысяч пиастров!

— Подведешь ты нас; не лучше ли убить эту тварь, да и удрать подобру-поздорову?

— А кто докажет ее смерть?

— Мы снесем ее голову дону Мануэлю.

— Идея хороша, — сказал Матадиес нерешительно, — тем более, что дон Мануэль говорил, что ему нужно ее живую или мертвую.

— Ну, так в чем же дело?

— Да, но убить женщину!

— Ты что, заболел? Тебе ведь не привыкать к убийству!

— Правда, но то были мужчины! И если я убивал их, то сражаясь с ними грудь с грудью.

— Полно рассуждать, я берусь покончить с ней, если хочешь! — проговорил бандит, отстегивая топор от своего кушака.

— Стойте, господа! Зачем так спешить, — раздался вдруг насмешливый голос, и из-за кустов показался дон Руис.

— Горячее Сердце! — вскричали в ужасе все три бандита.

— Я собственной персоной, сеньоры, — ответил он. — Вы не ожидали этой встречи, не правда ли?

— Смерть ему! — закричали бандиты, хватаясь за оружие.

— Бросьте оружие и сдайтесь! — спокойно возразил молодой человек, взявшись за пистолеты.

Бандиты переглянулись и вдруг с диким ревом все бросились на охотника.

— А! Если так, — холодно проговорил он, — пеняйте же на себя!

Двумя выстрелами он сразу положил на месте двух бандитов.

— Сдаюсь! — сказал Матадиес, бросая оружие.

— Ладно! — ответил молодой человек. — Дарю вам жизнь, Матадиес! Вы пожалели эту несчастную женщину, значит, в вас еще есть хорошие чувства; я прощаю вас.

— Благодарю! я не забуду, что моя жизнь была в ваших руках, Кипящее Сердце, и вы пощадили ее!

— Это ваше дело, Матадиес! Берите свое оружие и отправляйтесь, куда хотите: вы свободны!

— Хорошо, я ухожу, но мы еще увидимся!

— Не желайте этого!

— Почему знать? Может быть, вы обрадуетесь, увидев меня опять. Прощайте, Кипящее Сердце, — добавил бандит, подбирая свое оружие, — что бы то ни было, я никогда не буду вашим врагом!

Поклонившись молодому человеку, Матадиес исчез; долго еще раздавался шум от его быстрых шагов через кусты; потом все смолкло.

— Бедная женщина, — проговорил дон Руис, — как бы помочь ей?

Он направился к тому дереву, под которым лежала пленница.

Бандиты, схватив девушку, набросили ей на голову плащ, чтобы помешать ей кричать, и, рискуя задушить ее, крепко затянули ее этим плащом.

Первым делом охотник освободил пленницу от плаща и веревок.

Сердце его сжималось от жалости при виде незаслуженного страдания; в то же время ему интересно было узнать, кто эта женщина, похищению которой бандиты придавали такое громадное значение.

Стоя перед ней на коленях, он начал разворачивать ее голову. Вдруг он вздрогнул и откинулся назад, побледнев как мертвец и широко раскрыв глаза: он увидел лицо молодой девушки.

Она была бела как мрамор, глаза закрыты, дыхания не слышно; она казалась мертвой.

— Хесус! — воскликнул охотник душераздирающим голосом. — Она! Это она, о Господи!

Его горе и отчаяние были столь сильны, что в первые минуты он точно окаменел, не будучи в состоянии думать, и устремив безумный взгляд на мраморное лицо девушки.

Вдруг из ее груди вырвался вздох, и из глаз покатались две крупные слезы по загорелым щекам: неукротимая энергия этого исключительного создания взяла верх над страданием.

— Она жива! — вскричал охотник вне себя от радости. — Она жива! Я спасу ее!

Подняв донью Хесус на руки, он усадил ее под деревом и встал перед ней на колени; налив немного хересу в бокал, он левою рукой наклонил голову бедняжки назад, и, поддерживая ее, влил ей в рот вино. Прошла минута томительного ожидания; слезы градом катились по лицу охотника; взоры его не отрывались от дорогого лица. Вдруг по ее нежному телу прошла нервная дрожь, на щеках появился легкий румянец. Она глубоко вздохнула и приоткрыла глаза.

— Слава тебе, Господи! — воскликнул дон Руис в безумном восторге. — Она спасена!

Он опять придвинул бокал к ее губам; на этот раз она сама выпила вино.

— Благодарю! — проговорила она едва слышным голосом.

Затем она опять закрыла глаза, опустив свою прелестную головку на плечо молодого человека. Послышалось легкое, но правильное дыхание из ее полуоткрытых губ: девушка впала в глубокий сон, который восстанавливает потерянные силы больного.

Охотник тихонько встал, стараясь не разбудить девушку, приготовил ей постель из листьев, которые прикрыл плащом, потом осторожно, подобно опытной сиделке, положил девушку на это импровизированное ложе и закрыл ее своим плащом. Не теряя ни минуты, он с помощью топоров, оставшихся после бандитов, наломал длинных ветвей, переплел их один с другими и устроил из них шалаш, который вполне укрывал и охранял молодую девушку.

— Теперь мне спешить некуда, раз Хесус здесь, — пробормотал он, — но каким образом она не у себя на асиенде дель-Пальмар? Что такое случилось?.. Отчего она очутилась в пустыне?.. Все это я узнаю.

Размышляя вслух, он набрал хворосту и зажег костер. Потом, подойдя к краю леса, он сильно свистнул, а сам

послушав с минуту, возвратился на прежнее место и сел у огня.

Прошло несколько минут; вдруг послышался шум быстрого бега; кусты раздвинулись, — и на лужайке запрыгал Негро.

Умное животное заржало, увидев своего хозяина, и начало тереться головой об его плечо.

— Где ты пропадал, беглец этакий? — сказал ему ласково охотник, — будет бегать, скоро ты мне понадобится!

Молодой человек снял с Негро свой сундучок, вынул оттуда котелок, и занялся приготовлением обеда.

Покончив со стряпней, он вымыл руки и закурил папиросу.

Около трех часов пополудни из палатки послышался шум; донья Хесус проснулась с улыбкой на устах. Но какая она была, эта улыбка! — грустно было смотреть на нее.

— Вы! — произнесла она с упреком, увидевши молодого человека, склонившегося у входа в палатку.

— Я, сеньорита! — поспешил ответить он, так как ему было понятно значение этого слова "вы", произнесенного таким тоном, — я, сеньорита, имел счастье вырвать вас из рук негодяев, которые обманом завладели вашей особой!

Молодая девушка колебалась; она была бледна и озабочена.

— Вы мне не верите? Вы сомневаетесь во мне? — сказал он с грустью, — хотите, я вам представлю доказательства моей честности, сеньорита?

— Все, что произошло со мной и с вами, до того странно, что мне необходимо все выяснить!

— Это очень легко, сеньорита; стоит вам только выйти из палатки, — и вы увидите на земле трупы ваших похитителей, а сделавши еще несколько шагов, увидите Марфильское ущелье, от которого вы находитесь не более как на три или четыре ружейных выстрела.

— Довольно, дон Руис, — сказала она, протягивая ему руку в волнении, — я была неправа, усомнившись в вас. У вас благородное сердце, простите меня!

— О! — проговорил он целуя ее маленькую ручку. — Уже за одно это я готов пожертвовать своей жизнью.

— Напротив, вы должны беречь ее, — ответила она со своей обычной обворожительной улыбкой, — кто же будет моим защитником, когда вас не станет? А теперь уйдите на

минуту, дон Руис, — добавила она, переменив тон, — я сейчас приду к вам.

Молодой человек поклонился и тотчас же удалился.

Через несколько минут, приведя в порядок свой костюм, она с веселой улыбкой приблизилась к охотнику.

— Что это вы там делаете? — спросила она.

— Как видите, сеньорита, накрываю на стол. Как вы себя чувствуете?

— Превосходно, дон Руис, благодарю вас. Но как я страдала: я уже думала, что умираю, дышать мне было нечем, я задыхалась; какая это была пытка!

— Не вспоминайте про эти ужасные страдания, сеньорита; когда я освободил вас от плаща, вы были в обмороке; вашего дыхания почти не было слышно. О! Как я мучился! Как я боялся, что явился слишком поздно!

— Оставим это; теперь все прошло. Я спасена благодаря вам, дон Руис, и не забуду этого! — проговорила она с оттенком грусти.

— Увы! Я даже не знал, кого именно похитили бандиты; плащ скрывал ваше лицо; я узнал вас только тогда, когда освободил вас от него, и с отчаяния чуть не сошел с ума. Вот уж никак не ожидал встретить вас здесь, более чем в ста милях от вашей асиенды!

— Но вы, дон Руис, какими судьбами вы очутились так кстати на моей дороге?

— Я вам ничего не буду объяснять, сеньорита, пока вы не закусите, хотя бы немного.

— Хорошо, послушаюсь, чтобы не огорчить, вас хотя и не чувствую никакого аппетита.

— Все же попробуйте, сеньорита, сядьте вот тут, подле меня, на плащ. Вот чашка бульону, печеный в золе картофель, фрукты и даже немножко холодной дичи и маису, затем херес, который так помог вам.

— Вы угощаете меня прекрасной закуской, дон Руис, — сказала она, смеясь. — Видно, что вы человек предусмотрительный.

Молодая девушка выпила чашку бульона, в который обмакивала кукурузу, и съела еще сухарик.

— Теперь я исполнила ваше желание, сеньор! Объясняйте же, как вы сюда попали!

— Сам Бог привел меня сюда, сеньорита, конечно, для того, чтобы спасти вас; иначе я не могу объяснить, каким образом я очутился на вашем пути.

— Действительно, тут что-то странно, говорите же скорей, меня так интересует все сверхъестественное.

— В том, что произошло со мной, нет ничего таинственного; а напротив, все очень просто.

— Посмотрим!

— Я не стану напоминать вам, сеньорита, о нашем последнем разговоре в соборе Гвадалахары, когда я обратился к вам за разрешением просить вашей руки у вашего отца.

— Я напому вам, что я тогда ответила сеньору! — поспешно прервала она. — Вот мои слова: «Теперь еще не время делать предложение; вам могут отказать, и мы только испортим наши дела; удалитесь пока; когда придет удобный момент, я извещу вас». Верно я говорю, дон Руис?

— Да, сеньорита, от слова до слова. Я исполнил ваше желание и в тот же день выехал в пустыню. Но с тех пор прошло три долгих месяца, в течение которых я невыразимо страдал: разлука с вами убивала меня. Наконец, я решился увидеть вас во что бы то ни стало, хотя бы на одну секунду. С этой целью я отправился в Пальмар, рискуя возбудить ваше неудовольствие, и вот уже девять дней, как держался направления к вашему дому. Сегодня ночью, поравнявшись с этой горой, на которой вы видите асиенду дель-Охо-де-Агуа, я думал о вас и предоставил лошадь самой себе.

Молодая девушка молча улыбалась.

— Ну? — произнесла она.

— И вдруг я очутился на перекрестке двух дорог, правая сокращала мой путь на целые сутки, левая же замедляла его. Я, конечно, хотел взять вправо, чтобы поскорей доехать до вас, но моя лошадь, — вы ведь знаете, какое это умное животное, — заупрямилась и употребила все силы, чтобы пойти по левой дорожке; в то же время какой-то внутренний голос — верно, это было предчувствие — заставил меня повиноваться моему Негро. Я перестал его сдерживать, и мы поехали по левой тропинке. Вскоре я заметил в кустах людей и блеск их оружия; но они не тронули меня. Однако это обстоятельство начало меня беспокоить; я догадывался, что должна произойти битва, но не знал, с кем. Результат сра-

жения, помимо моей воли, очень интересовал меня; а потому, вместо того, чтобы продолжать свой путь, я выехал в этот лес и остановился здесь. Остальное вам известно, сеньорита. Итак, ваше любопытство должно быть удовлетворено. Теперь за вами очередь рассказать мне обо всем, если вы не против.

— Нисколько, сеньор. Мой отец, по неизвестным мне причинам, возвратившись из своего путешествия в Мексику, нашел, что нам с мамой небезопасно оставаться в Пальмаре, велел наскоро собираться — и мы все под многочисленной охраной отправились в Охо-де-Агуа, которую он приобрел недавно; отец уверяет, что эта асиенда прекрасно укреплена, и мы в ней можем быть совершенно спокойны.

— Как! Вы отправлялись в Охо-де-Агуа, когда...

— Да.

— Здесь виден перст Божий!

— Может быть! — сказала она в раздумье.

— И вы не знаете мотивов?

— Решительно ничего не знаю, только, судя по разговорам, которые мне приходилось слышать, я поняла, что между отцом и доном Мануэлем де Линаресом существует старинная вражда, которая в настоящее время особенно обострилась; что мой отец, получив назначение губернатора штата Сонора, решил, наконец, покончить со своим врагом. А чтобы действовать на свободе и оградить нас от опасности, он и хотел переселить нас с матерью в другое место.

— Все это, вероятно, и есть так, как вы говорите. Но странно, что с некоторого времени индейцы что-то волнуются; большой союз папаго вооружает всех своих воинов; скоро на границе разразится война; и почему знать, не играют ли индейцы роль в той ссоре, о которой вы говорите?

— Это было бы ужасно, хотя весьма вероятно, что индейцы замешаны здесь.

В эту минуту в кустах послышался легкий шум. Дон Руис, не перестававший быть настороже, приложил палец ко рту, как бы подавая знак к молчанию, и стал прислушиваться.

Затем он встал, тихонько подошел к Негро, снял аркан, висевший на его седле, и успокоив жестом молодую девушку, скрылся в густой зелени с той стороны, откуда доносился шум. Донья Хесус, не успевшая еще оправиться от первого испуга, задрожала от страха, устремив неподвижный взгляд

на кусты, за которыми скрылся молодой человек, и ожидая, что вот-вот кусты раскроются, и на нее набросится или дикий зверь, или, что еще хуже, краснокожий индеец, отвратительное лицо которого наводило на нее ужас.

Но вдруг ей послышалось, что кто-то борется, и тотчас же вслед за этим из-за кустов показался дон Руис верхом на прекрасной лошади, в полной упряжи.

Он соскочил на землю, привязал лошадь к дереву и поспешил успокоить девушку.

— Простите, сеньорита, что я совсем невольно причинил вам такую тревогу. Но я не мог упустить благоприятного момента, посланного нам самим Провидением. Вы видите, мне удалось завладеть этой лошадью, она очень пригодится для того долгого пути, который предстоит нам!

— Обо всем-то вы подумаете, дон Руис, — ласково проговорила девушка, — право, я даже не знаю, как мне благодарить вас!

— О вашей благодарности ко мне не может быть речи, сеньорита!

— Я вам обязана жизнью, дон Руис. Скоро же буду обязана еще большим, — сказала она с чувством, — счастьем быть возвращенной моим родителям! Они теперь оплакивают меня, думая, что я во власти негодяев! О, когда же я увижу их?!

— Будьте спокойны, сеньорита! Не более как через два часа.

— Значит, мы едем?

— Сию минуту, сеньорита, если желаете.

— О! Еще бы, дон Руис!

Молодой человек вздохнул, — он был так счастлив в эти минуты, — но стал собираться; через пять минут все уже было готово. Приподняв донью Хесус, он помог ей сесть на пойманную лошадь, сам же вскочил на своего Негро, и вскоре они оба исчезли в густом лесу.

— Я навсегда сохраню в своем сердце воспоминание об этом дне, когда я была так счастлива и в то же время в таком отчаянии! — сказала молодая девушка охотнику, одарив его своим чарующим взглядом.

— Да благословит вас Бог за эти слова, сеньорита! — ответил он, подавляя вздох.

Прежде чем выехать из лесу на равнину, дон Руис опередил донью Хесус, чтобы удостовериться в безопасности.

Через минуту они оба остановились.

— Я вижу, — сказал он, — группу всадников около ущелья; но они очень далеко, не могу узнать их.

— Вдруг это индейцы или бандиты? — пробормотала донья Хесус в волнении.

— Надеюсь, ни те, ни другие, хотя положительного ничего не могу сказать.

— Господи, что же делать?

— Притаиться и ждать. Тогда мы узнаем, что это за люди и куда они направляются.

— Будем ждать, нечего делать, увы!

— Мужайтесь, сеньорита, разве я не около вас? К тому же, сейчас мы узнаем, друзья это, или враги.

— Помоги нам Бог! — проговорила она в испуге.

— Может быть, они ищут вас; стойте смирно, не шевелитесь, я пойду рассмотреть их, мне кажется, что это друзья.

— Хоть бы вы угадали, дон Руис!

— Вам уже известно, что мои предчувствия не обманывают меня! — заметил он с улыбкой.

— Но только не уходите далеко от меня, я тут одна умру со страху.

— Через пять минут я вернусь, не бойтесь.

Молодой человек удалился, а донья Хесус замерла в ожидании, считая минуты и секунды и вздрагивая при малейшем шорохе, раздававшемся из кустов.

ГЛАВА VII

Нашла коса на камень

Хотя дон Торрибио изнемогал от усталости и измучился от непрерывных волнений в своих поисках, окончившихся столь блестящим успехом, сон его был лихорадочный, так что когда он проснулся около восьми часов утра, то почувствовал себя еще более разбитым, чем накануне.

Первым делом он зашел в соседнюю комнату; она была пуста. Лукас Мендес встал на два часа раньше своего хозяина, но уходя, оставил на столе лист бумаги, на которой написал крупными буквами:

«Не выходите ни за что до моего возвращения».

— Хорошо, — сказал молодой человек, прочтя бумагу и отбросив ее на стол, — буду ждать!

Он оглядел комнату и, заметив на полках книги, взял одну из них, раскрыл ее и закурил папиросу.

Это был том Корнеля, конечно, на французском языке; но дон Торрибио владел им, как парижанин; к тому же, Корнель был одним из любимых его поэтов.

Отыскав Сиду, он углубился в чтение стихов, хорошо известных ему, но тем не менее не потерявших для него своей прелести, и не заметил, как прошел целый час; дверь раскрылась и вошел Лукас Мендес.

Старик был мрачен; он казался грустным и чем-то расстроенным; но когда его взгляд упал на молодого человека, он улыбнулся и, почтительно поклонившись ему, сказал:

— Вот и я, к вашим услугам, ваша милость.

— Наконец-то, — ответил дон Торрибио, закрывая книгу, — а я уже стал отчаиваться увидеть вас.

— Извините, что я так запоздал, ваша милость; но у меня сегодня утром было слишком много дел, теперь же я свободен.

— Вы переговорили с доньей Сантой?

— Да, ваша милость, она ждет вас.

— Viva Dios! И вы мне ничего не говорите! Ведите же меня к ней скорее, прошу вас!

— Путь недалек, идите за мной.

Они вступили в коридор, по которому шли минут десять, потом Лукас Мендес остановился.

— Мы пришли! — сказал он.

— Так открывайте.

Старик положил уже руку на пружину, но вдруг остановился.

— Что же вы? — спросил нетерпеливо молодой человек, — открывайте же, во имя всего святого!

— Молчите! — сказал Лукас Мендес. — Донья Санта не одна; ей говорят, она отвечает: ее опекун с ней.

— Какая досада! Опять ждать! — пробормотал дон Торрибио, топнув ногой.

— Не жалуйтесь понапрасну: быть может, вы услышите такие вещи, которые вам знать необходимо.

— Как же? Да здесь трудно даже различить голос.

— Постойте!

Он взял молодого человека за руку и, отведя его на несколько шагов, надавил пружину. Перед ними открылось

потайное окошечко, затерянное в стене среди затейливых рисунков. Тотчас же им стало видно и слышно все, что происходило в той комнате.

— Слушайте и смотрите, но помните, что ни одним жестом, ни криком, вы не должны выдать своего присутствия! — сказал ему на ухо Лукас Мендес.

— Не беспокойтесь, — ответил дон Торрибио так же тихо.

Он заглянул в окошечко. Перед ним был будуар небольших размеров, меблированный очень богато и с большим вкусом, в стиле помпадур. Донья Санта сидела на низком кресле перед шифоньеркой, на которой лежало вышивание. Она была в домашнем костюме из гладкого шелка, перехваченном золотым поясом. По ее бледности и покрасневшим глазам видно было, что она плакала; но на лице ее выражалась непреклонная воля и решительность; брови ее были сдвинуты под влиянием упорной думы; глаза вспыхивали, когда она поднимала их на своего собеседника, губы складывались в горькую усмешку. Она нервно мяла своими тонкими пальцами батистовый носовой платок, смоченный ее слезами.

Дон Мануэль де Линарес, опекун доньи Санты, быстро вышагивал по будуару, останавливаясь иногда перед молодой девушкой, чтобы сказать ей что-то резкое; видно было, что он сдерживал себя от сильного гнева, готового разразиться каждую минуту.

В тот момент когда дон Торрибио приложился к окошечку, дон Мануэль говорил:

— Я не желаю больше терять драгоценное время на споры с вами, ¹нинья. Вы знаете, что через час я уезжаю, а потому требую от вас окончательного ответа.

— Разве я вас задерживаю? — сухо ответила она. — Насколько мне известно, я тут ни при чем! Вы можете выехать из этого дома, когда вам угодно; о, если бы и я могла сделать то же!

— Да, — сказал он насмешливо, — я знаю ваши непокорные чувства, но к несчастью для вас, что бы вы ни предприняли, вам не удастся выйти из-под моей власти.

— Точно также, как и вам не удастся заставить меня подчиниться вашим требованиям! — сказала она ледяным

¹ Н и н ь я — малышка, ласковое обращение к девушке.

тоном. — Эта власть, которой вы желаете воспользоваться, я не знаю вследствие каких гнусных мотивов...

— Сеньорита! — вскричал он, топнув ногой в ярости.

— Что же! Вы сами приказали мне быть откровенной с вами, сеньор. Я повинуюсь вам, чем же вы недовольны?

— Хорошо! Продолжайте, но выражайтесь короче, пожалуйста!

— Эта власть, говорю я, приходит к концу. Через семь месяцев я буду совершеннолетней, следовательно, свободна в своих действиях; через семь месяцев вы получите от меня тот ответ, которого требуете сегодня.

— Берегитесь, сеньорита, — сказал дон Мануэль сквозь зубы, — я могу вас принудить к послушанию.

— В таком случае помните: я вольна уйти из жизни, раз уж не могу покинуть этот замок!

— О! однако вы чересчур смелы! — вскричал он в бешенстве.

Но, тотчас же овладев собой и пройдясь несколько раз по будуару, опять остановился около доньи Санты.

— Слушайте, няня, — сказал он, стараясь смягчить голос, — поговорим серьезно. Что вы имеете против дона Бенито де Касоналя? — Он молод, красив, богат, принадлежит к одной из лучших фамилий Соноры! Что вам не нравится в нем?

— Ничто; мне решительно все равно: я даже не пробовала присматриваться к нему. Он молод — совершенно верно; красив ли он, я не знаю; богат ли он — мне-то какое дело? — разве я сама не богата? А что касается его рода, то полагаю, и я не ниже его по происхождению.

— Да, вы правы, ваши положения одинаковы; к тому же он любит вас, почему же вы сопротивляетесь?

— Просто потому, что я его не люблю и никогда не буду любить, сеньор!

— Так вот она — ваша откровенность!

— Конечно; могу я быть еще более откровенной?

— Да, если хотите.

— Я вас не понимаю, сеньор.

— Вы отказываетесь выйти замуж за Бенито де Касоналя не потому что вы его не любите, а потому, что любите другого.

— Может быть, сеньор! Но мои сердечные дела касаются только меня; никто, даже вы, не имеете права требовать от меня чтобы я раскрыла свое сердце.

— О! Я уже заметил, что творится в этом сердце, — сказал он с горечью, — и если только этот жалкий авантюрист, в которого вы так глупо влюбились, попадется когда-либо в мои руки, то мы посчитаемся с ним.

— Сеньор, вы забываете, что сами дважды обязаны жизнью тому человеку, которого вы так галантно называете авантюристом. Забываете, что этот человек не побоится ваших угроз и оскорблений; а главное — забываете, что этот человек отсутствует, значить не может защищаться от ваших оскорблений; расточать же их передо мной, женщиной, не благородно.

— А вы защищаете его!

— Я? Сохрани меня Бог от этого! Он не нуждается ни в чьей защите, за него говорят дела его. Поверьте мне, сеньор, вместо того, чтобы желать увидеться с ним, вы напротив, должны благодарить судьбу, что его здесь нет. Не советую вам разыскивать его, так как в тот день, когда вы столкнетесь с ним, он сам потребует от вас отчета. Но довольно об этом: я слишком страдаю, слушая вас. Если в вас есть что-либо человеческое, хотя бы капля жалости в вашем сердце, то избавьте меня от этой пытки. Мои чувства вам теперь известны; что же касается того ответа, который вы продолжаете требовать от меня, то вот он: «Я скорее умру, чем выйду замуж за человека, с которым вы намереваетесь соединить меня, помимо моего желания».

— Тогда это война! — сказал он сквозь зубы.

— Война! — грустно повторила она. — Я не боюсь ее, хотя и не желаю; что такое я? Увы! Бедное дитя без силы и без защиты. Вы можете раздавить меня, я в ваших руках; но никогда добровольно я не подчинюсь вам.

— Санта! Санта! — глухо проговорил он. — Вы злоупотребляете моей добротой к вам!

— О! Дон Мануэль, — прервала она его с жестом мольбы, — пожалейте несчастную сироту, доверенную вашему попечению ее умирающим отцом, не обращайтесь в палача для той, которую вы клялись охранять!

— Я знаю лучше вас, дитя мое, — ответил он с холодной решимостью, — что мне следует делать; я дал слово, и что бы там ни было, сдержу его; будьте готовы вступить в брак с доном Бенито де Касоналем, как только мы переселимся в Урес, это будет через месяц. Впоследствии вы сами будете

благодарить меня, что я не уступил капризу вашему и упрочил ваше будущее счастье.

— Напрасно вы стараетесь обмануть меня, сеньор! Мне известно многое, чего вы и не предполагаете, и чего мне лучше бы и не знать ради моего спокойствия и счастья. Хотя вы тщательно скрывали от меня все, что происходило вне этого дома, но мои глаза и уши часто видели и слышали то, чего они не должны были бы ни видеть, ни слышать. Я присутствовала невидимой свидетельницей на ваших тайных собраниях и при постыдных сделках. Только теперь полог начинает спадать с моих глаз; я предвижу ту пропасть, в которую вы толкаете меня. Вы играете одну из подлых ролей и хотите сделать меня своим орудием. Мое замужество с доном Бенито де Касоналем, который даже не друг вам, а только сообщник, — лишь отвратительная сделка для достижения неизвестной мне цели, одна мысль о которой приводит меня в ужас. Не жертвуйте же мной — слабым и одиноким созданием — для ваших преступных замыслов. Во имя моей умирающей матери и моего отца, который был вашим другом, умоляю вас, дон Мануэль, пожалейте сироту, которую они доверили вам!

— Вы слишком много сказали, Санта, чтобы я отступил назад; еще более, чем раньше, ввиду ваших и моих собственных интересов, я настаиваю на этом браке; так должно быть, приготовьтесь повиноваться мне.

— Итак, вы остаетесь глухи ко всем моим мольбам, — сказала она в волнении, — ничто не может тронуть вас?

— Ничто, — холодно ответил он. — Мое решение принято и оно останется неизменным!

— Тогда сам Бог сжалится надо мной! — грустно сказала она. — Если он не придет ко мне на помощь, то для меня все потеряно.

— Вы правильно говорите: вам только и остается, что надеяться на Бога, — ответил он с колкой насмешкой. — Но этому Богу, к которому вы взываете, нет никакого дела до того, что происходит на земле, Он не любит вмешиваться в наши дела, так как слишком далеко, чтобы следить за нами и думать о нас.

— О! Не богохульствуйте, дон Мануэль, не рассчитывайте остаться навсегда безнаказанным! Загляните лучше в себя, теперь еще не поздно. Бойтесь, час возмездия близок; он

может застать вас врасплох; вы погибните, как былинка. Правосудие покарает вас — и почему знать, может быть, в эту горькую для вас минуту вы найдете утешение во мне, бедном, и слабом создании, которое вы так мучаете?!

— Аминь, моя прелестная проповедница! — сказал он — Но, в ожидании пока исполнится ваше мрачное пророчество, запомните мои слова. Я вам раз навсегда высказал мое желание; знайте же, что никакая человеческая сила не может помешать исполнить его. А пока прощайте! Оставляю вас с вашими мыслями, грустными или веселыми; молитесь Богу сколько вашей душе угодно, но думайте о повиновении.

Через десять дней вы придете ко мне в Урес, где я буду ожидать вас. Надеюсь, что уединение благотворно повлияет на вас, и я увижу вас веселой и покорной моей воле.

— Никогда!

— Увидим! Вам дано десять дней на размышления, а мало ли какие мысли могут придти за это время в безумную голову молодой девушки?!

— Прощайте, нинья! Приготовьтесь к отъезду, когда вас предупредит об этом мой мажордом, Лукас Мендес.

Дон Мануэль пожал плечами, взглянул в последний раз на девушку, насмешливо поклонился ей и вышел из будуара, хлопнув дверью.

— О, я несчастная! — вскричала донья Санта. — Мне остается лишь смерть! Увы! Я одна на свете, у меня нет друга, который бы пожалел и защитил меня.

— Вы забываете меня, сеньорита! — раздался около нее тихий и взволнованный голос.

Молодая девушка вздрогнула, точно от электрического разряда: перед ней стоял дон Торрибио де Ньеблас.

— Вы! Это вы, дон Торрибио! — воскликнула она, сложив руки с выражением безумной радости. — О! Я спасена, раз вы здесь!

— Я отдам жизнь мою для этого, сеньорита! — ответил он с чувством.

— О! Это сам Бог послал мне вас, дон Торрибио, — начала донья Санта с глазами, полными слез, — такая радость после стольких страданий. Господи, правда ли это! Я, кажется, схожу с ума.

— Верьте, донья Санта! Вы совсем не так одиноки, как полагали, у вас есть храбрые и энергичные друзья, которые не постоят ни перед чем, чтобы спасти вас.

— Спасти меня! — покачала она головой, сделавшись вдруг грустной, — к сожалению, это немыслимо!

— Все возможно, когда на что-либо твердо решиться, донья Санта; не падайте духом!

— Да, это правда; в вас много мужества, дон Торрибио. Но что вы можете для меня сделать? Ах! Если бы вы только знали!

— Я все знаю, сеньорита; я присутствовал здесь и все слышал.

— Да, действительно, мне ведь Лукас Мендес говорил о вашем визите; я ждала вас с таким нетерпением, в то же время боясь вашего прихода.

— Почему же, сеньорита?

— Простите меня, друг мой, я просто теряю голову. Как я страдаю!

— Надо мужаться.

— В эту минуту я чувствую себя сильнее: вы со мной. О! Ведь вы защитите меня? — сказала она с мольбой.

— Не бойтесь ничего, этот человек уехал, он более не страшен.

— Увы! Он так силен; все склоняется перед его железной волей.

— Да, гений зла укоренился в нем; но я не боюсь его и сумею вас защитить от него, клянусь вам.

— Я верю и вашему доброму намерению, и вашей храбрости, дон Торрибио.

— Так в чем же дело?

— Увы! Я боюсь, что он раздавит вас, подобно тому, как давит всех, кто вступает с ним в борьбу.

— Дорогая Санта, я люблю вас! И эта чистая и глубокая любовь, которую Бог вложил мне в сердце, удесятерит мои силы, я избавлю вас от возмутительного тиранства этого человека; моя любовь поможет мне победить его и спасти вас.

— Говорите, говорите еще, дон Торрибио, — сказала она улыбаясь сквозь слезы, — я так давно не слышала дружеского голоса; он раздаётся в моих ушах, точно нежное пение птички. Слушая вас, я воскресаю!

— Бесценная моя, ведь вы — жизнь моя, два наших сердца составляют одно целое; вы отгадываете мои сокровенные мысли, так же как и я — ваши; вы будете счастливы!

— Счастлива! — проговорила она. — Разве возможно еще для меня счастье?

— Сегодня же, если вы согласны, вы можете избавиться от этого человека, который сделал вас пленницей!

— Ведь это только мечта!

— Все зависит от вас.

— И вы думаете, что он не отомстит мне?

— Нет, потому что вы будете находиться под надежной охраной.

— Разве вы так сильны, дружкой? — сказала она с детским восторгом.

— Я люблю вас, дорогая Санта!

— Я тоже люблю вас, и вы знаете это, дон Торрибио! — проговорила она, опустив голову, чтобы скрыть внезапную краску, покрывшую лицо.

— Вот эта уверенность и придает мне силы, бесценная Санта!

— В самом деле, только чтобы добраться до меня, вы должны обладать большой силой.

— Я совершил почти чудо, в котором мне помог Бог. Я открыл все тайны асиенды, сам дон Мануэль не знает всех секретных уголков и ходов этого жилища; мне же все известно. Я могу все видеть и слышать, оставаясь скрытым от всех глаз; и теперь жизнь, честь и состояние человека, от которого вы так страдаете, в моих руках: я могу раздавить его, заставить его валяться у меня в ногах, я здесь один, но судьба всех обитателей этой несокрушимой крепости в моей власти, хотя они и не подозревают этого!

— Все возможно!

— Так оно и есть, донья Санта!

— Я верю вам, мой друг и спаситель, одна надежда на вас и поддержала меня в страдании и борьбе с доном Мануэлем. Но неужели вы воспользуетесь своей необъятной силой, чтобы уничтожить его? Лев не бросается на собак: он презирает их, так как сам благороден, велик и великодушен. Вы спасаете меня, охранив от мести этого человека. Такая задача прекрасна и достойна вас; сделать более не соответствовало бы настоящей цели; зачем вам вредить дону Мануэлю?

— Я лично не питаю к нему ненависти, даю вам честное слово!

— Как я счастлива, что вы говорите так. Наше счастье послужит для него достаточным наказанием; чего же нам еще надо?

— Конечно, ничего больше, дорогая Санта; вы рассуждаете, как ангел; и я со своей стороны вполне разделяю ваши благородные чувства; но, увы! на этом свете человек расплачивается за свои поступки. Дон Мануэль слишком долго пользовался безнаказанностью, но чаша переполнилась; и теперь настал час возмездия, которое будет ужасным.

— Что вы хотите этим сказать, мой друг?

— Я хочу сказать, мое бедное и доброе дитя, что этот человек — негодяй, совершивший самые гнусные преступления, в которых он обязан дать людям отчет. Если бы вы были его единственной жертвой, я бы еще согласился простить его. Но к несчастью, не одна вы страдали от него; он возбудил во многих такую ненависть, которая должна разразиться мщением. Я не могу объяснить вам всего по этому поводу, милая Санта: все, что мы с вами можем сделать для этого человека, это не вмешиваться в его дела.

— Боже мой! Вы пугаете меня, дон Торрибио. Неужели все, что говорят о моем опекуне, правда?

— Для вас лучше никогда не узнать этой правды. Но оставим его. Все, что с ним произойдет, зависит не от нас, славу Богу! Поговорим лучше о наших делах!

— Я ничего не могу придумать! Посоветуйте мне! — отвечала девушка.

— Извольте, сеньорита; но раньше я должен убедиться, что вы имеете ко мне полное доверие.

— Я верю в вас, как в родного брата, дон Торрибио, ведь вы единственный друг у меня!

— Значит, вы исполните мой совет?

— Безусловно, если это зависит от меня!

В это время раскрылась потайная дверь и показался Лукас Мендес.

— Ах! — воскликнула девушка в ужасе.

— Не бойтесь, сеньорита, разве вы не узнаете этого человека?

— Лукас Мендес, мажордом дона Мануэля!

— Да, но на самом деле, это мой верный слуга, помещенный мной на службу к дону Мануэлю, чтобы охранять и защищать вас.

— Он не один раз и делал это. Я и раньше догадывалась, что он мой тайный покровитель, за что искренне благодарна ему! — добавила девушка с очаровательной улыбкой, протягивая свою маленькую руку старику, который почтительно поцеловал ее.

— Вы пришли кстати, Лукас Мендес! — сказал молодой человек. — Что нового?

— Мануэль де Линарес и дон Бенито де Касональ выехали с асиенды и забрали с собой своих. Нас осталось только двое: сеньорита да я.

— Как! А донья Франциска де Линарес и ее сын?..

— Они также уехали, сеньорита!

— Не осведомившись даже обо мне?

— Дон Мануэль распоряжается, и ему должны повиноваться беспрекословно, вы это знаете, сеньорита; и я теперь нарочно пришел сообщить вам, если позволите, о том плане, который придумал для вас.

— Viva Dios! Лукас Мендес, друг мой, как вы вовремя явились сюда! — вскричал дон Торрибио. — Мы с доньей Сантой в очень затруднительном положении, не зная что предпринять.

— В таком случае, если позволите, ваша милость...

— Вы говорите, говорите, Лукас Мендес!

— По-моему, есть одно средство к спасению...

— А именно?

— Уйти с асиенды.

— Уйти с асиенды? Да, но куда уйти? Где выбрать убежище? Ведь я не могу сопровождать донью Санту открыто — приличие не допускает того. Нет, это невозможно!

— Я обо всем подумал, ваша милость! И вот результат моих размышлений: сегодня ночью или, вернее, рано утром, пока вы еще спали, я нашел лошадей и привел их сюда, полагая, что они понадобятся нам.

— Правда, если мы поедem, то лошади нам необходимы. Каков же ваш план?

— Вот он: вы только что сказали, что не можете защищать открыто донью Санту; да и наши дела пострадали бы от этого. Через час я выеду отсюда с сеньоритой и по кратчайшей дороге, никому кроме меня неизвестной, мы с ней прибудем в Урес до приезда дона Мануэля. Донью Санту я оставляю на попечение честной семьи, за которую ручаюсь.

Там она будет в безопасности до того момента, когда ей можно будет спокойно выходить; к тому же, дон Мануэль не станет искать ее, и ей нечего будет бояться его, пока она будет скрываться.

— Знаете, что дон Мануэль назначен начальником полиции Уреса и что для него ничего не будет стоить...

— Повторяю вам, ваша милость, что дон Мануэль не станет даже пытаться разыскивать донью Санту.

— Ну, уж этого я никак не могу понять, Лукас Мендес, после того, что я сам слышал не далее, как час тому назад.

— Дон Мануэль не будет искать сеньориту, так как будет считать ее умершей.

— Умершей!

— Да, умершей, ваша милость! Надо действовать решительно. Завтра, с восходом солнца, оставшиеся на асиенде слуги найдут среди скал труп, одетый в платье доньи Санты: сеньора, обезумевшая от отчаяния, бросилась туда ночью и умерла.

— Но это посягательство на Бога! — проговорила девушка, крестясь.

— Нет, это средство к спасению, — вскричал дон Торрибио. — Ну, а потом?

— Через час донья Санта, переодетая в мужчину, уедет со мной! Я отвезу ее к дуплу того дерева, в котором были спрятаны ваши лошади, там для нее уже все приготовлено. Затем, через несколько часов я возвращусь обратно; завтра труп будет найден; я оставлю асиенду, чтобы сообщить дону Мануэлю об этой ужасной катастрофе.

— Надо решаться, сеньорита, это единственное средство к спасению, хотя оно и кажется вам таким страшным; я же отправлюсь к дону Порфирио, и мы с ним решим, как поступить с доном Мануэлем.

— Дон Торрибио, вы обещали мне не вмешиваться в его дела.

— Я обещал вам, дорогая Санта, не мстить за нанесенные вам оскорбления! Большого я не могу сделать: повторяю, судьба этого человека зависит не от меня.

— Господи! Что будет со мной без вас?

— Я буду извещать вас о себе каждый день, а скоро и сам приеду в Урес. Санта, умоляю вас, ради вас самих, ради меня, который любит вас, ради нашего будущего счастья, соглашайтесь бежать.

— Пусть будет по-вашему, друг мой, я вам повинуюсь! — сказала она с грустной улыбкой.

— Благодарю, дорогая моя!

— Надо торопиться! — сказал Лукас Мендес.

Молодой человек вышел из зала в сильном волнении.

Час спустя, после душераздирающих прощаний, донья Санта, переодетая в костюм ранчери, который делал ее еще прелестнее, выезжала с асиенды вместе с Лукасом Мендесом.

Дону Торрибио день показался нескончаемым; он провел его в комнатах доньи Санты, которые были для него как бы святилищем; разлученный со своей возлюбленной, он старался утешить себя, целуя каждую вещицу, принадлежащую ей.

После заката солнца возвратился Лукас Мендес; он нарочно велел подать обед сеньорите, потом через несколько минут объявил, что сеньора не желает выходить и заперлась у себя в комнате.

Около полуночи, завернув тушу козы в домашний костюм доньи Санты, дон Торрибио и Лукас Мендес снесли это животное к скалам и бросили в неприступном месте; кусок кружев они забросили повыше, на куст.

Все произошло, как предвидел Лукас Мендес: два часа спустя после восхода солнца один из пеонов, проходя по двору асиенды, заметил коршунов, кружившихся над скалой и испускавших пронзительные крики и затем поднимавшихся с кровавыми кусками мяса.

Пеон забил тревогу; все сбежались к скале; сначала увидели зацепившиеся кружева, развеваемые ветром, потом коршунов над какой-то массой, которую приняли за труп доньи Санты. Тотчас же побежали за мажордомом, Лукасом Мендесом, который поспешил констатировать факт ужасной катастрофы.

Через час никто уже более не сомневался в смерти несчастной девушки, и Лукас Мендес, взяв на себя сообщить эту печальную новость дону Мануэлю, выехал с асиенды дель-Энганьо, где царило всеобщее отчаяние.

Дон Торрибио, успокоенный успехом хитрой выдумки своего слуги, остался один в подземельях, все углы и закоулки которых он хотел основательно изучить: у него тоже был свой собственный план, который он и обдумывал.

*В которой дон Порфирио вынужден
возвратиться в Тубак*

ыше было сказано, что после схватки у Марфильского ущелья, лишь только бандитов вытеснили из их засады, дон Порфирио с двадцатью охотниками пустил лошадей во всю прыть, торопясь пересечь овраг: от этого зависел успех сражения.

Похищение доньи Хесус было совершено с таким нахальством и быстротой, что кроме доньи Энкарнасьон никто не заметил ее исчезновения. Но бедная мать не могла вынести такого удара и лишилась чувств, отчаянно вскрикнув.

Видя, что она падает, дон Порфирио взял ее на руки, думая, что она ранена, и, положив ее на свою лошадь, умчался с ней во весь дух, боясь погони.

Только, добравшись до вершины ущелья, дон Порфирио понял, что случилось.

Слов не хватает, чтобы описать отчаяние, овладевшее отцом, который внезапно лишился своей единственной дочери: он точно обезумел от горя и стал упрекать себя, что тотчас же не бросился вслед за негодяями. Горько плача, он молил свою дочь, моля ее просить ему, что несумело охранить ее, что не умер со всеми своими спутниками, защищая ее.

Но дон Порфирио был не такой человек, чтобы долго предаваться горю. Благодаря своей железной воле он, видимо, заглушил свою боль, затаив ее в глубине сердца; на вид он сделался невозмутимо спокойным.

Твердая Рука с боязнью следил за состоянием друга, не смея произнести ни слова; а когда увидел, что тот поборол свое страдание, то сказал ему:

— Это большое несчастье! Мы должны во чтобы ни стало спасти бедное дитя!

— Во чтобы ни стало, — повторил дон Порфирио, как эхо, — что вы сделали, друг мой?

— Послал Ястреба, лучшего из своих воинов, на разведку; он найдет след похитителей. Тогда мы пустимся за ними; может быть, они еще недалеко от нас, так как их пленница должна замедлять бегство. Я надеюсь, что мы найдем ее до вечера.

— Дай Бог, Твердая Рука! Спасибо вам за все, что вы сделали. Ну, а сейчас как нам быть?

— Сию же минуту отправиться на асиенду дель-Охо-де-Агуа; к счастью, донья Энкарнасьон в обмороке: значит, она не страдает пока. Когда она очнется, надо будет выдумать какую-нибудь историю, чтобы объяснить ей причину отсутствия доньи Хесус. Во всяком случае, постарайтесь скрыть от нее правду, а то это ужасное открытие убьет или сведет ее с ума. Чувствуете ли вы себя достаточно сильным для этого, друг мой?

— Я понимаю вас, не беспокойтесь; я точка в точку последую вашему совету и обману бедную мать. Ну, а вы?

— Я обещаю вам сделать все возможное, чтобы освободить донью Хесус и вернуть ее в ваши объятия сегодня же. Надеюсь, Бог поможет мне.

— Отправляйтесь, дорогой мой, слушайтесь своего внутреннего голоса; я полагаюсь на ваше благородство и ваше знание пустыни.

— Надеюсь, — ласково проговорил охотник. — Я почти уверен в успехе.

Твердая Рука приказал устроить носилки, на которые уложили все еще бесчувственную донью Энкарнасьон, и все двинулись к асиенде.

Когда люди дона Порфирио скрылись за поворотом тропинки, Твердая Рука послал еще несколько человек на разведку, потом сел у подошвы горы, зажег трубку и стал курить, поджидая Ястреба.

Прошло несколько часов; разведчики возвращались один за другим. Судя по их донесениям, бандиты под влиянием паники рассеялись в разные стороны, и навряд ли скоро опять соединятся.

Это были хорошие новости. Твердая Рука остался ими доволен.

Наконец около четырех часов появился сам Ястреб.

Он был спокоен и невозмутим, как всегда.

Молча присев напротив Твердой Руки, он принял от него трубку, покурил минуты две-три, потом возвратил ее обратно с поклоном.

Твердая Рука покурил тоже в свою очередь; трубка переходила из рук в руки, пока не выкурили весь табак; но оба все еще молчали.

Эта церемония строго соблюдается среди индейцев.

— След не длинен, легко отыскался! — сказал охотник презрительно.

- Значит, удача? — спросил Твердая Рука.
- Эти воры — дрянные собаки, не сумели даже скрыть своих следов!
- Где кончается след?
- В трех или четырех выстрелах от леса.
- Так близко от нас! Вот дураки-то!
- Они мертвые.
- Мертвые? Кто же их убил, не вы ли, вождь?
- Нет, не я!
- А девушка?
- Лилия-Роза освобождена белым охотником.
- О каком охотнике вы говорите?
- Черный Орел! Тот самый, которого белые зовут Горячем Сердцем.
- Как! Горячее Сердце здесь? Вы ошибаетесь, вождь!
- Ястреб видел его и слышал щебетанье мелодичного голоса Лилии-Розы, разговаривающей со своим другом.
- Значит, девушка спасена?
- Да, Черный Орел убил диких собак, только один остался в живых.
- Славу Богу! Горячее Сердце человек честный, девушка, оставаясь с ним, не подвергается никакой опасности.
- Черный Орел обладает сердцем льва; к тому же, он любит Лилию-Розу.
- Так; но этого не может быть! Ведь он ее не знал раньше!
- Уши Ястреба были открыты; он все слышал; Черный Орел давно знаком с Лилией-Розой.
- Странно! Ну, а вы не знаете, намеревается ли Горячее Сердце возвратить нам девушку?
- Ястреб ничего подобного не слышал; молодые люди болтали и ели, сидя на лужайке у разведенного огня. Ястреб знал, что его отец, Твердая Рука, ждет его с нетерпением, и он поспешил прилететь к нему. Доволен ли мой отец?
- Вполне доволен, вождь; благодарю вас! Эти молодые люди весело болтают, забывая все на свете, а их родители плачут и отчаиваются! Надо пойти прервать их сладкий сон; увидев нас, они проснутся.
- В пять минут охотники и воины сели на лошадей и стали спускаться с крутых склонов Марфильского ущелья.
- Как раз в это все время дон Руис и донья Хесус выезжали с лужайки на асиенду дель-Охо-де-Агуа.

Всадники спустились с горы галопом и в четверть часа проскакали все расстояние, отделявшее их от равнины.

В девяти сотнях метров от леса по знаку Твердой Руки всадники приостановились, положив свои ружья поперек седел.

Сам же Твердая Рука загарцевал по направлению к лесу. Но едва он проехал несколько метров, как дон Руис показался из леса на своем Негро, проделывавшем всевозможные скачки и прыжки.

Так же, как и Твердая Рука, он бросил свое оружие.

Оба охотника продолжали гарцевать, приближаясь друг к другу, пока не съехались, а съехавшись, они тотчас же обменялись дружеским рукопожатием.

— Как я рад встретить такого знаменитого охотника, как Твердая Рука! — сказал молодой человек, вежливо раскланиваясь.

— И я счастлив, что случай натолкнул меня на моего молодого и храброго друга, Горячее Сердце! — не медля ответил Твердая Рука, кланяясь в свою очередь.

— Не трудитесь, друг, искать след похитителей доньи Хесус! Господь уже указал их мне; негодяи убиты.

— Я знаю, что Горячее Сердце спас донью Хесус. Приношу ему благодарность от имени родителей и друзей прелестной девушки.

— Откуда Твердая Рука мог узнать это? — спросил дон Руис, удивившись.

— Горячее Сердце не скрывался, ему не от кого было прятаться! — ответил с улыбкой Твердая Рука. — Ястреб разыскал след, пошел и увидел там молодого охотника, разговаривающего и закусывающего с доньей Хесус. Не правда ли?

— Правда, — ответил, улыбаясь, молодой человек, — Ястреб — умная голова и верный глаз.

— Горячее Сердце собирался выехать из леса?

— Да, чтобы поскорей возвратить донью Хесус ее родителям, которые оплакивают ее.

— Я был уверен, что Горячее Сердце благороден и великодушен, как и его отец, дон Фабиан.

— Вы мне доставляете огромное удовольствие, Твердая Рука, сравнивая меня с моим отцом; я стараюсь подражать ему, но мне еще далеко до него!

— Вы еще молоды, Горячее Сердце, и перед вами хорошие примеры.

— Так как вы здесь, Твердая Рука, то не возьметесь ли вы доставить донью Хесус до Охо-де-Агуа?

— Нет, извините, я этого не сделаю, несмотря на то, что я — близкий друг отца этой девушки.

— Почему же?

— Потому, мой юный друг, что я не хочу лишать вас радости самому возратить отцу и матери дитя, которое вы спасли.

Дон Руис покраснел от удовольствия.

— Как же я пойду туда? — смущенно сказал он. — Я почти не знаком с доном Порфирио и доньей Энкарнасьон. Передайте им, что я счастлив, спасши горячо любимую ими дочь и что я попросил вас отвезти ее.

— Нет; это ваш долг, хотя он так труден для вас, — пошутил Твердая Рука и добавил, — я обращаюсь теперь не к Горячему Сердцу, славному охотнику, а к дону Руису Торрильясу де Торре Асула, заслуженному кабальеро; дон Руис не может уклониться от этой обязанности.

— Вы серьезно так думаете, Твердая Рука? Ведь вы тоже — кабальеро и даже из наиболее знатных!

— Вот именно в качестве такового я и говорю вам, дон Руис!

— Хорошо, раз это так, я согласен!

— Наш путь не долог.

— Мы едем вместе?

— Конечно!

— Значит, все к лучшему, Твердая Рука?

— Да, если я и не хотел бы теперь ехать на асиенду, то отправился бы туда нарочно для вас.

— Для меня? По какому поводу?

— Потому что мне надо сообщить вам о некоторых весьма важных делах, которые вам необходимо знать.

— Я не понимаю вас.

— Что вполне естественно; но ведь вы не отказываете мне в разговоре?

— Ни в коем случае, я очень рад поговорить с вами, когда хотите.

— Я вас ловлю на слове, дон Руис! Сегодня вечером мы переговорим!

— Хорошо, итак до вечера, сеньор; а теперь позвольте мне пойти успокоить донью Хесус: она ждет моего возвращения.

— Это правда. Идите скорей, дон Руис; вы найдете меня на этом самом месте.

— Через пять минут мы с доньей Хесус будем здесь.

Охотники обменялись опять рукопожатиями; дон Руис поворотил лошадь и во весь дух помчался к лесу, в котором на минуту скрылся и затем сейчас же показался оттуда в сопровождении девушки.

Донья Хесус совсем мало знала Твердую Руку. Она видела его в Пальмаре только один раз, но слышала о нем много хорошего, в особенности от своего отца: а потому ей хотелось ближе познакомиться с ними.

Твердая Рука поклонился девушке с изысканной вежливостью и успокоил ее относительно состояния здоровья ее матери.

Между тем солнце начинало уже спускаться за горизонт; нельзя было более терять ни минуты, чтобы добраться до асиенды до ночи; все двинулось по направлению к ущелью.

Не успели охотники сделать несколько шагов, как заметили всадника, скачущего во всю прыть. Твердая Рука приказал остановиться, чтобы подождать этого человека, которого он как будто узнал: это был Пепе Ортис.

Твердая Рука нахмурился, опасаясь дурных известий; ему показалось странным, что тот мчался так по саванне, в такое позднее время.

Между тем Пепе Ортис также узнал всадников и спешил поскорей доехать до них.

— Э-э! Это вы, сеньор Пепе Ортис? — окликнул его Твердая Рука дружелюбным тоном.

— Да, я, сеньор!

— Вы куда?

— В Охо-де-Агуа.

— Как вы неосторожны! Разве можно лететь так одному, по пустыне?

Пепе Ортис лукаво усмехнулся.

— Я сначала сопровождал дона Порфирио Сандоса, которого нашел в Тубаке, но вынужден был вернуться в пресидио.

— А!

— Да. Мне слышались выстрелы, верно, дрались?

— Была серьезная схватка.

— А дон Порфирио?

— Он миновал западню.

— Слава Богу! Так что теперь...

— Он находится в Охо-де-Агуа и через полчаса мы его увидим. Нет ли чего нового?

— Без этого разве я отстал бы от каравана?

— Верно. Что же такое?

— Много чего.

— Хорошего или дурного?

Пепе Ортис закачал головой.

— Я сейчас ничего не могу сказать вам, но когда мы приедем на асиенду, вы все узнаете.

— Ладно; я не настаиваю!

Через полчаса Твердая Рука и его спутники были на асиенде, где их ждали с большим нетерпением.

Дон Порфирио выбежал к ним на встречу.

— Ну, что? — спросил он с замиранием сердца.

— Я тут, я тут, отец! — вскричала девушка, протягивая к нему руки.

Дон Порфирио снял ее с седла и прижал к своей груди, осыпая ласками; и отец, и дочь плакали от счастья быть опять вместе после стольких страданий.

Как только волнение дона Порфирио немного утихло, он, не выпуская дочь из своих объятий, обратился к Твердой Руке.

— Друг, — сказал он, — ведь это вам я обязан тем, что опять вижу свою дочь?

— Нет, мой друг, — откровенно ответил охотник, — другой, более молодой и счастливый, чем я, освободил ее из рук бандитов и сам возвратил бы ее вам, если бы мы с ним случайно не встретились в саванне.

— Другой, говорите вы? Где же он, дайте его сюда, чтобы я мог выразить ему всю мою радость!

— Вот он! — сказал Твердая Рука, указывая на молодого человека, спрятавшегося сзади него.

— Дон Руис! Сын моего старого друга! Он спаситель моей дочери?!

— Он самый, друг мой!

— Так и должно было случиться! Да будет воля Господня. Руис, сын мой, я вознагражден не по заслугам, видя ваше счастье!

Дон Порфирио прижал к груди обоих молодых людей.

— Хорошо, дети мои, — сказал он в волнении, целуя то того, то другого, — Руис, вы спасли ее, я только одним и могу отблагодарить вас...

— О, отец мой!

— Сын, так как вы теперь действительно мой сын, поцелуйте свою невесту!

Мы не беремся описать все счастье молодых людей при такой неожиданной развязке. Дон Порфирио подошел к Твердой Руке.

— Ну, — спросил его охотник, — теперь мы привели вам беглянку. А здесь что делается? Как чувствует себя донья Энкарнасьон?

— Что мама? — воскликнула девушка.

— После того, как к ней вернулось сознание, она впала в глубокий сон, который еще продолжается.

— Слава Богу! Сведите меня к ней поскорее, отец! Я хочу, чтобы она сразу увидела меня, проснувшись.

— Иди, дитя мое, иди!

— Возвращайтесь скорей, дон Порфирио, — сказал Твердая Рука, — мне надо поговорить с вами!

— В чем дело?

— Сейчас узнаете, торопитесь!

— Я привез важные известия! — сказал Пепе Ортис выступая.

— Я приду сию минуту! — дон Порфирио, скрываясь вместе с дочерью.

Между тем Твердая Рука, дон Руис и Ястреб пошли в залу, где по мексиканскому обычаю стояли уже на столе всевозможные напитки.

Пепе Ортис последовал за ними, но скромно сел поодаль на скамейку, подле двери.

Дон Порфирио возвратился через полчаса; он был сильно взволнован и сейчас же поспешил успокоить своих друзей.

— Все сошло вполне благополучно. Донья Энкарнасьон, проснувшись от горячих ласк дочери, очень обрадовалась, увидев ее; и прежде чем успела сообразить все, что произошло, Хесус так ловко сумела обмануть ее, что она теперь убеждена в своей ошибке, и думает, что ее дочь была с нами во время прохода через ущелье. Значит, с этой стороны нам

больше нечего опасаться. Теперь я к вашим услугам, простите, что запоздал!

— Прекрасно, — сказал Твердая Рука, — я в восторге, что дела приняли такой оборот.

— Вы хотели что-то сказать мне?

— Да, кажется, об очень важных известиях.

— В чем же дело?

— Я сам не знаю; но Пепе Ортис, которого мы встретили в саванне, говорит, что он привез важные новости.

— А-а! Он наконец догнал нас, беглец этакий, ведь он скрылся вдруг, не сказав никому ни слова, и погнался за каким-то субъектом. Где же он?

— Я здесь, сеньор! — отозвался Пепе Ортис, вставая и походя к дону Порфирио.

— Что вы хотите сообщить нам, мой друг?

— Весьма важные известия, сеньор!

— О которых вы узнали сегодня?

— Да, ваша милость, когда я поехал за человеком, который мчался за нами.

— О-о! Тут что-то серьезное!

— Мы ничем не можем пренебрегать теперь! — заметил Твердая Рука.

— Что же это был за человек, — спросил дон Порфирио, — и чего он хотел от нас?

— Это был Муньос, сеньор!

— Трактирщик из Тубака?

— Да, он!

— Гм! Я не думал, что он такой пряткий. Тут что-то кроется! Ну, объясняйтесь же, Пепе Ортис, говорите смелее, мы слушаем вас, только будьте кратки!

— Постараюсь, ваша милость, рассказать вам все в нескольких словах! Час спустя после вашего отъезда из Тубака в пресидио на всех парах влетел всадник. Вдруг его лошадь взвилась на дыбы и затем повалилась замертво на землю, увлекая за собой всадника, всего истерзанного и без чувств; его отнесли в гостиницу. Там он первым делом осведомился о вас. Узнавши о вашем отъезде, он пришел в такое волнение, что Муньос сильно забеспокоился, а так как, вы сами знаете, он предан вам, то и предложил отправиться вслед за вами и привезти вас с собой. Раненый, конечно, согласился. Муньос сел на лошадь и уехал. Когда он мне сообщил обо

всем, я подумал, что не стоит беспокоить вас, что лучше мне самому вернуться в Тубак с Муньосом.

— И хорошо сделали!

— Трактирщик сначала заупрямился; он хотел непременно поговорить лично с вами; но я убедил его, и мы тогда оба повернули лошадей. Лишь только я увидел раненного, как тотчас же узнал его.

— Кто же это был? — в нетерпении спросил дон Порфирио.

— Лукас Мендес, ваша милость!

— Лукас Мендес! — воскликнули в один голос дон Порфирио и Твердая Рука.

— Да, он самый, ваша милость. И вот, что я узнал: дон Мануэль заманил вас по ложному следу. Пока все ваше внимание было сосредоточено здесь, он собирал войска с другой стороны; сам же, воспользовавшись моментом, отправился в Урес.

— Скорей к делу! — воскликнул дон Порфирио в беспокойстве.

— В двух словах; в Уресе произошло восстание, вся Сонора поднялась на него и провозгласила дона Мануэля военным и гражданским губернатором штата.

— Его! О, какое безумие!

— Это еще не все, ваша милость: Синалоа и Аризона тоже на пути к восстанию; они хотят соединиться, составив самостоятельную республику, президентом которой намереваются назначить дона Мануэля. Далее, апачи и сиу присоединились к мятежникам и подступили к границам.

— Эти сведения получены вами из верных источников?

— Мне передал о них мой хозяин, дон Торрибио. Он отправил Лукаса Мендеса, доверив ему это кольцо, которое вы должны узнать

— Где оно?

— Вот, извольте, ваша милость.

— Да, все сведения верны! — сказал дон Порфирио, надевая кольцо на один из пальцев. Где теперь дон Торрибио?

— В окрестностях Уреса, чтобы иметь возможность следить за неприятелем и приготовить ему отпор.

— Хорошо, я узнаю его в этом. Но еще не все потеряно, особенно, если мы будем действовать решительно; но куда нам деть дам?

— Лукас Мендес уверяет, что завтра он в состоянии будет сидеть на лошади; он берется найти для них безопасное убежище.

Он нагнулся к уху дона Порфирио и прибавил ему шепотом несколько слов.

— Хорошо! — согласился тот с улыбкой. — Сеньоры, через час мы сядем на лошадей. Асиенда дель-Охо-де-Агуа будет снесена. С какой стати нам оставлять после себя такую крепость?! Вы поедете с нами, Твердая Рука?

— Нет, я лучше оставлю вам своих охотников, а войско возьму с собой и отправлюсь в свои деревни. Если апачи и сиу взбунтуются, то папаго и команчи удержат их. Через неделю я буду со своими людьми на вилле, что на Рио-Хиле; туда и посылайте за мной, если я вам понадобится, а до отъезда я сам взорву укрепления Охо-де-Агуа.

— Пусть будет так, благодарю вас, и рассчитываю на вас, мой друг!

Они искренне пожали друг другу руки.

— А вы, дон Руис? — обратился дон Порфирио к молодому человеку. — Вы что хотите делать?

— Я? Разве я теперь не сын ваш? Я не оставлю вас.

— Прекрасно, я в этом был уверен, дитя мое, и очень счастлив иметь вас подле себя! Мужайтесь, господа! Нашему врагу еще далеко до победы. С Божьей помощью мы обратим этот триумф в поражение.

Через час все охотники и стрелки выезжали опять по Марфильскому ущелью в Тубак.

Донью Энкарнасьон с дочерью сопровождал сильный отряд, который до восхода солнца въехал в пресидию и опять расположился на главной площади.

ГЛАВА IX

Масса дурных известий

Мексика, кажется, единственная страна в мире, где самые алчные стремления увенчиваются успехом. Постоянная анархия сделала то, что здесь все возможно; чем безумнее предприятие, тем более шансов на удачу; с энергией и золотом здесь всего можно добиться, какова бы ни была намеченная цель.

Планы дона Мануэля де Линареса, которые во Франции сочли бы чудовищными, и автора их запрятали бы в темни-

цу, в Мексике никого даже не удивляли. Напротив, их находили заманчивыми; у дона Мануэля являлись ревностные сторонники, готовые поддержать и защитить его, рискуя всем.

Какова бы ни была репутация дона Мануэля де Линарес, но это был богач, или, по крайней мере, слыл за такового: золото сыпалось в изобилии из его рук; уже одного этого было достаточно, чтобы он приобрел себе массу друзей. Кроме того, в Соноре и других соседних штатах почти не было войск, а те, которые еще оставались там, легко было купить. В силу всего этого повсеместное восстание произошло без единого выстрела. Довольно было нескольких часов, чтобы все, соединившись, признали власть смелого злоумышленника. Жители по привычке отнеслись к этому факту вполне равнодушно: в общем, им было решительно все равно, будет ли у них губернатором дон Порфирио Сандос или же дон Мануэль Линарес; они знали, что как в том, так и в другом случае, им придется платить громадные налоги. В Мексике, справедливо можно сказать, чем более происходит перемен, тем прочнее старые порядки.

После восстания прошло две недели. Дело было вечером, пробило десять часов. В городе Уресе, расположенном на индейской границе, дул сильный ветер, так называемый *кордонасо*, которого все боялись вследствие опустошений, производимых им всюду, где он появлялся. Эти *кордонасос* берут свое начало в Кордильерах и являются настоящим бичом для стран, в которых они свирепствуют.

Дождь лил как из ведра; небо время от времени разрывали зловещие зигзаги молний; раскаты грома раздавались несмолкаемым эхом в пещерах и горах. Город казался вымершим; на улицах не было ни души; все дома заперты и свет всюду загашен; только в одном месте, точно на маяке, виднелся огонек, блескующий из окна дворца, находящегося на главной площади. Это было окно рабочего кабинета, с роскошной обстановкой, в котором сидели два человека; перед ними стоял огромный стол, покрытый зеленой скатертью и заваленный книгами, бумагами и журналами.

То были дон Мануэль и его друг, дон Кристоаль Паломбо. Дон Кристоаль был в дорожном костюме.

Оба друга казались озабоченными и мрачными. Их разговор, без сомнения, весьма интересный, происходил вполно-

лоса, точно они боялись, что чье-либо нескромное ухо подслушает их.

— Десять часов, а никого еще нет! — сказал с досадой дон Мануэль.

— Разве вы кого-нибудь ждете?

— Конечно, я сижу без известий целых три недели, я ничего не знаю, а потому вынужден бездействовать; с часу на час я ожидаю курьера.

— Погодаскверная; дороги теперь непроходимы. А откуда вы ждете вестника, из Синалоа, или из Аризоны?

— Нет, не из этих штатов; там у нас верные друзья, на которых можно положиться.

— Я это знаю, но знаю также и то, что никогда нельзя продавать шкуру медведя раньше, чем убьешь его. Откуда же этот вестник?

— Из Марфильского ущелья.

— О-о! Там враг силен, сам дон Порфирио!

— Это правда; но наши люди испытанные и под командой дона Бальдомеро де Карденаса.

— Да, такой командир чего-нибудь да стоит: дон Бальдомеро не только храбр, но и хитер, как краснокожий. Но что вы затеяли?

— Я приказал похитить у дона Порфирио его жену и дочь.

— От души желаю вам успеха; может быть, вы получите теперь более приятные известия, чем те, которые я вам привез.

— Да, я просто теряю голову в этом деле. Итак, вы ничего не нашли?

— Ровно ничего, кроме того куска кружев, о котором я вам говорил.

— И у вас были верные люди?

— Десять прекрасных охотников, самых смелых и ловких.

— И они не могли добраться до трупа?

— Мы все испробовали, но это оказалось невозможным.

— Как это странно!

— Что могло заставить бедную девушку решиться на такую ужасную смерть?

Дон Мануэль покачал головой.

— Вы знаете, почему она покончила самоубийством?

— Ничего не знаю! — ответил он сердито.

— Что же вы качаете головой?

- Потому что я убежден, что она осталась жива.
- Кто, донья Санта?
- Да, я готов поклясться в этом!
- Вы, кажется, сошли с ума, милый друг, ведь я же видел ее труп!
- А кто докажет, что это был труп доньи Санты?
- А чей же еще?
- Вот видите, вы сами не уверены.
- Однако...
- Вы не уверены, говорю я! Положим, вы видели туловище, это туловище было одето в платье доньи Санты, я согласен с вами; но рассмотрели ли вы черты лица?
- Вы сами знаете, как велико расстояние.
- Но вы сами говорили мне, что вам показалось неестественным, что донья Санта, бросаясь со стены, могла попасть туда, где лежит так сказать, ее труп. Говорили вы это или нет?
- Я вам еще раз повторяю мои слова, дорогой дон Мануэль: «Почти невозможная вещь». Но все-таки она упала туда.
- Дон Кристобаль, знаете, что мои предчувствия редко обманывают меня. Я утверждаю, что донья Санта жива и что исклеванный труп, виденный вами, не ее.
- Положи, что это так, но ради чего такая комедия?
- Чтобы ввести нас в обман; донья Санта или сама скрылась с асиенды, или же ее похитили.
- Но кто? Ведь ее никто не мог видеть при той страже, которая ее охраняла. Не через стену же она прошла.
- Очень может быть.
- О! Дон Мануэль, вы меня считаете за дурака!
- Нисколько, мой милый друг; это дело весьма важно, и если хотите знать правду, я боюсь!
- Бойтесь, вы?!
- Да, мой друг; согласитесь, что тут какая то необъяснимая тайна.
- Да, действительно.
- При тех обстоятельствах, в которых мы находимся, меня беспокоит все, что принимает таинственный оборот, я боюсь всего необъяснимого, я дрожу не за одного себя, а за всех нас.

— Вы начинаете создавать себе химеры; какое особенное значение может для нас иметь исчезновение этой девушки? Чего нам бояться ее, даже если она осталась жива?

Дон Мануэль горько усмехнулся.

— Вы слепы, дон Кристоаль, или же вы умышленно не понимаете!

— Я? О! Клянусь вам!

— В таком случае, вы, значит, не потрудились подумать, какие будут последствия этого невероятного бегства; вы не допускаете, что донья Санта не могла пройти сквозь стены асиенды, а равно не могла сама перепрыгнуть все рвы, опустить подъемные мосты без того, чтобы не увидели сторожа. Но это не все: выйдя с асиенды, она очутилась бы одна, в пустыне, пешком, без денег, вдали от всякого жилища. Не зная дороги и будучи слишком слабой, она не могла бы добраться до первого мексиканского поселка.

— Все ваши доводы, дон Мануэль, в высшей степени логичны; сознаюсь, я не подумал...

— Погодите! — сказал он, презрительно пожав плечами. — Это еще не все. Предположим, что она вследствие своей энергии решилась пройти одна через громадную пустыню...

— О! Это немыслимо, дон Мануэль!

— Значит, она бежала не одна; с ней было несколько сообщников, сильных и храбрых мужчин, опытных и хорошо знающих неизвестные ей дороги, эти секретные ходы и выходы в подземельях, о которых мы сами имеем лишь смутное понятие.

— О-о! — проговорил дон Кристоаль, бледнея. — Вы правы; но тогда, если все действительно так, мы погибли!

— А! Вы наконец поняли меня! — сказал дон Мануэль с насмешкой. — Мой страх и беспокойство больше не удивляют вас?

— Наша тайна в чужих руках; теперь мы во власти врагов. Но как они могли разузнать все?

— Вот это-то и требуется выяснить как можно скорее, дон Кристоаль.

— Есть один человек, которому известны все тайны асиенды; помните, как он необычайно скрылся?

— Да, это дон Порфирио. Он лучше нас знает все тайные ходы и помещения асиенды; но, не взирая на его ненависть к нам, никому не откроет секрета.

— Ведь он поклялся отомстить нам?

— Да, но он также поклялся, что не раскроет тайн асиенды, и даже при исполнении своей мести не нарушит клятвы: это честный человек! — сказал дон Мануэль странным тоном. — Если бы он намеревался не сдержать своего обещания, разве он стал бы ждать целых двадцать лет?

— Какой же черт держать нас в своих лапах?

— Я сам ищу его! — проговорил дон Мануэль в раздумье.

— Но странно, что этот человек, кто бы он ни был, открывши тайны асиенды, до сих пор не проявляет себя, хотя бы нападением на нас!

— Вот это-то меня и пугает; чтобы так действовать, у этого человека должна быть уверенность в своей необъятной силе; он скрытно подстраивает против нас козни, чтобы доконать нас.

— Этот человек — дон Торрибио! При него ходят слухи, что мексиканское правительство поручило ему уничтожить наш союз.

— Так! — проговорил дон Мануэль. — Это бахвали и враль; как и все уроженцы Буэнос-Айреса! Он хвастался, что может разбить всех нас в несколько дней. Однако, что же он сделал пока? Вот уже пять месяцев, как он рыщет по Соноре. Чего же он добился? Ничего!

— Позвольте заметить, дорогой дон Мануэль, что, судя по тому, что вы сами изволили говорить, этот человек не может быть ничтожным противником. Он даже, по вашим же словам, оказывал вам услуги в критических обстоятельствах, из которых вам без его помощи трудно было бы выбраться.

— Оставим это, мой друг! Допустим, этот человек храбр и умен, но из этого еще не следует, что он обладает какими-то особенными способностями, которые ему приписывают, но которых он до сих пор ничем не проявил. Если бы у него на самом деле была такая сила, то он был бы не человеком, а демоном. Где ему, иностранцу, открыть тайны, которых столько искусных искателей следов не могли понять многие годы? Даже предполагать такую вещь нелепо!

— Все же не мешает быть осторожнее, дон Мануэль.

— Нет, он тут не причем, уверяю вас; к тому же, он в моих руках. Мне известен каждый шаг его через старого слугу.

— Лукаса Мендеса?

— Да.

— Вы так уверены в этом человеке, дон Мануэль! Что же касается меня, то, признаюсь вам, его странные манеры, смиренная и в то же время хитрая физиономия внушают мне подозрения; по-моему, это — несомненный изменник!

— Вы не в своем уме, дон Кристобаль; право, вам всюду мерещится измена!

— Потому что она есть в действительности.

— До известной степени. Но зачем преувеличивать?! Не надо бояться; трусость — самое ужасное зло. Когда она овладевает человеком, то он не в состоянии здраво рассуждать и правильно поступать; я уверен в Лукасе Мендесе; он доказал мне свою несомненную преданность.

— Не буду настаивать относительно его, но...

— Вы все-таки остаетесь при вашем мнении, черт побери?

— Признаюсь, да!

— Как вам угодно! Будущее покажет вам, что вы ошибаетесь!

— От души желаю этого.

— Возвратимся же к моей воспитаннице. Я сам не знаю почему, но с того дня, как она исчезла, я не имею ни минуты покоя. Как она могла выйти с асиенды? Надо это разузнать во что бы то не стало. Донья Санта скрывается, мы должны разыскать ее. Когда же она будет в наших руках, — он при этом нахмурил брови, — мы сумеем выведать от нее, кто тут орудовал.

— Не поздно ли теперь приниматься за розыски?

— Напротив, теперь самый удобный момент. Она спрятана, наверное, недалеко от нас; успокоившись, что ее считают умершей, она перестанет быть настороже, будет выходить и в один прекрасный день попадет прямо к нам в руки. Для этого надо усердно следить за ней. Согласны вы взяться за это?

— Я к вашим услугам.

— Ну, так слушайте: не жалейте золота. Вы знаете, что это — ключ, отмыкающий все двери. Но будьте осторожны и терпеливы; вы увидите, заблудшая овечка найдется через неделю.

— Дай Бог! С завтрашнего же дня я принимаюсь.

— Прекрасно, я уверен, что вы найдете ее.

В эту минуту послышался шум скачущей галопом лошади, затем вопрос караульного: «Кто там»? — после чего с треском раскрылись и захлопнулись ворота дворца.

— Вот курьер! — сказал дон Кристобаль.

— Что же он медлит? — сказал дон Мануэль в нетерпении. — Что он там делает на дворе?

Дверь кабинета открылась, и показался привратник.

— Курьер к его превосходительству, губернатору! — доложил он с поклоном.

— Пусть войдет!

— Ваше превосходительство, он, бедный, весь измок, с него просто течет вода и грязь!

— Ничего, пусть входит — и сию же минуту!

Привратник раскрыл дверь и пропустил человека, который вошел тяжелыми шагами, шатаясь, как пьяный и оставляя позади себя лужи грязи.

Дон Мануэль и дон Кристобаль сразу узнали его. Это был Матадиес, грозный бандит. Но в каком ужасающем виде! Он еле держался на ногах от усталости, одежда на нем висела клочьями; на том месте, где он остановился, тотчас же образовалась громадная лужа грязи.

— Пить! — проговорил он хриплым голосом. — Трое суток у меня ничего не было во рту!

По знаку дона Мануэля, привратник вышел и вскоре вернулся с двумя пеонами, из которых один принес кресло, а другой поднос, заставленный питьем и едой.

— Сядьте сюда, — сказал дон Мануэль, — и закусите: я подожду расспрашивать вас, пока вы не подкрепите свои силы.

Бандит с облегчением опустился в кресло и с жадностью набросился на еду, совершенно забыв, где он и кто перед ним.

В каких-нибудь четверть часа с подноса все исчезло.

— Ну что, вам теперь легче? — спросил дон Мануэль бандита, утиравшего рот рукавом.

— Да, ваша милость, я просто умирал с голоду и усталости, но теперь — *alabado sea Dios!*¹ — все кончено; я готов отвечать вам! — И он, без церемоний взяв состола папиросу, закурил ее.

— Откуда вы? — спросил дон Мануэль, как бы не замечая вольности бандита.

¹ Слава Богу! (*исп.*)

— Из Марфильского ущелья.

— Ну? — разом вскричали оба.

— Ну, господа! — грубо ответил он. — Мы сами попали в западню, которую приготовили для других.

— Это что значит? — сердито воскликнул дон Мануэль.

— На нас напали врасплох; половина товарищей погибла, а другие разбиты. А между тем, клянусь вам, мы дрались, как ягуары.

— *Rayo de Dios!* Неужели это правда? — вскричал дон Мануэль в ярости.

— Подлецы этакие, они пустились в бегство при первом же выстреле!

— Нет, ваша милость, — сказал бандит, — я говорю вам истинную правду. Только тридцать человек из наших ушли: враги били нас без пощады. Я остался в живых каким-то чудом; мне удалось, с помощью нескольких товарищей, похитить донью Хесус, но...

— Где же она? Надеюсь, вы ее не убили?

— Донья Хесус в настоящее время пребывает на асиенде дель-Охо-де-Агуа, со своими родителями и друзьями.

— Несчастный! Вы подло изменили мне!

— Я так и знал! — проговорил дон Кристоаль.

Бандит пожал плечами.

— Я не изменник! — холодно ответил он, — донью Хесус отнял у нас проклятый охотник; он же убил моих спутников. Мне же, неизвестно по какой причине, пощадил жизнь.

— Как, один человек? — закричал дон Мануэль.

— Да он издевается над нами! — сказал дон Кристоаль.

— Я ни над кем не издеваюсь, — возразил тот с горечью, — а говорю правду, что он был один. Но этот человек справится с двадцатью людьми — это Горячее Сердце.

— Дон Руис! — проговорил дон Мануэль.

— Сын дона Фабиана Торрильяса де Торре Асула, друга дона Порфирио Сандоса! — сказал дон Кристоаль.

— А! Это ужасно, сама судьба идет против нас.

— Ба! — проговорил дон Кристоаль, напуская на себя спокойствие. — Постараемся отомстить!

Вдруг показался привратник с докладом:

— Сеньор Наранха изволили приехать.

— Наранха! Вот кстати-то. Пусть идет скорей!

Весь измокший от дождя, новоприбывший вошел в комнату и остановился перед своим хозяином.

— Есть новости? — спросил дон Мануэль в нетерпении.
— Только одна! — лаконически ответил самбо.
— Важная?
— Судите сами, ваше превосходительство!
— Не виляйте, говорите прямо.
— Дон Порфирио Сандос идет на Урес во главе многочисленного войска.
— Вы это наверное знаете?
— Наверное.
— Значит, все потерянно! — воскликнул дон Мануэль.
— Почему знать? — ответил самбо насмешливо. — Напротив, может быть, все выиграно.

Дон Мануэль посмотрел на него с изумлением. Наранха ничего не ответил, но только многозначительно взглянул на Матадиеса, который преспокойно курил папиросу.

— Подойдите сюда! — сказал губернатор бандиту.

Тот встал и подошел к нему.

— Слушайте, — сказал ему дон Мануэль, — пойдите отдохните и выпитесь. Завтра я вам дам инструкции; я вами очень доволен; вот возьмите себе пока.

Он протянул ему кошелек, наполненный золотыми монетами. В глазах бандита сверкнула радость, и он весело ответил губернатору:

— Сегодня, завтра и всегда я готов служить вашему превосходительству. Как я хорошо сделал, что поступил к вам на службу: вы так щедро оплачиваете услуги!

Затем он повернулся и вышел из комнаты.

— Теперь нам бояться некого, говорите всю правду! — сказал дон Мануэль, — лишь только дверь закрылась за бандитом.

— С удовольствием! — ответил Наранха, присаживаясь.

Не станем входить в подробности разговора, последовавшего между ними. Скажем только, что результатом его явились новые ужаснейшие проекты.

*Вечерний разговор между двумя
девушками*

то время как дон Мануэль де Линарес, дон Кристобаль Паломбо и самбо Наранха совещались во дворце, как бы им погубить дона Порфирио Сандоса, с другой стороны площади, в кокетливой и уютной комнате сидели и болтали две девушки; одна из них покачивалась, сидя в кресле, и курила тонкую папироску из душистого табака.

Ставни их дома были наглухо заперты; спущенные плотные портьеры не давали внутреннему свету проникнуть наружу; все двери были крепко заперты. Эти предосторожности показывали, насколько они боялись нескромных взглядов.

В этой комнате находились донья Санта дель Портильо, опекуном которой был Мануэль де Линарес, от тиранства которого ей удалось избавиться благодаря дону Торрибио де Ньебласу. У одной из стен стояла кровать, приготовленная на ночь и обтянутая легким пологом. На противоположной стороне висела картина художественной работы, изображающая поклонение волхвов. В углу комнаты, за полуоткрытой шелковой занавесью, усеянной серебряными звездами, виднелась статуя Богородицы из белого мрамора; тут стояли свечи и висела теплящаяся лампадка на серебряной цепочке.

Вдоль третьей стены стоял комод в стиле Ренессанс, на котором лежал какой-то инструмент, вроде мексиканской мандолины, потом стояла роскошная жардиньерка, ежедневно наполнявшаяся живыми цветами; затем на стене красовались часы и венецианское зеркало шестнадцатого столетия; в больших промежутках и в середине комнаты были расставлены турецкие диванчики и креслица с плотными персидскими подушками.

Тут были также разные столики, на которых виднелись журналы, ноты, перчатки, веера, флакончики и прочие принадлежности молоденьких девушек, и, конечно, пианино *Souffleto* дополняло обстановку.

Рядом с этой комнатой устроена была уборная, и затем комната камеристки.

Таково было гнездышко доньи Санты. Молодую особу, сидящую на другом кресле, звали Лолья Нера. Это была красивая метиска, почти ровесница доньи Санты, которую она очень любила. Лолья Нера служила ей в качестве камеристки и была ее подругой и в то же время — наперсницей.

Лукас Мендес, не забывший ни о чем, позаботился, как бы облегчить донье Санте ее одиночество, а потому и представил ей Лолью Неру, которую та встретила с радостью и сразу полюбила. С этой минуты донья Санта почувствовала себя счастливой и горячоблагодарила старика за такой приятный сюрприз.

Несколько минут между девушками царило молчание.

— Что же вы не ложитесь, нинья? — спросила Лолья Нера, чтобы прервать молчание.

— Рано еще! Мне не хочется спать! Немного позже, — ответила донья Санта, смахнув своим розовым ноготком пепел с папиросы. — Так ты встретила его?

— Кого? — лукаво спросила камеристка. — Лукаса Мендеса?

— Злая! Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю! — сказала она, слегка нахмутив брови.

— О нем, не правда ли?

— Да! — ответила она совсем тихо.

— Я встретила его.

— Сколько раз?

— Четыре, и все на том же месте.

— Где именно?

— Ведь я же говорила вам после каждой встречи.

— Я забыла.

Лолья Нера улыбнулась.

— У второй исповедальни, налево от входа в церковь! — сказала она.

— Так; и он говорил с тобой?

— Конечно, каждый раз.

— Что же он говорил тебе?

Лолья Нера, видя, что ее хозяйка нарочно прикидывается такой забывчивой, ответила с необыкновенным терпением, но шаловливо:

— Он сказал мне: «Сеньорита, мне необходимо поговорить, хотя бы одну минуту, с вашей прелестной хозяйкой»...

— Ты уверена, что он сказал «прелестной»?

— Я повторяю вам буквально, — сказала компаньонка, смеясь, — не изменяя ни одного слова.

— Ну, хорошо, продолжай!

— «Мне опасно оставаться в этих местах, но я нарочно приехал сюда ради нее».

— Что ему нужно от меня, милая Лолья?

— Не знаю; только сегодня он вот еще что сказал: «Скажите своей госпоже, что мои враги догадываются о моем присутствии в Уреса. Я рискую жизнью, оставаясь здесь, но ни за что не уеду, не повидавшись с ней».

— Бедный молодой человек!

— И такой красивый, такой храбрый и гордый!

— Ты однако хорошо рассмотрела его!

— У меня на то и глаза, нинья; да и как же я могла бы узнать его, если бы не смотрела на него?

— Правда, я совсем сумасшедшая.

— Нет, но вы забывчивы!

— Ты говоришь, что его жизнь в опасности?

— Это не я говорила, а он.

— Бедный молодой человек! — повторила Санта.

— Очень может быть, что он так добивается свиданья с вами, желая оказать вам большую услугу.

— Оказать услугу, мне?

— Ваше теперешнее положение вовсе не так безопасно; он, вероятно, хочет дать вам полезный совет. Что бы вы там ни говорили, однако он спас вам жизнь уже два раза.

— Лолья, вы забываетесь.

— Вот как! Разве я говорю неправду?

— Я не говорю этого; но вы знаете, что я должна скрывать-ся; вы знаете, до какой степени мой опекун ненавидит этого молодого человека.

Лолья Нера пожала плечами.

— Но девушка семнадцати лет, прекрасная собой, как вы, нинья, не может никого ненавидеть; ненависть — старческая страсть.

— Я не ненавижу дона Торрибио.

— Какое счастье! — сказала камеристка насмешливо.

— Ах! Если бы только это зависело от меня!

— От кого же это и зависит, как не от вас?

— Эх! Точно ты не знаешь, что я не смею выходить.

— Кроме как к обедне.

— Лолья!

— Нинья!

— Ты будто не понимаешь меня, на самом же деле отлично знаешь, что я хочу сказать.

— Да, я знаю дорогая Санта! Но знаю также и то, что молодость — весна жизни, время счастья, и что губы семнадцатилетней девушки должны раскрываться лишь для сладких звуков любви. Что нам за дело до ненависти, заговоров и разных несчастий?! Нам все улыбается, все радует нас и манит к счастью! Цветы благоухают только для нас! Для нас дует легкий ветерок сквозь деревья, сияет солнце на синем небе; для нас поют птички и светит луна на небесном звездном своде; и, ветерок, и солнце, и луна, и звезды, — все нашептывает нам на своем таинственном наречии эти четыре слова, решающие жизнь и счастье женщины: «люби и будь любима». А вы создаете себе химеры и мучаетесь, между тем счастье совсем близко от вас.

— Лолья, я вам приказываю замолчать!

— Хорошо, я буду молчать, нинья, если хотите, но это не помешает дону Торрибио позабыть, чем он рискует ради любви к вам. Он окружен врагами и страшными опасностями, но ему все нипочем, лишь бы увидеть вас на одно мгновение и сказать вам слово, которое, может быть, еще раз спасет вас.

— Ну? — проговорила она в волнении.

— Как! Вы не понимаете, в какой опасности находится этот человек ради вас? Не чувствуете, что его сердце принадлежит вам, что он любит вас?!

— Ах!.. Ты ошибаешься; он просто добр, он интересуется мной, так как видит, что я страдаю...

— О! Если бы это было возможно!

— Если хочешь ты говорить правду, Лолья: я знаю, что он любит меня, он сам сказал мне об этом. Но я боялась поверить такому счастью. Теперь же, я его чувствую, вот тут! — добавила Санта, приложив руку к сердцу, учащенные биения которого приподнимали ее грудь.

— А вы?

— Я горжусь, я счастлива!

— И только? — улыбнулась метиска.

— Ты хочешь, чтобы я сказала тебе? — проговорила донья Санта, сильно покраснев.

— Хочу, да, дорогая Санта!

— Ну, так знай же правду, зачем я буду скрывать от тебя: я тоже люблю его, я отдала бы жизнь мою за него.

Она заплакала; потом слезы перешли в сдержанные рыдания.

— Зачем плакать, бесценная Санта? — утешала ее Лолья Нера, осыпая нежными ласками, на которые способны одни женщины. — Ведь этой любви улыбаются сами ангелы! Когда вы почувствовали, что любите дона Торрибио?

— Я сама не знаю, мне кажется, что я всегда любила его. Когда я увидела его в первый раз на палубе корабля, такого гордого, спокойного, несмотря на ураган и бурю, ободряющего всех несчастных, столпившихся около него, я мгновенно узнала его; мое сердце переполнилось, по всему моему существу пробежала неведомая дрожь, и какой-то тайный голос сказал мне на ухо: «Это он!» Наши взгляды встретились. Я почувствовала, как от его взгляда точно что-то вспыхнуло в моем сердце, с той минуты и поняла, что принадлежу ему всецело, что он властелин мой и что только от него зависит мое счастье.

— А он, госпожа? — спросила Лолья спокойным тоном.

— Он не сказал мне ни одного слова, даже не сделал намека, хотя, мне кажется, сразу догадался о моей любви. Я чувствую, что он любит меня так же, как и я его; настоящая страсть не ошибается; у нее является своего рода предвидение: все понимается, все угадывается, когда любишь.

— Что может быть выше вашего счастья: любить и быть любимой?! Вы не можете жить один без другого, а вы не решаетесь... Ведь надо же предпринять что-либо относительно дона Торрибио? Вы отказываетесь от свидания с ним?

— Ах! Что мне делать! Лукас Мендес приказал, ты сама знаешь, почему, не...

— Извините, нинья, но теперь нечего думать ни о Лукасе Мендесе, ни об осторожности... Думайте о своей любви!

— Увы! — тихо проговорила девушка.

— Когда любишь, то не рассуждаешь, а действуешь. Войдите в его ужасное положение; подумайте, чему он подвергается ради того, чтобы увидеть вас и переговорить с вами, а вы еще колеблетесь!

— Ты, моя милая, очень интересуешься им, как я вижу.

— Еще бы, ведь он любит вас, а ваше равнодушие может довести его до отчаяния. Если вы не согласитесь на свидание

с ним, то можете натолкнуть его на какой-нибудь роковой шаг и сами будете потом раскаиваться, так как вы одна будете виноваты.

— Ты неумолима!

— Что же вас останавливает?

— Невозможность.

— Невозможность чего, нинья?

— Этого свидания, точно ты не понимаешь!

— Я ничего не понимаю, нинья.

— Разве ты не знаешь, что я, так сказать, пленница в этом доме, что я не смею выходить, не приняв всевозможные предосторожности, и то только в церковь?

— Ну, так что же?

— Как, ты хочешь, чтобы я нарушила честное слово, и приняла бы дона Торрибио здесь, у себя?! Во первых, моя репутация будет потеряна, а главное, его могут узнать, а тогда мы оба погибли.

— Да я вовсе и не говорю, чтобы вы позволили ему придти сюда; но ведь вы ходите в церковь де-Мерсед, к шестичасовой обедне?

— Ты сама знаешь, что хожу, раз ты меня сопровождаешь туда каждый день.

— Ну, так слушайте. В такой ранний час почти все спят еще, не исключая и вашего опекуна, который будет себе спокойно почивать у себя во дворце; и нас никто не узнает, тем более, что мы, по обыкновению, укутаемся с головы до ног.

— Ну?

— Завтра вы пойдете к обедне, в шесть часов утра?

— Конечно, как всегда!

— Так хотите, я вам дам совет?

— Давай голубчик; если он хорош, я исполню его.

— Отлично; вот что я сделала бы на вашем месте: завтра я пошла бы к обедне, прослушала бы ее с усердием; по окончании же ее, вместо того чтобы выйти из церкви, вошла бы в исповедальню, да вот, например, хоть в ту, которая рядом с Богоматерью.

— Отчего же непременно в исповедальню, и именно в эту, а не в другую?

— Если вы еще не поняли, сеньорита, бесполезно и объяснять вам! — ответила девушка с насмешливой улыбкой.

Наступило короткое молчание, донья Санта покраснела как пион; по ее учащенному дыханию видно было, что в ней происходила сильная борьба.

— Ты демон, Лолья! — проговорила она наконец.

— Демон, который вас любит, дорогая нинья, и желает вам счастья.

Пробило полночь. Девушки расстались на ночь. Десять минут спустя Лолья Нера спала крепким сном; что же касается доньи Санты, то она, помолившись Богу, долго ворочалась с бока на бок и только к двум часам утра сомкнула глаза от усталости, с именем дона Торрибио на устах.

На следующий день все произошло так, как говорила Лолья Нера.

Прослушавши обедню, девушка, дрожа от страха, проскользнула в исповедальную, дверь которой камеристка открыла перед ней.

Через полчаса она вышла оттуда счастливая и улыбающаяся; ей удалось увидаться с своим возлюбленным и, несмотря на толстую стену, разделявшую их, они обменялись несколькими словами, столь дорогими для любящих сердец.

— Пойдем, — сказала она Лолье Нере отрывистым голосом, — о, как я счастлива! Я все расскажу тебе.

— Опустите вуаль, нинья! — ответила ей девушка. Донья Санта улыбнулась, тотчас же опустила вуаль, и обе девушки стали поспешно переходить площадь, столкнувшись почти лицом к лицу с доном Кристобалем Паломбо и Наранхой, которые так и не заметили их, упустив из-под самого носа.

Через пять минут молодой человек, переодетый в солдата, тоже вышел из церкви и на минуту остановился у одной из колонн; потом, взглянув многозначительным взглядом на дворец губернатора, усмехнулся и затем направился к реке большими шагами.

Дон Кристобаль и Наранха проехали совсем близко от него, разговаривая вполголоса, но не только не обратили на него внимания, а даже совсем не видели его: до такой степени они были поглощены своим разговором.

Этот солдат был дон Торрибио де Ньеблас.

Каким образом дон Торрибио добился свидания с доном Мануэлем и последствие этого свидания

Было около трех часов пополудни. Жители Уреса, сидевшие до сей поры по домам, взаперти, вследствие невыносимой жары, начали понемногу открывать ставни и двери своих квартир, лавок и магазинов; на улицах стали показываться монахи, солдаты, нищие и даже негоцианты.

Одним словом, город стал постепенно принимать свою обычную внешность и оживление, но не веселость, так как, по своей малочисленности, Урес едва ли не самый скучный город в Мексике.

Дон Мануэль де Линарес сидел у себя в кабинете, подписывая ордера и депеши, которые ему передавал дон Кристобаль Паломбо. Вдруг послышался шум лошадей, въезжавших во двор дворца.

— Что это? — спросил он у дона Кристобалья, кладя на стол недочитанную депешу.

— Не знаю, пойду осведомлюсь, если хотите!

— Пожалуйста; меня что-то беспокоит приезд этих всадников!

Дон Кристобаль встал и вышел. Он был в отсутствии не более пяти минут; все это время дон Мануэль не отрывал устремленного на дверь взгляда.

— Ну, — спросил он, лишь только тот показался, — кто это?

— Удивительно, дорогой дон Мануэль, как верны ваши предчувствия!

— А что?

— Я готов держать пари на тысячу, что вы не отгадаете, кто именно хочет непременно видеть вас.

— Я не расположен отгадывать загадки, — резко сказал дон Мануэль. — Потрудитесь объяснить, кто это; верно, враг?

— Да, и один из самых опасных.

— Его имя?

— Дон Торрибио де Ньеблас.

— Дон Торрибио, здесь! — вскричал в изумлении губернатор.

Дон Мануэль заходил в волнении по своему кабинету.

— Что ему нужно от меня? — спросил он, вдруг остановившись.

— Я спрашивал у него, но он ответил мне, что лично все передаст вам. Сказать ему, что вы согласны принять его?

— Нет! — вскрикнул он, — мне нужно сначала узнать его намерения.

— Я тоже так думаю.

— С другой стороны, дон Торрибио де Ньеблас — дворянин, и я обязан ему; отказ может оскорбить его; лучше принять.

— Так я скажу ему?..

— Что я к его услугам; когда он войдет, я вас попрошу удалиться.

— Вы решаетесь остаться один с этим человеком?

— Отчего же нет? Ведь он уже два раза спас мне жизнь! Не с целью же убийства он явился сюда?! К тому же, этот человек в высшей степени благороден; я ничего не имею лично против него; ну, идите же!

Дон Кристобаль вышел с поклоном. Вскоре затем доложили:

— Сеньор дон Торрибио де Ньеблас.

— Просите! — сказал дон Мануэль. Дон Торрибио появился. Дон Мануэль встал, сделал несколько шагов ему навстречу с самым любезным видом и улыбкой на губах.

— Друг или недруг, очень рад вас видеть, сеньор дон Торрибио де Ньеблас!

Молодой человек поклонился и сел в кресло, которое ему подкатил слуга.

Дон Торрибио был в богатом и элегантном мексиканском костюме, который очень шел ему.

Он подождал, пока привратник вышел, затем, вежливо обратившись к дону Мануэлю, начал:

— Сеньор дон Мануэль де Линарес, вы встретили меня словами: «друг или недруг, очень рад вам». Не скажите ли вы мне откровенно, что вы этим хотели сказать?

— С удовольствием, кабальеро! Эти слова означают, что несмотря на некоторые недоразумения, возникшие между нами, я чувствую к вам искреннюю симпатию и что, каковы бы ни были мотивы вашего визита, все-таки я рад вам и счастлив видеть вас.

— Благодарю вас за такое дружеское объяснение, сеньор! Я в восторге и теперь могу надеяться, что все, что у вас в сердце имеется дурного против меня, изгладится. Я же лично, сознаюсь, до сих пор не могу понять той ненависти, которую вы выказывали мне. Но, считая вас за врага, я готов говорить с вами почти как с другом.

— У меня связаны прекрасные воспоминания с вашей личностью, дон Торрибио, ради которых я не могу быть вашим врагом. Постараюсь доказать вам это на деле, когда к тому представится случай. Теперь же прошу вас объяснить мне настоящую цель вашего визита; надеюсь, что вы явились ко мне не для того, чтобы доставить мне удовольствие видеть вас, хотя мне это и очень приятно.

— Действительно, дон Мануэль, мой визит имеет другую, серьезную причину: я послан к вам моим другом, доном Порфирио Сандосом.

— Что ему угодно от меня? — спросил дон Мануэль, насторожившись.

— Дон Порфирио, сеньор, поздравляет вас с ловкостью, которую вы обнаружили в пронунсиаменто, чтобы занять место, принадлежащее ему.

— А-а! Дон Порфирио поздравляет меня?

— Совершенно искренне, сеньор, — спокойно ответил дон Торрибио, — ему было решительно все равно, быть или не быть губернатором Соноры: вы знаете, что дон Порфирио не честолюбив.

— Зачем же он тогда хлопотал об этом губернаторстве?

— Это по другим соображениям, сеньор.

— Могу я узнать, по каким именно?

— Я нарочно приехал к вам, сеньор, чтобы сообщить их вам.

— Как вы любезны, сеньор, примите заранее всю мою благодарность!

Оба человека вежливо раскланялись, как два дуэлянта перед выстрелами.

— Пожалуйста, соблаговолите!

— Сию минуту я буду иметь честь объяснить вам, сеньор!

— Отлично, кабальеро, я слушаю вас!

— По известным причинам, о которых я не стану теперь распространяться, сеньор дон Порфирио Сандос преследует двадцать лет какую-то ему одному известную цель с необык-

новенным упорством, свойственным лишь его расе; затем, он решил во что бы то ни стало уничтожить страшный союз бандитов, которые разоряют Мексику; я должен сказать вам правду, сеньор, что усердно помогаю ему в этом деле.

— Как вы называете этот союз?

— О! Он очень известен, к сожалению: это союз платeadос.

— Вы с доном Порфирио затеяли трудную вещь, сеньор! Все мексиканские власти старались о том же, и все напрасно; и вы нечего не добьетесь.

— Вы думаете? — спросил дон Торрибио насмешливо.

— Убежден!

— На чем же вы основываете такую уверенность?

— На том, что дон Порфирио пробыл месяц правителем Соноры.

— Я не понимаю вас, сеньор.

— Сейчас поймете: в течении этого месяца дон Порфирио со своими друзьями успели перерыть архивы всех городов Соноры.

— А! — проговорил дон Мануэль презрительно.

— Когда все было перерыто, вы себе представить не можете, какие любопытные сведения оказались в руках дона Порфирио. Да, эти платeadос очень смелые и ловкие бандиты. Я больше не удивляюсь, что они так легко увертываются от преследования правительства, — они сильнее его. Но странно, их глава еще не додумался делать революцию ради своей выгоды и объявить себя независимым.

Молодой человек сделал особенное ударение на последних словах, с такой злой усмешкой, от которой дону Мануэлю не поздоровилось.

— А! Он отыскал такие драгоценные сведения в этих архивах! Я и не знал этого; надо бы и мне заглянуть их.

— О! Теперь это было бы бесполезно. Вы бы там ничего не нашли.

— Отчего это, позвольте спросить?

— А потому, что дон Порфирио Сандос добился правления в Соноре исключительно для того, чтобы отыскать эти документы, и, конечно, раз они очутились в его руках — поспешил спрятать их в верное место.

— А! — проговорил дон Мануэль сдавленным голосом.

— Итак, вы видите, что вам не стоит терять время на бесполезные поиски! — сказал молодой человек.

— Этот факт весьма важен.

— Дон Порфирио ответит, перед кем следует; но это еще не все.

— Что же еще?

— Разыскивая документы платеадос, дон Порфирио нашел другую вещь: объяснение, чем мотивировалось его путешествие в Апахерию, во время которого вы так ловко лишили его правления; но он очень смеялся.

— Он смеялся над моим пронунсиаментом?

— От всего сердца. Это убедило его в том, что все, что он узнал, оказалось правда.

— Как это?

— Вы торопитесь?

— Я? Нисколько! Отчего вы меня спрашиваете об этом?

— Потому что, если вы можете подарить мне еще несколько минут, я расскажу вам очень интересную историю.

— Говорите, милейший дон Торрибио, вы так хорошо умеете рассказывать! В чем же дело?

— Оказывается, что храбрые индейцы, апачи, сиу и пауни-волки, которые более десяти лет оставались спокойными и жили в мире с мексиканцами, теперь сильно взбунтовались. Они вошли в сношение с известными негодьями, которые замышляют объявить себя независимыми от Мексики и готовятся соединиться с ними и напасть массой на границы нескольких пунктах зараз.

— О-о! Дело принимает серьезный оборот, — сказал дон Мануэль, вздрагивая, что не ускользнуло от глаз молодого человека. — Но уверены ли вы в точности этих известий?

— Я не имею обыкновения говорить неправду, сеньор!

— Но, соглашаясь с вами в важности этих фактов, позвольте вам заметить, что во всем этом нет ничего такого, что бы могли приписать лично мне, чтобы обвинить меня.

— Совершенно верно, сеньор, но я еще не кончил!

— А! — проговорил губернатор сверкнув глазами на молодого человека, — пожалуйста скажите, в чем это обвинение?

— Извольте, сеньор; только позвольте поправить ваше выражение: я не формулировал никакого обвинения против вас, да и не брался за это. Но я взялся передать вам только то, что говорят; слухи же так и останутся слухами, если не найдется несомненных доказательств для положительных улик.

— Слушаю.

— Колдуны, о громадном влиянии которых на индейские племена вам хорошо известно, пустили слухи, что теперь наступил срок для исполнения пророчеств, данных свыше их предкам: что белые будут навсегда изгнаны с американского материка, на котором восстановится господство Инков.

— Гм! Какие странные пророчества!

— Разве вы ничего не знали о них, сеньор?

— Гм! А вы, сеньор Торрибио?

— Я — иностранец!

— Да, это правда. Но даю вам слово, я слышу от вас о них в первый раз.

— Значит, вы не знаете, что они прибавляют?

— Решительно ничего и буду в восторге узнать это.

— Говорят... Вы видите, все та же формула. Итак, говорят, что священный огонь, доверенный императором Монтесумой перед его смертью одному из его верных друзей, нашелся, и что серебряная коробочка, в которой он хранился, будет представлена счастливым обладателем ее всем начальствующим лицам, в полном собрании на общий совет; потом этот человек, указанный пророками, примет на себя команду над всеми войсками краснокожих и будет признан ими как единственный и законный наследник Монтесумы.

— Все это очень фантастично: легенда недурно придумана; и имя этого человека называют?

— Да, называют, сеньор, и не только по поводу этого дела, но его упоминают везде, где вопрос идет о грабительствах и пожарах.

— Как, говорят... — вырвалось у дона Мануэля против его желания.

— Говорят, что этот человек — душа заговора, что он главный зачинщик, и все делается по его наущениям!

— Но ведь это возмутительная, гнусная клевета! — вскричал губернатор.

— Так вы знаете, кто этот человек сеньор? Ведь я, кажется, не назвал его?

— Но, вы сами, сеньор дон Торрибио, откуда вы набрались таких сведений? — сказал губернатор с перекосившейся улыбкой, желая скрыть свое волнение.

— Не я набирал их сеньор, это дон Порфирио Сандос. Лично мне ничего не известно; он же многое узнал во время

своего пребывания в Охо-де-Агуа и теперь у него масса доказательств; несколько негодяев которые так изменнически напали на него в Марфильском ущелье, попали к нему в руки и много чего порассказали ему.

— Разве можно верить словам подлых бандитов? — сказал дон Мануэль, пожав плечами.

— Конечно, нельзя, сеньор, но эти слова подтверждаются документами, которые хранятся у доня Порфирио. На трупе Лопеса де Карденаса нашли портфель, наполненный самыми компрометирующими бумагами.

— Как, дон Лопес де Карденас убит! — вскричал дон Мануэль, позеленев от ужаса.

— Да, выстрелом, когда он явился в Тубак шпионить за доном Порфирио! — небрежно ответил молодой человек, крутя папиросу.

Дон Мануэль вздохнул и опустил голову на грудь. Наконец он поднял голову и бросил угрожающий взгляд на молодого человека.

— Хорошо, — сказал он со злостью, — зачем же вы явились сюда и как осмелились сделать это?

— Сеньор кабальеро, — ответил дон Торрибио, нисколько не испугавшись его грубой выходки, — я бы мог совсем не отвечать вам на подобную дерзость. Но я явился сюда с целью предложить вам мировую, а потому даже оскорбление с вашей стороны не остановит меня на полпути.

— Предложить мне помириться? — изумился дон Мануэль.

— Да, кабальеро; иначе чем же объяснить мое присутствие здесь?

— Я не понимаю вас, сеньор; ваша дружба к дону Порфирио, моему заклятому врагу, содействие, которое вы ему оказываете, говорят сами за себя.

— Вот здесь то вы и ошибаетесь, сеньор дон Мануэль. Я иностранец, и мне нежелательно было бы вмешиваться в чужие распри; дон Порфирио Сандос оказал мне громадные услуги. Что же касается вас, то вы сами питаете ко мне некоторую признательность. И я решился на следующее: встав между вами, постараться прекратить эту ненависть, которая разделяет вас, найти такое средство примирения, которое оказалось бы удобным и выгодным для обеих сторон. Это так просто, справедливо и честно, я убежден, что все остались бы довольны.

— Вы поражаете меня: вы-то ради чего интересуетесь этим делом?

— Но весьма важной причине, сеньор: я хочу помирить двух людей, которые, хотя и при разных обстоятельствах, были мне полезны.

— Прекрасная цель! — проговорил дон Мануэль насмешливо.

— Пусть между вами и доном Порфирио существовала страшная, неумолимая ненависть, я не отрицаю этого, но эта ненависть, не прекращающаяся столько лет, дала слишком много жертв с той и с другой стороны.

— Но что же вы хотите сказать?

— Сеньор дон Мануэль де Линарес, — сказал дон Торрибио с сильным ударением на каждом слове, — если эта ненависть действительно существовала, теперь, слава Богу, она угасла!

— Угасла! — воскликнул дон Мануэль, подпрыгнув на стуле.

— Со стороны дона Порфирио, по крайний мере! — спокойно ответил дон Торрибио.

— Как, он забыл?

— Все, кроме одного!

— А именно?

— Что вы оба — мексиканцы, преданные своему отечеству, что этому отечеству грозит опасность со стороны диких язычников, что вы должны соединиться и идти рука об руку, чтобы защищать его. Повторяю вам сеньор, дон Мануэль, ненависть дона Порфирио навсегда готова исчезнуть. Есть доказательство, которое убедит вас, что я говорю правду.

— Доказательство! Где же оно, дон Торрибио?

— Если бы дон Порфирио Сандос захотел уничтожить вас, он давно добился бы этого. В его руках бумаги, в которых заговорщики и бандиты ссылаются на вас, как на своего руководителя. Кто ему мешает представить эти бумаги куда следует, присоединив к ним секретные документы, в которых значится имя человека, претендующего незаконно завладеть престолом Инков, и изложены все планы и средства для исполнения этого преступного замысла?

— Он не сделал этого! — пробормотал дон Мануэль дрожащим голосом.

— Не сделал по своему благородству; он находит недостойным себя, даже подлым доносить на вас, своего врага!

— Он был бы гораздо великодушнее, если бы принес эти бумаги сюда, и я уничтожил бы их перед вашими глазами!

— Конечно, — ответил дон Торрибио с иронией. — Но раз эти ужасные доказательства будут уничтожены, то он останется безоружным перед вами. Дон Порфирио еще не уверен в ваших добрых намерениях, чтобы сделать столь непростительную глупость.

— Значит, вы мне предлагаете условия? — сказал дон Мануэль дрожащим от злости голосом.

— Может быть; во всяком случае, дон Порфирио желает мира.

— Приготовляясь вместе с вами к войне?

— Мы только обороняемся: вспомните о западне в Марфильском ущелье!

— Не я устраивал ее!

— Не стану спорить; но все же вы допустили ее; а асиенда дель-Пальмар, на которую вы пробовали напасть?

— Я не знаю, на что вы намекаете. Я, в свою очередь, тоже буду откровенен с вами, сеньор дон Торрибио. Вы полагаете, что я верю в ваши добрые намерения, о которых вы говорите так красноречиво; вы просто выдумали предлог, чтобы явиться сюда; неужели вы думаете, что я не знаю ваших проделок?

— Что вы хотите этим сказать?

— Я знаю, что вы проживаете скрыто в Уресе уже шесть дней. Ради какой цели? Я догадываюсь. Но смотрите, берегитесь, чтобы мои предположения на перешли в уверенность.

— Вы угрожаете мне, сеньор?

— Может быть, отвечу и я вам. Но помните, что между нами всякое примирение невозможно: вас и всех ваших друзей я всегда буду считать своими врагами. Знайте, что я неусыпно буду следить за каждым вашим шагом и расстрою все ваши проекты, направленные как против меня, так и против известных особ моего семейства, на которых вы осмелились обратить ваше особенное внимание.

— Это уж слишком, сеньор! Подобные намеки я считаю за оскорбление как лично себя, так и для той особы, которую я глубоко уважаю. Раз вы объявляете войну, — хорошо, мы принимаем вызов. Мы сделали последнюю попытку удержать вас на краю бездны. Теперь пеняйте сами на себя!

— Давно бы так; наконец-то мы поняли друг друга, сеньор дон Торрибио де Ньеблас! Возвращайтесь-ка к вашему другу, дону Порфирио Сандос, и передайте ему наш разговор: я не желаю принимать его милостей, а равно и сам не дам ему пощады. Что же касается вашего путешествия в Урес ради секретной цели, — вы ее не добьетесь.

— Довольно, сеньор, я удаляюсь! — ответил молодой человек с язвительной улыбкой.

— Так прощайте же, сеньор дон Торрибио, — сказал губернатор и добавил с сарказмом: — Поверьте мне, самое лучшее, если вы последуете моему совету — убраться подобра-поздорову в двадцать четыре часа. Предупреждаю вас, что по истечении этого срока ваше пребывание здесь подвергается опасности!

— Я уеду, когда мне заблагорассудится, сеньор, — гордо ответил молодой человек. — Ничто не может ускорить или задержать моего отъезда! Прощайте, дон Мануэль де Линарес! Помните, что я вам предлагал мир, и вы сами отвергли его!

Губернатор пожал плечами. Дон Торрибио вышел.

— Позвать сюда дона Кристобалья Паломбо! — распорядился дон Мануэль.

— Нельзя терять ни минуты, — проговорил он, оставшись один, — эти черти разузнали все неизвестно, какими путями. Выбора для меня не может быть. Надо действовать решительно — иначе, я погиб! Что же касается прекрасного юноши, влюбленного в мою воспитанницу, то я выслежу его, голубчика. Но не лучше было бы... нет, еще не поздно! Что бы там ни было, доведем дело до конца. Слава Богу, я еще не побежден!

В эту минуту в кабинет вошел дон Кристобаль.

— А, — сказал губернатор, повернувшись к нему, — теперь мы одни, мне много о чем надо переговорить с вами!

ГЛАВА XII

В которой Лукас Мендес является в новом свете

он Мануэль де Линарес со страхом следил, как все восставало против него. Его разговор с доном Торрибио де Ньибласом нанес ему последний удар, убедив в том, что его враги не только не считали себя побежденными, но, напротив, готовы были объявить ему открытую войну; они вывели на свет все его козни, обнаружили его заговоры и, конечно, им были известны остальные темные дела его.

К тому же, они должны были чувствовать за собой большую силу, раз дон Торрибио позволил себе так нахально явиться к нему во дворец.

Им овладел невыразимый страх. Только надежда на мщение спасла его от припадков бешенства, угрожавших ежеминутно его жизни.

Когда дон Мануэль пришел в себя и хладнокровно подумал о своем положении, он сознался, что оно оказывалось почти безвыходным; но, со свойственным ему упрямством, составлявшим отличительную черту его характера, он решил действовать с новой энергией.

Немедленно созвав своих верных сообщников, Наранху, дона Кристобаля Паломбо, дона Бальтасара Турпида и прочих, он принялся за дело.

Состоялся совет, на который был приглашен Лукас Мендес в качестве секретаря. На этом совете решили, что губернатор сбросит маску и открыто станет помогать исполнению своих революционных проектов. Платеадос рассчитывали на свои силы благодаря своим обширным связям и ловким сообщникам, чтобы объявить войну мексиканскому правительству и принудить его войти с ним в соглашение.

Три дня спустя со всех сторон Соноры начали сходиться войска к Уресу. Город оживился и наполнился людьми; вскоре собралось около четырех тысяч человек пехоты и артиллерии, прекрасно вооруженных и снабженных всевозможными припасами.

Между жителями распространился слух, что это приготовление к войне с индейцами; и все радовались возможности расправиться с непримиримыми врагами.

Каково же было их изумление и беспокойство, когда утром через два дня они увидели, что войска вступили к ним в город, переполнили все кварталы и с барабанами и музыкой во главе выстроились на главной площади перед дворцом губернатора, а артиллерия заняла все улицы, с заряженными пушками и зажженными фитилями.

Через десять минут с треском раскрылись дворцовые ворота и показался губернатор верхом на великолепной лошади, в полной генеральской форме в сопровождении блестящего штаба.

Войска, повинувшись команде, двинулись со всех сторон, образовав огромный непроницаемый круг, среди которого очутился губернатор со своим штабом.

Губернатор после громкого приветствия солдат подал знак к молчанию, и, развернув бумагу, которую держал в руке, собрался приступить к чтению. Вдруг дон Кристобаль Паломбо, гарцевавший недалеко от него в адъютантском костюме, нагнулся к нему и быстро сказал ему на ухо несколько слов.

Губернатор поднял голову и посмотрел с беспокойством вокруг себя.

— Это правда! — проговорил он. Потом, обратясь к одному из командующих офицеров, прибавил: — Полковник, кажется, здесь не все войска?

— Действительно, сеньор губернатор, — ответил офицер, кланяясь, — не хватает одного полка кавалеристов, двух рот артиллеристов и одного пехотного батальона. Но зато нам удалось завербовать все гражданские корпуса, они налицо, все без исключения.

— Да, я знаю. Но почему те не явились? Кажется, вам был отдан приказ по этому поводу, полковник?

— Все, что зависело от меня, я исполнил по приказанию вашего превосходительства. Я явился в казармы с...

— Говорите короче, кабальеро; нам некогда выслушивать длинные речи! — резко прервал его губернатор.

— Извольте! Скажу в двух словах: они не хотели даже выслушать меня, казарму заперли, а полковник отказался принять меня.

— Хорошо, кабальеро; мы потом посчитаемся с ними.

Затем губернатор принялся за чтение бумаги. Содержание ее состояло в подстрекательстве к гражданской войне;

правительство представлялось в ужасных красках: обвинялось во взяточничестве, деспотизме и проч., оплакивалась несчастная страна, терпевшая столь постыдное иго. Губернатор воззвал ко всем добрым гражданам, чтобы они постояли за свою свободу; им обещались золотые горы, если они соединятся под знаменами человека, который клялся возвратить им свободу и наградить их всеми благами мира. Много еще чего говорилось в этой бумаге; но все эти напыщенные фразы годны были лишь для того, чтобы ими заткнуть рот дуракам, поверившим этому пустозвонству.

Солдаты выслушали многословную речь с примерным терпением, конечно, не поняв ни одного слова. Но как только чтение было окончено, со всех сторон раздались громкие восклицания. Тут же, как было заранее условлено, дон Мануэль де Линарес был провозглашен президентом республики трех штатов, спасителем отечества и диктатором; мексиканское же правительство поставили вне закона, как это практиковалось при каждом пронунсиаменто: мексиканцы очень опыты в этих делах.

Затем последовало назначение офицеров. Всех произвели в следующий чин, а солдатам пожаловали по два пиастра. В заключение церемонии к жителям обратились с напыщенной прокламацией, до которой им, в сущности, было мало дела. Таким образом в Уресе произошла революция.

Новое правительство сейчас же дало знать себя, ознаменовав свое вступление насильственным займом у богатых коммерсантов и местных банкиров.

Каждое правительство нуждается в деньгах для устройства — и весьма естественно, что достает их там, где может, то есть берет у тех, кто их имеет. К тому же, местные обыватели, привыкшие с незапамятных времен к пронунсиаменто, заранее знали, чем кончится эта история; а потому заплатили с покорностью.

В общем, все остались довольны результатом пронунсиаменто: президент и его сообщники были удовлетворены; народ спокойно согласился на все; негоцианты и банкиры выдали деньги, не сказав ни слова. Все шло прекрасно; толчок был дан, оставалось только следовать по намеченному пути.

Но, к несчастью, дело почти тотчас же приняло дурной оборот, неизвестно по какой причине, к великому удивлению новых правителей.

Прошло каких-нибудь два-три часа. Вдруг на всех улицах города объявились баррикады. Во всех церквах забили в набат; слышался треск пальбы и выстрелов из пушек. Одним словом, в Уресе произошло форменное восстание; всюду дрались с остервенением.

Как же это случилось? Откуда внезапная перемена в городе, обыкновенно таком тихом и безмятежном?

Сейчас объясним все; но для этого заглянем несколько назад.

Расставшись с доном Мануэлем, дон Торрибио отправился к своим спутникам, ожидавшим его на лошадях во дворе дворца.

Небольшое войско медленно проезжало через главную площадь; в тот момент, когда оно поравнялось с одним из домиков, в окне последнего приподнялась тюлевая занавеска; в образовавшееся отверстие проскользнула маленькая ручка и бросила цветок так ловко, что он упал прямо на плащ молодого человека; одновременно с этим слышался прелестный голосок, который пролепетал с необыкновенной нежностью только одно слово, которое для влюбленного имеет столько прелести.

— *Recuerdo*¹.

Дон Торрибио прильнул к цветку губами и, устремив пылающий взгляд на таинственное окошечко, тихо ответил:

— *Carino!*²

— *Siempre tuya!*³

Последние слова долетели, как шелест, до ушей молодого человека; затем ручка исчезла, и занавесь снова опустилась.

Дон Торрибио тяжело вдохнул, поцеловал цветок, и, спрятав его на сердце, поехал дальше.

Вскоре маленькое войско остановилось. Дон Торрибио, посоветовавшись со своими спутниками, решил распустить их; каждый поехал в свою сторону; начальник остался один.

Пришпорив коня, он скоро выехал за пределы города.

Окрестности Уреса в высшей степени живописны; но дону Торрибио некогда было любоваться пейзажем; он то и дело

¹ Сувенир (*исп.*).

² Дорогая! (*исп.*)

³ Всегда твоя! (*исп.*)

подгонял свою лошадь; он упорно искал чего-то глазами, но все не находил.

Он скакал галопом по берегу реки Соноры, покрытому роскошной растительностью, около часа, и вдруг остановился, посмотрев вокруг себя испытующим взглядом. Убедившись, что не ошибся, он взял левее и среди массы зелени, в которой он утопал, сразу отыскал тропинку и решительно въехал на нее, прищпорив коня. Через десять минут он очутился на узком песчаном берегу. Напротив, на расстоянии одного выстрела, высился довольно большой остров, покрытый густым лесом.

Молодой человек пустил лошадь в воду и, опустив уздечку, сказал:

— Ищи брод!

Умное животное, предоставленное самому себе, понюхало воду, потом вдруг двинулось в сторону и уверенно пошло вперед. Через пять минут оно уже подходило к острову, не замочив даже подпруг седла.

Проехав несколько минут по берегу, дон Торрибио направился к группе скал, за которыми скрылся; найдя опять тропинку, он углубился по ней в чащу леса и вскоре выехал на лужайку, на краю которой виднелась палатка; у входа ее стоял человек, облокотившись на ружье; это был Лукас Мендес. Заметив дона Торрибио, он улыбнулся и сделал несколько шагов к нему на встречу. Дон Торрибио сейчас же соскочил с лошади, дал ей корму и подошел к Лукасу Мендесу.

Старик не имел почти ничего общего с тем человеком, которого мы представили читателю в начале нашей истории. Все в нем изменилось. Хотя человек оставался тот же, но это не был больше знакомый нам Лукас Мендес; в нем появилась гордость, решительность и властность, которых дон Торрибио раньше не замечал в нем и которые очень удивили его и произвели на него сильное впечатление. Сам не зная почему, дон Торрибио волновался, видя старика совсем преобразившимся; он невольно чувствовал к нему и уважение, и дружбу, и участие.

Лукас Мендес был в изящном охотничьем костюме, красиво облегавшем его стать.

Он вторично улыбнулся, заметив удивление молодого человека, на лице которого читал, как в книге, каждое движение его души.

— Ну, пойдем! — сказал он ему. Он вошел первый в палатку. Стол, состоявший из доски, положенной на два бочонка, был покрыт дичью, ветчиной и прочими блюдами, было также несколько бутылок французского вина и бутылка коньяку; два деревянных обрубка заменяли собой стулья.

— Закусим, — сказал Лукас Мендес. — Вы, наверное, проголодались после такой долгой езды, ваша милость!

— И даже очень! — ответил молодой человек, с улыбкой кивнув головой, точно желая отогнать преследовавшие его мысли.

Но и во время еды он был озабочен. Лукас Мендес не спускал с него глаз.

— Вы удивлены? — спросил он.

— Признаюсь! — откровенно ответил дон Торрибио.

— Перемене, произошедшей во мне?

— Вы угадали; эта перемена так велика, что я насилу узнал вас.

— Хорошо, — сказал старик с загадочной улыбкой, — но это еще не все: вы увидите нечто другое! А эта невероятная перемена? Она очень естественна, ваша милость. Скоро я достигну цели, которой добиваюсь многие годы. Я сдержал свое обещание, исполнив клятву, данную двадцать лет тому назад; удовлетворение, которое я испытываю, думая о желанном результате, совершенно преображает меня.

— Странная метаморфоза! — задумчиво проговорил молодой человек.

— Подождите еще несколько дней, и она будет доведена до конца.

— Вы знаете, Лукас Мендес, я до сих пор все еще не могу понять вас.

— Потерпите еще немного, и вам все станет ясно!

— Это ваше дело; но во всем этом меня интригует одна вещь: мне иногда кажется, что вы и дон Порфирио преследуете одну и ту же цель.

— Почему знать? — сказал старик со странным выражением.

— Ну хорошо! Через несколько дней я наконец все узнаю.

— Вероятно,

— Слава Богу, меня не касается эта ненависть и месть; я счастлив, что ничего подобного не испытываю; я один на свете, мне не у кого спрашивать никаких отчетов.

— Почему знать? — снова сказал старик, пристально посмотрев на него.

— Что вы этим хотите сказать? — удивился молодой человек.

— Ничего, ваша милость, это я сам с собой говорю,

— Как я рад, а то вы меня напугали. Но, — проговорил он, осушив бокал, — не пора ли нам заняться делами?

— Я к вашим услугам, ваша милость! Дон Мануэль приказал собрать все войска, состоящие при Уресе: около четырех тысяч человек; но из них по крайней мере тысяча шестьсот перешли на нашу сторону; они не тронутся из казарм до приказа дона Порфирио.

— Отлично! Через двое суток дон Порфирио приведет войско в тысячу сто человек — солдат и охотников. Они нагрянут на неприятеля, как снег на голову. Да, на этот раз негодяю несдобровать! Однако, как он хитер!

— Да, он хитер и изворачивается двадцать лет, должен бы, кажется, устать. А у вас не имеется людей?

— Извините! Я набрал двести пятьдесят охотников, храбрых и преданных людей, с Кастором во главе; по одному моему знаку они все готовы положить за меня головы.

— Эти степные охотники — верные люди, на них смело можно рассчитывать. Но и из них двое изменили вам!

— Правда, Редблад и Матадиес; но первый убит доном Руисом, а что сделалось с другим — я не знаю.

— А я знаю, потому что слежу за ним.

— Значит, мне нечего и беспокоиться?

— Нет, это уж мое дело!

— А ваши охотники где?

— Вот уже шесть дней, как они скрываются в самом Уресе.

— Черт побери; но ведь это слишком рискованно, разве вы не боитесь, что их накроют?

— Я за них спокоен; все они осторожны и шагу не сделают без моего приказа! Дон Порфирио явится через два дня; надо предупредить, чтобы он еще не показывался; мы не можем ничего предпринять ранее, чем через четыре дня.

— Отчего?

— Потому что только через четыре дня дон Мануэль сбросит с себя маску и заставит солдат провозгласить себя президентом республики трех штатов: Соноры, Синалоа и Аризоны.

— Это верх безумия!

— Нет, это результат вашего визита к нему. Он хочет попробовать окончательно раздавить доня Торрибио, пока тот еще не раздавил его самого.

— Это ужасно!

— Дон Мануэль дошел до такого состояния, что вынужден прибегать к отчаянным мерам в надежде на спасение.

— Неужели?

— Вы знаете, мне все хорошо известно.

— Меня часто удивляет, до какой степени дон Мануэль доверяет вам.

— Это мой секрет, ваша милость. Но будем лучше говорить о делах, скоро нам надо расстаться!

— Говорите, Лукас Мендес, теперь вы приказываете.

— Вы смеетесь, ваша милость!

— Нисколько; я в восторге, что, в силу обстоятельств, после того как вы были моим слугой, вы делаетесь равным мне, и очень возможно, что скоро сделаетесь моим повелителем.

— Наша жизнь состоит из контрастов. Вы поймете это, ваша милость, когда будете постарше. Знайте только, чтобы ни было, я останусь навсегда вашим другом. А пока скажите дону Порфирио, чтобы он напал на Урес врасплох, в этот четверг, то есть через четыре дня, в пять часов вечера, за час до заката солнца, ни раньше, ни позже, и пусть не беспокоится о том, что произойдет в тот день в городе.

— Все будет исполнено, как вы сказали; через два часа Пепе Ортис выедет на встречу к дону Порфирио.

— Отлично; куда вы спрятали своих охотников?

— Они теперь на шхуне, которую я нарочно нанял.

— Они не сойдут на землю?

— Только некоторые, на которых я наиболее полагаюсь.

— В каком трактире они останутся?

— У Домингеса, на набережной, почти напротив таможенной брандвахты.

— Я знаю ее; место удачно, и Домингес человек верный; в четверг, при закате солнца, пусть ваши охотники высадутся, как можно осторожнее; чтобы не возбудить подозрений, переоденьте их в костюмы стрелков и ждите меня.

— Слушаю.

— Будьте осторожнее, а пока прощайте. Да, если вы мне понадобится до четверга, где я могу найти вас?

— На моей шхуне! Я не выйду оттуда до последней минуты.

— Итак, решено. До свидания, дон Торрибио! Скоро вы убедитесь, до какой степени я предан вам! — прибавил старик в сильном волнении.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего, извините меня, до свидания!

— До свидания, Лукас Мендес, желаю вам успеха!

— Теперь наша судьба в руках Бога! — проговорил старик в раздумье.

Через десять минут дон Торрибио, перейдя реку, выезжал из леса.

— Еще четыре дня! — сказал Лукас Мендес, провожая взглядом молодого человека. — Четыре дня, и потом!.. О Господи! Помогите мне! Тебе одному известно, что я начал эту борьбу не только из мести! Справедливость должна восторжествовать, наделив каждого по заслугам.

Он вошел в палатку и через несколько минут вышел оттуда, переменив костюм, а через час уже въезжал в Урес.

ГЛАВА XIII

В которой дон Порфирио Сандос мстит за себя с мечом в руках

Солнце садилось в багровых облаках, и почти тотчас же день сменился ночью. В это время из лесу выезжал всадник, который был не кто иной, как наш знакомец Пепе Ортис, направлявшийся к Уресу.

Внезапная темнота не смутила юношу: в тропических странах все привыкли к такому явлению. К тому же, его глаза скоро освоились с темнотой и он видел довольно ясно, чтобы верно держать путь.

Подъехав к густой чаще, он остановился и два раза крикнул по-совиному.

Почти тотчас же со всех сторон ему ответили такими же криками, точно он вспугнул целую стаю сов; вслед за тем начали появляться всадники и молча становились за ним в ряды; все в мундирах стрелков; сам же Пепе Ортис был в капитанском мундире.

— Сколько нас? — спросил он сдержанным голосом.

— Пятьдесят, — ответил ему лейтенант, по голосу которого можно было узнать, что это был дон Руис Торрильяс де

Торре Асула, — больше я не успел собрать, но зато каждый из них стоит троих по своей храбрости и честности.

— Благодарю вас от имени дона Торрибио и дона Порфирио!

— Не стоит благодарности; итак, сегодня ночью?

— Сию минуту, ваша милость; наши войска уже заварили кашу, а дон Порфирио ждет условного сигнала, чтобы нагрянуть со стороны Ариспе.

— А нам что делать?

— Мы присоединимся к дону Торрибио; он теперь сидит в трактире подле речки. Вы больше никого не ждете?

— Нет, все мои люди здесь!

— Ну, в таком случае, — сказал Пепе Ортис, принимая тон командира и обнажая саблю, — направо, по четыре в колонну и марш скорой рысью!

Лишь только маленькое войско удалилось, из кустов выпрыгнул человек и пустился вслед за всадниками, приговаривая со злорадством:

— Молодец, Матадиес! Вот дураки-то: рассказывают громко о своих делах среди дороги. Viva Cristo! Если на этот раз дон Мануэль не заплатит мне по крайней мере ста унций, то будет не благ...

Бандит не успел закончить: в воздух взвилась веревка и, стянувши ему шею, поволокла за лошадью, мчавшейся во весь дух. Он всячески отбивался, стараясь освободиться от петли, но все напрасно; его тело, ежеминутно зацеплявшееся за кусты, превратилось в сплошную рану, и вскоре он умер в страшных мучениях. Тогда всадник остановился, удостоверился в смерти бандита, снял с него веревку и, сев на седло, поехал по направлению к городу.

— Так тебе и надо, несчастный шпион, — проговорил он, — ты наказан по заслугам; упокой, Господи, его душу! — И он набожно перекрестился. Этот всадник был Лукас Мендес.

Пока бывший слуга дона Торрибио расправлялся со шпионом, Пепе Ортис во главе своего войска въезжал в город.

Ночь была темная, улицы пустынные; все жители позакрывались у себя, ежеминутно вздрагивая от выстрелов, доносившихся из центра города, где шла ожесточенная битва.

Пепе Ортис, прекрасно изучивший Урес, повел свое войско, по узкой и грязной улице, в тот квартал, где находились

казармы и велел им загородить входы на улицы. Затем, взяв с собой шесть человек, он направился к кабачку, в котором офицеры часто собирались поиграть, попить и повеселиться. Пепе Ортис был уверен, что и теперь многие из них не утерпят, чтобы хоть на несколько минут не забежать в кабачок с деньгами дона Мануэля, которые тот раздавал по случаю пронунсиамента.

Он пошел в кабачок и вызвал самого хозяина, который узнав, что его спрашивает капитан в сопровождении нескольких солдат, не осмелился ослушаться и поспешил выйти к нему.

— Что вам угодно, капитан? — спросил он, искоса поглядывая на Пепе Ортиса.

— Что ты предпочитаешь, — вдруг сказал ему тот, — получить десять унций, или погибнуть? Выбирай скорее, без рассуждений!

— Сагау! Конечно, лучше получить десять унций. Что нужно для этого?

— Сколько теперь офицеров в твоей конуре?

— Двадцать или двадцать пять самое большее, ваша милость!

— Ты лжешь, наверное, больше!

— Нет, ваша милость; теперь кажется дерутся, им и то очень трудно оставить свой пост. Да если вы сомневаетесь, проверьте сами!

— Ну ладно! Сделай так, чтобы через пять минут они все вышли!

— Это нетрудно: я им скажу, что их требуют во дворец.

— Это уже твое дело, но ты должен их выпроводить! Понял?

— Слушаю, ваша милость. И я получу десять унций?

— Вот они, бери; но берегись; если ты меня обманешь, тебя ждет смерть.

— Обмануть вас, ваша милость! Не беспокойтесь! Вы слишком щедры для этого! К тому же я их не знаю, этих офицеров; мне до них решительно нет дела!

— Им не сделают никакого зла. Иди же, я жду здесь!

Нам неизвестно, что именно придумал трактирщик; но офицеры стали выходить по два, по три, и все попались в ловушку.

Пепе Ортис, забрав их, заставил идти впереди войска.

— Знаете, мой друг Пепе Ортис, — сказал ему дон Руис Торрильяс, — вам пришла блестящая идея: солдаты, лишенные начальников, уже наполовину побеждены. Жаль, что вы не забрали их еще больше!

— Это не моя вина, ваша милость: я и то сделал, что мог! — добродушно ответил юноша.

Дон Руис засмеялся.

— Если так будет продолжаться, я думаю, мы попируем! — сказал он.

— Я убежден в этом, — ответил Пепе Ортис. — Вот вы увидите!

Разговаривая, они незаметно доехали до трактира Домингеса; ворота мгновенно открылись, чтобы впустить их и тотчас же захлопнулись за ними: видно было, что их давно ожидали.

Дон Торрибио, стоя подле Домингеса, держащего в руке фонарь, встречал всех.

— О-о! — сказал он Пепе. — С какой ты большой компанией. Где ты наберёшь столько храбрых товарищей?

— Это не я набрал, а дон Руис Торрильяс! — ответил Пепе.

— Дон Руис Торрильяс, разве он здесь?

— Здесь, сеньор, и весь к вашим услугам! — ответил молодой человек, выступая вперед вместе со своим Негро.

— Очень рад видеть вас, — искренне воскликнул дон Торрибио, — ваше присутствие сослужит нам великую службу. Я имею честь быть другом вашего отца...

— Я надеюсь, дон Торрибио, что вы не откажете и мне в вашей дружбе. Что касается меня, то мое пламенное желание — сделаться вашим другом!

— Я был уже им, еще не зная вас, дон Руис!

— А теперь?

— Вот моя рука!

— Как я рад! — весело воскликнул дон Руис. Молодые люди крепко пожали друг другу руки и поцеловались. Затем, предшествуемые Домингесом, дон Руис, дон Торрибио и Пепе Ортис вошли в довольно обширную комнату и разместились по скамейкам.

Снаружи доносился страшный шум; стрельба становилась сильнее.

— Мне думается, что нам сейчас дадут сигнал! — сказал дон Торрибио.

— Дай Бог! — ответил его новый друг.

— Так мне надо поторопиться, — сказал Пепе Ортис, — запрятать подальше дичь, которую я подобрал в пути.

— Что?! О какой дичи ты говоришь?

— О! Пустяки, двадцать солдат, да двадцать пять офицеров-мятежников.

— Молодец, тебе часто приходят прекрасные мысли!

— Я это и сам знаю, — сказал он смеясь, — но только признаюсь, эти господа очень стесняют меня. Куда я их дену?

— Есть о чем тревожиться! Домингес, не найдется ли у вас места для этих пленников?

— Сколько угодно, сеньор! — отвечал хозяин. — Задняя стена моей гостиницы выходит прямо на реку. Дайте сигнал, и сюда сейчас же подплывет лодка, в которую мы и спустим голубчиков через окошко.

— Как мешки с пшеницей! Домингес, вы неоценимы! Ты слышишь, Пепе; не теряй же времени, мой друг.

Пепе тотчас же вышел с хозяином трактира. Молодые люди остались одни.

Дон Торрибио сильно беспокоился, думая о донье Санте; одна, в маленьком домике на главной площади, она подвергалась большим опасностям; там должен быть самый разгар сражения.

Так прошло полчаса; они оба молчали, думая каждый о своем.

Пепе Ортис возвратился с Домингесом.

— Кончено, — сказал он, — мешки спущены благополучно, наконец-то я развязался с ними!

— Однослово, Домингес! — сказал дон Торрибио.

— Рад служить вашей милости! — ответил хозяин, кланяясь.

— Сначала возьмите себе вот это, — сказал молодой человек, протягивая ему кошелек, — верный счет дружбы не портит. Ведь мы условились за пятьдесят унций, не правда ли?

— Да, ваша милость.

— В этом кошельке шестьдесят! Итак, мы теперь квиты!

— Как вы добры, сеньор дон Торрибио; служить вам доставляет удовольствие. Теперь я ваш должник, — добавил хозяин с ласковой и почтительной улыбкой.

— Нисколько, вы были верны, я остался доволен вами! Я доказываю вам это, награждая вас. Вам известен пароль?

— Да, ваша милость; он был сообщен при мне полковнику Искиердо самим губернатором.

— О-о! Какой же он?

— Santiago, ampare la Patria!¹

— Гм! Это почти испанский боевой клич. Впрочем, не все ли равно?! Благодарю вас. — И, повернувшись к Пепе прибавил: — Пойди посмотри, все ли оружие в порядке и скажи от меня Кастору, чтобы он велел своим людям садиться на лошадей; торопись, нам, наверное, сейчас дадут сигнал.

Предчувствие дон Торрибио не обмануло его. Едва прошло несколько минут, как вышел Пепе Ортис, как послышались удары в ставни одного из окон той комнаты, где сидели молодые люди.

Дон Торрибио тотчас же встал и, подбежав к окну, стукнул в его ставни три раза, два раза подряд, и раз, погода немного. Снаружи послышался едва уловимый голос.

— Santa libertad!²

— Ni oro, ni plata!³ — тотчас же ответил дон Торрибио.

— Ni engano! — продолжил тот же голос.

Дон Торрибио подал знак Домингесу, который пропустил человека, проскользнувшего в нее, как змея; калитку тихонько заперли на задвижку.

— Вы готовы? — спросил этот человек, войдя в залу и сбрасывая с лица покрывало.

— Мы ждали вас, Лукас Мендес, с большим нетерпением! — ответил дон Торрибио.

— Сколько у вас всего человек?

— Триста пятьдесят, и все — люди верные, вооруженные с головы до ног.

— Я не знал, что вас так много!

— Дон Руис Торрильяс привез нам пятьдесят всадников.

— Тем лучше, они пригодятся нам! Бунтовщики дерутся отчаянно, и не пропади у них часть офицеров, то неизвестно...

¹ Сантьяго, защитим Родину! (исп.). «Сантьяго!» — боевой клич испанцев.

² Святая свобода! (исп.)

³ Ни золота, ни серебра! (исп.)

⁴ Без обмана! (исп.)

— Да, я то знаю, как Пепе Ортис поймал их.

— Хорошо придумано! Благодаря Пепе мы можем выиграть сражение. Мятежники дерутся не на жизнь, а на смерть; зная, что им нечего ждать пощады, они не отступают ни на шаг, дон Порфирио уже недалеко от площади. Вот куда нам надо проникнуть; разделите ваше войско на два эскадрона, вы будете командовать первым, а дон Руис — вторым.

— А вы?

— Я буду сопровождать вас! Ну, скорей! Только не забудьте внушить своим людям, чтобы они все на сегодняшнюю ночь считали бы себя настоящими солдатами.

— А дон Порфирио?

— Когда мы завладеем дворцом, я пущу ракету, после которой он, а также генерал Кабальос, нагрянут на неприятеля.

— Итак, едем с Божьей помощью!

Все всадники сидели уже в седлах, вооруженные копьями и ружьями. Образовались два эскадрона. Дон Торрибио стал во главе первого с Пепе Ортисом и Лукасом Мендесом; дон Руис и Кастор впереди второго.

— Откройте ворота! — сказал дон Торрибио Домингесу.

Последний исполнил приказание, и всадники двинулись.

Ночь была совсем темная; не только не было луны, но даже ни одной звездочки не виднелось на небе. Всадники подвигались медленно, шаг за шагом, боясь обратить на себя внимание.

Но, не прошло и четверти часа, как при одном из поворотов они заметили точно в тумане красноватый свет и сыпавшиеся искры, среди которых двигались неясные тени; затем виднелась черная полоса, на которой показались другие неподвижные силуэты; всадники догадались, что это — баррикада.

— Осторожней! — сказал Лукас Мендес сдержанным голосом.

Охотники невольно вздрогнули, чувствуя предстоящую схватку, но продолжая двигаться вперед. Когда они приблизились шагов на тридцать к баррикаде, на них нацелились ружья и раздался чей-то громкий голос:

— Кто идет?

— Свои! — ответил дон Торрибио.

— Кто такие? — продолжал голос.

— Стрелки из Гвадалахары!

Произошел небольшой перерыв. За баррикадой задвигались. В это время человек тридцать солдат с лошадей, которых спрятали в арьергарде; сами же, пешие, стали за доном Торрибио.

Затем спросил офицер пароль.

— Santiago, ampare la Patria! — ответил дон Торрибио.

— Верно, — сказал офицер, — но почему вы велели некоторым солдатам сойти с лошадей?

Дон Торрибио посмотрел вокруг себя, потом, нагнувшись к офицеру, схватил его за шиворот, приставив дуло пистолета к его груди:

— Потому что я хотел прогнать вас с поста, — сказал он тихим, но угрожающим голосом, — сто унций и чин капитана, если вы будете молчать. Но за одно слово или крик я вам размозжу голову! Взгляните-ка, что делается.

Офицер обвел вокруг себя любопытным взглядом, чтобы уяснить себе настоящее положение.

Получилось нечто для него неожиданное: пока он переговаривался с доном Торрибио, как того требовала военная дисциплина, охотники, под предводительством Лукаса Мендеса, проскользнули в темноте к баррикаде и завладели ею без выстрелов и без боя. Сторожа, конечно, заранее подкупленные, не только не оказали ни малейшего сопротивления, но, напротив, с удовольствием присоединились к ним.

— Ловко сыграно! — проговорил небрежно офицер. — Прекрасно выполнено, честное слово! Я сдаюсь, сеньор, и с этой минуты готов служить вам. Что я должен делать?

— Обещать честно исполнять свои обязанности, капитан!

— Обещаю, сеньор! Caray! Сразу два чина, какое счастье! Сегодня утром был унтер-офицером а вечером сделался — капитаном. Большого мне и желать нечего, по крайней мере, теперь! — прибавил он, смеясь.

— Ну и прекрасно, — сказал дон Торрибио, пряча пистолет. — Не беспокойтесь, благодаря вам битва теперь скоро окончится.

Это смелое нападение было произведено с такой ловкостью, что нигде не возбудило тревоги. Дон Мануэль не подозревал, что делалось в нескольких шагах от него, а потому ему не заботился о предохранении себя от страшного удара. Дон Торрибио отвел в сторону Пепе Ортиса, поручив ему

принять некоторые меры относительно доньи Санты, которую он хотел избавить от ужасного зрелища битвы, происходившей пока на ее глазах, затем в сопровождении двадцати охотников направился ко дворцу.

Лукас Мендес по взятии баррикады пустил ракету, чтобы возвестить дону Порфирио и генералу Кабальосу, что решительная минута настала.

Четыре пушки, захваченные при взятии баррикады, повернули в сторону мятежников, на которых, как град, полетели выстрелы, в то же время дон Руис, Лукас Мендес и Кастор напали на них с тылу, чем привели их в большое смятение.

Бунтовщики, очутившись среди двух огней и видя, что всякое отступление отрезано, дрались отчаянно. Почти все были убиты, лишь немногим удалось спастись. Тогда дон Порфирио с генералом Кабальосом вступили на главную площадь, где их встретил дон Руис со своими охотниками.

В эту минуту дон Торрибио выходил из дворца в ярости.

— Ну, что? — спросил дон Порфирио.

— Дон Мануэль скрылся! — вскричал молодой человек.

— Скрылся?

— Да! Во дворце нет ни души; негодяй сбежал!

— Оставьте его, — вмешался в разговор Лукас Мендес. — Где бы он ни пропадал, я найду его; и на этот раз уж мы не выпустим его!

Дон Порфирио со своими друзьями тотчас же отправились во дворец. Дон Торрибио не ошибся: видно было, что дон Мануэль не успел даже захватить с собой самых секретных бумаг.

Дон Порфирио приступил к водворению в городе порядка и спокойствия; затем разослал во все концы гонцов за беглецами, из которых многих поймали.

Только дон Мануэля и его сообщников никак не могли найти: они исчезли бесследно.

Жители Уреса были счастливы, что могли наконец спокойно вздохнуть под охраной законной власти республики, и деятельно принялись за уборку трупов и уничтожение баррикад, на которых пролилось столько крови.

Через несколько часов город принял праздничный вид, во всех домах зажгли иллюминацию, улицы наполнились ликующей толпой народа; все пели и плясали, громко восхва-

ляя новое мексиканское правительство и губернатора Соно-ры, так храбро отнявшего похищенный у него пост.

Только в одном доме царили мрак и уныние; в доме, в котором укрывалась донья Санта после своего бегства с асиенды.

Когда Пепе Ортис вошел туда по поручению дона Торрибио, то нашел его пустым; выломанные двери и опрокинутая мебель показывали, что девушку похитили после долгого сопротивления. В комнате ее царил невообразимый хаос.

На пороге лежали два трупа, обезображенные до неузнаваемости.

Кем они убиты? Кто такие похитители? Не было ли все это последней местью дона Мануэля?

Вот вопросы, которые задавал себе дон Торрибио, бледный как полотно, с неподвижным взглядом и разбитым сердцем. Он метался, как сумасшедший, по этим комнатам, где еще так недавно была его возлюбленная.

В первый раз в жизни в душу его закралась ненависть; он только теперь понял, что месть может доставить наслаждение.

— О! — простонал он. — Кто мне разыщет мерзавца, который так подло разрушил мое счастье?!

— Я! — сказал Лукас Мендес, тяжело кладя ему руку на плечо.

— Вы! — воскликнул он, поворачиваясь и пристально взглядывая на него. — Но кто же вы, наконец?!

— Человек, любящий вас и желающий вам счастья! — И, взяв его под руку, он увел его из этого дома с помощью Пепе Ортиса и дона Руиса.

Молодой человек, окончательно упавший духом, позволил себя увести без всякого сопротивления; он ослаб, как ребенок, склонил свою голову на плечо Пепе и горько заплакал.

ГЛАВА XIV

В которой следопыт выручает влюбленного

Прошло около двух месяцев после окончательного падения дона Мануэля и его сообщников.

Все это время дон Порфирио употребил, чтобы смирить и успокоить краснокожих, недовольных мексиканским образом правления; он восстановил порядок в администрации и облегчил участь пострадавшего народа.

Задача бала нелегкая и выше сил заурядного человека. Но, хотя дон Порфирио не хватал с неба звезд, — это был человек честный, любивший свое отечество; к тому же, он обладал железной волей и большой энергией. Принявшись деятельно за работу, он выказывал везде справедливость и награждал добрых и злых по заслугам. В силу этого ему удалось добиться хороших результатов.

У дона Порфирио имелось масса документов и писем, обличавших платeadос. Сняв с них копию, он отослал бумаги в Мексику. Тотчас же по всей территории республики начались розыски этих страшных бандитов, которые разоряли страну и наводили на всех ужас. Большинство из них были пойманы; но, к несчастью, главных вожakov не могли найти. Ходили слухи, что они убежали в Соединенные Штаты, в ожидании более благоприятных для них времен.

Однако дон Бальтасар Турпид и дон Бенито де Касональ были арестованы. Ожидались важные разоблачения, но любопытство публики было обмануто: на следующий день их обоих нашли мертвыми в тюрьме; дон Бальтасар перерезал себе горло; а дон Бенито де Касональ повесился на перекладине окна.

Итак прошло два месяца со времени событий, о которых мы рассказывали в предыдущей главе. Был четверг; луна сияла на небе, усеянном звездами, и освещала своим бледным светом величественные еще развалины вымершего ныне города Амакстлана, расположенного у разветвления Рио-Хилы и при впадении в нее Рио-Салинаса и Рио-Пуэрко. Несколько человек, казавшихся охотниками, сидели вокруг огня в большой комнате дворца Монтесумы и кончали ужинать; их оружие лежало на полу подле них, а тут же, в отдаленном углу комнаты, их лошади ели корм.

Охотники эти были хорошо известные читателю Твердая Рука, дон Торрибио де Ньеблас, Пепе Ортис, дон Руис Торильяс, Кастор и Мариано Педросо, мажордом асиенды дель-Пальмар.

Окончивши ужинать и утолив свой аппетит, охотники начали разговаривать о своих делах.

Вдруг раздался крик лесной совы, единственной птицы, поющей по ночам, и повторился два раза.

— Тут что-то новое! — сказал Кастор, хватаясь за ружье и приподнимаясь с места вместе с товарищами.

— Нет, сидите спокойно, господа, — сказал Твердая Рука, — я знаю, что это: кто-нибудь из чужих попал в одну из наших западней.

— Бедняга! — проговорил Кастор, — не повезло же ему!

— Ба! — сказал Пепе Ортис, — что же делать! Всяк за себя; сидел бы лучше на своем месте, чем рыскать, как шакал!

Снаружи послышался шум шагов, и в залу вошли несколько индейцев, ведя связанного человека. Шапка, спустившаяся ему на глаза, мешала рассмотреть черты его лица; одет он был в мексиканский костюм.

Индейцы подошли к Твердой Руке и молча остановились перед ним, в ожидании, пока он с ними заговорит.

— Это добыча моего сына — Ястреба? — спросил Твердая Рука, обращаясь к вождю краснокожих и бросив вопросительный взгляд на пленника.

— Ястреб хотел угодить своему отцу! — ответил тот с легким поклоном.

— У моего сына глаза тигра и осторожность опоссума! Каким образом попался этот человек?

— Он ехал галопом по берегу Рио-Салинаса, держа путь к горе! Ястреб, спрятавшийся в кустах, забросил на него лассо! Бледнолицый человек упал с седла и покатился по земле, точно яблоко, сорвавшееся с дерева. Мои воины набросились на него, отняли у него оружие и связали, не дав ему времени встать на ноги. Ястреб приказал привести его к отцу! Я сказал!

— Хорошо, вождь, вы поступили как умный и ловкий воин; мое сердце радуется, слушая вас. Подвиньте этого человека, чтобы я мог рассмотреть и расспросить его. Но сначала освободите его от веревок: они теперь излишни!

Ястреб послушался, потом грубо толкнул пленника к свету.

— Чего вам было нужно в этих краях? — спросил Твердая Рука пленника.

— А вам какое дело? — ответил пленник охрипшим голосом. — По пустыне все могут ездить! С какой стати я буду давать вам отчет в своем поведении?

— Как хотите! Кто вы такой?

Всадник приподнял шляпу и, гордо выпрямившись, сказал:

— Посмотрите на меня!

— Наранха! — воскликнул Твердая Рука в изумлении.

— Проклятая душа дона Мануэля! — сказал Пепе Ортис.

Все охотники встали, за исключением дона Торрибио, который, со времени исчезновения доньи Санты, больше не жил, а прозябал.

— Да, я Наранха, самбо — повторил пленник, — чего вы хотите от меня?

— Узнать сперва, зачем вы появились в этих краях!

— Я бы мог ничего не отвечать вам; но так и быть! Вот уже два месяца как из-за вас проливается невинная кровь Мексики. Все друзья моего господина и большинство его спутников пали от вашей руки. Благодаря Богу, емусамому удалось спастись, он теперь в безопасности, на той стороне индейской границы. Так как я ему больше не нужен, да он и не имеет возможности оставить меня при себе, то он мне приказал уехать от него. Мы расстались с ним два дня тому назад; теперь я брожу один по свету; мне все равно, жить или умереть. Убейте же меня, раз я попал в ваши руки!

— Так твой господин, дон Мануэль де Линарес, спасся, благодаря тебе, конечно?

— Да, благодаря мне, и теперь вам не найти его. Убивайте же меня! Чего вы ждете?

Дон Торрибио поднял голову; в его глазах сверкнула радость; он встал, медленно подошел к самбо и положил руку, на его плечо, сказал, устремив на него сверкающий взгляд, которого тот не мог вынести:

— Ты лжешь!

— Я лгу, я? — пробормотал он почти со страхом.

— Да, твой господин никуда не скрывался, ты расстался с ним до заката солнца, не отрицай, а то опять солжешь!

Наранха молча опустил голову. Наступило минутное молчание. Дон Торрибио переглянулся с Твердой Рукой.

— Слушай! — сказал молодой человек самбо.

— Что вам от меня нужно?

— Я тебе спас жизнь два раза!

— Правда! — пробормотал тот.

— Теперь ты опять в моих руках. Но я не хочу твоей смерти: львы не едят падали; ты только жалкий лакей, нам твоей смерти не нужно. Тебе сейчас возвратят твоё оружие и лошадь. Убирайся и не оглядывайся назад; поезжай, куда хочешь, ты свободен!

— Вы не можете помешать мне быть преданным моему господину: моя жизнь принадлежит также и ему; и я умру за него!

— Это нас не касается, делай что хочешь. Но помни, что если ты опять проявишься в этих краях и попадешься нам, то тебя уже ничто не спасет от постыдной смерти, которую ты давно заслужил себе. Отдайте этому человеку лошадь и оружие, он свободен! — сказал Твердая Рука, обращаясь к индейцам.

Последние молча исполнили приказания, совершенно не понимая, ради чего такая милость.

— Отправляйся, и помни, что еще раз обязан мне жизнью!

— Я никогда не забываю ни добра, ни зла... Буду помнить и докажу вам это на деле.

С этими словами самбо вскочил в седло, прищипорил коня, помчался во весь дух и вскоре скрылся в темноте.

Дон Торрибио остановился на пороге, следя за быстрой ездой всадника. Когда же шум скачущей лошади исчез, он тихо вернулся в комнату, погруженный в задумчивость.

— Я исполнил ваше желание! — сказал ему Твердая Рука.

— За что я искренне благодарю вас, вы этим оказали мне огромную услугу.

— Не понимаю, что вы хотите сказать!

— Вы знаете, — начал он, — при каких обстоятельствах похитили донью Санту? Дон Мануэль открыл ее убежище. Видя свою неминуемую гибель, но все же желая отомстить мне до своего бегства, он послал бандитов с приказанием убить несчастное дитя. Наранха убил бандитов, а ее спас. Почему? ради какой цели? Я не знаю. Знаю только то, что он сам похитил ее!

— Откуда вам удалось узнать, что он — виновник и что девушка спасена?

— Не даром же я Искатель следов. Я сразу прочитал все подробности, осмотрев внутренности дома. Я разыскал его следы до границ Соноры; там он пустился в плавь с обоими девушками, доньей Сантой и ее камеристкой; они следовали за ним по доброй воле. Все трое были сначала на лошадях; затем сели в лодку, приготовленную и спрятанную заранее. Далее следить за Наранхой оказалось невозможным. Надо было надеяться только на случай, который мне и представился. Сегодня Наранха выехал из своего убежища; оно должно быть совсем близко отсюда, а теперь, зная прекрасно пустыню, он наверное уже нашел себе более безопасное место, в котором и запрятался.

— Но зачем было выезжать вечером? — возразил Кастро.

— Кто его знает?! Душа этого человека — неизмеримая пропасть, странное смешение добрых и злых инстинктов; у него какая-то безграничная привязанность к своему господину, он любит его одного во всем свете. По всей вероятности, он был не в силах долее вынести разлуку с ним и решил повидаться с ним во что бы то ни стало, рассчитывая, конечно, что в окрестностях асиенды не встретит ни души, или что он удерет от нас, если попадется.

— Все это возможно, — сказал Твердая Рука, — что же вы теперь думаете предпринять?

— Я? Сейчас же пуститься по его следам. Дон Руис, могу я надеяться на вас?

— Еще бы! — отвечал тот.

— Пепе Ортис, приготовь нам лошадей!

— Но ведь это безумие!

— Друг, — сказал дон Торрибио сияющим лицом, — мое сердце чувствует, что раньше чем через час я найду ту, которую люблю.

— Дай вам Бог! Но посмотрите, луна быстро заходит, сейчас настанет совершенная темнота!

— Ничего не значит! Я вижу не только глазами, но и сердцем, а для него мрака не существует. Пепе, подай факел!

Они вышли. Дон Торрибио нагнулся к земле и несколько минут внимательно разглядывал следы, оставшиеся после Наранхи и его лошади.

— Прекрасно, — сказал он, поднимаясь. — Теперь, будь он хоть в самой пропасти, я найду его; я видел достаточно.

Охотники и индейцы, опытные в подобных делах, следили с трогательным восторгом за молодым человеком. Твердая Рука высказал громко то, что все думали про себя:

— Неужели вы надеетесь, снявши эти следы, невзирая на темноту, не сбиться с пути?

— Я уверен в себе; для меня это пустая забава!

— Но это превосходит всякое вероятие, человеческие способности не могут дойти до такого совершенства!

— Для нас с Пепе это дело привычное! Не правда ли, Пепе?

— О! Это совсем не трудно!

— Ну, так отправляйтесь с Богом! — сказал Твердая Рука.

— Благодарю, скоро мы вернемся обратно!

— Одни? — спросил Кастор.

— Нет, с теми, кого едем отыскивать!

— Если вы исполните это, — воскликнул Кастор, — то я признаю, что наши искатели следов перед вами — ослы.

— И будете неправы, — рассмеялся дон Торрибио, — у нас только своя система; и она хороша!

— Может быть! — проговорил охотник.

Дон Торрибио, дон Руис и Пепе Ортис вскочили на лошадей и скоро исчезли, предоставив охотникам комментировать на свободе их рискованное предприятие.

Всадники мчались с головокружительной быстротой, делая всевозможные зигзаги, поворачивая в разные стороны; временами можно было даже подумать, что они возвращаются назад, хотя они все удалялись и удалялись от товарищей, беспрекословно подчиняясь кратким указаниям дона Торрибио, дававшего их ежеминутно, отрывистым голосом приказания:

— Направо! Налево! Здесь! Там! Прыгайте через ров! сквозь кусты! Вокруг этих деревьев!

Иногда, не замедляя езды, молодой человек нагибался со своего седла почти до самой земли, вглядываясь в нее, потом разом выпрямлялся со сжатыми губами и загадочной улыбкой.

Лошадискакали в облаке пыли. Вдруг дон Торрибио крикнул:

— Стойте!

Все остановились, как вкопанные.

— На землю; теперь мы пойдем пешком!

Их отчаянная езда длилась три четверти часа. Сойдя на землю, всадники осмотрелись, чтобы уяснить себе, куда они попали. Место это было дико и грандиозно; налево, серебряной полосой протекал Рио-Салинас, берега которой были покрыты низкими хлопчатниками и мастиковыми кустарниками; перед ними подымался хаос скал, нагроможденных одна на другую и образующих самые затейливые очертания. Направо чернел громадный девственный лес. Сзади, если бы луна продолжала светить, можно было бы разглядеть развалины вымершего города и дворец Монтесумы на расстоянии трех миль.

Но охотники проехали вдвое больше, вследствие всевозможных поворотов и бесконечных крюков, придерживаясь следов, которые самбо намеренно запутал.

— Пепе, — сказал дон Торрибио, — спрячь лошадей в кусты!

— Мы приближаемся? — полюбопытствовал дон Руис.

— Меньше чем через четверть часа дойдем! Подождите меня здесь минутку! — И молодой человек углубился в темноту, в которой вскоре скрылся.

— Где дон Торрибио? — осведомился Пепе Ортис, возвратившись.

— Он, кажется, считает, что мы у цели, он исчез в скалах, но я сильно сомневаюсь, чтобы он на этот раз нашел что-либо! — проговорил дон Руис.

— Отчего же? Хотя след и запутан, но его все время было видно!

— Я очень рад, если это так! Но, признаюсь, положительно ничего не мог различить во время этой езды, походившей скорее на вихрь, чем на правильное расследование.

— Дон Торрибио говорил вам, что у нас особенный способ искания следов.

— Сагау! Я и сам вижу! Во всяком случае, что бы ни случилось, я счастлив, что был свидетелем такого своеобразного зрелища. Вы можете ошибиться, но все же вы опасные Искатели следов.

— За мной! — сказал дон Торрибио, вдруг показавшись. — Я нашел. Место замечательно хорошо выбрано; негодяй мог бы спокойно прожить там лет двадцать, если бы мы не напали на его следы.

— Это близко отсюда?

— В нескольких шагах всего! Главное, молчите! Туда должны вести две дороги, нам надо спешить, приходится взять кратчайший путь, хотя он очень опасен, предупреждаю вас. Нужны хладнокровие и твердая поступь. Идите!

Они последовали за ним гуськом. Дон Торрибио направился к скалам, карабкаясь за них и делая тысячу поворотов. Через пять минут смельчаки очутились на краю широкой расщелины, необыкновенной глубины, из которой глухо раздавался шум невидимых вод; густой мрак царил над этим своего рода колодцем, стены которого были почти отвесны.

— Здесь, — сказал дон Торрибио шепотом, — нам надо спуститься приблизительно на тридцать пять фунтов. Будьте решительны и ступайте тверже, падение повлечет за собой страшную смерть!

— Точно дорога, ведущая в рай, — пошутил дон Руис, — не сорваться бы нам! Все же попробуем!

— Пойдите, дайте сюда ваши лассо; благодаря им мы легко спустимся.

Он взял лассо, крепко перекрутил их, потом зацепил за скалы, оставив концы висячими.

— Я спущусь первый, — сказал дон Торрибио, — а ты, Пепе, последний!

— Не легче ли мне спуститься первым?

— Нет! — властно сказал юноша. Пепе молча опустил голову.

Дон Торрибио обхватил оба конца веревки, лег на землю и затем начал осторожно спускаться в пропасть, стараясь упираться ногами о все выступы скалы, встречающиеся на его пути.

Вскоре веревка зашаталась из стороны в стороны.

— Он остановился, — сказал дон Руис, — теперь моя очередь!

В пять минут все трое очутились на довольно широкой площадке, в пропасти, на глубине сорока футов; тут был такой мрак, что в двух шагах ничего не было видно.

Дон Торрибио потянул к себе веревки, распустил их и возвратил спутникам.

— Сагау, — весело сказал дон Руис, — теперь вы нам совсем отрезали отступление, милый друг!

— Это чтобы заставить вас одержать победу; потом мы возвратимся по другой дороге.

— Ну, это, я думаю, будет не так-то легко. А теперь что мы станем делать? Не застрянем же мы здесь, как чайки во время грозы. Или мы еще будем спускаться?

— Нет! Слушайте: нам осталось самое опасное; то, что мы сделали до сих пор, пустяки, — в сравнении с тем, что нам предстоит.

— Гм! Вы находите? Но все равно, продолжайте, дорогой друг!

— Тут растет лиственница, которая кажется пустила глубокие и крепкие корни в щели этих камней. Посмотрите как она согнута: она достает почти до противоположного края расщелины, от которого отделена не более чем на три или четыре фута. Напротив, с той стороны, открывается вход в пещеру; для этого нам надо добраться до конца дерева, ухватиться за одну из ветвей его, чтобы не потерять равновесия, и затем изо всей силы прыгнуть как можно дальше; только надо скакать прямо вперед; а то — вы понимаете...

— Еще бы! Да, я один не решился бы на такую прогулку. Если бы было еще светло!

— Я уже пробовал попасть туда и вернулся, чтобы доставить вам удовольствие сопровождать меня до конца.

— Покорно благодарю! Ну что ж, попробуем и мы: прыгать так прыгать!

— Вот это я понимаю! Ну, с Богом!

Все трое полезли на лиственницу, дон Торрибио — впереди, а Пепе Ортис — сзади. Было бы неправдой утверждать, что при всей своей львиной храбрости молодые люди оставались спокойны, пока карабкались по дереву в непроглядной тьме. Если бы возможно было вернуться назад, то они, пожалуй, и не отважились бы на такой рискованный шаг; но всякое отступление угрожало им неминуемой смертью; только и оставалось — идти вперед, на что они и решились с замирающим сердцем.

Но ими чуть не овладело головокружение, когда, добравшись до конца лиственницы, они почувствовали, что дерево закачалось с ними над пропастью...

Мы забыли сказать, охотники были в полном вооружении, что значительно затрудняло их и без того трудное предприятие; дон Торрибио позаботился связать вместе все ружья, топоры и проч. Пепе Ортис, привязал их к спине, спустился с ними на площадку, с которой он должен был, привязав их

предварительно к веревке, сбросить их в грот, где их примут его спутники.

Первым прыгнул дон Торрибио, за ним дон Руис; Пепе Ортис бросил сначала оружие и наконец сам спрыгнул в грот, точно ягуар.

С каким облегчением каждый из них вздохнул, когда они опять очутились вместе! Только чудо могло спасти их.

Они снова вооружились; дон Торрибио пошел вперед, и все молча продолжали опасный путь.

В пещеру вел узкий проход, куда они вступили решительно.

Пройдя около четверти часа, охотники увидели перед собой свет, сначала слабый, но по мере их приближения становившийся яснее; вскоре им послышался звук человеческого голоса, и через несколько минут они могли различить слова.

Шел дружеский разговор между тремя лицами: одним мужчиной и двумя женщинами.

Дон Торрибио задрожал от радости, распознав эти голоса.

Донья Санта была здесь, всего в нескольких шагах от него; молодой человек, пережив такие сильные волнения, чуть было не лишился чувств, заслышав любимый голос.

— Стойте! — прошептал он, — послушаем!

— Это просто удивительно, — пробормотал дон Руис, — ведь мы дошли до конца этого невероятного следа. Какой сверхъестественный талант у этих людей! Если бы я сам не участвовал во всей прогулке, то никогда не поверил бы, что возможен такой скорый и верный результат.

Между тем разговор в пещере продолжался. Говорила донья Санта.

— Итак, вам не удалось; асиенду еще стерегут?

— Да, стерегут! — ответил Наранха сдавленным голосом.

— Боже! Неужели же мне суждено навек остаться в этой пещере?

— Вы так скучаете здесь, не правда ли? — сказал он с упреком.

Девушка ничего не ответила.

— Значит, мое присутствие так тяготит вас? Я вам противен?

— Нет, я вам обязана жизнью; вы убили подосланных ко мне убийц. Я признательна вам за эту услугу и не только

ради себя, но и ради человека, которого я люблю больше моей жизни и который не перенес бы моей смерти.

— Не говорите мне этого! — проговорил он мрачным голосом.

— Отчего?

— Вы знаете, почему я вас спас, сеньорита?

— Вы говорили мне: чтобы освободить своего господина, отдав меня за него в выкуп.

— Да, для этого, но еще и по другой причине.

— А именно? Скажите!

— Нет, вы не узнаете ее. Если я вам скажу, вы проклянете меня, а я не хочу этого!

— О! Наранха, не смотрите на меня так! — воскликнула она в ужасе, — я боюсь вас!

— А! Вижу, вы поняли меня!

— Несчастный! — пробормотала она.

— Да, несчастный, и очень несчастный, — проговорил он разбитым голосом — вы никогда не узнаете, сеньорита, что я выстрадал, и как я еще страдаю: у меня в сердце ад! — Не бойтесь меня, мое уважение к вам еще сильнее того безумного чувства, которое гложет мое сердце!

— Бедный Наранха! — сказала она с сочувствием.

— Вы жалеете меня, такого дурного человека! О! Как вы добры! Благодарю и за это! Будьте счастливы!

— Счастлива, увы!

— Да, я поклялся в этом частому назад. Человек, которого вы любите, еще раз спас мне жизнь!

— Торрибио!

— Не произносите его имени, мне это слишком тяжело. Чтобы устроить ваше счастье, я забываю все, даже свою привязанность, которая была для меня — все в жизни. Я изменяю моему господину, я отдаю его на съедение врагам! О! Какой я подлец! Но вы будете счастливы, а до остального мне нет дела. Пойдемте, уйдем скорее отсюда; если я промедлю, то у меня, может не хватить сил на эту жертву.

— Что вы хотите делать?

— Отдать вас тому, кого вы любите и без кого не можете жить!

— О! Господь вознаградит вас, Наранха, этот поступок искупает все ваши грехи!

— Идите же, идите, — проговорил он с блуждающим взором, — я за себя не ручаюсь...

— Хорошо, Наранха! — вдруг проговорил, выступая вперед, дон Торрибио. — Вы не обманули меня, помня свое обещание. И я, в свою очередь, не забуду этого!

— Вы! Вы здесь! — вскричал в ужас самбо и добавил, говоря сам себе: — Сам Бог привел его сюда, моя жизнь кончена!

— Что вы хотите сказать?

— О! Торрибио, наконец-то вы пришли! — воскликнула донья Санта, бросаясь в его объятия, с глазами, полными слез.

— Бесценная Санта! — ответил молодой человек, страстно прижимая ее к груди.

— Уйдем, уйдем! — начала она в избытке счастья.

— Да, — вскричал Наранха глухим голосом, — уходите, уходите скорей! — И он при этом вытянул руку, точно указывая им дорогу.

Его лицо побагровело, глаза заблестели от внутренней лихорадки и сам он конвульсивно вздрагивал, следя диким взглядом за движениями девушки, увлекаемой доном Торрибио, который уносил ее на руках, так она была слаба.

Сзади этой группы шла Лолья Нера с доном Руисом и Пепе Ортисом.

Но Наранха не видел никого, кроме доньи Санты.

— Она уходит! — пробормотал он. — Все кончено, я больше не увижу ее... Я один... Я — изменник моему господину!.. Подлец!.. Подлец... Но нет, я безумец. Ведь она будет счастлива, бедное дитя! Для меня же все кончено...

Охотники и обе девушки уже подходили к выходу из подземелья; вдруг они все вздрогнули и вскрикнули. Из грота раздался выстрел: то Наранха покончил с собой.

*В которой обнаруживается
перст Божий*

Было около четырех часов утра; ночь была теплая, все небо покрыто тучами; в воздухе чувствовалось удушье; ветер свистал, сгибая деревья и с треском ломая их ветви; дождь начинал падать крупными каплями; гром повторялся эхом горных пещер. Словом, все предвещало страшную грозу.

Асиенда дель-Энганьо выступала темным пятном с вершины воладеро. Казалось, ее обитатели, если таковые имелись в данную минуту, были погружены в глубокий сон.

Однако в действительности было не так, хотя из окон асиенды и не виднелось ни одного огонька.

В богатом кабинете с роскошной обстановкой сидел, не разгибаясь, человек перед столом, заваленным бумагами.

Читатель, конечно, узнал его: это был дон Мануэль де Линарес, бывший губернатор Соноры, низвергнутый президент республики трех штатов и глава страшного союза платeados, все еще веривший в свое всемогущество.

Дон Мануэль был бледен и расстроен; его усталое лицо носило отпечаток разочарования, глаза блестели и взгляды блуждали с беспокойством, стараясь проникнуть сквозь темноту в отдаленные углы кабинета, которых лампа с абажуром, стоящая на столе, не могла осветить. Малейший шорох, стук крыльев ночной птицы о стекла пугали его; он машинально хватался за пистолеты, устремив взгляд на тень, представлявшуюся его воображению угрожающим призраком. Но, видя, что ничего не двигается, он горько усмехался, его измученная грудь вздыхала с облегчением, и он вновь принимался за прерванную работу.

Вот уже несколько дней, как в душу этого человека закрались мрачные предчувствия; то не были угрызения совести, так как он не имел души. Но все его злодеяния с поразительной ясностью вставали перед ним вереницей, и этот человек, доселе не ведавший страха, чувствовал себя способным лишиться чувств; он дрожал, припоминая количество своих жертв, и сознавал, что его час пробил и возмездие близко.

И все-таки он верил в безопасность на своей асиенде.

Враги его до сих пор не могли открыть его убежища; значит, они были бессильны. И не глупо ли так беспокоиться и

создавать себе химеры, когда ему ничего не угрожает?! Ведь неприятели думали, что он скрылся в Соединенных Штатах. Теперь нужно только переждать, пока пройдет гроза, а до тех пор сидеть спокойно и не показываться. В Мексике все возможно! Вот уже прошло два месяца; весьма возможно, что через несколько дней все будет кончено, и он опять сделается властелином.

Подобными рассуждениями и еще многими другими дон Мануэль старался успокоить себя, но напрасно. Его страх увеличивался и предчувствия все также преследовали его.

Однако он окончил свою работу: все свои бумаги, перевязанные и пронумерованные, он спрятал в секретный ящик письменного стола; затем написал несколько писем и запечатывал последнее из них, когда пробили часы.

— Четыре часа уже! — пробормотал он. В эту минуту сверкнула молния, ослепившая дону Мануэля своим зеленоватым блеском; раздался раскат грома.

— Гроза! — сказал он с досадой. — Все против нас! Что нам делать? Не лучше ли отложить отъезд на завтра? Собственно говоря, нам нечего спешить!

Он позвонил. Вошел заспанный пеон, протирая глаза.

— Вы изволили позвонить, ваша милость? — спросил он.

— Да, разбудили ли моих друзей?

— Они ждут позволения вашей милости войти к вам.

— Ах! Уже? Они, кажется, торопятся больше, чем я! — проворчал он, потом громко добавил. — Пусть войдут!

Лакей вышел, но тотчас же вернулся и пропустил дону Бальдомеро де Карденаса, дону Корнелио Кебрантадора, дону Кристобалья Паломбо и еще семь или восемь других пла-теадос, которые вместе с ним скрывались на асиенде. Все были в дорожных костюмах, но без оружия.

— Вы видите, какая погода, сеньоры? — сказал дон Мануэль, — раздражается гроза, как нам быть?

— Через час все дороги размоет, — ответил дон Бальдомеро. — По-моему, если ехать, то надо ехать сейчас!

— Разве этот отъезд необходим непременно теперь? — возразил дон Кристобаль, — или предвидятся новые опасности?

— Опасности угрожают нам на асиенде более, чем вне ее! — сказал дон Корнелио.

— Я не понимаю вас, — сказал дон Мануэль, — о каких опасностях вы говорите?

— Не знаю, могу ли я объясняться перед всеми?

— Мы все одинаково заинтересованы в этом деле! — резко заметил дон Бальдомеро.

— Говорите же и объясняйтесь короче, дорогой дон Корнелио!

— Ну, хорошо! Раз вы желаете, я скажу правду, сеньоры!

— К делу! К делу! — закричали все присутствующие.

— Извольте, сеньоры: нас всего на асиенде двести тридцать семь человек; затем, двести пятьдесят три лошади и тридцать девять мулов, значит, всего пятьсот двадцать девять индивидуумов.

— Сумма правильна! Дальше! — раздражительно сказал дон Мануэль.

— По уставам нашего союза асиенда дель-Энганьо должна быть снабжена съестными припасами, провиантом и фуражом на пятьсот человек и столько же лошадей в течение шести месяцев. Да или нет, кабальерос? Ведь это было выписано крупными буквами в параграфе сто семьдесят восемь нашего статута?

— Да, действительно, это написано! — ответил дон Кристобаль за всех.

— Все это и было сделано, — вскричал дон Мануэль. — Асиенда изобилует всевозможными припасами; еще четыре месяца тому назад мы позаботились с доном Кристобалем и доном Бальдомеро наполнить все кладовые и амбары.

— Мы пользовались провизией только семнадцать дней! — сказал дон Кристобаль.

— Кладовые полны припасов, — заметил дон Бальдомеро, — я сам осматривал их еще недавно.

— Позвольте, господа, — прервал дон Корнелио, — дон Бальдомеро ходил в кладовые неделю тому назад, и они были полны, не правда ли?

— Я уже сказал и повторяю то же! — гордо отозвался дон Бальдомеро.

— Ну-с, кабальерос, а я сам только час тому назад заглянул в них — они пусты!

— Пусты? Не может этого быть! — воскликнул дон Мануэль.

— Вам очень легко удостовериться: посмотрите сами — пусты они, или нет.

— Здесь какие-то недоразумение; надо действительно удостовериться, не ошибся ли дон Корнелио, — сказал дон

Мануэль, — мы еще успеем уехать; однако, гроза усиливается!

В самом деле молния сверкала ежеминутно, ветер неистово ревел, потрясая асиенду до самого основания.

В эту минуту в кабинет вбежал испуганный пеон.

— Сеньоры! — закричал он. — Лошади и мулы, запертые в конюшнях... исчезли, а также исчезли и сбруи!

— Этот человек рехнулся! — сказал дон Бальдомеро.

— Вы ошибаетесь, вовсе я не рехнулся, ваша милость! — возразил дрожащий от страха пеон.

— Но это немыслимо! — воскликнул дон Кристоаль.

— Это еще не все, ваша милость; когда забили тревогу, ваши солдаты не нашли своего оружия.

— Как! И оружие похищено?!

— Решительно все!

— Странно! — проговорил дон Бальдомеро, — что тут такое делается?

— Между нами есть изменники! — воскликнул дон Кристоаль.

— Мы окружены невидимыми врагами!

— Измена! Измена! — закричали все присутствующие. И все машинально, в каком-то суеверном страхе, подошли к дону Кристоалю, стоящему перед столом.

— Полноте, сеньоры, — сказал он с презрительной улыбкой, — право, можно подумать, что вы боитесь! Что это значит?

— Это значит то, — ответил ледяной голос из самого темного угла кабинета. — Это значит, дон Мануэль де Линарес, что небо устало от ваших преступлений, и что побил час вашего суда!

— Кто смеет разговаривать так со мной? — воскликнул дон Мануэль дрожащим голосом, схватывая пистолет и прицеливаясь по направлению послышавшегося голоса.

Тогда из тени медленно вышли несколько человек, друг за другом, дошли до середины комнаты и здесь остановились.

Платеадос в ужасе следили за ними, с расширенными от страха глазами, не смея пошевелиться.

Человек, шедший во главе этой свиты, был в плаще и шляпе, поля которой не давали разглядеть его лица; его спутники остановились сзади него.

— Кто вы такие? Что вам от меня нужно? — спросил дон Мануэль дрожащим голосом. — Говорите сейчас же, или я стреляю!

— Попробуй, — холодно ответил незнакомец, — один раз тебе это не удалось, не думаю, чтобы и теперь тебе посчастливилось!

— Берегись! Дьявол, призрак, кто бы ты ни был — последний раз: отвечай, или я стреляю!

— Говорю тебе, попробуй! — вторично повторил незнакомец презрительно.

— Хорошо же! — воскликнул дон Мануэль, — пеняй же на самого себя! — С этими словами он прицелился и выстрелил. Незнакомец остался невредим.

Обезумевшие от страха платеадос столпились вместе. Дон Мануэль точно окаменел; его пальцы судорожно сжимали еще дымящийся пистолет, а глаза бессмысленно вперились в незнакомца, как будто у птицы, загипнотизированной змеей.

— А теперь, убийца, — сказал последний ледяным голосом, — посмотри-ка на меня хорошенько! Что, узнаешь меня?

Быстрым движением он сбросил с себя плащ и шляпу, его спутники сделали несколько шагов вперед, так что свет упал прямо на них.

— Дон Порфирио Сандос! — воскликнул дон Мануэль скрежеща зубами, — А, сатана! Чего ты от меня хочешь?

— Судить тебя! — спокойно отвечал тот.

— погоди, я еще не в твоих руках — оружие пока еще со мной!

Он опять поднял свой пистолет, но тотчас же выпустил его и, спрятав голову в руки, в изнеможении опустился в кресло.

Дон Порфирио презрительно пожал плечами и, обратившись к одному из своих спутников, проговорил, указывая на платеадос.

— Капитан дон Диего, захватите этих мерзавцев. Это — сальтеадоры, бандиты, совершившие массу преступлений. Заочным решением суда они проговорены к смерти. Повесьте их всех на стенных зубцах асиенды, оставьте только двоих! — указал он на дона Мануэля и дона Бальдомеро.

Капитан поднял шляпу, — и солдаты схватили платеадос, которые даже не сопротивлялись.

Дон Порфирио, казалось, на минуту забыл о двух главных преступниках; он скрестил руки на груди и глубоко задумался.

Его товарищи смотрели на него с удивлением и беспокойством, не смея заговорить, хотя это были близкие друзья его: дон Торрибио де Ньеблас, дон Руис Торрильяс, Твердая Рука, Кастори Пепе Ортис — все люди, усердно помогавшие ему в этой беспощадной борьбе.

Дон Мануэль и дон Бальдомеро, казалось, превратились в статуи; только их глаза, вращавшиеся в орбитах, показывали, что они живы.

Настала минута торжественного молчания. На дворе дождь лил, как из ведра; молния сверкала почти безостановочно, сопровождаемая страшными ударами грома; ветер свистел с яростью.

Вдруг со двора асиенды раздался сильный выстрел, заглушивший на секунду шум бури; окна асиенды задрожали.

Дон Порфирио поднял голову и устремил грозный взгляд на вождей платeadос.

— Суд произведен над в торостепенными преступниками, — сказал он глухим голосом, — наш долг исполнен. А этих тварей предоставим судить тому, кто один имеет право на это!

Охотники посторонились и стали около стены кабинета, направо и налево.

Дон Порфирио хлопнул два раза руками. По этому сигналу вдруг раздвинулась стена кабинета, открыв громадную залу, ярко освещенную и наполненную многочисленной толпой, часть которой выступила в кабинет и молча разместилась по сторонам комнаты. Зрелище, представившееся изумленным глазам платeadос, заставило бы их содрогнуться от ужаса, но у них сделался такой упадок сил, что они не могли дать себе отчета в том, что происходило перед ними.

В нескольких шагах от стола кабинета поставили на тумбу серебряную курильницу, в которой горел слабый огонь, испуская сильный аромат своим синеватым пламенем.

Эта драгоценная курильница была та самая, которую Монтесума перед смертью передал своему родственнику Мистли Гуайтимотцину и которая заключала в себя священный огонь.

За тумбой неподвижно стояли пять стариков с длинными седыми бородами, падающими на грудь; немного впереди — два вооруженных воина, оба краснокожие индейцы, держали: один — тотем, или национальное знамя, а другой —

кальюмет, трубку мира, которая никогда не должна была касаться земли.

В глубине залы, облокотившись на свои ружья, выстроились сорок солдат, все храбрые воины.

Левее, около огня, поместились двадцать индейских сашемов; во главе их находился Ястреб.

Наконец, в центре возвышалась на трех ступенях огромная эстрада, вся покрытая дорогими мехами.

На этой эстраде стояло высокое кресло с гербами, на котором восседал человек в костюме мексиканских касиков, неслыханной роскоши.

Ему можно было дать пятьдесят четыре, самое большое — пятьдесят шесть лет. Длинные русые волосы с проседью падали ему на плечи. На открытом лбу виднелись глубокие морщины, глаза были полны жизни, лицо — замечательно правильного очертания, но необыкновенно бледное — носило отпечаток грусти. Горькая улыбка, скользившая по его губам, придавала ему выражение величественности и непреклонной воли.

Твердая Рука, дон Порфирио Сандос и другие отличившиеся воины, окружили у подножия эстрады эту таинственную личность.

Дон Мануэль де Линарес и его сообщник дон Бальдомеро де Карденас остановились у стола, загроможденного бумагами, опустив головы.

Гробовое молчание царило в зале, несмотря на такое многочисленное собрание.

Затем дон Порфирио взошел на эстраду и, нагнувшись к сидящему в кресле, прошептал ему несколько слов; потом занял опять свое прежнее место.

Незнакомец поднял голову.

— Мануэль де Линарес! — сказал он дрожащим голосом.

— Кто спрашивает меня? — отозвался тот, дрожа, как лист.

— Я! Разве ты не узнаешь меня? — спросил незнакомец.

Дон Мануэль машинально приподнял голову.

— Граф де Кортес! — воскликнул он сдавленным от страха голосом. — Боже! Неужели мертвые воскресают?! По его телу вдруг пробежала нервная дрожь, глаза бессмысленно заворочались, руки медленно поднялись потом точно сами собой скрестились, он повалился на колени и пробормотал нечеловеческим голосом:

— Пощадите, ваше высочество! Пощадите!..

— Тебе нет пощады! — строго возразил граф. — Изменников, убийц, воров и бандитов не щадят: каждому воздается по заслугам!

— Сжальтесь! Смилуйтесь! Пощадите! — бормотал негодяй, сам не понимая, чего просил.

— Сжалиться! — возмутился граф. — И ты смеешь произносить это слово! Слушайте же все, братья и друзья мои! Я должен все сказать, чтобы наконец произвести суд.

Граф встал и обведя всех открытым и гордым взглядом, продолжал:

— Я Педро Гусман Мистли Ксолотль, граф де Кортес Монтесума, гранд Испании, касик Сиболы, я — хранитель священного огня; потомок королей Чичимеков, единственный сашем, признанный индейскими народами, я созываю сегодня Большой совет Сиболы. Кто оспаривает это право и противится созыву?

— Никто! — воскликнули все присутствующие в один голос.

— Итак, я обвиняю перед советом этого человека, моего родственника, — продолжал граф, — как убийцу и вора!

— Мы подтверждаем! — сказали дон Порфирио и Твердая Рука, протягивая руки к священному огню.

— Я обвиняю этого второго человек, как его сообщника; был еще один, но тот сам учинил над собой расправу, только что покончив самоубийством.

— Мы подтверждаем! — повторили опять те же свидетели, но на этот раз к ним присоединились дон Торрибио, дон Руис и Пепе Ортис.

— А теперь, — продолжил граф, — слушайте, хранители священного огня! Слушайте, сашемы и воины, в чем я обвиняю дона Мануэля де Линареса, моего родственника!

Этот человек, двадцать лет тому назад вконец разорившийся вследствие разврата и мерзостей своей скандальной жизни, дошел до ужасающей нищеты. Все отворачивались от него с омерзением, он издыхал с голоду. Тогда, пожалев его, я протянул ему руку помощи; я даже сделал больше: принял его в свой дом, поделив с ним все пополам; как с родным братом!

— Это правда, — сказал дон Мануэль разбитым голосом, — я подлец, — неблагодарная скотина, я забыл всякую честь и

признательность... и я раскаиваюсь. Господи, сжался надо мной!.. Пощадите меня!

— Трус! — сказал ему с презрением дон Бальдомеро. — Сумей хоть умереть-то!

— Поручив ему самое драгоценное из моих сокровищ, — продолжал граф, — моих детей, я уехал с асиенды, оставив его полновластным хозяином. И этот человек приготовил для меня западню, в которую я попался: он подослал ко мне убийц!

— Нет, нет, — воскликнул дон Мануэль, — я не искал вашей смерти, а только хотел...

— Уничтожить меня, не так ли?

— Мысль об убийстве исходила не от меня!

— К чему отпираться? — вмешался дон Бальдомеро с беспощадной иронией, — раз уже все выведено на чистую воду, то надо хотя бы умереть с достоинством! Выдержим до конца! Да, я был твоим орудием, дон Мануэль. Ты распоряжался; я исполнял твою волю. Из-за кого я отравил бедную малютку Мерседес? Ведь это ты приказал, змея! А мальчика, которого ты велел задушить и затем бросить в бездну Прииска?! Помнишь, мерзавец, как ты укорял меня, когда я тебе сознался, что пожалел невинного ребенка, улыбавшегося мне так кротко, и не убил его, а продал одному испанскому капитану? Все ужасы и пакости исходили от тебя! А я сам, без твоих дьявольских внушений, разве я сделался бы тем, что из меня вышло? Взгляни в себя, чудовище; сознайся чистосердечно в своих преступлениях, но не моли пощады, которой ты не заслуживаешь! Наранха и я, мы оба негодяи, но все же мы лучше тебя. Мы спасли твою воспитанницу, несчастную Санту, которую ты велел придушить! Наранха взялся укрыть ее от тебя. Да, ты хуже тигра, ты трусливый и злющий шакал! Постыдись самого себя, мерзавец! — И подойдя к нему, дон Бальдомеро плюнул своему сообщнику в лицо.

Эта непредвиденная сцена между двумя сообщниками сильно взволновала всех. Дон Мануэль побагровел от такого невиданного оскорбления; его глаза испускали молнии, он сделал движение вперед, как бы желая наброситься на своего обвинителя, но вдруг зашатался и, упав в кресло, заплакал.

Дон Бальдомеро пожал плечами, смерив негодяя презрительным взглядом, потом отвернулся от него и, отойдя на

несколько шагов, бросил ему напоследок одно слово: «трус», но таким тоном, которого невозможно передать.

— О да! Жалкий и презренный трус! — проговорил граф. — Но пора кончить эту тяжелую сцену! И к чему было после всего продолжать еще проливать невинную кровь? Он обманул своего родственника и благодетеля, подло обокрав его! Само провидение предало его в руки человека, которого он хотел убить, и который судит его теперь! Мануэль, вот двести дней, как я издали слежку за тобой шаг за шагом, как я не выпускаю тебя из виду ни на одну секунду. Ты не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова без меня: я всегда был подле себя. Вспомни Лукаса Мендеса, старого слугу дона Торрибио де Ньебласа, которого ты подкупил с целью выведать секреты его господина, и который притворной преданностью залез в твою душу настолько, что ты, такой осторожный хитрец, такой пройдоха, ты безгранично верил ему и ничего не скрывал от него! Лукас Мендес, бедный жалкий старик, которого ты мог уничтожить одним маневрением, — был я, жаждущий отомстить тебе!

— О, горе! горе мне! — простонал дон Мануэль.

— Да, горе тебе, негодяй! Ты пытался убить меня — а я сужу тебя. Ты хотел задушить моего сына, но он жив и ты знаешь его!

— Он жив?

— Да, он жив, и ты знаешь его! При первой встрече, он спас тебе жизнь! Ты сам чуть не узнал его на другой день после того, как он спас твою жену и воспитанницу от бешеных ягуаров!

— Что я слышу? Возможно ли? — воскликнул дон Торрибио, пораженный в самое сердце этим неожиданным открытием, и, бросаясь, как сумасшедший к эстраде. — Вы! Вы — мой отец?!

Граф, не менее взволнованный, принял его в свои объятия.

— Да, ты мой сын, мое дорогое дитя!

— Отец мой! — повторял молодой человек, рыдая на груди графа.

— Сознайся, негодяй, — начал опять старик, — сознайся, что пути Провидения справедливы и неисповедимы! Господу Богу было угодно, чтобы я, бродя в одном испанском порту, почти умирая с голоду, обратился к незнакомцу с мольбой

дать мне возможность возвратиться в Мексику. Этот незнакомец был мой сын! Ни он, ни я не знали тогда этой тайны, и кто же мне открыл ее? Ты сам.

— Как, я? — прошептал бандит. — Неправда, никогда!

— Никогда, говоришь ты? Разве ты забыл, как мой сын, расставшись с тобой, чуть было не умер с горя, пораженный тем, что ты сообщил ему? Только чудо спасло его; во время долгой болезни, на асиенде дель-Пальмар, дон Порфирио, мой друг и брат, увидел на груди несчастного ребенка знаки, начертанные им самим острием кинжала.

— Я подтверждаю! — сказал дон Порфирио.

— О! — отчаянно зарыдал дон Мануэль. — О! Лучше смерть, чем такая пытка!

Счастье этих двух людей, которых он столько времени преследовал, приводило его в ярость.

— Смерть! — сказал граф. — О, нет! Ты не умрешь, ты должен жить и страдать, не надеясь найти утешение. Напрасно ты будешь призывать смерть — она долго не придет к тебе на помощь. Ты всегда был безжалостен к другим, пожинай же теперь то, что посеял! Ты любил во всем свете только двух существ: свою жену и сына!

— Что ж! — воскликнул он, предчувствуя удар. — Они в безопасности!

— Они убиты бандитами, которым ты поручил отвезти их в Мексику, убиты с целью завладеть их золотом и драгоценностями!

— Ты лжешь! О! Ты лжешь, граф, это неправда! Моя жена, мой сын!

— Оба убиты, повторяю тебе; их трупы, наполовину съеденные дикими зверями, найдены сегодня в саванне.

— А! Ты сам видишь, что лжешь! — закричал несчастный с ужасным смехом. — Разве это возможно? Напрасно стараться напугать меня, нет, нет, они не могли умереть!..

Граф сделал знак. Воины посторонились и пропустили индейцев с носилками, на которых лежали изуродованные трупы женщины и ребенка.

— Посмотри! — сказал граф. — И преклонись перед крестом, которую тебе посылает Бог.

— Ах! — вскрикнул дон Мануэль в неопишемом ужасе. Он стремительно бросился к носилкам, на которые упал в рыданиях. Но тут произошло что-то странное, невообразимое.

мое. Несчастный вдруг выпрямился и поднял голову; его судорожное лицо приняло выражение безумия; изо рта показалась беловатая пена, и губы скривились в отвратительной улыбке. Он прижал к груди труп своего бедного ребенка и легким шагом направился к индейским сашемам, стоящим у возвышения. Раскланявшись с ними со странной развязностью, он сказал им:

— Вот видите, я не солгал! Вот сын графа Кортеса, моего родственника. Он поручил мне его, теперь же я отдаю его вам; он не умер, он спит, не будите его. Я вам покажу также и дочь его, она здесь. Берегите эти дорогие создания от всего дурного. Лишить отца его детей! Это ужасно! Не будите же их, они спят!.. Кто смел обвинить меня в их убийстве?

С трупом, прижатым к груди, он повалился в страшном припадке.

Ум и душа негодая, расслабленные постоянными угрызениями и страхом, не смогли вынести этого последнего удара: он сошел с ума.

Свидетели этой сцены похолодели от ужаса.

— Отец мой, — обратился дон Торрибио с просьбой, — Бог оказался строже вас к этому чудовищу, послав ему такое возмездие. Теперь он возбуждает жалость.

— Бог справедлив! — ответил граф и, подойдя к негодяю, который катался по полу с диким ревом, сказал ему:

— Несмотря на все зло, которое ты сделал мне, Мануэль, несмотря на все, что я выстрадал из-за тебя, я не могу ненавидеть тебя, видя, какая кара тебя постигла. От всего сердца я прощаю тебе, Мануэль, мою убитую дочь, мою разбитую жизнь, мое потерянное счастье и молю Господа Бога сжалиться на тобой.

— О! Отец! — воскликнул дон Торрибио, бросаясь к нему в объятия. — Теперь мы вместе и будем счастливы!

Граф крепко прижал своего сына к груди и, подняв к небу глаза, полные слез, воскликнул в радостной надежде:

— О Боже! Неужели для меня счастье еще возможно?

К утру гроза успокоилась. Из-за горизонта выглянуло солнце среди пурпурных и золотистых облаков и осветило своими лучами группу отца и сына.

Месяц спустя в соборе Уреса происходило два бракосочетания: свадьба дона Торрибио де Кортеса с доньей Сантой

дель Портильо и дона Руиса Торрильяса де Торре Асула с доньей Хесус Сандос.

Многочисленные друзья из всех классов общества Соноры составляли свиту новобрачных.

Город веселился целую неделю. Пепе Ортис, прельщенный шаловливым характером прелестной Лольи Неры, просил ее руки, на что она с радостью согласилась.

Дон Мануэль, перевезенный в дом умалишенных, умер через несколько месяцев, не придя в сознание; в последнее время его помешательство перешло в буйное сумасшествие.

По усиленной просьбе своего отца, которому он ни чем не мог отказать, граф Кортес помиловал дону Бальдомеро де Карденаса и даже снабдил его деньгами на путешествие в Соединенные Штаты.

Но этот завзятый мошенник недолго наслаждался жизнью после великодушного прощения графа: по возвращении в Мексику он был убит в ссоре из-за карточной игры, когда выходил поздней ночью из кабака, пользовавшегося дурной репутацией.

Дону Порфирию удалось окончательно уничтожить пла-теадос; но их вскоре заменили новые шайки, еще лучше организованные, а потому более опасные.

Мексика разделяет с Италией своеобразную привилегию: ни та, ни другая не могут обойтись без бандитов. Хотя в Италии они начинают понемногу исчезать, но зато в Мексике процветают более, чем когда-либо.

Говорят, что это зависит от исключительного ее устройства.

Верно это или нет — предоставляем решить столь важный вопрос более сведущим людям.

Содержание

СЛЕДОПЫТ

<i>ГЛАВА I</i> В которой автор доказывает, что случай — это проявление промысла Божьего.....	7
<i>ГЛАВА II</i> В которой читатель ближе знакомится с доном Торрибио.....	25
<i>ГЛАВА III</i> Как и почему дон Торрибио покинул свою родину	43
<i>ГЛАВА IV</i> Какова была благодарность дона Мануэля.....	62
<i>ГЛАВА V</i> В которой говорится о миссии дона Торрибио	75
<i>ГЛАВА VI</i> Каким образом встретились донья Санта и дон Торрибио.....	93
<i>ГЛАВА VII</i> Почему дон Порфирио гулял по саду, и что случилось во время его прогулки	106
<i>ГЛАВА VIII</i> В которой Твердая Рука рассказывает индейскую легенду.....	120
<i>ГЛАВА IX</i> Как дон Порфирио стал говорить в свою очередь и что он рассказал.....	139
<i>ГЛАВА X</i> В которой дон Порфирио открывает наконец имя знаменитого главы платадос	158
<i>ГЛАВА XI</i> Появление новых личностей и знакомство с ними	173
<i>ГЛАВА XII</i> Два приятеля под тихой луной	191
<i>ГЛАВА XIII</i> В которой наконец проникают на асиенду дель-Энганьо	205

ПЕРСТ БОЖИЙ

<i>ГЛАВА I</i> Как дон Бальтасар Турпид понимал дела.....	219
<i>ГЛАВА II</i> В которой искатели следов принимают за дело	230
<i>ГЛАВА III</i> В которой дон Торрибио и Пепе Ортис продолжают свои поиски.....	246
<i>ГЛАВА IV</i> Отчего дон Порфирио остановился на главной площади пресидио Тубака	261
<i>ГЛАВА V</i> Каким образом охотники перешли Марфильское ущелье.....	275
<i>ГЛАВА VI</i> Один из тысячи способов неожиданно встретиться в пустыне	286
<i>ГЛАВА VII</i> Нашла коса на камень.....	300
<i>ГЛАВА VIII</i> В которой дон Порфирио вынужден возвратиться в Тубак.....	313
<i>ГЛАВА IX</i> Масса дурных известий	323
<i>ГЛАВА X</i> Вечерний разговор между двумя девушками.....	333
<i>ГЛАВА XI</i> Каким образом дон Торрибио добился свидания с доном Мануэлем и последствия этого свидания	340
<i>ГЛАВА XII</i> В которой Лукас Мендес является в новом свете	350
<i>ГЛАВА XIII</i> В которой дон Порфирио Сандос мстит за себя с мечом в руках	358
<i>ГЛАВА XIV</i> В которой следопыт выручает влюбленного	368
<i>ГЛАВА XV</i> В которой обнаруживается перст Божий	380

Г.Эмар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том 10

Редактор *О. Монахова*

Художественные редакторы *И. Сайко, С. Шалимов.*

Технический редактор *Е. Серегина*

Корректор *В. Лизунова*

ЛР № 030129 от 02.10.91.
Подписано к печати 24.05.93.
Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага офсетная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0.
Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 21,2.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 487.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва,
Автозаводская ул., 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета в АООТ
«Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Эмар Гюстав

Э 54 Собрание сочинений. В 25-ти т. Т. 10. Следопыт; Перст Божий: Романы/ Пер.с франц. — М.: ТЕРРА, 1993. — 400 с.

ISBN 5-85255-350-6 (т. 10)

ISBN 5-85255-092-2

В десятый том Собрания сочинений известного французского писателя Гюстава Эмара (1818—1883) вошли романы «Следопыт» и «Перст Божий», в которых автор вновь обращается к своей излюбленной теме — Мексика первой половины XIX века.

Э 4703010100-110
А30(03)-93 Подписное

ББК 84.4 Фр

